

Родная ДАДОГА

№ 4 (58)' 2021

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУНДЕЕВ Владимир Васильевич — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дагдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — член Союза художников России.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

На рубеже цивилизаций

Сергей Лавров. «О праве, правах и правилах»	5
---	---

История и современность

Наталья Нарочницкая. Крым в исторической судьбе России.....	14
Владимир Мясников. Несколько замечаний к изучению китайского труда «Шофанбэйчэн».....	117

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Алексей Дзермант. Балтийская Русь — новое месторазвитие русской цивилизации.....	28
Сергей Глазьев. О мировом кризисе	32
Александр Дугин. Экзистенциальная теория общества.....	99
Дмитрий Володихин. Командармы московского царства	130
Александр Шарипов. Смысл культуры по творчеству Ивана Ильина	158

ПРОЗА

Сергей Шаргунов. Русские на руинах. <i>Рассказы</i>	48
Татьяна Грибанова. Серафима. <i>Рассказ</i>	245

ПОЭЗИЯ

Валентина Коростелёва.....	55
Олег Селедцов	57
Алексей Гушан.....	109
Вита Пшеничная.....	114
Галина Щербова.....	169
Вадим Терёхин.....	172
Ольга Воробьёва	211
Елена Осминкина	215
Антон Беляев	218

История и современность

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Богословие бытия и вызовы природе человека от Потопа до настоящего времени...61	
---	--

Духовные беседы

Митрополит Псковский и Порховский ТИХОН (Шевкунов). О правде Божией, общественном мнении и о том, как Господь идет нам навстречу	121
---	-----

ДЕБЮТ

Илья Ермолаев. Певчий. <i>Рассказы</i>	125
--	-----

Родная РечЬ

Юрий Лощиц. Взыскание правды 137

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ветловская. Достоевский и поэтический мир древней Руси.
Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» 145

Русские СУДЬБЫ

Анатолий Грешневиков. Кому противостоял Борис Штоколов 175
Виктор Линник. Валерий Ганичев. Отечестволюбец, просветитель, делатель 185

Связь ВРЕМЕН

Татьяна Титова. «Я должна быть одна». К 85-летию поэта Ирэны Сергеевой... 198

НАСЛЕДИЕ

Михаил Зарубин. Морская форма. Рассказ 201

ИСКУССТВО

Валентина Ефимовская. Житие св. князя Александра Невского
в бронзе. О проектах новых памятников св. Александру Невскому
скульптора Василия Москвитина 221
Марина Петрова. Василий Григорьевич Перов. Портрет Ф. М. Достоевского 228
Лев Миловидов. Единственный художник из династии Лопухиных 232

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита Шевцов. Елена Наумова. Трудные дороги к храмам 238

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТабlighиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:
https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret
<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>
<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сергей ЛАВРОВ

«О ПРАВЕ, ПРАВАХ И ПРАВИЛАХ»

Сергей Викторович Лавров — Министр иностранных дел РФ. Родился в 1950 г. Окончил МГИМО МИД СССР. Владеет несколькими ин. языками. Начал свою деятельность в 1972 г. в Посольстве СССР в Шри-Ланке, работал в Постоянном представительстве СССР при ООН, позже директором Департамента международных организаций и глобальных проблем МИД России, был зам. Министра иностранных дел РФ, Постоянным представителем РФ при ООН. Отмечен государственными наградами. **Живет в Москве.**

Откровенный и в целом конструктивный разговор на саммите президентов В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве 16 июня 2021 г. завершился договоренностью начать предметный диалог о стратегической стабильности — при важнейшей констатации недопустимости ядерной войны, а также достижением пониманий о целесообразности консультаций по вопросам кибербезопасности, деятельности дипмиссий, судьбе отбывающих наказание граждан России и США и по ряду региональных конфликтов.

При этом российский лидер четко обозначил, в том числе публично, что результат на всех направлениях возможен исключительно через нахождение обоюдоприемлемого баланса интересов строго на паритетных началах. На переговорах возражений не прозвучало. Однако практически сразу по их завершении официальные американские лица, включая участников женевской встречи, стали напористо обозначать прежние установки: мол, мы Москве «указали, четко предупредили, обозначили требования». Причем все эти «предупреждения» стали сопровождаться угрозами: если Москва «в течение нескольких месяцев» не примет изложенные ей в Женеве «правила игры», то будет подвержена новому давлению.

Конечно, предстоит посмотреть, как на деле пойдут упомянутые консультации по конкретизации подходов к достигнутому в Женеве пониманию. Как отметил В. В. Путин на заключительной пресс-конференции:

Статья опубликована на сайте www.mid.ru.

Редакция журнала «Родная Ладога» благодарит за содействие в публикации Департамент информации и печати МИД РФ.

С. В. Лавров. Фото Эдуарда Песова.

«есть, над чем работать». И все же мгновенно озвученная по итогам переговоров прежняя заскорузлая позиция Вашингтона весьма показательна, тем более, что европейские столицы, уловив настроения «большого брата», сразу стали ей активно и с удовольствием подпевать. Суть высказываний: готовы нормализовать отношения с Москвой, но сначала она должна изменить свое поведение.

Ощущение таково, что хор в поддержку солиста готовился заранее и именно этой подготовке была посвящена состоявшаяся непосредственно перед российско-американскими переговорами серия западных мероприятий на высшем уровне: саммиты «Группы семи» в британском Корнуолле и Североатлантического Альянса в Брюсселе, а также встреча Дж. Байдена с председателем Евросовета Ш. Мишелем и председателем Еврокомиссии У. фон дер Ляйен.

Эти заседания тщательно готовились таким образом, что не остается каких-либо сомнений: Запад хотел, чтобы всем было ясно: он как никогда един и будет делать в международных делах только то, что считает правильным, а других — прежде всего Россию и Китай — заставлять следовать заданному им курсу. В документах Корнуолла и Брюсселя закреплено продвижение концепции «миропорядка, основанного на правилах» в противовес универсальным принципам международного права, закрепленным, прежде всего, в Уставе ООН.

От расшифровки своих «правил» Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат четкие обязательства государств и транспарентные механизмы проверки их исполнения. «Прелесть» западных «правил» — именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот мгновенно голословно заявляет о «нарушении правил» (предъявлять факты не станет) и объявляет о своем «праве «наказывать» нарушителя». То есть чем меньше конкретики, тем больше развязаны руки для произвола — в интересах сдерживания конкурентов нечистоплотными методами. В России «лихих» 1990-х это называлось «действовать по понятиям».

Серия саммитов «семерки», НАТО и США—ЕС озаменовала, по оценкам самих их участников, возвращение США в Европу и восстановление консолидации Старого Света под крылом новой администрации в Вашингтоне. Большинство членов НАТО и Евросоюза такой разворот не просто был воспринят с облегчением, но и сопровождался восторженными комментариями. Идейной основой воссоединения «западной семьи» стало декларирование либеральных ценностей в качестве «путеводной звезды» развития человечества. Вашингтон и Брюссель без ложной скромности назвали себя «якорем демократии, мира и безопасности» в противовес «авторитаризму в любых его формах», заявив, в частности, о намерении усилить использование санкций в интересах «поддержки демократии по всему миру». Взят прицел на реализацию в этих целях американской идеи созыва «саммита за демократию». Не скрывается, что участников такого саммита Запад подберет сам и сам определит стоящие перед ними задачи, с которыми мало кто из специально отобранных приглашенных захочет спорить. Упоминается, что страны-доноры демократии возьмут на себя «повышенные обязатель-

ства» по повсеместному установлению «демократических стандартов» и работают свои механизмы контроля за этими процессами.

Необходимо также обратить внимание на одобренную «на полях» саммита «семерки» 10 июня 2021 г. Дж. Байденом и Б. Джонсоном новую англо-американскую Атлантическую хартию, которая была презентована в качестве актуализированной версии подписанного Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в 1941 г. документа с аналогичным названием, сыгравшим тогда важную роль в поиске контуров послевоенного мироустройства.

Однако ни Вашингтон, ни Лондон и словом не обмолвились о ключевом историческом факте: к «первоначальной» хартии 80 лет назад присоединились СССР и ряд европейских правительств в изгнании, благодаря чему впоследствии она стала одной из программных основ антигитлеровской коалиции и считается одним из правовых «прообразов» Устава ООН.

Новая же Атлантическая хартия тоже задумана как своего рода «отправной пункт» для строительства мирового порядка, но исключительно по западным «правилам». Ее редакция идеологически заряжена на углубление водораздела между «либеральными демократиями» и всеми остальными государствами, призвана легитимизировать «порядок, основанный на правилах». Новая хартия не содержит упоминаний ООН или ОБСЕ, жестко фиксируя приверженность коллективного Запада обязательствам в рамках НАТО в качестве по сути «единственно легитимного центра принятия решений» (именно так еще в 2014 г. бывший Генсек НАТО А. Фог Расмуссен охарактеризовал значение Североатлантического Альянса). Ясно, что эта философия закладывается и в основу подготовки упомянутого «саммита за демократию».

В качестве главного препятствия на пути реализации объявленного на июньских саммитах курса обозначены Россия и Китай как носители авторитаризма. Обобщенно выдвигаются две группы претензий — условно внешних и внутренних. Из внешних — Пекину вменяется слишком напористое продвижение своих экономических интересов (проект «Один пояс — один путь»), наращивание военной и в целом технологической мощи для повышения своего влияния. Россию обвиняют в «агрессивной политике» в ряде регионов, фактически выдавая за таковую линию Москвы на противодействие ультрарадикальным и неонацистским тенденциям в политике соседних стран, которые подавляют права русских, как и других национальных меньшинств, выкорчевывают русский язык, образование, культуру. Не нравится и то, что Москва вступает за страны, которые стали жертвой западных авантур и подверглись нападению международного терроризма с угрозой утраты государственности, как это происходило в Сирии.

И все же главный пафос анонсированных подходов Запада сконцентрирован на внутреннем устройстве «недемократических» стран и на решимости менять их по своим лекалам, добиваясь таких перемен в организации жизни общества, которые соответствовали бы продвигаемому Вашингтоном и Брюсселем видению демократии. Отсюда — требования к Москве и Пекину (да и всем остальным) следовать западным рецептам по вопросам прав человека, гражданского общества, оппозиции, средств массовой информации, функционирования государственных структур, взаимодействия между ветвями власти. Провозглашая свое «право» вмешиваться во внутренние дела других стран в интересах насаждения демократии в его понимании,

Запад немедленно теряет интерес к разговору, как только мы предлагаем обсудить задачи демократизации международных отношений, включая отказ от высокомерия и готовность работать на основе общепризнанных принципов международного права, а не «правил». Нарастивая санкции и прочие меры незаконного давления на суверенные правительства, Запад насаждает тоталитаризм в мировых делах, занимает имперскую, неокOLONиальную позицию по отношению к другим странам: у себя дома внедряйте нужную мне модель демократии, а во внешних делах о демократии не беспокойтесь, мы все решаем сами, ведите себя смиренно, а то накажем.

Тупиковость такого бескомпромиссного курса понимают здравомыслящие политики в Европе и Америке. Они — пока непублично — начинают рассуждать прагматично, признавая, что в мире существует не одна цивилизация, что у России, Китая и других крупных держав есть своя тысячелетняя история, свои традиции, свои ценности, свой образ жизни. Бесперспективно ставить во главу угла вопрос о том, чьи ценности лучше или хуже, надо просто признать наличие других — по сравнению с западными — форм организации общества, принять как данность, уважать их. Проблемы с теми же правами человека есть везде, но пора отказаться от позиции собственного превосходства: мол, мы на Западе сами с ними разберемся, потому что мы — демократии, а вы еще не доросли, вам надо помогать, чем мы и будем заниматься.

На фоне глубинных перемен на международной арене, которые затрагивают всех без изъятия и последствия которых пока никто не возьмется предвосхищать, возникает вопрос: какая форма государственного устройства наиболее эффективна не для мессианства, а для купирования и устранения тех угроз, которые не знают границ и затрагивают всех людей, где бы они ни жили. В политологический оборот постепенно вводится тема сравнения инструментария, которым располагают «либеральные демократии» и «автократические режимы» (характерно, что пока робко, но пробрасывается термин «автократические демократии»).

Это — полезные размышления, которые конечно же должны учитываться и находящимися у власти серьезными политиками. Думать, анализировать происходящее никогда не вредно. Формирование многополярного мира — это реальность. Попытки ее игнорировать, самоутверждаясь в качестве «единственно легитимного центра принятия решений», не приблизят урегулирования не выдуманных, а настоящих проблем, для преодоления которых требуется взаимоуважительный диалог с участием ведущих стран и с учетом интересов всех остальных членов мирового сообщества. Это предполагает безусловную опору на общепризнанные нормы и принципы международного права: уважение суверенного равенства государств, невмешательство в их внутренние дела, мирное урегулирование споров, признание права народов самим определять свою судьбу.

Коллективный исторический Запад, доминировавший в течение пятисот лет над всеми, не может не осознавать, что та эпоха невосвратимо уходит, однако хотел бы удержать ускользающие позиции, искусственно затормозить объективный процесс формирования полицентричного мира. Отсюда и попытка идеологически обосновать новое прочтение многосторонности — как это проявляется во франко-германской инициативе продвижения «эффективного мультилатерализма», который, как подчеркивается, воплощен

не в универсальной многосторонности ООН, а в идеалах и действиях Евросоюза и должен служить образцом для всех остальных.

Внедряя свою концепцию «миропорядка, основанного на правилах», Запад преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают. Сколачиваются узкогрупповые «платформы» и «призывы», чтобы в своем кругу согласовывать рецепты для последующего навязывания всем остальным. Среди примеров — «призыв к безопасности в киберпространстве», «призыв к уважению международного гуманитарного права», «партнерство в поддержку свободы информации». В каждом из этих форматов — по несколько десятков стран, меньшинство международного сообщества. Причем по всем обозначенным темам существуют универсальные переговорные площадки в системе ООН, но там, естественно, высказываются альтернативные точки зрения, и их надо учитывать, искать консенсус, а Западу важно утверждать свои «правила».

Одновременно под каждый такой «формат единомышленников» Евросоюз создает свой собственный механизм горизонтальных санкций — тоже, естественно, без всякой оглядки на Устав ООН. Схема такая: участники «призывов» и «партнерств» решают в своем тесном кругу, кто нарушает их требования в той или иной области, а Евросоюз уже накладывает на провинившихся санкции. Удобно: сам обвиняешь, сам наказываешь и в Совбез ООН ходить не надо. И объяснение придумано: у нас ведь «альянс самых эффективных мультилатералистов», вот мы и учим других осваивать передовой опыт. А насчет того, что это не демократично и противоречит принципам подлинной многосторонности, президент Франции Э. Макрон все объяснил, выступая 11 мая 2021 г.: мультилатерализм не означает необходимости добиваться единогласия и позиция «отстающих» не должна становиться препятствием для «амбициозного авангарда» мирового сообщества.

Следует подчеркнуть: в правилах как таковых ничего зазорного нет. Напротив: Устав ООН — это именно свод правил, но правил, одобренных всеми странами мира, а не в рамках «междусобойчиков».

Кстати, интересная деталь: в русском языке «право» и «правило» — однокоренные слова. Для нас настоящее, справедливое правило неотделимо от права. В западных языках иначе. В английском, например, право — «law», а правило — «rule». Чувствуете разницу? «Rule» — это больше не про право (в смысле общепризнанных законов), а про то, какие решения принимает тот, кто правит, управляет. Также отметим, что однокоренное слово с «rule» — «ruler», одно из значений которого — линейка. Получается, что своей концепцией «правил» Запад хотел бы всех выстроить по своей линейке, в свою шеренгу.

Размышляя о лингвистических и мировоззренческих традициях и чувствах разных народов, уместно вспомнить, как Запад оправдывает безоглядное расширение НАТО на Восток к российским границам. Когда мы напоминаем о дававшихся Советскому Союзу заверениях, что этого не произойдет, нам отвечают: ну, ведь это были просто устные обещания, документов никто не подписывал. Не приживется на Западе древний российский обычай, когда ударили по рукам — без всяких документов — и свято держат свое слово.

В ряду усилий по замене международного права западными «правилами» — опаснейшая линия на пересмотр истории и итогов Второй мировой

войны, решений Нюрнбергского трибунала — фундамента современного мироустройства. Запад отказывается поддерживать в ООН российскую резолюцию о недопустимости героизации нацизма, отвергает наши предложения осудить снос памятников освободителям Европы. Забвению хотят предать и судьбоносные события послевоенного периода — такие, как принятая в 1960 г. в ООН Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, инициатором которой была наша страна. Память об этом бывшие колониальные державы хотят вытравить, подменив ее наспех изобретенными церемониями — типа преклонения колен перед спортивными состязаниями — в стремлении отвлечь внимание от своей исторической ответственности за преступления колониализма.

«Порядок, основанный на правилах» — воплощение двойных стандартов. Когда выгодно — абсолютным «правилом» признается право народов на самоопределение. В этом ряду — Мальвины за 12 тыс. км от Великобритании, сохраняющиеся у Парижа и Лондона вопреки многим решениям ООН и Международного суда отдаленные бывшие колониальные владения, которые никто не собирается освобождать, а также «независимое» Косово — в нарушение резолюции СБ ООН. Когда же принцип самоопределения противоречит геополитическим интересам Запада — как в случае свободного волеизъявления жителей Крыма в пользу единой судьбы с Россией — про него забывают и гневно осуждают свободный выбор людей, наказывают их санкциями.

Концепция «правил» проявляется и в покушении не только на международное право, но и на саму природу человека. В школах ряда западных стран детей в рамках учебных программ убеждают, что Иисус Христос был бисексуалом. Попытки вменяемых политиков оградить детей от агрессивной пропаганды ЛГБТ наталкиваются на воинственные протесты в «просвещенной Европе». Идет атака на основы всех мировых религий, на генетический код ключевых цивилизаций планеты. США возглавили откровенное государственное вмешательство в дела церкви, в открытую добиваясь раскола мирового православия, в ценностях которого усматривается мощное духовное препятствие на пути либеральной концепции безграничной вседозволенности.

Поражает настойчивость, даже упрямство, с которым Запад внедряет свои «правила». Понятно, что есть внутривнутриполитические соображения, надо показывать избирателям «крутизну» во внешней политике по отношению к «авторитарным противникам» в преддверии очередных электоральных циклов (в США они каждые два года, так что только успевай).

Но все же — «свобода, равенство, братство» — тоже ведь из западной фразеологии. Не знаю, правда, насколько политкорректно (в «гендерном контексте») употреблять сейчас в Европе термин «братство», но на «равенство» пока никто не покушался. И проповедуя равенство и демократию внутри государств, требуя от других следовать своему примеру, Запад, как упоминалось выше, категорически не хочет обсуждать задачи обеспечения равенства и демократии в международных делах.

Такой подход откровенно чужд идеалам свободы. За ощущением собственного превосходства в нем просматриваются слабость, боязнь выйти на открытый разговор не с теми, кто только поддакивает и держит шеренгу, но и с оппонентами, носителями других убеждений и ценностей — не уль-

тралиберальных, не неоконских, а впитанных с молоком матери, унаследованных от многих поколений предков, переданных ими традиций и веры.

Принять состязательность идей о развитии мира намного сложнее, чем сочинять рецепты для всего человечества в узком кругу (где нет принципиальных споров, а стало быть — едва ли там родится истина). Но достижение согласия на универсальных площадках делает договоренности неизмеримо надежнее, устойчивее и объективно проверяемыми.

Осознание этого непреложного факта с трудом пробивает себе дорогу в западных элитах, обуреваемых комплексом исключительности. Как уже отмечалось, сразу после переговоров В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве лидеры ЕС и НАТО поспешили сделать заявления о том, что в их подходах к России ничего не изменилось. Более того, они, мол, готовы к дальнейшему ухудшению отношений с Москвой.

При этом политику Евросоюза все чаще определяет агрессивное русофобское меньшинство, что полностью подтвердилось на саммите ЕС в Брюсселе 24–25 июня 2021 г., где обсуждались перспективы отношений с Россией. Инициатива А. Меркель и Э. Макрона о проведении встречи с В. В. Путиным, не успев родиться, была похоронена. Обозреватели подметили, что США — самым фактом российско-американского саммита в Женеве — как бы дали зеленый свет этой инициативе, но прибалты с поляками пресекли «самодеятельность» Берлина и Парижа (а послов Германии и Франции в Киеве вызвали в МИД Украины объясниться по поводу этой «самодеятельности»). Итогом же дискуссий в Брюсселе стало поручение Еврокомиссии и Европейской внешнеполитической службе разработать новые санкции против Москвы — пока без указания на какие-то «грехи», просто чтоб было про запас. При желании придумают что-нибудь.

Ни НАТО, ни ЕС не намерены менять свою политику на подчинение других регионов мира и провозглашают самоприсвоенную глобальную мессианскую миссию. Североатлантический Альянс активно подключается к реализации американской стратегии «индо-тихоокеанского региона» (с открытой целью сдерживания Китая), которая подрывает центральную роль АСЕАН в выстраивавшейся десятилетиями открытой архитектуре азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Евросоюз, в свою очередь, разрабатывает программы «освоения» соседних (и не очень) геополитических пространств, особо не консультируясь относительно их содержания с приглашенными странами. Именно такой характер носит «Восточное партнерство» и недавно одобренная программа Брюсселя в отношении Центральной Азии. Подобные подходы в корне расходятся с тем, как ведут дела интеграционные объединения с участием России — СНГ, ОДКБ, Евразэс, ШОС, которые развивают отношения с внешними партнерами исключительно на паритетной взаимосогласованной основе.

Высокомерное отношение к другим членам мирового сообщества оставляет Запад на «неправильной стороне истории».

Серьезные, уважающие себя страны никогда не позволят разговаривать с собой на основе ультиматумов и будут добиваться только равноправного диалога для рассмотрения любых вопросов.

Что касается России, то давно пора понять: под надеждами на игру с нами в одни ворота окончательно подведена черта. Все заклинания западных столиц о готовности нормализовать отношения с Москвой, если она

покается и изменит свое поведение, утратили какой-либо смысл, и то, что многие продолжают по инерции выдвигать нам односторонние требования, не делает чести их способности адекватно оценивать происходящее.

Курс на самостоятельное, независимое развитие, защиту национальных интересов — но при готовности договариваться с внешними партнерами на равноправных началах — уже давно составляет базис всех доктринальных документов Российской Федерации в сферах внешней политики, национальной безопасности и обороны. Однако, судя по практическим действиям Запада за последние годы (включая истеричную реакцию на защиту Москвой прав русских после поддержанного США, НАТО и ЕС кровавого государственного переворота на Украине в 2014 г.), там, видимо, думали, что все это не очень серьезно: дескать, провозгласила Россия свои принципы — и ладно. Надо еще поддавить, поднажать на интересы элит, нарастить персональные, финансовые и прочие секторальные санкции — и Москва образумится, поймет, что без «изменения поведения» (т. е. без послушания Западу) будет испытывать все более глубокие трудности в своем развитии. И даже когда мы четко сказали, что воспринимаем эту линию США и Европы как новую данность и поэтому будем выстраивать работу в экономике и других сферах, исходя из недопустимости зависеть от ненадежных партнеров, там все равно продолжали считать, что Москва в конечном счете «одумается» и ради материальных выгод пойдет на требуемые от нее уступки. Подчеркну еще раз то, о чем неоднократно говорил Президент В. В. Путин: односторонних уступок конца 1990-х с тех пор не было и никогда не будет. Хотите сотрудничать, вернуть свою упущенную выгоду и деловую репутацию — садитесь договариваться о шагах навстречу друг другу в поиске справедливых решений и компромиссов.

Западу принципиально важно понять, что такое мировоззрение прочно укоренилось в сознании российского народа, отражает взгляды подавляющего большинства граждан России. Те из «непримиримых» оппонентов российской власти, на кого делает ставку Запад и кто видит все проблемы России в «антизападничестве», требуя пойти на односторонние уступки ради снятия санкций и получения неких гипотетических материальных благ, представляют собой абсолютно маргинальный сегмент нашего общества. На пресс-конференции в Женеве 16 июня 2021 г. В. В. Путин доходчиво разъяснил, какие цели преследует поддержка Западом таких маргинальных кругов.

Они идут против исторической преемственности народа, который всегда, особенно в непростые времена, славился зрелостью, чувством самоуважения, собственного достоинства и национальной гордости, способностью мыслить самостоятельно — при открытости остальному миру на равноправных взаимовыгодных началах. Именно эти качества россиян после разброда и шатаний 1990-х стали фундаментом внешнеполитической концепции России в XXI веке. Они умеют сами, без подсказок из-за границы оценивать действия своего руководства.

Что до перспектив дальнейшего ведения дел на международной арене, то, безусловно, лидеры всегда были и будут, но они должны подтверждать свой авторитет, предлагать идеи, вести за собой — но силой убеждения, а не ультиматумами. Естественной площадкой для выработки общеприемлемых договоренностей является, в частности, «Группа двадцати», объединя-

ющая старые и новые ведущие экономики, включая как «семерку», так и БРИКС и его единомышленников. Мощный консолидирующий потенциал заключен в российской инициативе формирования Большого евразийского партнерства через сопряжение усилий всех стран и организаций континента. Для честного разговора по ключевым проблемам глобальной стабильности Президент В. В. Путин предложил созвать саммит лидеров «пятерки» постоянных членов СБ ООН, несущих особую ответственность за поддержание международного мира и стабильности на планете.

В ряду задач по демократизации международных отношений и утверждению реалий полицентричного миропорядка — реформа Совета Безопасности ООН, который необходимо укрепить за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, прекратив аномальную перепредставленность коллективного Запада в этом главном органе Объединенных Наций.

Вне зависимости от чьих-либо амбиций и угроз наша страна будет и далее проводить суверенный, независимый внешнеполитический курс и одновременно — всегда предлагать объединительную повестку дня в международных делах на основе реалий культурно-цивилизационного многообразия современного мира. Конфронтация, чем бы она ни мотивировалась, — не наш выбор. В. В. Путин в статье «Быть открытым, несмотря на прошлое» от 22 июня 2021 г. подчеркнул: «Мы просто не можем позволить себе тащить груз прошлых недоразумений, обид, конфликтов и ошибок» и призвал обеспечить безопасность без разделительных линий, единое пространство равноправного сотрудничества и всеобщего развития. Данный подход предопределен тысячелетней историей России и в полной мере отвечает задачам текущего момента в ее развитии. Продолжим содействовать созданию такой культуры межгосударственного общения, которая основывалась бы на высших ценностях справедливости и позволила и большим, и малым странам развиваться мирно и свободно. Всегда остаемся открытыми для честного диалога со всеми, кто проявляет встречную готовность к поиску баланса интересов — на прочной, незыблемой основе международного права. Такие у нас правила.

История и современность

**Наталья
НАРОЧНИЦКАЯ**

КРЫМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ¹

¹ Статья Н. А. Нарочницкой из книги «Крым: Память. Право. Воля. 1954–2014. 2014–2019». Составитель Бондарева Е. А. М.: Вече. 2019. Публикуется по согласованию с автором статьи.

Возвращения Крыма в состав России побуждает к трезвой оценке значения этого поистине эпохального национально-государственного акта, показавшего силу и дух русского народа и мощь национально-государственной воли руководства страны. Что же такое Крым — этот небольшой полуостров почти на стыке Европы и Азии?

Почему вопрос о нем должен рассматриваться как предмет жизненно важных интересов России? Каково геополитическое значение Крыма? Что делало его предметом и местом исторических столкновений? Почему значение Крыма во всей полноте понимали русские люди, от простого матроса до адмирала, проявившие беспримерную доблесть и самоотверженность в двух великих оборонах Севастополя и навеки сделавшие его городом русской славы и опорной вехой в русском национальном и историческом сознании?

Почему утрата Крыма и Севастополя в момент развала СССР была воспринята российским обществом как трагедия и несправедливость, но с таким удовлетворением была встречена «извечными» соперниками исторической России? Почему Украина после Беловежского «сговора» стала спешно разрушать все договоренности о Черноморском флоте? Почему после антигосударственного переворота на Украине в 2014 г. русскому населению Крыма грозило полное подавление его идентичности, а России — утрата ее многовековой военно-морской твердыни, что означало бы критическую смену всего баланса сил в Черном море и катастрофу для русской истории?

Почему возвращение Крыма в «родную гавань» вызвало такое воодушевление в России, выявив невиданный потенциал национального единения? Почему утрата Крыма

киевским режимом вызывает такую истерику у украинских русофобов, готовых скорее смириться с отпадением востока Украины, чем с потерей этой геополитической позиции?

Наконец, почему США и НАТО, элита, доминирующая на авансцене европейской политики, не могут смириться с восстановлением Россией статуса великой державы? И это стало очевидным именно после возвращения Крыма и Севастополя — военно-морской твердыни, закрепившей трехсотлетнюю работу России на Юге. Почему главное внимание противников России, готовых, как в годы Революции и Второй мировой войны, перетянуть в свои орбиты территории и регионы многовекового влияния России, приковано, прежде всего, к морским рубежам России — Балтике и Черному морю?

Чтобы оценить то, что грозило бы России, если бы не демонстрация национально-государственной воли в 1914 г., надо бросить панорамный взгляд на роль региона и формирование мировых геополитических устремлений держав за несколько веков, даже тысячелетий. Именно такой анализ исторически преемственных констант объясняет происходившие в последние четверть века бурные явления в мировой политике, когда на глазах развернулся очередной масштабный передел мира. И опять, как и 200–300 лет назад, главные сценарии развиваются в регионе Черного и Средиземного морей.

Нелишне привести малоизвестные, но чрезвычайно меткие суждения о константах мировой политики с древнейших времен, сделанные еще более века назад русской школой политической географии, свободной от этноландшафтного мистицизма, детерминизма и социал-дарвинизма немецкой геополитики с ее завоевательным пафосом. Русские аналитики, опираясь исключительно на эмпирический и исторический материал, не прибегали к искусственным построениям, но философски обобщали мировые процессы, отмечая, но и не абсолютизируя межцивилизационное соперничество —

Наталья Алексеевна Нарочницкая — известный ученый, общественно-политический деятель, родилась в Москве в академической семье. Отец — академик, один из крупнейших специалистов по истории международных отношений XVIII–XIX вв. Мать — историк, партизанка ВО войны. Н.А.Н. с отличием окончила МГИМО. Владеет четырьмя иностранными языками, работала в Секретариате ООН. Была депутатом IV ГД РФ. С 2007 г. по настоящее время является президентом некоммерческой организации «Фонд изучения исторической перспективы». С 2008 г. — руководитель европейского Института демократии и сотрудничества (Париж). Член Президиума Межсоборного присутствия РПЦ. Входит в попечительский совет фонда «Русский Мир» и др. Имеет высшие государственные награды: орден Почета, орден Александра Невского и др. Удостоена Почетной грамоты Президента РФ за активное участие по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Имеет Орден Трудовой славы Приднестровской Молдавской респ., премию общественного признания достижений женщин России «Олимпия». Имеет орден Св. Великомученицы Варвары УПЦ МП, ордена РПЦ св. равноап. княгини Ольги, Преподобной Евфросинии. Имеет международные награды и премии. С 2017 г. — член Общественной палаты РФ.

Автор фундаментальных трудов по истории, философии, международным отношениям, по внешней политике России, проблемам становления национально-государственного сознания. Ее книга «Россия и русские в мировой истории» переведена и издана в Сербии, книга «Великие войны XX столетия» в разных версиях переведена и издана во Франции, Сербии, Чехии, Словакии и Словении. **Живет в Москве.**

блестящий панорамный анализ великих исторических амбиций [Снесарев; Семенов-Тянь-Шанский; Ламанский; Южаков]. Его вполне подтверждает и геополитический рисунок нынешнего передела мира, повторяющего в начале XXI в. устремления прошлых веков, многократно усиленные задачей поставить под контроль мировые ресурсы и стратегические подступы к ним.

В докладе Русскому географическому обществу в 1912 г. В. П. Семенов-Тянь-Шанский выделил несколько регионов, названных им «средиземными» морями, а именно: Средиземное море с Черным морем, Балтийское море, водная система Китайского и Японского морей, а также Карибское море и Мексиканский залив. Он подметил, что вокруг этих морей в течение всей истории происходили серьезные конфликты между динамичными государствами, ибо контроль над специфическим географическим пространством давал шанс диктовать свою волю другим и ограничивать их развитие, торговлю, безопасность.

Именно Средиземное море вместе с Черным, указывал Семенов-Тянь-Шанский, является «наиболее вдавшейся в материк бухтой Мирового океана», «кольцеобразный контроль» за обоими побережьями которой потенциально дает роль «господина мира» [Семенов-Тянь-Шанский. С. 9–12]. Действительно, вокруг Средиземного моря уже тысячи лет назад велись войны, что отмечал и теоретик военно-морского дела и историк адмирал Альфред Тайер Мэхэн. В своей нашумевшей работе «Влияние морской силы на историю», которую буквально «пожирал» кайзер Вильгельм перед Первой мировой войной, этот теоретик военной морской силы писал: «В силу ряда условий Средиземное море сыграло в истории мира и с торговой, так и с военной точки зрения большую роль, чем всякое другое водное пространство того же размера. Нация за нацией боролась за контроль над ним, и борьба продолжается и теперь» [Мэхэн. С. 271].

Еще во времена Древнего Рима Средиземноморье было ключом к непререкаемому могуществу, и Рим только после III Пунической войны, окончательно победив Карфаген, заняв оба побережья, стал «господином мира» своей эпохи.

С тех пор до нашего времени все, кто стремится к мировому господству, повторяют попытку контролировать и держать в поле своего влияния побережья Средиземного и Черного морей. Через несколько веков после павшего Рима это повторили арабы, удерживавшие контроль над Средиземноморьем в течение нескольких веков, затем Османская империя. В Новое время создать кольцообразную систему пробовал Наполеон, который посягал одновременно на европейское и африканское побережья Средиземного моря и преуспел бы, если бы не покусился по наущению своей соперницы Англии на Россию. Смысл Венского конгресса 1815 г. среди прочего состоял в закреплении хотя бы на время равновесия с помощью множественного присутствия держав в Средиземном море.

Если экскурсы в историю и ссылки на Рим и Карфаген могут кому-то показаться экзотическими упражнениями, то современное международное морское право четко подтверждает особенность Черного моря, которая делает позиции в нем критическими для безопасности и развития прибрежных государств.

Что такое Черное море в современных правовых, военно-стратегических и географических критериях? Почему, выйдя к Причерноморью, Рос-

сия в силу критических интересов безопасности обязана была заложить военно-морскую твердыню — Севастополь, и почему беспрепятственный и гарантированный проход через Проливы есть определяющий критерий ее безопасного существования?

По классификации Конвенции по морскому праву, Черное море принадлежит к так называемым «полузамкнутым» морям [См.: Словарь... С. 62]. Большинство мировых проливов, в отличие от Черноморских, представляют собой «естественные узоры» между побережьями материков или островов единого океанского водного пространства, в обоих направлениях открывающие путь в Мировой океан. Режим мореплавания по таким проливам правомерно регулируется международными конвенциями. Но Черное море, будучи частью Мирового океана, является «тупиком», сформированным побережьями черноморских государств, выход из которого чрезвычайно узок. Проход в Черное море не является путем в другие части Мирового океана для достижения других морей и частей света — это доступ лишь к побережьям нескольких стран. Выход же из Черного моря является для этих стран единственным (или одним из немногих) проходом в Мировой океан и к другим частям света. Любое изменение соотношения сил в регионе может привести к критическому ущербу для военного мореплавания и безопасности черноморских держав и возможности перекрыть им выход в Мировой океан, перекрыть, как говорил А. М. Горчаков, «легкие державы».

К этому-то и стремилась в течение почти двух веков далекая от Черного моря Британия, вмешиваясь в отношения России с остальными черноморскими странами, не допуская никаких соглашений здесь без своего участия и препятствуя любому, не только военному, но политическому присутствию России в Средиземноморье, что проявилось во время Берлинского конгресса 1878 г., в годы Второй мировой войны, в ходе агрессии против Югославии в 1941 году. И в XXI в. сохраняет справедливость меткое суждение Н. Я. Данилевского о смысле контроля над Проливами для Англии и западных держав: «Вся польза от обладания Константинополем ограничивалась бы для них тем вредом, который наносился бы этим России» [Данилевский. С. 311, 317]. Германия еще за 20 лет до Первой мировой войны полагала необходимым отбросить Россию от двух позиций, сделавших ее великой державой — «от Балтики и от Понта Евксинского» как писал будущий канцлер фон Бюлов, развивая эту идею. Старейший Бисмарк оставил на полях заметку: «Столь эксцентричные эскизы не следует оставлять на бумаге!» [Цит. по: Die geheime... S. 213–216.]. Кайзеровская Германия в преддверии Первой мировой войны пожелала осуществить схему сплошного континентального движения на восток и юг, такой одновременный «Дранг нах Остен унд нах Зюдэн» к Средиземному и Черному морям. Это неизбежно повлекло за собою провал всего германского плана в Первой мировой войне, поскольку задело Великобританию и толкнуло ее на сближение с Россией в рамках Антанты.

Можно продолжить список примеров ключевого значения Черноморско-Средиземноморского бассейна в античной и новой истории, данный В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в его докладе Русскому географическому обществу в 1912 году. Именно на полный контроль Средиземноморского региона были нацелены амбиции Италии, требовавшей еще в Версале порт Фиуме (ныне г. Риека в Хорватии). Ее аппетиты возросли при Муссолини,

чья доктрина *mare nostrum* относилась как к Адриатическому морю, предполагая контроль над далматинским и албанским побережьями, которые Италия оккупировала, так и к Средиземноморью в целом (идея Триполитании), что тоже сталкивало ее с Британией.

В годы Революции и Гражданской войны в России британцы немедленно оккупировали железную дорогу от Баку до Батуми, а корабли Антанты вошли в Одессу. Если в период Первой мировой войны Великобритания бдительно следила за тем, чтобы Россия в итоге не обрела бы влияния на территориях распадающейся Австро-Венгрии, и лелеяла надежды отторжения от России Кавказа, то в ходе Второй мировой войны Лондон делал все, чтобы СССР не получил опоры в регионе Черноморских проливов и в Южной Европе. Британия упорно предлагала И. Сталину второй фронт («правофланговое наступление») на Балканах и вела операции против Италии ради присутствия и контроля в Средиземноморье. Когда И. Сталин в конце переговоров «большой тройки» в Тегеране заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией — о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 г. и оккупированных Турцией в 1918 г., У. Черчилль счел этот вопрос «несвоевременным». Наконец, Британия высадилась в Греции для контроля над Проливами и для того, чтобы не допустить грядущего прихода к власти в регионе просоветских коммунистических сил. На переговорах В. Молотова и Э. Бевина в сентябре 1945 г. британский министр откровенно передал, что Британия не хочет допустить СССР в Средиземное море, опасаясь «как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части» [АВП РФ...].

Именно Черное море было окружено американскими базами в русле реализации «доктрины Трумэна» и стратегии «сдерживания» СССР. Налицо многовековая геополитическая реальность, Восточный вопрос: Черноморские проливы, контроль над Суэцким каналом, категорическое «нет» присутствию Советского Союза в Средиземноморье, предотвращение его альянса с балканскими странами, прежде всего Грецией.

Возобновившееся после краха СССР давление на Россию на Балтике и в Черном море с целью минимизировать ее роль и вытеснить ее из черноморского и средиземноморского баланса, подтверждает суждение П. Семенова-Тян-Шанского, что «не произошло таких геологических переворотов, которые могли бы сколько-нибудь существенно изменить значение этих морей и их побережий» [Семенов-Тян-Шанский. С. 9–12].

Сегодня северное побережье Африки, Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Иран и российское Предкавказье рассматриваются в анализе глобальных ресурсов как энергетический «стратегический эллипс». Открытие запасов нефти на рубеже XX–XXI вв. многократно повысили военно-стратегическое значение морских подступов к ним и прилегающих территорий. К этим территориям относятся прежде всего побережья черноморских стран, среди коих Крым является стратегической точкой, важной для баланса. Не случайно во многих государствах этой зоны, особенно по периметру российских границ, либо произошли цветные революции, приведшие к власти прозападные режимы, либо осуществлено открытое военное вторжение (Ирак, Афганистан, Ливия).

Вся история Черноморско-Средиземноморского региона — это история столкновения, экспансии и взаимодействия цивилизаций.

Роль России в мировом соотношении сил цивилизаций и представляющих их государств окончательно сформировалась только по завершении и закреплении ее географического положения. Только крупные государства, имеющие военно-стратегически обеспеченные выходы к морю, становятся державами — государствами, которые в силу совокупности различных внутренних и внешних факторов играют значительную роль в мировой политике и являются системообразующими элементами системы международных отношений своей эпохи.

В приближении Руси к Черному морю и Крыму в течение веков происходило само становление русской православной государственности во враждебном окружении других цивилизаций с сильным имперским духом — Оттоманской империи и империи Габсбургов, покорившей балканских славян. России же суждено было стать опорой и стержнем славянского православного мира с его нелегкой судьбой на стыке цивилизаций.

За несколько веков до нашей эры Крым, или Таврида, был населен множеством этносов и племен. Географическое положение делало этот полуостров перекрестком важнейших торговых и военных путей, что приводило туда все новые народы и вело к частой смене цивилизаций. Тавры, скифы, греки, армяне, евреи, воинственные кочевники и мирные торговцы — все они оставили свой след в истории Тавриды, создав Скифское, Боспорское и Херсонесское государства. Просуществовав около шести веков, и они уступили место другим, пав под напором гуннов, готов, аланов. Лишь Херсонес сохранился, став местом встречи Древней Руси и Византии. Именно через Тавриду начал, по преданию, свой путь апостол Андрей Первозванный.

Его путь, но уже в обратном направлении, повторили славяне, когда шли «из варяг в греки», приближаясь к Причерноморью, которое было захвачено хазарами. В Тавриде славяне познакомились и с проповедниками христианства, просветителями святыми Кириллом и Мефодием. И, наконец, в Тавриде, в Херсонесе, приняли крещение русские князья Аскольд и Дир, совершавшие поход на Царьград.

Именно на Крымской земле князь Владимир крестился и обвенчался с сестрой византийских императоров — царевной Анной. К этому времени в Тавриде уже существовало основанное Святославом удельное княжество — Тмутараканское, благодаря чему после разгрома Хазарского каганата полуостров стал сферой влияния русских князей. Русь освоила выход к Черному морю, наладились прочные связи Новгорода и Киева с Византией. Центром таких связей и была Корсунь (Херсонес) в Тавриде. А после появления Тмутараканского княжества Понт Эвксинский (греческое название Черного моря) стали называть «Русским морем», Азовское — «Сурожским». Наступила золотая эпоха Киевской Руси, которая в течение двух веков успешно отражала набеги половцев, позволив им в Тавриде занять лишь небольшой кусочек земли возле нынешнего Судака.

Но в то время как в Европе шло формирование христианских государств, в Азии пробудились новые силы кочевников, пришедших на сей раз из Великой Монголии. В начале XIII в. в устье Днепра вторглась мощная

боевая конница и отрезала Тавриду от христианского мира, дав ей новое название «Кырым» и сделав ее улусом Золотой Орды. Много славян было погублено, полонено, продано в рабство, а древний цветущий Херсонес, выросший к XIII в. в крупный православный культурный и торговый центр, разграблен, а потом и разрушен.

Вскоре под ударами Батые пали и были разорены дотла Коломна, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Тверь... В 1240 г. печальная участь постигла «мать городов русских» — Киев. Обескровленная Русь вынуждена была перенести свои святыни и твердыни на север — через Владимир в Москву. «Корсуньская страна» — Таврида, ставшая «Крымом», надолго превратилась в главную силу грабительских набегов золотоордынцев на север и северо-запад Руси.

В 1453 г. Константинополь был взят турками, и центр православия переместился в Москву, наследницу Византии. В лице православной Московии Европа обрела на Востоке свой новый духовный вызов в борьбе против Азии. Начался новый виток истории Восточного вопроса, в котором Крыму опять принадлежала роль узла силовых линий.

Православной Руси приходилось постоянно бороться на два фронта. На Востоке это была Азия, представляемая сначала языческой, а потом мусульманской Ордой и ее ханами. На Западе — «латинская» Европа в лице шведских и немецких рыцарей-крестоносцев и польско-литовского государства, захватившего и окатоличившего западные княжества Руси. Святой Благоверный князь Александр Невский одним из первых понял «евразийское» предназначение Руси, спасительное для ее духа и примирявшее в лице России Европу и Азию.

Однако путь к такому равновесию был долг. Он пролегал через Куликовскую битву и стояние на реке Угре. Он вел через смуту к изгнанию поляков из оскверненного ими Кремля и постепенному вытеснению их из древнерусских западных княжеств, к освобождению Киева — «матери городов русских». Этот путь объединил «православных россов» — русских, белорусов и украинцев в одной общей судьбе, сделав их неуязвимыми от духовно агрессивной «латинской» Европы и от истощавшей Русь материально «Азии».

Переяславская Рада, воссоединившая в 1654 г. Украину и Русское государство, завершила период, когда десятки тысяч украинских беженцев спасались в Московии от принудительного окатоличивания и полной колонизации. От своих претензий на Киев Речь Посполитая отказалась лишь через 32 года (по «Вечному миру» с Польшей). В этом договоре Русское государство признавалось заступником оставшихся на территории Речи Посполитой украинцев и русских, а также обещало полякам направить свое войско в Крым для защиты своих и польских земель, страдавших от опустошительных набегов Крымского Ханства — вассала Османской Турции, нового носителя «азиатского духа».

Раздвигаясь на Запад и Восток, Россия расправляла плечи. Но прочно встала она на ноги, лишь вернув себе южную опору — Тавриду. Для первых успехов на южном направлении в продвижении к Черному морю понадобились талант и воля молодого Петра I, прекрасно осознавшего геополитические нужды России. Этот путь занял еще полтора столетия и сделал Г. А. Потемкина — Таврическим, А. В. Суворова — Рымникским,

П. А. Румянцева — Задунайским, Н. Н. Муравьева — Карским. Не случись этого, быть бы сейчас молдаванам, грузинам, армянам — персами и турками.

Крым и Черное море — это место соприкосновения мира Востока и мира Запада, латинского Запада и православной ойкумены. Поэтому для России историческая задача обеспечить прочность своих границ в Черноморско-Кавказском регионе была и остается не только вопросом военной безопасности. Это средство и условие успешного выстаивания между агрессивными и динамичными цивилизациями, опора в достижении равновесия между ними. Равновесие же обеспечивает некоторое усмирение цивилизационной экспансии.

Историк С. М. Соловьев называл мировым восточным вопросом протянувшееся сквозь тысячелетия историческое взаимодействие и соперничество Европы и Азии как миров со своими смыслами. «Восточный вопрос появился в истории с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европою и Азиею, между европейским и азиатским духом... Ожесточенная борьба проходит чрез всю европейскую историю, проходит с переменным счастьем для борющихся сторон; то Европа, то Азия берет верх» [Соловьев. С. 57]. Н. Данилевский понимал под «восточным вопросом» соперничество в ареале византийского пространства, прежде всего, России и латинского Запада на фоне давления Османской империи.

Для России, в силу ее географического положения, борьба миров и поиск равновесия между разными началами составляли смысловое содержание ее истории. Веховыми событиями в этом процессе, занявшем несколько веков, стали выход России к Причерноморью и ее окончательное закрепление в Крыму, начавшееся еще тысячу лет назад. Найденный баланс возымел мировое значение.

Расшатывание баланса не только немедленно ведет к усилению военно-государственного давления, но и провоцирует духовный, религиозный и идейный экспансионизм. Примером может служить и втягивание балканских славян в орбиту «евроатлантического» мира, и пристальное внимание США к Украине, которые в значительной мере являются архитекторами нынешнего украинского кризиса. Это и драма донецкого и луганского регионов, восставших против насильственной смены своего исторического и цивилизационного кода и не пожелавших подчиниться русофобской стратегической линии элиты, овладевшей властью и информационным пространством Украины. В этом эпохальном историческом противостоянии точкой приложения силы во всех ее смыслах становится Крым.

Географическое расширение и закрепление на морях было для России закономерным условием выживания. Кавказ и Крым принадлежат к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил во всем ареале Южной Европы и Малой Азии. Ни Европу, ни Турцию не волновало освоение русскими Ленской губы, но выход России к Черному морю превратил регион в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг Европы. На пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев Кавказа против России были поляки, которые до всяких разделов Польши в течение четырех столетий (XIII–XVII вв.), с Болеслава Смелого до Сигизмунда, неустанно давили на Русь. Польша, захватившая Галицию в середине XIV в., видела в султанах и Крымском ханстве по-

тенциальных союзников в борьбе за Малороссию. Франция, особенно при Наполеоне, мечтавшем контролировать оба побережья Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Востоке, была заинтересована в доминировании Порты на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении.

Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I на рубеже XVIII–XIX вв. не хотел окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию» — буфер, способный выстоять против «покушающихся врагов». После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказ, для России невозможно.

В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Крым становился независимым от Турции, а в 1783 г. «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона были приняты под Державу Российскую» [Кючук-Кайнарджийский... Высочайший...]. Еще полтора столетия понадобилось для того, чтобы баланс сил окончательно установился, чтобы Европа примирилась с новым геополитическим положением Российской империи. И хотя Россия, выйдя к Причерноморью и укрепившись в нем, спасла Европу, ибо турки уже стояли в Вене, — та в Крымской войне попыталась лишить Россию ее статуса Черноморской державы. Но «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагодарна», — писал обладавший удивительным историческим чувством А. С. Пушкин. С момента утверждения России на Черном море, с момента принятия Крыма «под державу Российскую», подрыв российских южных рубежей стал константой стратегии «владычицы морей» Британии.

В 1833 г. был заключен Ункяр-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле Проливов. Это так и осталось кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX в., о повторении которой мечтали в русском внешнеполитическом ведомстве в годы Первой мировой войны. Договор между двумя единственными тогда черноморскими державами, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, фиксировавший статус-кво и не нацеливающий на чужие территории, вызвал «негодование» Франции и Англии, которые в ноте к Турции заявили об отказе с ним считаться и начали создавать коалицию, втягивая в нее Австрию. Русско-турецкий договор 1833 г. наглядно показал западным державам перспективу закрепления России в геополитически важном регионе, дав старт движению к Крымской войне. Именно тогда Англия принялась открыто помогать горцам Кавказа против России. У берегов Черного моря была застигнута британская шхуна «Виксен», выгружавшая оружие для «черкесов».

Крымская война, начавшаяся под предлогом спора о ключах от Святой земли, имела целью отбросить Россию от Черного моря, что антирусской коалиции на время удалось посредством тяжелых условий Парижского трактата. Понадобилось два десятилетия искуснейшей дипломатии блистательного князя А. М. Горчакова, чтобы преодолеть последствия Парижского мира, по которому Россия была лишена права иметь Черноморский флот и даже береговые укрепления — так называемая нейтрализация Черного моря, удивительно похожая на ситуацию, к которой могло привести без-

действие России в 2014 г. [см.: Нарочницкая Л. И.]. Знаменитый циркуляр русского канцлера 1870 г. вернул России ее утерянные права.

Недальновидная «англо-французская» Европа поплатилась за унижение России появлением новой мощной европейской силы, объединенной под эгидой Пруссии, — Германии. Русско-германское сотрудничество, возможно вынужденное, дало взаимную поддержку этим двум державам в важнейших для них вопросах. После этих событий Восточный вопрос, конкретизированный в XIX в. как вопрос о Черноморских проливах, постепенно утратил в Европе свою остроту.

Тем не менее Берлинский конгресс после отмены нейтрализации Черного моря и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. стал вехой, которая объединила все западноевропейские силы единой целью уменьшить значение русской победы. Европа впервые проявила себя как политическое целое против России. Крупнейшие лидеры европейской политики и дипломатии — Р. Солсбери, О. Бисмарк, Б. Дизраэли встали общим фронтом, хотя в этой войне, давшей независимость Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории, единственным территориальным призом России была Добруджа, которую Россия отдала Румынии взамен на отобранную у нее ранее по Парижскому трактату часть Бессарабии.

Судьба православной цивилизации на стыке Европы и Азии прямо связана с превращением Русского государства в Россию, которая выполнила историческую миссию хранителя равновесия между Европой и Азией, между европейской и восточными цивилизациями, именно благодаря тому, что стала великой державой с выходами к трем океанам. Русь стала Россией благодаря выходам к морям и окончательному закреплению в Крыму, который явился необходимым географическим элементом, имевшим глобальное значение в расстановке государственных сил, определивших равновесие цивилизаций.

Советский Союз, сохранивший территорию Российской империи и, главное, ее стратегические географические рубежи (прежде всего выходы к морю), продолжал выполнять эту внешнюю функцию — держателя равновесия между Западом и Востоком. С этой точки зрения распад СССР явился по существу «расчленением» исторической России, существовавшей 70 с лишним лет в форме СССР, как с радостью охарактеризовал это событие Зб. Бжезинский. Последовало неизбежное соперничество за российское наследство, мир пришел в движение. Наиболее драматичные для народов проявления этот процесс имел по периметру нынешних границ Российской Федерации. Одним из самых разрушительных последствий распада единого государства стало одномоментное превращение внутренних административных границ в международные. Тем самым были закреплены волевые решения бывших партийных инстанций, кроивших территории без всякого учета мнения народов, и созданы очаги напряженности и конфликтов.

И опять особое место в этом ряду занимает Крым. Его передача от России к Украине в 1954 г., антиконституционность которой, как и отсутствие юридической силы у соответствующего решения Президиума Верховного Совета (ВС) РСФСР, были признаны Постановлением ВС РФ № 2809-І от 21 мая 1992 г., уже закладывала предпосылки грядущих потрясений и возможного нарушения геополитического баланса в бассейне Черного моря. Тем более, что Севастополь был указом 1948 г. выведен из состава Крым-

ской области и сделан городом республиканского подчинения РСФСР, то есть не передавался вместе с Крымом в 1954 г., что четко было декларировано в постановлении ВС РФ № 5359-1 от 9 июля 1993 г. «О статусе города Севастополя» [Постановление...].

Не существует иных международно-правовых актов, определяющих статус Крыма, кроме русско-турецкого мирного договора 1774 г. (Кючук-Кайнарджийского), акта 1783 г., согласно которому «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под Державу Российскую» и закрепившего это положение Ясского мира 1791 г. На протяжении прошедших с тех пор более 200 лет они никогда не ставились под сомнение международным сообществом и не отменялись. Не отменила их и передача Крыма Украине в 1954 г., событие исключительно внутригосударственной жизни СССР — преемника Российской империи, а, стало быть, и ее прав по Кючук-Кайнарджийскому и последующим договорам.

Крым никогда не был предметом спора с Украиной. Он был в составе Советской России до договора 1922 г. о создании СССР, он был в составе России и по Брест-Литовскому миру. Украинским его сделали лишь по «Беловежскому миру», который с юридической точки зрения является более чем сомнительным.

Проведение Украиной референдума о независимости 1 декабря 1991 г., последовательное разрушение ею даже тех форм общности и преемственности по отношению к союзному государству, которые первоначально предусматривались Беловежскими, а затем Алма-Атинскими соглашениями, качественно изменили ситуацию. Отсутствие государственной воли у руководства и элиты начала 1990-х годов, их зависимость от поддержки зарубежных спонсоров и неустойчивое положение в охваченном смятением обществе, эйфория инфантильного «нового мышления», лишенного всякого понимания закономерностей мировой политики, не давали шансов «новой» России поставить вопрос о Крыме. На повестке дня было установление «западной демократии», которая якобы должна была снять все проблемы и противоречия и освободить национальные интересы от груза «имперских амбиций».

Но главные преемственные составляющие прочности, незыблемости государства, безопасности его национальных интересов, его мощи гораздо менее, чем тогда представляли, зависят от демократии или иного типа режима, которые скорее окрашивают методы реализации задач, чем их содержание. Это прежде всего компоненты, связанные с географическим положением страны: наличием незамерзающих портов и выходов к морю, судоходных рек и конфигурации границ. Это геополитическое положение государства; то, какие страны и цивилизации его окружают, какова их традиционная политика и военная сила, склонность вступать в союзы той или иной направленности, наличие между ними конфликтов и их перспективы. Эти компоненты одинаково важны и для монархии XVIII в., и для республики XXI в., и для тиранического режима, и для самого демократического правового государства.

Разве «новым мышлением» руководствовалась Великобритания, когда ее военная эскадра шла к Фолклендским островам, деколонизации которых по принципам Устава ООН потребовала Аргентина? Разве не «старое мышление» демонстрирует Япония, с упорством отстаивая свой территориаль-

ный интерес? Наконец, каким мышлением руководствуется американское правительство, объявляющее Прибалтику зоной стратегических интересов США? Почему США заявили о своем признании Грузии, не дожидаясь даже легитимации там новой власти, утвердившейся отнюдь не конституционным и демократическим путем? Разве ими двигало не стремление скорее закрепить выгодное для них расчленение огромной державы и утвердить свое влияние в стратегическом Черноморском регионе, который был недо-ступен раньше?

Главный удар и давление сразу были направлены на морские рубежи, некогда сделавшие Русь Россией. Отделением Прибалтики она была возвращена к положению «до Ливонской войны». На повестке дня стояла задача вернуть ее к положению «после Крымской войны» — лишить Черноморско-го флота.

Не случайно во время Крымской войны лондонская «Таймс» писала, что главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот [Цит. по: Шавшин. С. 8]. Военно-морская твердыня, заложенная Петром Великим, воспринималась «владычицей морей» как центр могущества на юге империи, разрушение которого вызовет и постепенное разрушение и всего здания, сооружением которого Россия занималась сотню лет.

Сразу после 1991 г. стало достаточно очевидно, что Украине «ропуск» СССР нужен был для того, чтобы, взяв контроль над частью ранее общесоюзной армии и захватив Черноморский флот, закрепить свои необоснованные претензии на Крым. Просто выйдя из Союза, Украина не могла бы претендовать на флот и на Севастополь. При этом Киев, безусловно поощряемый Западом, сначала негласно, затем вполне открыто, последовательно демонстрировал решимость дистанцироваться от России, опрометчиво рассчитывая, что Россия будет вечно мириться с критическим ущербом ее безопасности, а русские в Крыму и на востоке Украины — с нарастающим ущемлением своих основополагающих прав.

Настойчивость и скорость, с которыми Киев нарушал дух и букву основополагающих документов СНГ, показывали, насколько Украина ощущала ущербность своих прав на Крым, в силу абсолютно очевидной неконституционности указа 1954 г. о передаче ей полуострова. Зависимые от поддержки националистов, украинские властные элиты чувствовали, что в исторической перспективе Россия неизбежно осознает свои национальные интересы и ответственность за русское население. При этом абсурдная и самоубийственная для Украины стратегия подавления общерусского мировоззрения и русской идентичности народа Крыма и востока Украины, навязанная москвофобской версией украинства, закономерно привела не к укреплению украинской государственности, а лишь к ее глубокому системному кризису и полураспаду, к безвозвратному размежеванию многосоставного населения Украины, скроенной в XX в. коммунистическим доктринерством.

В 1990-е годы галицийские экстремисты, не имевшие социально-политической базы в Крыму, даже открыто заявляли о необходимости «отдать» Крым крымско-татарским националистам, что способствовало вытеснению с крымской политической сцены лояльных крымско-татарских организаций радикально русофобским междлисом. Подавление русского языка с угрозой его запрета, дискриминация русского населения Крыма, многократно пре-

вышающего по численности всех остальных жителей полуострова, неизбежно вела к точке взрыва, детонатором которого стал антиконституционный переворот в Киеве в ходе второго «Майдана» 2013–2014 годов.

Итогом абсурдной, иррациональной антидемократической и самоубийственной политики Киева стали события 2014 г., когда после государственного переворота народ Крыма, сохранившего свои легитимные структуры, соблюдая необходимые юридические процедуры, провел демократический референдум о своей независимости.

О праве наций на самоопределение ведется немало споров, поскольку это право среди основополагающих принципов провозглашено в Уставе ООН, но его на Западе перестали трактовать как право на отделение, утверждая, что принцип территориальной целостности превалирует. Такая противоречивость в важнейшей сфере отнюдь не смущает сильных мира сего, ибо позволяет применять двойные стандарты в зависимости от политических интересов, о чем высказался публично профессор международного права Гамбургского университета Рейнхард Меркель.

Признавая независимость Косово, где не проводилось вообще никакого референдума и откуда до этого в ходе конфликта были изгнаны почти все сербы, западные государства говорят о праве наций на самоопределение. Народу Крыма в этом праве отказывают, несмотря на безупречно проведенные процедуры теми властными структурами, которые легитимно сохраняли конституционный порядок на Украине после переворота в Киеве.

Однако есть условия, при которых право наций на самоопределение начинает превалировать над принципом территориальной целостности, о чем также упоминают юристы. Так происходит в том случае, когда это право сочетается с так называемыми «историческими правами». Если без согласия часть народа отделена от материнского государства и присоединена к другому, но сохраняет исторические, национальные, лингвистические и культурные, ментальные нерасторжимые связи с материнским отечеством, но не имеет возможности продолжать национальную жизнь, то право наций на самоопределение в сочетании с историческими правами превалирует над принципом территориальной целостности. Такое мнение высказывали многие европейские юристы [Tournafond], голос которых слышен все чаще и громче. Примером может служить судьба населения Саарской области, которая была отделена от наказанной фашистской Германии. Франция намеревалась сделать ее протекторатом, однако даже немцам после Второй мировой войны была дана возможность провести плебисцит, по итогам которого Саар вернулся в Германию.

Акт о приеме Крыма и Севастополя в состав России по официальной просьбе законных властных структур этих субъектов государственного права войдет в историю как важнейшая веха в восстановлении Россией своего статуса и своей роли держателя равновесия в важнейшем и вечно неспокойном регионе Черного моря, волны которого поглотили немало русской крови в борьбе за существование российского государства и русской православной цивилизации.

Всегда у противников этой борьбы находилось множество союзников против России — от хазар до турок-османов, англичан, французов, итальянцев и немцев. Но только сильная Россия может быть партнером Европы, слабая же будет рассматриваться как добыча для расхищения. Россия

может и должна стать фактором межгосударственной межкультурной и стратегической стабильности, только сохранив и отстояв свои исторически преемственные интересы и морские рубежи.

Литература

АВП РФ. Ф. 0512. Оп. № 4. Док. № 304. Папка № 31. Л. 33–63.

Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, подъ Российскую Державу. СПб. 1783. — URL: russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1783_04_08_01 (дата обращения: 16.05.2019).

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией. 10 июля 1774 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.

Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. 1892.

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. (С предисловием проф. Н. П. Полетика). М., Ленинград. 1941.

Нарочницкая Л. И. Россия и отмена «нейтрализации» Черного моря. М., 1989.

Постановление от 9 июля 1993 года № 5359-I «О статусе города Севастополя». — URL: clck.ru/HSiXD (дата обращения: 16.05.2019).

Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб., 1915.

Словарь международного морского права. М., 1985.

Снесарев А. Индия как главный фактор в Средне-Азиатском вопросе. СПб., 1915.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959–1966. Т. 13.

Шавшин В. Г. Над «долиной смерти» (Балаклавское сражение). Симферополь, 2002.

Южаков С. Н. Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд. СПб., 1885.

Diegeheime Papiere F. von Holstein. 3 Ausgabe. B. 3. Briefwechsel. Göttingen: Musterschmidt-Verlag. 1961.

Merkel R. Die Krim und das Völkerrecht: Kühle Ironie der Geschichte // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 08.04.2014. — URL: faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/die-krim-und-das-voelkerrecht-kuehle-ironie-der-geschichte-12884464.html (date of access: 16.05.2019).

Tournafond O. Le droit des peuples a l'autodétermination. Colloque «Le Kosovo, la Crimée et la confrontation Ouest-Est en Ukraine». 27.05.2014. — URL : idc-europe.org/fr/—Le-droit-des-peuples-a-l-autodetermination (date of access: 16.05.2019).

Алексей ДЗЕРМАНТ

БАЛТИЙСКАЯ РУСЬ — НОВОЕ МЕСТОРАЗВИТИЕ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Алексей Валерьевич Дзермант — белорусский философ, публицист, политический обозреватель. Род. в 1979 г. в г. Талгар Алматинской обл. Казахстана в семье военнослужащего. Окончил Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Автор более 40 публикаций в научных и научно-популярных изданиях. Автор книги «Беларусь—Евразия. Пограничье России и Европы». Старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси. С 2021 г. директор по коммуникациям Исследовательского института развития и безопасности. Главный редактор альманаха «Сивер». **Живет в Минске.**

Обращение России к себе, к решению внутренних вопросов и проблем для ее союзников в определенном смысле несет серьезные вызовы. Реагируя на них, придется спокойно и рассудительно ответить себе самим — в какой степени мы хотим и можем участвовать в возрождении России. Готовы ли вместе с россиянами решать возникающие проблемы, обеспечивать безопасность и превозмочь текущие невзгоды.

У России есть все возможности быть самостоятельным, инновационным и, соответственно, технологическим центром. Этому, несомненно, способствует обладание передовыми технологиями, скажем, в ядерной энергетике, разработках искусственного интеллекта и т. д. Такой статус России дает реальный шанс ее соседям войти в сообщество развитых стран. Иначе — ни с какой другой культурой, цивилизацией мы в него не попадем.

Есть очень простая дилемма: если хочешь развиваться, тогда у тебя есть шанс на развитие с Россией; если хочешь пребывать в полуколониальном состоянии, тогда тебе в компанию с Грузией, Украиной и Прибалтикой. Потому что уже можно сказать определенно: шансов на развитие у них не остается. Они могут существовать в качестве государства, но без развитой инженерной школы, технологической базы и прочая. Это похоже, скорее, на резервацию...

Понятно, что в ближайшее время Россия будет сосредоточена на себе, и это правильно. Она должна явить пример для собственного населения и для окружающих. Поэтому многие ресурсы, которые раньше шли за рубеж, Россия будет использовать внутри, развивать собственную инфраструктуру и регионы. И, наверное, вызов для националь-

ных элит, мыслящих патриотически, — это борьба за союз с такой Россией, которая будет развиваться и усиливаться, несмотря ни на что.

Россия вступает в естественный цикл подъема. И ответственные представители национальных элит на постсоветском пространстве должны понимать: либо ты едешь с ней в одном вагоне, либо ты остаешься на периферии и пропадаешь, погружаясь в небытие. Поэтому все мы должны быть вместе. Каждый из нас должен использовать свой потенциал для достижения общего и нужного всем нам результата — возрождения России.

Потенциал Беларуси — это почти десять миллионов ее граждан. И благодаря, может быть, более организованной системе управления, сохранению лучших советских традиций, мы можем помочь России приобрести, а правильнее — вернуть статус цивилизационного центра. Важно, чтобы и в России это осознали те представители гуманитарной интеллигенции, журналисты, которые питают иллюзии, что можно с Западом помириться. Нет, на самом деле не надо мириться. Может быть, «железный» занавес для России сейчас полезнее, чем надежда на то, что с США получится договориться. Не получится, эти надежды совершенно напрасные. Поэтому специально обострять ситуацию не надо, но и из всех сил пытаться договариваться тоже не стоит.

Белорусская экономика находится в очень тесном симбиозе с российской, а общество и государство стабильны, в том числе благодаря зонтику безопасности, созданному вместе с Россией. Это, кстати, редко кто вспоминает из обывателей и прозападных политиков, хотя именно это делает белорусские города такими уютными и безопасными. Союз с Россией дает белорусам если не всё, то очень многое, самое главное.

Возможно, для России белорусский фактор не такой значимый, хотя с этим тоже можно поспорить. У России много векторов приложения усилий и пристального интереса: Закавказье, Туркестан, Ближний и Дальний Восток, Арктика. Ресурсов и внимания на все это требуется очень много. Но так получилось, что на фронтире Евразии и Евroatлантики у России остался только один союзник — Республика Беларусь. Небольшая, но значимая, стратегический «балкон».

Его потеря означает почти полную блокаду западных рубежей России. Здесь же близко маячит и возрождение польского империализма в виде Междуморья. Потому что если в белорусско-российском союзе что-то нарушится, пойдет не так, то ни в каком независимом одиночестве белорусы не останутся. Польша будет здесь зримо и незримо, там к этому готовятся.

Пограничье России и Европы превращается в беспокойный фронт, а Беларусь находится в его центре и чудом (на самом деле, благодаря сильному государству) удерживает его и удерживается сама от эскалации конфликта.

Но это констатация текущей ситуации, диагноз, а где же искать исцеления? **Фронтирность, в том числе Беларуси, заканчивается тогда, когда страна все же примыкает на условиях союза-унии к ядру одной из цивилизаций (Запад или Россия), тогда она получает новый импульс к развитию, а «ядра» договариваются между собой о проведении границ и «красных» линий.**

Нахождение в ядре русско-евразийской цивилизации для нас более предпочтительно потому, что изначально мы можем претендовать там на бо-

лее высокий символический и иной статус, отношение русских к белорусам всегда было более позитивным, чем, например, поляков.

На самом верхнем уровне для России—Евразии и нашего Союза необходим Большой Проект, вовлекающий как элиты, так и простых граждан. **Геополитическая и геоэкономическая обстановка подсказывает возможные контуры такого проекта. Западные границы (Беларусь, Калининградская область, Санкт-Петербург) превращаются во фронтир Евразии и Евроатлантики.**

Прогрессирующая милитаризация Польши и Прибалтики говорит о том, что такая ситуация сохранится надолго и будет ухудшаться с перспективой блокады трансевразийских коммуникаций. Это может ударить не только по России и Беларуси, ЕАЭС, но и по китайскому проекту Пояса и пути. Западный фронтир становится точкой пересечения и конфликта интересов глобальных игроков (США, ЕС, РФ, КНР).

Также нужно понимать, что Украина для общего дела русской цивилизации потеряна надолго. Если проводить аналогии с Молдовой и Грузией, то для относительной нормализации ее отношений с Россией должно пройти 20–25 лет, при том если не будет эксцессов и эскалации. А Украина гораздо более важная страна, чем Молдова или Грузия, то есть «битва» за нее будет долгой и упорной. И далеко не все там можно решить только через внешнее влияние, в результате «большой сделки» и т. д. Внутри Украины после катастрофы Евромайдана формируется проблемный, антироссийский консенсус, и перспективы нормализации отношений с ней крайне туманны.

Поэтому логично возникает вопрос о своего рода переносе одного из ядер русской цивилизации с юга (Донбасс, Новороссия) на север — в треугольник между Беларусью и агломерациями Москвы и Санкт-Петербурга с подключением региона «авианосца» — Калининградской области. Этот северо-западный локус развития должен также стать и противовесом в промышленном, демографическом и военном смысле евроатлантическим регионам: Прибалтике, Польше, Фенноскандии. То есть не они должны притягивать к себе наши ресурсы, а мы их.

Чтобы выдержать конкуренцию и справиться с давлением соседей необходимо создать связанный инфраструктурно, логистически, демографически треугольник Минск—Москва—Санкт-Петербург в качестве параллельного и альтернативного польско-прибалтийскому узлу Евроатлантики. В условиях надолго потерянной Украины и Киева, как русского города и нашего цивилизационного центра, разрушения Донбасса, перед нами стоит задача создания в этом треугольнике нового **месторазвития русской цивилизации.**

Мега-регион Балтийская Русь (Санкт-Петербург—Новгород—Псков—Витебск—Полоцк—Минск—Калининград), связанный транспортно-логистическим планом, социально-экономическим, территориальным планированием, миграционной и туристической политикой, также может быть одной из технократических скреп Союза России и Беларуси.

Балтийская Русь — это Северо-Западная Русь, а исторически — Белая Русь, поскольку в письменных источниках она впервые появляется и локализуется где-то рядом с Балтийским морем. Этот регион может стать очень важным оплотом новой русской идентичности, с одной стороны, обращенной к первоистокам — городам изначальной варяжской, северной Руси (Ладога, Новгород, Изборск, Псков, Полоцк, Витебск), а с другой стороны,

открытой будущему через медиацию между Европой и Евразией, начинающейся от Китая.

В границах Балтийской Руси и Русской Евразии очень важна роль мегаполисов: Санкт-Петербурга и Минска, в перспективе — Калининграда, как образовательных, научных и гуманитарных центров. Это точки опоры, которые необходимо связать в единую сеть, где будет формироваться на стыке европейского и евразийского новая русская идентичность.

По сути — это и есть Большой Проект со множеством подпроектов в самых разных сферах — от инженерии и безопасности до гуманитарной науки и образования. **Отдельные элементы, которые можно интегрировать в такой проект, уже существуют или успешно реализуются (БелАЭС, индустриальный парк «Великий Камень», порт в Усть-Луге, высокоскоростное движение между Петербургом и Москвой).**

До запуска этих «несущих конструкций» и драйверов развитие политической архитектуры было бы преждевременным, вызывающим подозрения элит и непонимание обычных граждан. По мере его реализации органично возникнет вопрос не только о взаимном признании прав граждан, но, возможно, о политических правах и институтах — союзном гражданстве, союзных политических партиях и союзном парламенте. В сфере безопасности — появление элементов союзной армии, например, создание общих военных баз или воинских частей, подчиненных союзному командованию.

Треугольник Минск—Москва—Санкт-Петербург необходимо сделать образцом инфраструктурной, экономической, социальной, военной интеграции в Евразии, имеющим естественный потенциал интеграции политической. Запуск Большого Проекта делает более предсказуемой политическую и экономическую траекторию внутри наших государств, когда власти, независимо от персоналий, будут заниматься его реализацией, приобретая союзную логику и мышление.

Сергей ГЛАЗЬЕВ

О МИРОВОМ КРИЗИСЕ

Сергей Юрьевич Глазьев — родился в 1961 г. в Запорожье. Окончил МГУ им. Ломоносова по специальности экономист-кибернетик. Ведущий отечественный экономист, политический и государственный деятель, академик РАН. Советник Президента РФ по вопросам евразийской интеграции. Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК. Один из инициаторов и постоянный член Изборского клуба. Автор более 150 научных работ. **Живет в Москве.**

Мирохозяйственная система вошла в состояние крутого пике: это уже даже не режим с обострением, когда транснациональные банки и корпорации, ведомые желанием списать или минимизировать свои обязательства, провоцируют финансовые вихри в планетарном масштабе. Это — хаос гибридной войны.

Мировая экономика схлопывается под воздействием нового средства массового поражения и когнитивного подавления — пандемии страха человечества перед коронавирусом. Сегодня становятся известны факты использования современных биоинженерных технологий для синтеза опасных для человека вирусов, а также моделирования вероятных социальных, экономических и политических последствий распространения вызываемых ими болезней. Правительствам и спецслужбам концентрированные результаты таких «деловых игр» преподносились в виде целевых докладов с гипотетическими сценариями. Сейчас это выглядит как заранее проделанная работа на упреждение. Есть основания полагать, что секретный «научный поиск» в области вирусологии велся при координации заказчиков этих всплывающих сегодня прогнозных докладов.

Расшифровка технологии распространения «генома» очередного витка гибридной войны позволяет проникнуть в суть всех ее аспектов: биологического, политико-экономического, информационного.

Нынешняя пандемия — рукотворная или нет — это кризис, который обращается на пользу субъектным мировым игроками для решения своих задач. Под прикрытием санитарных форс-мажорных обстоятельств глобальную экономику не просто управляемо опустили в рецессию, но создали новую экономиче-

скую реальность. Происходит глубокая перестройка всей системы экономических связей и отношений. Уместно вспомнить известное определение, заимствованное Лениным у прусского военачальника Клаузевица: «Война — есть ничто иное, как продолжение политики иными средствами»¹. А политика, в свою очередь, — это концентрированное выражение экономики.

Чтобы понять логику катастрофических событий, потрясающих сегодня Россию и мир, и дать прогноз их дальнейшего развертывания, необходимо оттолкнуться от понимания долгосрочных закономерностей экономического развития.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ МИРОВОГО КРИЗИСА

За калейдоскопом кажущихся случайными и не связанными друг с другом событий часто скрывается объективная закономерность, понимание которой позволяет предвидеть кризисы, своевременно их купировать и даже использовать в конструктивных целях.

1. Великая депрессия и мировая война как фазы смены технологических и мирохозяйственных укладов

Фундаментальной особенностью переживаемого в настоящее время периода является структурная перестройка мировой экономики, обусловленная сменой технологических и мирохозяйственных укладов². Жизненные циклы этих макроэкономических воспроизводящихся технологических и институциональных целостностей проявляются как длинные волны Кондратьева³ и Вековые циклы накопления капитала Арриги⁴. Свойственные этим процессам закономерности определяют периодически происходящие эпохальные изменения, опосредуемые технологическими и социальными революциями, экономическими кризисами и мировыми войнами.

Процесс смены технологических укладов происходит *раз в полстолетия* и сопровождается технологической революцией, которая обесценивает значительную часть производственного и человеческого капитала, вызывая глубокий экономический кризис и депрессию⁵. Выход из нее на очередную длинную волну экономического роста требует государственного стимулирования инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях роста нового технологического уклада. До сих пор под влиянием либеральной идеологии, осуждающей государственное вмешательство в экономику, это стимулирование происходило посредством гонки воору-

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934.

² Глазьев С. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2; Глазьев С. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 3.

³ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989; Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.

⁴ Arrighi G. The long twentieth century: money, power and the origins of our times. London: Verso, 1994.

⁵ Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.

жений, оправдывавшей резкое увеличение государственных расходов на НИОКР, и сопровождалось обострением военно-политической напряженности в мире. Последним историческим примером является гонка вооружений в космосе между США и СССР, которая дала мощный толчок развитию информационно-коммуникационных технологий и электронной промышленности, образовавшим ядро нового технологического уклада, расширявшееся вплоть до начала нынешнего столетия.

Процесс смены мирохозяйственных укладов происходит *раз в столетие* и сопровождается социальными революциями и мировыми войнами, которые опосредуют смену институтов регулирования воспроизводства экономики. Причиной этих потрясений является стремление властвующей элиты доминирующей страны сохранить глобальную гегемонию в условиях утраты конкурентоспособности вследствие появления более эффективной системы управления развитием экономики в одной из периферийных стран. Она создает новый центр мировой экономики, расширенное воспроизводство которого постепенно вытесняет старый и формирует новый вековой цикл накопления капитала. Последними историческими примерами такого рода является Первая и Вторая мировая война, которые были спровоцированы спецслужбами Великобритании с целью взаимного уничтожения России и Германии, которые рассматривались английской властвующей элитой в качестве главных конкурентов ее геополитическому доминированию. Однако, в результате социалистической революции и образования СССР, а также бегства капитала из Европы в США, появились две разновидности новой, более эффективной системы управления развитием экономики в масштабах всей планеты. На смену колониальному мирохозяйственному укладу пришел имперский с глобальными вертикально интегрированными научно-производственными системами воспроизводства экономики. Английский вековой цикл накопления капитала был сменен американским, завершение формирования которого произошло после распада мировой системы социализма.

Современная ситуация характеризуется наложением процессов смены технологических и мирохозяйственных укладов, следствием чего становится резонансное усиление кризисных явлений. Типичная для смены технологических укладов гонка вооружений с обострением военно-политической напряженности переходит в мировую войну, которая является закономерной фазой смены мирохозяйственных укладов.

С точки зрения исторических аналогий, нынешнее десятилетие аналогично предшествовавшей Второй мировой войне Великой депрессии. Хотя благодаря колоссальной денежной накачке эмитенты мировых валют смогли смягчить структурный кризис и избежать резкого падения производства, экономики ведущих стран мира пребывают в состоянии длительной стагнации. Накопленные за десятилетие потери потенциального ВВП вполне сопоставимы с ущербом от падения производства в 30-е годы, которое было сравнительно быстро преодолено.

Разворачивающийся в настоящее время мировой кризис усугубляет экономическую ситуацию и счет потерь ВВП в современный период, видимо, превысит провал в соответствующий период прошлого века. Если тогда выход из Великой депрессии произошел быстро и резко благодаря колоссальному увеличению государственного спроса вследствие милитаризации

экономики в преддверии и в ходе мировой войны, то происходящая сегодня гибридная война ведется, главным образом, в сфере гуманитарных технологий и не нуждается в производстве большого количества оружия и военной техники. И, к счастью, она не сопровождается гигантскими потерями населения и материального богатства, что избавляет от роста расходов на его восстановление. Вместе с тем возникающие в связи с глубокими структурными изменениями мировой экономики угрозы человечеству не стоит недооценивать.

В прошлом столетии властвующая элита Великобритании пыталась сохранить свою глобальную гегемонию за счет провоцирования войн между своими главными конкурентами: Японии против России; Германии с Австро-Венгрией против России и СССР; Японии против США. Чтобы сдержать развитие последних Британская империя даже ввела в 30-е годы эмбарго на импорт американских товаров. Сегодня то же самое пытается делать руководство США в отношении китайских товаров. Подобным же образом американские спецслужбы провоцируют конфликты между своими главными конкурентами, подталкивая Вьетнам и Японию на конфликт с Китаем и выращивая русофобские режимы на постсоветском пространстве с целью разрушения исторической России.

Данная историческая аналогия весьма поучительна, поскольку отражает объективные закономерности структурных изменений мировой экономики, воздействующие на рефлексы властвующей элиты англосаксонского мира. *Предыдущий* период смены мирохозяйственных укладов начинается Первой мировой войной, в результате которой рухнули все евразийские империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская и, окончательно, Китайская), а укрепились США, Япония и Великобритания, достигшая пика могущества своей мировой колониальной империи. *Нынешний* период смены мирохозяйственных укладов начинается с Перестройки в СССР, завершившейся его крахом, а также распадом мировой системы социализма. Укрепились при этом Китай, Индия и, больше всех, США, достигшие пика могущества своей глобальной финансово-корпоративной системы. Таким образом, в первой фазе переходного периода доминирующая страна существующего мирохозяйственного уклада достигает пика своего могущества, а эволюционный предел этого мирохозяйственного уклада полностью раскрывается в глобальной гегемонии этой страны. Возникает иллюзия «конца истории»: но на самом деле, заканчивается лишь жизненный цикл существующего мирохозяйственного уклада, который вступает в завершающую фазу («эпоху застоя»). Одновременно на периферии мировой экономической системы зарождается принципиально новая, качественно более эффективная система институтов управления воспроизводством и развитием экономики.

На следующей фазе переходного периода происходит переход к новому мирохозяйственному укладу. Так, в результате Второй мировой войны рушится Британская колониальная империя и формируется новый двухполюсный мирохозяйственный уклад с центрами в СССР и США. Можно предположить, что в современной ситуации разрушение существующего мирового порядка либеральной глобализации в интересах США будет сопровождаться формированием нового мирохозяйственного уклада, развитие которого будет происходить в конкуренции интеграционных структур с цен-

трами в Китае и Индии при сохранении значительного влияния ЕС, США и, будем надеяться, ЕАЭС.

Несмотря на победы в двух мировых войнах Британская империя распалась, достигнув пика своего могущества к середине прошлого века. Это произошло вследствие безнадежной отсталости созданной ею системы колониального управления, которая по своей способности обеспечивать развитие экономики оказалась на порядок менее эффективной, чем институты нового мирохозяйственного уклада, сформированные в СССР и США. Последние сегодня оказались в аналогичном положении — достигнув пика своего могущества после распада СССР, США безнадежно проигрывают экономическое соревнование Китаю, который создал на порядок более эффективную систему управления развитием экономики. Имперский мирохозяйственный уклад уступает место интегральному с существенно более сложной смешанной системой управления развитием экономики.

Сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния, КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя в мире по темпам экономического роста. Если в США, несмотря на пятикратное увеличение объема долларов за последнее десятилетие, экономика продолжает стагнировать, то КНР сочетает максимальные уровни монетизации экономики, нормы накопления и темпы ее роста. Ориентирующаяся на максимизацию текущей прибыли американская финансовая олигархия явно уступает по эффективности управления развитием экономики китайским коммунистам, которые используют рыночные механизмы для повышения народного благосостояния за счет роста производства и инвестиций. А также индийским националистам, создавшим свой вариант интегральной системы управления развитием экономики с демократической политической системой.

Все страны — от Вьетнама до Эфиопии — идущие по пути формирования конвергентной модели, сочетающей социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством, а также регулируя последнее в целях повышения производства материальных благ, демонстрируют сегодня опережающее устойчивое развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран. Американский вековой цикл накопления капитала сменяется Азиатским, а центр мировой экономики смещается в Юго-Восточную Азию.

2. Особенности нынешнего мирового кризиса и войны

В силу неумолимых законов мирового социально-экономического развития США обречены на поражение в развязанной ими торговой войне с КНР. Но американская властвующая элита будет пытаться бороться за глобальное лидерство всеми доступными ей методами, не взирая на международное право. Впрочем, последнее она уже разрушила: игнорируя нормы ВТО при торговой войне с Китаем; нарушая Устав ООН вооруженной агрессией на Балканах и на Ближнем Востоке, а также организацией госпереворотов в ряде стран Европы и Южной Америки; Устав МВФ — финансовыми санкциями против России; занимаясь разработкой биологического

оружия, кибертерроризмом и наращиванием военного присутствия в других странах и в Космосе вопреки международным конвенциям; спонсируя религиозный экстремизм и неонацизм с целью организации и манипулирования террористическими организациями; арестовывая имущество и похищая неудобных граждан других стран. В полном соответствии с теорией¹ эта война инициируется властвующей элитой США с целью удержания своей глобальной гегемонии в условиях появления на порядок более эффективной системы управления развитием экономики в КНР. Остается открытым вопрос, до каких пределов могут пойти американские лидеры в преступлениях против человечества в стремлении удержать свое господство?

Мировые войны существенно отличаются друг от друга применяемыми технологиями. Вторая мировая война была войной моторов, давшей мощный импульс развитию автомобилестроения и промышленности органического синтеза, составивших ядро нового для того времени технологического уклада. К середине 70-х годов прошлого века он достиг пределов своего роста и начался процесс его замещения следующим технологическим укладом, ядро которого составили микроэлектронная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Доктрина «звездных войн» и развернутая США гонка вооружений в ракетно-космической сфере дала мощный импульс его росту, который продолжался вплоть до начала нынешнего столетия. Сегодня происходит процесс замещения этого технологического уклада следующим, ядро которого составляют цифровые, нано- и биоинженерные технологии. Как и раньше, он стимулируется гонкой вооружений. Однако базисные технологии формирующегося сегодня нового технологического уклада существенно отличаются от предшествующих. Для стимулирования их разработки хорошо подходят высокоточное ракетное, целевое биологическое, кибернетическое и информационное когнитивное оружие, поражающее стратегические объекты, системы управления, население и сознание противника.

Нетрудно заметить применение этих видов оружия в настоящее время: высокоточного оружия — в боевых действиях; биологического — в форме пандемии коронавируса; кибернетического — в кибератаках против объектов финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного — в социальных сетях. При невозможности применения ядерного и химического оружия современная мировая война приобретает гибридный характер, включая широкое использование финансовых, торговых, дипломатических приемов сокрушения противника. США используют свое превосходство во всех перечисленных сферах, стремясь усилить свои преимущества в мировой экономике за счет ослабления противника.

Против России развязана война на финансовом фронте в форме финансовых санкций, жертвой которых стала, в частности, алюминиевая промышленность вместе с принадлежащими «Русалу» гидроэлектростанциями, контроль над которыми перешел к американским «партнерам». Следующей их мишенью стала «Роснефть», частично уже контролируемая западным менеджментом. Аресты активов неудобных Вашингтону российских юридических и физических лиц, блокирование денежных переводов, запреты на

¹ Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016.

совершение сделок с ними осуществляются широким фронтом во всей долларовой зоне. Около триллиона долларов вывезенного из России капитала находятся «в плену» у англосаксонских офшоров.

Инструменты торговой войны были использованы для ослабления Китая, против которого Вашингтон в нарушение норм ВТО ввел дополнительные импортные пошлины на общую сумму 300 млрд. долл., а также санкции в отношении ведущих производителей компьютерной техники. Испытанным в 80-е годы против СССР приемом торговой войны стало обрушение Саудовской Аравией цен на нефть, спровоцированное американскими агентами влияния с целью подрыва торгового баланса России. Дополнительно к этому Саудовская Аравия начала открытый демпинг нефти на европейском рынке с целью вытеснения с него российских компаний, по которым США одновременно ввели санкции.

Примером применения кибернетическим оружия стала авария на иранской АЭС, которая была вызвана компьютерным вирусом, внедренным в систему автоматизированного управления технологическим процессом. Другой пример — выведение из строя системы управления электроснабжением столицы Венесуэлы Каракаса 7 марта 2019 г. для провоцирования беспорядков с целью организации государственного переворота. Ежеминутно из АНБ США осуществляется по несколько кибернетических атак по целям на территориях Китая, России, Венесуэлы и других неконтролируемых Вашингтоном стран. Про глобальную сеть прослушивания телефонных разговоров, встроенных в компьютеры «жучках» и говорить уже не приходится.

В этом году открылся новый фронт мировой гибридной войны с применением биологического оружия — по мнению многих китайских и российских экспертов, коронавирус синтезирован и брошен в Ухань американскими спецслужбами. Разработка биоинженерных технологий в военных целях было ожидаемым «драйвером» развития нового технологического уклада. О возможности синтеза вирусов, обладающих целевым поражающим действием против людей определенной расы, возраста или пола ученые Пущинского научного центра РАН говорили еще в 1996 г., обосновывая необходимость разработки и принятия программы обеспечения биологической безопасности России. «Первые ласточки» в виде лихорадки Эбола, атипичной пневмонии и, возможно, «птичьего» гриппа и ВИЧ, давно пролетели.

Еще в 2010 г. Фонд Рокфеллера разработал сценарий¹ вирусной пандемии (о нем ниже), который реализуется в настоящее время. Нет сомнений, в том, что в обширной сети разбросанных по всему миру американских секретных биолaborаторий «куется» биоинженерное оружие. Его разработка и применение стимулирует развитие передовой биоинженерной промышленности, порождая спрос на медицинские научные исследования и приборы, новые вакцины и лекарства. Здравоохранение как ведущая отрасль нового технологического уклада получает дополнительный импульс для роста.

Повсеместное введение карантинных мер и ограничений на передвижение граждан дает мощный импульс для развития информационных технологий и вычислительной техники посредством резкого наращивания спроса на услуги электронной торговли, дистанционного образования, обороу-

¹ Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

дования для работы на дому и с удаленных рабочих мест. Государства инвестируют гигантские средства в оборудование городов и общественных мест средствами видеорегистрации и слежения за гражданами, распознавания их личностей, контроля за их перемещением и состоянием здоровья. На этой основе формируются системы искусственного интеллекта, оперирующие большими данными, для обработки которых нужны суперкомпьютеры и сверхвысокопроизводительные программные средства. Это, в свою очередь, стимулирует развитие нанотехнологий для производства вычислительной техники соответствующей производительности, компактности и энергоэффективности.

Гонка вооружений, как всегда в период технологической революции, разворачивается по перспективным направлениям роста нового технологического уклада. Она создает угрозу существованию человечества, когда технологии созревают до разработки оружия массового поражения, попадая в распоряжение аморальных политиков. Ярким примером совершенного ими преступления против человечества являются атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Применение коронавируса, поражающего миллионы людей, свидетельствует о рецидиве этой преступной деятельности на современной передовой технологической основе.

Отличием от атомной бомбардировки японских городов является обратный эффект биологического оружия, поражающего население не только противника, но и свое собственное. Можно предположить, что властвующая верхушка США или так называемое «глубинное государство» имеет дополнительные мотивы его применения в отношении подконтрольной Вашингтону части мира. После терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, совершенных при попустительстве ЦРУ, силовые структуры существенно усилились, выйдя из-под контроля общества и получив широкие полномочия. Тогда оправданием этой частичной узурпации власти и ограничения гражданских свобод стала «война» с мировым терроризмом, спонсируемым и направляемым теми же американскими спецслужбами¹.

Пандемия создает еще более широкие основания для ограничения гражданских свобод граждан вплоть до их полной ликвидации. Смена технологических укладов сопровождается обесценением капитала и депрессией. Смена мирохозяйственных укладов добавляет к этому падение эффективности институтов регулирования воспроизводства экономики и политический кризис. Для удержания контроля над ситуацией властвующей элите нужны легальные основания для ограничения прав граждан. Это тем более актуально в условиях мировой гибридной войны, в ходе которой кукловоды американской властвующей элиты нацелены на лишение свободы действий и конфискацию активов своих жертв. Схлопывание финансовых пузырей и обрушение финансового рынка обесценивает активы десятков миллионов американских граждан, для нейтрализации потенциального протеста которых идеально подходит карантинный режим. Вполне возможно, что властвующий в США финансовый олигархат приносит в жертву уязвимые слои американского населения, чтобы парализовать ужасом смерти от коронавируса протест миллионов граждан, лишившихся своих активов и сбережений. Не будем забывать и о традиционной привер-

¹ Д. Къеза. Что вместо катастрофы. М.: ИД «Трибуна», 2014.

женности англосаксонской властвующей элиты мальтузианской идеологии, обосновывающей необходимость сокращения населения ради сохранения среды обитания «золотого миллиарда». Те же Фонд Рокфеллера и Билл Гейтс поддерживают и финансируют нацеленные на решение этой задачи глобальные проекты сокращения рождаемости и стерилизации женщин. На волне нынешней пандемии Гейтс продвигает проект тотальной вакцинации населения с использованием новейших технологий биoprogramмирования¹.

Расследования фактов, предшествовавших пандемии коронавируса, свидетельствуют о том, что она была системно подготовлена.

Хронология операции «COVID-19» ведет свой отсчет с 2010 г., когда был обнародован доклад Фонда Рокфеллера и Глобальной сети бизнеса «Сценарии для будущего технологии и международного развития»². В одном из сценариев доклада с названием в духе спецопераций секретных служб США из голливудских блокбастеров — LockStep («Замыкающий шаг») — по сути, представлено моделирование глобальной дестабилизации посредством пандемии вируса. Журнал Nature Medicine в 2015 г. рапортовал о проведении американскими микробиологами успешного лабораторного эксперимента по созданию гибридной формы коронавируса летучих мышей, способной заражать человека. Эксперимент подтвердил гипотезу о возможности прямого заражения человека коронавирусами летучих мышей», — говорилось в статье³, подписанной 15 авторами, 13 из которых имеют отношение к Университету Северной Каролины в Чапел-Хилле, а еще двое являются сотрудниками ведущей лаборатории специальных патогенов и биобезопасности Уханьского института вирусологии. Из статьи следует, что в опытах принимали совместное участие как американские, так и китайские ученые. Причем особо подчеркивается, что «несмотря на временный мораторий, который правительство США наложило на финансирование исследований по усилению функций патогенов, включая вирусы гриппа MERS и SARS, работы по этому направлению получили специальное разрешение и были продолжены». Сейчас ABC news выясняет, что осенью прошлого года медицинские подразделения военной разведки США предупреждали Д. Трампа о последствиях коронавируса.

Это — краткое резюме, описывающее историю происхождения вируса (развернутый взгляд на экологические, исторические и геополитические аспекты его распространения — в приложении). Но что стоит за «кулисой» его создания и о чем «предупреждали» авторы прогнозных докладов, выпущенных в минувшие десять лет, в том числе буквально накануне объявления ВОЗ эпидемии? Обращает на себя внимание содержательная точность прогнозов и сценарного моделирования, организованного структурами, связанными с крупным капиталом: *«В 2012 году разразилась крупнейшая пандемия, которую мир ждал в течение многих лет. В отличие от H1N1 2009 (вирус пандемии свиного гриппа, возникшей в 2009 г.), этот новый штамм гриппа оказался крайне опасным. Даже некоторые*

¹ Bill Gates talks about “vaccines to reduce population” (URL: <https://www.warandpeace.ru/en/exclusive/view/44942/> — 4 марта 2010 г.)

² Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

³ The Nature Medicine, 9 ноября 2015 г.

страны, которые подготовились к появлению такой пандемии, оказались пораженными заболеванием, а в масштабах планеты вирус поразил около 20 % населения. 8 миллионов умерли в первые 7 месяцев после появления нового штамма...»¹.

Поскольку доклад был подготовлен сразу же после мирового финансового кризиса 2008 г. и к моменту его публикации последствия еще не были преодолены, авторы полагали вероятным быстрый переход к катастрофическому сценарию. Однако политика «количественного смягчения» дала результат: после беспрецедентной денежной накачки финансовый рынок стабилизировался и пошел в гору. Может быть, на этот раз манипулирующие им силы решили, что не удержат ситуацию и нажали на спусковой крючок биологической войны, на которую спишут убытки обанкротившихся граждан, корпораций и государств.

Не только Фонд Рокфеллера разрабатывал сценарий этой катастрофы. Билл Гейтс неоднократно возвещал о приближающейся пандемии²: в своем выступлении в 2015 г. Гейтс он сказал, что мир «не готов к следующей эпидемии», а в дискуссии об эпидемиях в 2018 г., организованной Массачусетским медицинским обществом и журналом *New England Journal of Medicine*, Гейтс сказал, что пандемия может произойти в течение ближайшего десятилетия и представил результаты моделирования Института моделирования болезней. Они показали, что новый грипп может убить 30 миллионов человек в течение шести месяцев. А 18 октября 2019 г. — когда не было зафиксировано еще ни одного случая коронавируса — в Нью-Йорке Центр безопасности в области здравоохранения при университете имени Джона Хопкинса (именно по его ресурсу сейчас весь мир отслеживает эпидемию коронавируса) в партнерстве с Всемирным экономическим форумом и Фондом Билла и Мелинды Гейтс провел мероприятие «Событие 201»³ о реагировании на пандемию высокого уровня. Встреча была проведена как стратегическая игра, в ходе которой моделировался процесс распространения пандемии устойчивого вируса, передаваемого воздушно-капельным путем, а также при рукопожатиях и других тактильных контактах. Особенностью вируса, по сценарию стратегической игры, было отсутствие эффективной вакцины и избирательная смертность населения, в основном связанная с лицами, у которых ослаблен иммунитет.

Уместно также упомянуть вышедший в прокат в 2011 г. и затем широко раскрученный блокбастер «Заражение», призванный подготовить панические ожидания населения относительно стремительно распространяющейся смертельно опасной легочной болезни, передающейся воздушно-капельным путем.

Синхронно с лидерами общественного мнения к смоделированной пандемии начали готовиться и международные финансовые институты. Так, еще в июне 2017 г. появилась информация о том, что Мировой банк выпустил специализированные бонды, направленные на финансовую поддержку

¹ Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

² Bill Gates has been warning of a global health threat for years (URL: <https://www.businessinsider.com/people-who-seemingly-predicted-the-coronavirus-pandemic-2020-3>).

³ Центр безопасности в области здравоохранения при Университете имени Джона Хопкинса (URL: <http://www.centerforhealthsecurity.org/event201/>).

развивающихся стран, как канал экстренной помощи на случай (внимание!) пандемии¹.

Возникает вопрос: ради каких целей были затрачены такие усилия, потребовавшие участия весьма влиятельных структур? Вопрос, разумеется, риторический. Чтобы ответить на него, посмотрим на образ будущего в упомянутом докладе Фонда Рокфеллера. Там² говорится: *«Во время пандемии национальные лидеры во всем мире усилили свои полномочия и установили строжайшие правила и ограничения... Даже после того, как пандемия прошла, этот более авторитарный контроль и надзор за гражданами и их деятельностью остались и даже усилились. Чтобы защитить себя от распространения все более глобальных проблем — от пандемий и транснационального терроризма до экологических кризисов и растущей нищеты, — лидеры во всем мире стали править более жестко».*

Транзит общества к «дивному новому миру» требует соответствующей трансформации государственных устройств, пересмотра места и роли карательно-репрессивных инструментов в распоряжении национальных систем управления, — прозрачно намекает рокфеллеровский прогноз. Как по написанному и происходит: установление тоталитарного контроля, кое-где сопровождаемого формальным введением чрезвычайного положения; беспрецедентные меры надзора над всеми сферами экономической и хозяйственной активности; подчинение общественного организма строгим правилам во имя безопасности.

Во всех «пророчествах» — от доклада до фильма — было объявлено, что эпидемия будет исходить именно из Китая — страны, предъявившей миру новую высокоэффективную и привлекательную модель организации производительных сил и производственных отношений. Именно эту, наиболее яркую модель нового мирохозяйственного уклада, явившую миру экономическое чудо XXI века, организаторы вирусно-психологической атаки вознамерились торпедировать. Есть мнение о том, что паника в Ухане, поддержанная мировыми СМИ, была организована агентами влияния США в китайском руководстве для провоцирования хаоса с целью последующей организации государственного переворота. Но руководство КНР с честью вышло из этого испытания, купировав распространение пандемии, и с еще большим энтузиазмом приступив к восстановлению производства, торговли, внешних связей. В результате несущие конструкции нового мирохозяйственного уклада укрепились за счет усиления дисциплины всех социальных групп, мобилизации ресурсов, солидарной ответственности, а также повышения авторитета власти, воля которой продемонстрировала непоколебимость.

Итак, сначала пристрел через прогнозный доклад, через пять лет — первый успешный эксперимент, а спустя еще пятилетие — разоряющая экономики и домохозяйства пандемия. И все это без пушек, солдат и армий — как реакция властвующей элиты США на финансово-экономический кризис

¹ World Bank (International Bank for Reconstruction and Development) official site (URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2017/06/28/world-bank-launches-first-ever-pandemic-bonds-to-support-500-million-pandemic-emergency-financing-facility>). Washington, DC, June 28, 2017.

² Scenarios for the Future of Technology and International Development. The Rockefeller Foundation, Global Business Network. May 2010.

2007–2009 гг. и угрозу утраты глобальной гегемонии в результате возвышения КНР на волне нового технологического уклада и формирования ядра нового векового цикла накопления капитала в Юго-Восточной Азии.

Приведенная выше логическая последовательность фактов и описание смыслового поля кризиса подтверждает обоснованность трактовки коронавируса как биологического оружия, а пандемии — как ключевой кампании мировой гибридной войны, которая может стать спусковым крючком для глобальных изменений. Эта гипотеза вполне укладывается в традиции англосаксонской властвующей элиты. С целью запуска Первой мировой войны было организовано убийство кронпринца Австро-Венгрии, а также устранены наиболее влиятельные противники втягивания в войну России, включая Столыпина и Распутина. Для запуска Второй мировой войны американские и английские спецслужбы помогли Муссолини и Гитлеру не только прийти к власти, но и удержать ее в противостоянии с генералитетом, а также начать войну, принеся в жертву Чехию, Польшу и других европейских союзников. Можно также вспомнить операцию с самоподрывом американского военного корабля «Мэн» в бухте Гаваны, которую США использовали как основание для объявления войны с Испанией с целью захвата ее американских колоний. Или провокацию с обстрелом военных судов в Тонкинском заливе для вторжения во Вьетнам в 1964 году.

Эти совершенные в разное время провокации имели роковые последствия, запуская маховик необратимых процессов глобальных изменений. Они втягивали облеченных властью лиц в принятие predeterminedных заведенными порядками решений с катастрофическими последствиями. Как по нотам, были разыграны решения глав Австро-Венгерской, Российской и Германской империй о начале Первой мировой войны после политического убийства в Сараево. Действия Гитлера по узурпации власти в Германии и, затем, по развязыванию войны в Европе также просчитывались и укладывались в логику «заказчиков» этой войны. Последние готовили и запускали цепную реакцию военных конфликтов в тайне не только от участвующих в них народов, но и от парламентов и правительств, поставленных перед необходимостью принятия predeterminedных политической логикой решений.

Вбросив коронавирус и раскрутив панические настроения, организаторы гибридной войны поставили национальные правительства перед необходимостью принятия решений, в точности соответствующих сценарию Фонда Рокфеллера. Обладавшие «тайным знанием» игроки непосредственно перед обрушением рынка переложили свои капиталы из ценных бумаг в ценные металлы, упрочив свои позиции и подготовившись к скупке многократно подешевевших активов. Вероятно, они же употребили свое влияние для продолжения разработок коронавируса вопреки официальному прекращению этой научной программы американским правительством, а также его доставки в Ухань.

В этой связи возникает историческая аналогия со странным побегом Наполеона с блокированного английским флотом острова Эльба, который predeterminedил дальнейшее развитие событий во Франции вплоть до обогащения Ротшильдов на обрушении ими рынка английских облигаций с их последующей скупкой во время и после битвы под Ватерлоо. Английской армии пришлось заплатить за это гибелью многих тысяч солдат, а британской казне — миллионами фунтов. В целом же Наполеон оказался

выгодным для английской олигархии политическим орудием, посредством которого Франция была лишена своих колоний и низведена до второстепенной сухопутной страны. На этом историческом эпизоде завершилось формирование Английского векового цикла накопления капитала и становление колониального мирохозяйственного уклада, в котором Великобритания занимала центральное место.

Вполне возможно, что властвующий в США финансовый олигархат приносит в жертву уязвимые слои американского населения, чтобы парализовать ужасом смерти от коронавируса протест миллионов граждан, лишившихся своих активов и сбережений. Возможно, американское «глубинное государство»¹ об этом просто не подумало, прежде чем организовать эксперимент с коронавирусом. Так же, как английское «глубинное государство», потворствуя перед Второй мировой войной Гитлеру, не думало о будущих жертвах бомбежек Лондона и разгроме британской армии во Франции.

Впрочем, далеко не всегда роковые по своим историческим последствиям провокации достигают желаемых для их организаторов результатов. Мировые войны затевают страны, властвующая верхушка которых стремится сохранить свое доминирующее положение в рамках сложившегося мирохозяйственного уклада и обремененные перенакоплением капитала в производствах существующего технологического уклада. Однако побеждают в них страны, сумевшие своевременно сформировать институты нового мирохозяйственного уклада и освоить базовые производства нового технологического уклада. Для них в этот период открывается возможность совершить скачок в экономическом развитии, раньше других оседлав новую длинную волну Кондратьева и запустив новый вековой цикл накопления капитала.

Прошлая мировая война была спровоцирована английскими спецслужбами с целью удержания глобального доминирования Великобритании. Победителями в этой войне стали СССР и США, сумевшими быстро развить базовые производства нового технологического уклада благодаря созданию более эффективной системы управления, основанной на институтах нового мирохозяйственного уклада. Возможности мобилизации ресурсов вертикально интегрированными министерствами и корпорациями, организовавшими крупномасштабное производство, соответственно, в СССР и в США были намного больше, чем в дряхлеющих колониальных империях Западной Европы с их семейными фирмами и изнеженной аристократией. На первом этапе этой войны Германия легко разгромила все европейские государства благодаря концентрации ресурсов в корпоративно-административных структурах Третьего Рейха. Однако созданная в СССР система народнохозяйственного планирования оказалась более эффективной: имея на порядок меньший производственный потенциал, чем в объединенной фашистами Европе, Советский Союз уничтожил человеконенавистническую модель нового мирохозяйственного уклада в форме нацистского корпоративного государства.

Мировые войны прошлого столетия шли за обладание территорией. Во всяком случае со стороны главных агрессоров — Германии и Японии, про-

¹ Глубинное государство (англ. deepstate) — теория, согласно которой в США существует скоординированная группа государственных служащих, влияющих на государственную политику без оглядки на демократически избранное руководство.

возгласивших цели расширения жизненного пространства для своих наций, которым хотелось поработить все остальное человечество. Нынешняя мировая гибридная война разворачивается властвующей элитой США за контроль над мировой экономикой, прежде всего, ее финансовой системой. Благодаря приватизации функции эмиссии мировой валюты американская властвующая олигархия имеет возможности эксплуатации всего человечества посредством обмена создаваемых ею фиатных денег на реальные материальные блага и активы. Целью ее агрессии является завершение процесса либеральной глобализации, в рамках которой всеми странами должно обеспечиваться свободное обращение доллара в качестве мировой валюты и обмен на нее всех национальных товарно-материальных ценностей и активов. Поэтому боевые действия в нынешней гибридной войне происходят не посредством применения танков, кораблей и самолетов, как это было в прошлом веке, а путем целевого использования финансовых инструментов, торговых ограничений, кибератак и манипулирования общественным сознанием. Вооруженные силы применяются на завершающей фазе боевых действий в карательных целях для окончательной деморализации уже поверженного противника. А биологическое оружие — для создания паники населения в целях дезорганизации управления и остановки экономической деятельности. В конечном счете — для обесценения активов миллионов инвесторов и граждан с целью их последующей скупки глобальным олигархатом.

Победа в этой войне для США означала бы повсеместное формирование марионеточных режимов, от которых требуется не так много: строгое соблюдение рекомендаций МВФ по обеспечению открытости экономики и свободного движения капитала при отказе от создания национальной системы управления денежной эмиссией; приватизация государственных предприятий в пользу американских корпораций; передача американским агентам контроля над СМИ и телекоммуникациями; приобретение американской военной техники и следование в кильватере внешней политики Вашингтона. Американской империи не нужно держать оккупационные войска в подконтрольных странах: вышколенная в вузах США и Великобритании туземная властвующая элита с энтузиазмом выполняет указания из Вашингтона и получает свою часть дохода от эксплуатации национального богатства американским капиталом. В обмен американские кураторы освобождают ее от заботы о развитии национальной экономики, которая возлагается на иностранных инвесторах.

Как показывает исторический опыт многолетнего контроля США за латиноамериканскими странами, Вашингтону достаточно держать своих агентов на руководящих постах Центрального банка, Министерств финансов, обороны и иностранных дел, чтобы проводить в своих интересах макроэкономическую, оборонную и внешнюю политику¹. Типичными примерами такой оккупации в современный период являются контролируемые США режимы управления Украиной, Грузией, Ираком, Бразилией и множеством других государств, включая входящие в ЕС².

¹ *Perkins J. Confessions of an Economic Hit Man [Исповедь экономического убийцы]* Ebury Press. 2005.

² *Глазьев С. Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне?* М.: Книжный мир, 2014.

Экономические последствия такой «мягкой» оккупации сравнимы с ущербом, нанесенным поверженным странам в ходе мировых войн прошлого века. Например, экономические потери России в период подконтрольного Вашингтону ельцинского режима сопоставимы с последствиями гитлеровской агрессии¹. Только в отличие от фашистской Германии, терявшей на оккупированных территориях живую силу и технику, американская властвующая элита получила контроль над триллионами вывезенного с постсоветского пространства капитала и сохраняющихся в нем активов без каких-либо потерь.

Гибридная война является куда более выгодным и комфортным делом, чем вооруженные конфликты прошлого века. Она хорошо укладывается в бизнес-логику американской властвующей элиты, силовые структуры и влиятельные кланы которой наживаются на оккупированных странах: ЦРУ — на наркотрафике из подконтрольных США Афганистана и Колумбии; Пентагон — на торговле нефтью из разгромленных американскими военными Ирака и Ливии; семейство Байденов — на приватизации украинской газотранспортной системы; Бушей — на нефтяных месторождениях Кувейта.

И это лишь отдельные примеры. Американские банки и корпорации переваривают активы и ресурсы оккупированных США стран, макроэкономическая политика которых обеспечивает выжимание в пользу американцев значительной части национального дохода. Их предприниматели принуждаются к использованию американских технологий. Американские коллекции пополняются уникальными экспонатами из разграбленных музеев. Медицинские клиники получают человеческие органы из погрузившихся в хаос стран для трансплантации богатым пациентам. Но больше всех зарабатывает американская финансовая олигархия, манипулируя финансовыми рынками подконтрольных государств. Даже на облигациях обнищавшей Украины подопечные Сороса ухитряются выжимать до 60 % годовых дохода.

Пожалуй, наиболее масштабным примером неокOLONиальной эксплуатации финансовой периферии США является выжимание национального дохода и богатства из России. В 90-е годы сверхприбыли сектора финансовых спекуляций образовались и росли на перераспределении государственной собственности через спонтанную ваучерную приватизацию, государственного бюджета — через финансовую пирамиду ГКО, сбережений населения — через частные финансовые пирамиды. Интенсивность этого перераспределения в интересах американских «партнеров» и конечных бенефициаров была чрезвычайно высокой, ежегодно составляя до половины всего фонда накопления страны, и сопровождалась образованием колоссальных финансовых пузырей².

Каждый рубль, вложенный приближенными к приватизационному ведомству спекулянтами в приобретение приватизационных чеков, в дальнейшем принес им десятки рублей прибыли на перепродажах растущих в цене акций изначально многократно недооцененных предприятий, что означало соответствующий ущерб или упущенную выгоду для государства. На финансовых пирамидах 90-х годов, апофеозом которых стало банкротство

¹ Глазьев С. Геноцид. М.: Терра, 1998.

² Глазьев С. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо. М.: ИД «Экономическая газета». 2011.

государства в августе 1998 года, международные финансовые спекулянты получали астрономические прибыли. Вывезя из России сотни миллиардов долларов и обрушив финансовую систему страны, они затем снова вернулись, скупая тридцатикратно подешевевшие активы. Очередная накачка ими российского рынка ценных бумаг, подогреваемая ростом цен на нефть, была ошибочно воспринята российскими властями и бизнесом как экономический бум. Бурный рост капитализации фондового рынка на поверку оказался финансовым пузырем. Он лопнул сразу же после падения цен на нефть и оттока иностранного спекулятивного капитала, в очередной раз, повергнув российскую финансовую систему в глубокий кризис 2008 года. В этом примере уже тогда проявился финансовый фронт объявленной США глобальной гибридной войны.

Неоколониальная эксплуатация периферийных стран посредством валютно-финансовых и ценовых инструментов неэквивалентного внешнеэкономического обмена является характерным элементом Американского цикла накопления капитала. Но его оборотной стороной становится обнищание подконтрольных США стран, что влечет истощение глобальных воспроизводственных контуров сложившегося мирохозяйственного уклада. Несмотря на сверхприбыльность американской агрессии на Ближнем Востоке, в СНГ, Латинской Америке, в этой гибридной войне США обречены на поражение в силу исчерпанности возможностей их системы управления обеспечивать устойчивый экономический рост и повышение благосостояния населения.

Обнищание и деградация стран, ставших жертвами ведущейся Вашингтоном мировой гибридной войны (Ирак, Ливия, Украина, Грузия), является наглядным свидетельством падения эффективности американоцентричного имперского мирохозяйственного уклада на фоне успешного развития стран, интегрируемых КНР в рамках проекта «Один пояс — один путь» (государства Индокитая, Пакистан, Монголия, Шри Ланка, Эфиопия). Для удержания глобального доминирования американская властвующая элита повсеместно разрушает воспроизводственные контуры неконтролируемых ею стран посредством применения рассмотренных выше инструментов гибридной войны. Но она не ставит задачу создания новых возможностей для развития подконтрольных стран, передавая их в эксплуатацию своим корпорациям. Выбив китайцев из ряда африканских стран лихорадкой «Эбола», американцы не стали достраивать начатые КНР объекты социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры, ограничившись установлением контроля над источниками их национального дохода. Отрезав от России Украину, американские марионетки не стали замещать разорванные кооперационные связи и прекращенные инвестиционные проекты новыми, а передали наиболее доходные объекты украинской экономики американско-европейскому капиталу. Для народов периферийных стран разница в перспективах встраивания в интеграционные структуры нового мирохозяйственного уклада или неоколониальной эксплуатации американскими корпорациями становится все более очевидной. Потерявший свою эффективность имперский мирохозяйственный уклад становится все менее привлекательным и разрушается по мере становления и расширения механизмов воспроизводства нового, интегрального, мирохозяйственного уклада.

Сергей ШАРГУНОВ

РУССКИЕ НА РУИНАХ

Рассказы

Сергей Александрович Шаргунов — писатель. Окончил МГУ им. Ломоносова. Депутат Государственной Думы РФ VII и VIII созывов. Лауреат премии «Дебют» в номинации «Крупная проза», госпремии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий «Arcobaleno» и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Книги переведены на итальянский, английский и французский языки. Главный редактор сайта «Свободная пресса», журнала «Юность». Член Общества русской словесности и Патриаршего совета по культуре. **Живет в Москве.**

Автор фото: MollySTUDIO

РУССКИЕ НА РУИНАХ

Собиралась гроза, надвинулись мощные тучи, вихрь поднимал и кружил пыль, швыряя в глаза и за шиворот. Пыли становилось все больше, мы приближались к месту назначения.

Высокие стены бывшего тракторного завода простирались вдаль — настоящий мертвый город. Под ними покоились кирпичи и бетонные обломки, торчали ржавые железяки. Отсутствие крыши, оконные провалы, облезшая голубая краска.

Ветер крутил черно-серую пыль между стенами, уносил до небес и, казалось, так насыщал эти низкие тучи.

Виктор Евгеньевич, прямой, с морщинистым приветливым лицом и светлыми глазами, в светло-сером пиджачке неспешно вел меня по советскому Акрополю и негромко объяснял:

— Работников — двадцать две тысячи, тракторов — тридцать три тысячи в год. Вся молодость моя. Начинал я помощником мастера. И так до начальника цеха. Вся жизнь!.. Разные трактора делали. На нашем дизельном целину пахали.

— А потом?

— А потом не стало ничего, ни завода, ни зарплаты. Так и жили без всего, но я хоть выжил, вот до пенсии дотянул. Да разве во мне одном вопрос? Правильно говорят: не имей сто рублей. Сколько здесь друзей настоящих было. Сто точно наберется! Ты себе только представь!

— И вы их всех помните?

— Конечно, а то! Как будто вчера вон в том цеху с Димкой Комаровым из чугуна детали отливали. Задний мост, корпус двигателя. Ты пойми, для меня ж это не просто камни, я про каждый закуток могу целый день говорить. Кто спился, а

кто... Барышников утонул, Нефедов Серега сел, Кружков в бандиты пошел, ну и сгубил себя, Мишка уехал, однокашник мой, и нет вестей, вроде таксист у вас в Москве, Захаров Колька и вообще... — худой рукой он ловко очертил ноль вокруг шеи и перекрестился.

Он шевелил узкими губами, перебирая имена, не для меня, а для чего-то еще, отражая небо и развалины отсутствующим взглядом.

— А дружили как? — спросил я.

Он не отвечал; туча раскинулась огромным небесным заводом с лиловой проходной, серыми корпусами и черными дымными трубами.

— В гости ходили. Помогали. До полочки занимали и просто, вообще. Всяко бывало. И драки тоже.

— С друзьями?

— Не знаешь разве, как. Подерутся, потом обнимутся. Вот тебе случай. Недавно было, уже завод сломали, Ермолаев с Гордеевым пили-пили во дворе и за что-то поспорили. Ермолаев давай его душить, а Гордеев ему ножом. Увезли Ермолаева в больницу и протокол составили, а он ничего на друга своего не говорил. Посадили, значит, Гордеева, а у него жена, дети, и стал Ермолаев всюду возмущаться и письма писать: «Как так? За что друга моего посадили? Он ни в чем не виноват». Но не помогло.

— Такая дружба?

— Они и сейчас переписку ведут. Да я и сам: сорвусь под конец дня, наору, зашпыняю, а ночью спать не мог, — он часто заморгал. — Помню, лежу и думаю: все, считай, родня, а ты на них.

Отвернулся навстречу новому удару ветра, и донесся негромкий глуховатый голос:

— Мы и сейчас дружим.

— Правда?

— Если помню, значит, дружу.

В тот вечер меня пригласили в клуб поэзии под названием «Сладостное слово» и сказали, что здесь очень ждут.

Каменные ступеньки вели в подвал, где суетливо-радостно встречала крупная пожилая женщина Нина Ивановна в темно-бежевом платье, пенные кружавчики у ворота. Ее улыбка не угасала. Пахло сыростью.

— Вы не взывайте, как говорится, — мы прошли в небольшую комнату: на стенах висели календари с котиками и церквями и стоял стол с чашками чая и кусками пирога на тарелках. — Кушайте, это свой, с курицей и картошечкой. И эти свои, не бойтесь, у меня чистая... — она нырнула в банку стремительной пятерней. — Ах ты, хитрый, не уйдешь! — и, поборовшись, поймала огурец.

Кто-то постучал в окно под потолком. Она секундно вскинулась:

— Опять ребяташки балуются.

Новый стук.

— Вы ешьте, ешьте. Хотят, чтоб я крикнула, тогда им весело. Жалко их, никто ими не занимается.

Маленькая старушка в ярко-розовом платочке жадно просунулась в комнату, позади толпились люди.

— Николавна, проходи в залу, чай после собрания, — строго произнесла Нина Ивановна и вновь переключилась на меня. — Ну, как наш пирог? Правда, чудо? Вы готовы? Пойдемте слушать?

«Зала», куда я за ней проследовал, была комнатой побольше, но без окон, с президиумом — стол и два стула для меня и ведущей. На стульях разместились человек двадцать, почти все женщины, в основном немолодые. Сыростью здесь тянуло еще сильнее.

— Сегодня у нас необычный гость, — торжественно начала Нина Ивановна, — писатель из Москвы. Он нас всех рассудит!

Она объявила, что за неделю все желающие приготовили стихи, посвященные любви, и стала вызывать по списку. Женщины выходили и читали под вялые хлопки соперниц.

Кудрявая дама в синем, сладко пахнущая духами, поклонилась зале, затем президиуму, и я заметил, что малиновая помада испачкала ее верхний зуб.

*Люблю тебя в разгаре мая
И холодно когда, люблю,
Навек душа твоя родная,
За все тебя благодарю!*

В конце стихотворения горячо захлопал бровастый старик, как я предположил, супруг-болеыщик.

— Все это было, было, было, — вздохнула другая женщина, худая и бледная, в льняном сарафане, расшитом цветами.

Ведущая вызвала ее, представив: Анна Гамаюн. Та зашуршала листком и сбивчиво, но протяжно зачитала нерифмованные строчки:

*О, следы на песке — это эхо беглянки,
Ее рай наслажденья так далек и так близок.
Где-то там, где закатный пожар горизонта,
Золотые загадки красивого тела.*

— Ерунда, как и твоя шарлотка, — прохрипел старик с бровями.

— Почему это ерунда? — оскорбленно спросила сарафанная. — Я, между прочим, ваши беляши не обсуждаю.

— А ты обсуди, — насмешливо, как бы в сторону, отозвалась дама в синем, — ты тесто месить научилась бы.

Мне стало совсем неудобно от этой склоки и от того, что придется судить, чьи стихи лучше, и, вскочив, я громко попросил:

— Расскажите немного про себя! У вас такое странное название «Сладостное слово». Кто придумал?

В зале засмеялись.

— Это в честь нашего завода, — с достоинством сказала узкоглазая женщина в плюшевом пиджаке.

— Сахарный завод у нас был, — пояснила Нина Ивановна, — при нем ДК. Мы там собирались, песни народные пели, танцевали, на разных инструментах играли. Сначала завод закрыли, потом ДК, ну, мы сюда и перебрались, в подвал.

— А чтоб показать, что дело наше правое, так и назвались: «Сладостное слово», — добавила узкоглазая.

— Сахар стучит в наше сердце! — это был другой старик, молодцеватый, длинный, он стоял у входа в кроссовках и футболке *Sex Pistols*.

— Легко сказать, перебрались. Нас отсюда все время гоняли, — вмешалась женщина с глянцевиной клюкой на изумрудной юбке, из-под которой выступали распухшие колени. — Пока Филиппов не разрешил.

— Все равно этот подвал непригодный, — продолжила Нина Ивановна. — Что ни год, то потоп. Наша Бия весной разливается, а дамбы нормальной нет. Прошлый год целиком затопило, по улицам лодки с эмчезниками гоняли. Паводок сойдет — мы соберемся, воду откачаем и все, как можем, в Божий вид приведем, картины повесим, — широким жестом она показала на стены. — Это конкурс у нас был. Родной край. Кто чем рисовал: карандашами, акварелью. И бабушки, и внуки.

— И внучки! — раздался чей-то умиленный голос.

— Чего вам еще рассказать? У нас такое правило: на каждую встречу стараемся празднично одеться и каждый раз кто-нибудь свое любимое блюдо сготовит и принесет, угощает.

— Мы не только стихи читаем, — сказала женщина в черной майке с серебряными стразами и очках, скрепленных изолентой. — Мы инвалидам помогаем.

— Это да. Кто лежачий или из дома уже не выходит, мы к тем ходим, убираемся, еду носим, стихами радуем.

— И что, все сами? — спросил я. — Никто вам денег не дает?

— А кто нам даст, — зашумели в зале, — все сами, вскладчину.

— Мы по богатым ходили, — Нина Ивановна с тонким посвистом втянула воздух. — Один помог, Филиппов. Он здесь большой шишкой был, прошлой весной за взятку посадили. Это он нас не выселил, спасибо ему. Вот он даже денег дал, смешно, правда, всего тыщу рублей. Раньше вокруг него хороводы водили, дружков половина города, тыща человек, наверное, а когда убрали, и вспоминать не хотят.

— Не имей сто рублей, — пробормотал я.

— Вот именно! Мы ему передачу делали: колбасу и носки.

— Сама вязала, — важно сказала старушка в розовом платочке.

— Мы ему и письмо написали, со стихами, — закивала Нина Ивановна. — Чтоб не горевал, всякое в жизни бывает.

— Моя сочинила, — приобнял старик даму в синем.

— А я что, не писала? — резко спросила женщина в сарафане.

— И ты писала, — добродушно усмехнулся он. — Целую поэму накатала.

Они рассказывали о себе, торопливо, упоенно, перекидывая друг друга, чтение продолжилось, сырость пахла сладостно и сложно, хвоей после дождя и океанским бризом, и мне казалось, это катакомбы и первые христиане...

Когда настало время объявить победительницу, сказать оставалось одно:

— Прекрасные! Все стихи прекрасные!

ПОЛОСА

Он каждое утро ходил по гребаной полосе и наступал на плиты бережно, как на надгробия.

Гребаной полосе называла дочь; очевидно, ей было неловко при отце употреблять более резкое слово. Она предлагала отцу из таежного поселка переехать к ней в Пермь, но он говорил:

— А она? Куда ж я без нее.

— Что она тебе, жена?

— Может, и жена, и родня. Я же это, за ней слежу, как за кладбищем. Осенью завалит ее ветками — разгребаю, летом кошу, где трава лезет, зимой снег чищу. Ты меня знаешь: я без дела не умею. И вообще человек упрямый. Работаю и о тех, кто помер, вспоминаю. Как будто все они в одном месте лежат, а я им, это, вечный покой обеспечиваю. И на всякий случай работа — вдруг спасу кого-то.

— Кого спасешь? Какая работа? Кому она нужна? Чокнулся ты, папка, — нежно говорила Таня и гладила по голой голове.

У него голова была голая, выпали все волосы, но висели подковой седые усы. Был Алексей Петрович Соков худ, легок и с маленькими голубыми глазами — яркими, как у маньяка.

Полтора километра бетонки тянулись последним смыслом для Сокова и заканчивались непролазным болотом. Ему было шестьдесят три, жил на пенсию в поселке, где осталась сотня человек. Половина из них когда-то была у него в подчинении, но теперь никто не хотел помогать. Команда, которая рядом, живет вокруг годами, но не признает больше капитана. Только Антон Антоныч, коротышка, иногда помогал. Если сильно напивался — гордо и с песнями. А трезвый помогал тайком — или затемно, или ближе к сумеркам.

Здесь был аэропорт, и Соков был его начальником. Пятнадцать лет назад отменили самолеты и полосу, оставили площадку для вертолетов, сократили штат. Так большинство подчиненных стали безработными — кто уехал, кто остался, и недобро следил за тем, как дело Сокова погибает. Восемь лет назад уволили всех, объект исключили из реестров. И с тех пор в ведении Сокова — рядом с его домом — остались и площадка, и полоса. Дом разрушался, надо было менять крышу, ставить новое крыльцо, но Соков все отчаяннее отдавал себя делу — под открытым небом.

Утром, покружив на площадке, уходил вышагивать по полосе, как журавль. Даже при славной погоде бетонка блестела, потная. Она все время крошилась, разделялась на плиты. Однажды в мае, ближе к концу, к болоту, он нашел мертвого волка. Тощего и тусклого. Оттащил и завалил листьями. Правильно было бы ходить с ружьем, опасно же, но Соков предпочитал таскать что-нибудь другое — зимой лопату, летом косу, — утешая себя, что и этим отобьется, если нападет зверь.

А земля под ветхим бетоном напрягалась, он это чувствовал, и хотела сбросить поклажу — давно не нужную. Соков сам был такой поклажей на земле. Жена умерла три года назад. Алексей Петрович знал свою вину в ее смерти. Надо было убраться из этих мест, она ведь в спокойствии нуждалась. Она слишком беспокоилась. Ругала по-всякому. Говорила, что он позорит себя и ее перед соседями: «Лучше сдохнуть и не видеть стыд такой!», и повторяла даже: «Лучше бы ты пил, а не идиотничал!» Она без конца называла Сокова сумасшедшим. И вот умерла. Во сне. Обычно громкая, оставила тихо.

По утрам, вышагивая бетонкой, Соков все чаще напрягал глаза и вчитывался под ноги, словно ждал, что увидит надгробную надпись «Сокова Галина Викторовна, 1945—2008».

Дочка Таня выросла и уехала в Пермь. Работала там в музее, но не просто, а современного искусства. Заявлялась раз в полгода, звонко смеялась,

тормошила, несколько инструментов привезла, чтобы легче было нянчиться ему с полосой. И хоть смеялась, все время выходила на крыльцо и курила. Соков качал головой: «Замуж бы тебе», — и подозревал то, о чем и соседи судачили: «Танька у него проститутка», но она показала ему серию открыток, где высывалась из люка надувного резинового танка с лицом, раскрашенным ярко-алю, как в клюкве. Корпус танка был полупрозрачным, светло-зеленым, и Соков, щурясь, спросил: «А ты чего там в танке? Голая?» — «Почему? В бикини», — мигом зарозовев, пробормотала Таня, спрятала открытки в дорожный баул и больше не доставала.

С тех пор, как объект отменили, все оживилось, торопя события: чтобы поскорее земля показалась, свободная. Ожилась природа. Несколько раз полосу заливало так, что она полностью сливалась с болотом, и Соков думал даже, что ее потерял. Но солнце творило чудеса, бетонка опять выступала, хотя, конечно, приходилось особенно потрудиться, расчищая от мути и гнили.

Зимой Соков раз в месяц нанимал мужика из другого поселка, представлялся, и тот, озорно его матеря, сражался со снегом и льдом на своем тракторе. Летом повадились грибники. Эти чужаки ставили свои машины на полосу, а то и на площадке. Соков выскакивал из дома:

— Ехай отсюда! Щас ребят позову, они вам покажут! Мне ружье принести, а? Это объект, понял? А вдруг самолет, и чего?.. Тебе на башку сядет, да?

Слюна прыгала у него на губах, глаза горели так электрически ярко, что грибники предпочитали не связываться с психом. Он махал руками страстно и длинно, зачерпывая небо, точно призывал самолет немедленно опуститься.

Было и такое: тогда жива была жена, дочка жила с ними и ходила в ближний поселок в школу, и работала еще небольшая, но команда, и на площадку еще иногда садились вертолеты, — приехали бандиты. Соков говорил с ними, тремя, отдельно, в конце полосы, где начинались топи.

Они разговаривали с ним загадочно и пританцовывая.

— Сухо, — полувопросительно сказал главный, круглоголовый и безволосый. — Сухо у тебя. Зачем земляца, с..., пропадает? Глупо, земля. Мы ж в Коми или не в Коми? Сам знаешь, нет земли. А у тебя есть. Мы бетон сковырнем и строиться будем, ты усек?

Сослуживцы видели издали: Соков в мольбе задирает руки и размахивал руками, точно крыльями (может, отгонял мошкар?), пританцовывал каким-то своим танцем, он и в танце хотел переспорить гостей. Его толкнули, упал. А трое прошли к большой машине, стремительно и молча, и с дикой скоростью умчали. Соков шел медленно и хромя, и рукав его отекал вонючей болотной жижей, и все начали готовиться к худшему, но никто не вернулся. Вероятно, собирались вернуться, но им помешала какая-нибудь разборка, и они навеки сгнули где-нибудь среди болот. Зато Соков в тот же месяц начисто облысел и головой стал как тот главный бандит, который требовал отдать сухую землю, без пользы покрытую советским бетоном. И еще Соков укрепился в деле. Он стал будто бы жрецом отмененной веры, который хранит священное пространство, ожидая сошествия божества.

Осенним днем 2010-го Антон Антоныч помогал Сокову по пьяни. Опьянение давало соседу сил и желания общаться с Соковым. Антоныч пел,

бормотал, уходил далеко и приближался и даже обнаружил бревно, которое столкнул в заросли, прочь:

— Вот! Лежало! Это разве дело? Порядок нужен! А то мало ли...

Соков не ответил.

В тот день он лег спать рано. Рано вставать, да и спал с перерывами. Проснулся от шума и свиста. За окном мелькнула широкая тень, и с чудовищным железным грохотом что-то обрушилось и загремело.

Соков узнал этот шум. Сжало сердце. Он влез в сапоги, выскочил из дому и побежал.

Он бежал сквозь ветер, морось и сумрак в трусах и майке. Он бежал, и бежал, и бежал. В конце полосы, невероятный, словно мороженое из детского сна, белел лайнер.

Как рассказали потом пилоты Ту-154, они не поверили своим глазам. В тот день их пассажирский самолет, летевший рейсом Полярный—Москва, в воздухе перестал работать. Короткое замыкание. Полностью исчезло энергоснабжение — отказали бортовые аккумуляторы, срок службы которых истек. Самолет плыл над тайгой, изнутри погаснув, снижаясь к гибели. И вдруг, как чудо или как издевка, среди непрерывного мрака деревьев мелькнула площадка, проступила полоса.

Самолет сделал круг, опустился, промчал бетонкой безо всяких препятствий и уткнулся в болото.

ВЫШЛА КНИГА

Голубев В. П.

Сильных не жалко. — СПб.: Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 160 с.: ил.

В новую книгу известного петербургского поэта Валентина Голубева вошли избранные стихотворения из новых тетрадей, а также из предыдущих книг.

Творческой манере автора свойственны экспрессия, высокий накал чувств, современная техника стихосложения. Книга выходит в юбилейный год поэта.

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга.

ПОЭЗИЯ

**Валентина
КОРОСТЕЛЁВА**
**«НО ОПЯТЬ
ВПЕРЕДИ —
ФРОНТОВЫЕ
ПОЭТЫ»**

Валентина Абрамовна Коростелёва (Валентина Сунцова) — родилась в Кирове (Вятке). Поэт, публицист, литературовед. Окончила Литературный институт им. Горького. Автор 21 книги, из них 12 поэтических. Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов им. Андрея Платонова, им. Федора Тютчева, им. Андрея Белого и др. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в подмосковной Балашихе.**

ФРОНТОВЫЕ ПОЭТЫ

Подарила война
Им суровые меты.
Не забыли ни дня
Фронтовые поэты.

Наступают года,
Седина над висками, —
Все же их никогда
Не назвать стариками.

В них особинка есть —
Не в медалях, не в чине:
Их пароль — это честь,
Это звание мужчины.

...Ах, не просто нести
Твои боли, планета!
Но опять впереди —
Фронтовые поэты.

КОГДА ПОЮТ ОДНОПОЛЧАНЕ...

Когда поют однополчане —
Стихают реки и моря.
Глаза, знакомые с печалью,
Как прежде, молодо глядят...

Мы нитью связаны не тонкой
И видно всем единство душ, —
Но нам догадываться только
О дружбе — выше всяких дружб.

Как сердцу каждого солдата,
Для нас священен отчий кров, —
Но мы не знали высшей платы
За эту к Родине любовь.

И пусть не лыком шиты сами
И к звездам тянемся одним, —
Но нам еще держать экзамен,
Еще внимать отцам своим!...

ПИШУ О БЕРГГОЛЬЦ

Нечасто так много значит
Поэт для души моей.
Пишу о Берггольц и плачу,
Как будто над жизнью всей.

...Легка, молода, красива,
Как водится, — два крыла...
О, Боже, откуда силы
Она всякий раз брала?

И это ее пытали,
Потом признавая — зря.

И это ее предавали,
Когда предавать нельзя.

Все Время поставит на кон,
И что вспоминать нельзя...
И будут мужчины плакать,
Как плачу сегодня я.

ДВА ПОРТРЕТА

Эх, была дорога без конца,
А теперь конечна, между прочим.
Два портрета — мамы и отца —
Смотрят на меня и днем, и ночью.

Далеко угас отцовский след,
Только скромный
памятник на месте...

Через много горьких, тяжких лет
Вот они, родные, — снова вместе.

Молодые — хоть опять к венцу...
Ну, а мне —
так жить стараться, видно,
Чтобы горько не было отцу,
Чтобы маме не было обидно...

В ЭТИ МАЙСКИЕ ДНИ...

И снова от мыслей
нахлынувших тесно,
И снова едины сердца...
Военные фильмы, военные песни,
Портрет молодого отца...

И в будни высокие сердце вступает,
И вечное пламя горит...

Пусть горькая правда
к земле пригибает, —
Она же и дух закалит.

Россия ни дня не жила без боли,
Да только ее ли вина?
Пусть жизнь закипает,
как минное поле,
Но главная тропка видна...

ДАЖЕ ЕСЛИ...

Не сегодняшним днем скороспелым,
Не страстями, земными причем, —
Различаем мы черное с белым,
И — где холодно, где горячо.

В нас такая от века закваска,
В нас такие миры-берега,

Что живут в наших душах и сказка,
И Руси вековая тоска.

Мы Чайковского чувствуем кожей
И своим прозреваем путем...
Даже если нас всех уничтожат, —
Мы в родимых полях прорастем.

СВЯТОЙ ОГОНЬ

Уходят поэты, уходят...

В. К.

Берут ветераны билеты
Туда, где века пролегли.
Уходят не только поэты, —
И лучшие люди Земли.

И слезы — не только по людям,
Но все беспокоит вопрос:
А мы-то, какими мы будем?
Куда нас ветрило занес?

Неужто скандалы и деньги —
Вся суть этих новых времен?
Взрослеют на гаджетах дети
И «лайками» свет упоен.

Хоть судьи щедры на пятерки,
Да в душах огонь попригас...
Уходит в предания Теркин,
А надо, чтоб жил среди нас.

ПОЭЗИЯ

Олег СЕЛЕДЦОВ

«ВОСКРЕСЕНИЕ ТВОЕ, ХРИСТЕ СПАСЕ, АНГЕЛИ ПОЮТ НА НЕБЕСЕХ»

Олег Валерьевич Селедцов — прозаик, публицист, поэт. Родился в 1967 года в г. Бодайбо Иркутской обл., окончил филологический факультет Адыгейского пединститута. Служил на Черноморском Флоте. Гл. ред. Краснодарской библиотеки для слепых им. Чехова. Засл. работник культуры Респ. Адыгея. Член СП и Союза журналистов России. Лауреат международных и Всероссийских лит. конкурсов. Автор 19 книг стихов и прозы, более 250 публикаций в российских и зарубежных изданиях. Награжден орденом преп. Сергия Радонежского и медалью Сергия Радонежского, грамотами от Святейших Патриархов всея Руси Алексия II и Кирилла. **Живет в Краснодаре.**

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ

Прочь оковы! Забыты и рабство,
и страх.
Нам Господь этот день послал.
И исполнены радостью ветви
в руках,
И одежды у ног осла.

Посмотри, как ликует Иерусалим.
Торжествуют и стар, и млад.
Что ж печалию скованы брови,
мой Сын,
Что же слезы в глазах блестят?

Мати, мати, не нужно восторга,
постой.
Этот город и глух, и слеп.
В нем никто не захочет наутро
со Мной
Есть из чаши вино и хлеб.

Крик: «Осанна!» —
не тронет небесной тиши.
То ли будут кричать они?
Слышу я, как в Претории
стены крушит
Рев несчастной толпы: «Распни!»

И не понял никто
тайны вечной Христа,
Что пророкам открылась встарь:
Царь земной не вошел сквозь
Златые врата,
Лишь к Голгофе небесный царь.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Изыди, Лазарь!
И рассыпалось эхом и росами,
Степным рассказом
Над плечами речными, плесными.

Над лесом вечным,
Над вершинами, нам не видеть их.
Дугою млечной,
И гудит, и гудит: «Изыдите»!

В бриллиантах верба,
В тайнах девочки,
в космосах мальчики.

Воскресла вера.
И спешат, и спешат одуванчики

Будничность серую
Обернуть в золотую империю.
Господи, верую!
Помоги моему неверию.

ИУДА. СТРАСТНАЯ СРЕДА

Шилом в горло лезет ночь, я врачей отверг.
Как прожить мне этот день — будущий четверг?
Ни секунд и ни минут, только боль и боль.
Боже, воля пусть Твоя, но меня уволь.

Буди, буди, Отче наш! Утро не буди.
Пусть взорвется до зари динамит в груди.
Пусть не выпадет роса на покос из глаз.
Пусть в крови я, только Ты не остави нас.

И в борьбе вселенских сред, на конце среды
Всех сожженных повестей воскурю я дым.
И на жертвеннике том, где не властна ночь,
Я заклал бы сам себя... Не могу. Невмочь.

ЛИТУРГИЯ

На покосившемся кресте грустит туман.
Нет никого, хоть здесь когда-то кто-то жил.
И тихий вечер посвящен в духовный сан.
Чин литургии в старой церкви отслужил.

С кадилом сумерек по храму бродит тень,
Молитв и судеб вороша водоворот.
И регент ветер, не грешивший в этот день,
На мертвом клиросе ектинии поет.

Случайный дождь на службу капельки привел.
В сакральный час вдруг осветился «Храм в пыли».
И во Святая, где когда-то был престол,
Христовы Тайны снова чашу обрели.

Свершилось. Чудо! Чудо!! Ожил храм.
Благодарение пропел на хорах гром.
И, причастившись, где-то в прошлом, где-то там,
Забывший ангел плакал бережно псалом.

ЧУДО

Кружат огни, и марш разносится
Из допотопного кино.

Так осень — вековая сводница
Нас заманила в казино,

Где ставит на zero до верного
Ноябрь-шулер все, и вдруг
Очнулись цветом ветви вербные,
Постигнув тайну пут и мук.

А Осень злится, Осень бесится.
Уже с Зимой подписан пакт.

Но слушай: на рожке из месяца
Играет ангел вербе в такт.

И пусть сума тебе нагадана
Угрюмой суматохой дней,
Но над планетой запах ладана,
А над Россией — звон церквей...

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 2020 ГОДА

Осанна! Осанна!
Под ноги осленку хитоны.
Все земли и страны,
Встречайте Владыку миров!
За нашу неволю,
За наши страдания и стоны
Он собственной болью
Сполна расплатиться готов.

Мы чувствуем силу —
Вот дрогнули крепости ада.
Наш Царь и Мессия,
Избавь нас в грядущей войне

От бед всевозможных,
От вирусов, моров и гладов.
А мы осторожно
Пока посидим в стороне...

Так будет, пожалуй,
Надежнее, Господи-Спасе...
Всем старым и малым
Подарит спасение Он.
На телеэкранах
Мы вербами путь Твой украсим.
Осанна! Осанна!..
Но тише! Звонит телефон.

ПАСХА В МОСКВЕ

Купола над землей, и еще купола.
Вся Москва словно купол с единым крестом.
И безудержным звоном тревогу смела
Ширь пасхальная в радостном часе святом.

В ярком золоте радости взглядом окинь:
Слезы Чистых прудов и бульвары Кольца,
Где, взмывая с трезвоном в небесную синь,
Раскалились, как колокол, наши сердца.

И уже не остыть и душой не уснуть,
Ведь средь тысяч прохожих, знакомых до слез,
Суету обраща в единственный путь,
В ослепительно белом шагает Христос.

ВЕЛИКАЯ СУББОТА 2020 ГОДА

Руки сложил в молитве.
Нас во вселенной двое.
Слезы мои умыты
Ладаном или хвоей.

Нас во вселенной двое —
Я и Господь распятый.
Душу мою закроют
Скорби литые латы.

Рядом еще не бьется
Сердце свечи Пасхальной.
Небо, земля и солнце
Траурны и печальны.

Мир не погиб, а просто
Реки покрылись тиной,
Спрятались в тучах звезды,
Словно на карантине.

Сжались цветы в бутоны,
Бьются минуты в муке.
Тягостно монотонны
Ветровой скрипки звуки.

Странно все, вздорно, лишне.
Нас во вселенной двое.
Но подождите, тише...
Кто там молитве вторит:

*«Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесах.
И нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить».*

ВЫШЛА КНИГА

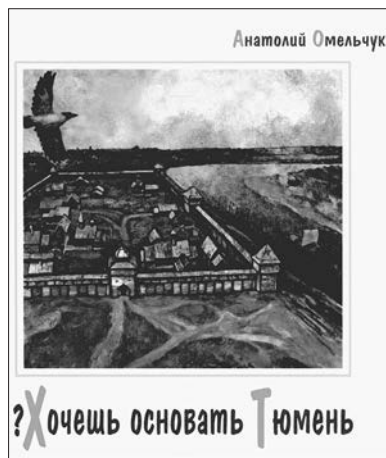
Омельчук А.

?Хочешь основать Тюмень. Тюменский завет. Тюмень: Инфо-плюс, 2021. — 384 с.

Художники:

А. Кухтерин, Г. Райшев. Фотографы: Э. Улыбин, К. Омельчук.

У книги есть подзаголовок — «Тюменский завет». Завет — слово обязывающее, по пустякам его не произносят. Завет — о заветном, не осуществленном — но осуществимом. Долго не осуществляемый — ветхий. Не завещание — послание современникам. Возможно потомкам. Тысячелетней Тюмени. Тюмени Великой нет никакого резона скрывать свой серьезный исторический возраст. Он ее красит, украшает, делает настоящим бриллиантом азиатской России. Тюмень же — любимая. Любимой ничего доказывать не надо — любимой верят, глядя в глаза. Эта книга — взгляд гражданина России, русского азиата и взгляд с азиатской колокольни великой России.

История и современность

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

БОГОСЛОВИЕ БЫТИЯ И ВЫЗОВЫ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПОТОПА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Гордые скрыли силки для меня и петли, раскинули сеть по дороге, тенета разложили для меня.

Псалом 139:6

Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному...

Евангелие от Луки 21:34–35

Ведь нужно, я думаю, из всего, относящегося к человеку, ничего не оставить неисследованным: ни того, что, как веруем, произошло прежде, ни того, что, как надеемся, обнаружится в будущем, и ни того, что созерцается ныне.

Святитель Григорий, епископ Нисский

Долго строил Ной свой чудесный спасительный корабль по велению Божию. А Бог ждал, откладывал час наказания развратившемуся человеческому роду, надеясь, что люди поймут Его знамения и вернутся к жизни по Божиим законам. *«И увидел Господь (Бог), что велико развращение человеков на земле,*

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их. Ной же обрел благодать пред очами Господа (Бога)» (Бытие 6:5–8). Бог ждал и надеялся, что погрязшее в грехах человечество еще одумается. Но толпа, окружавшая корабль Ноя, измученного длительным трудом, пустынной жарой, палящим солнцем, послушно исполнявшего наказ Господа Бога, ничего этого не понимала и понять не хотела. Гордые исполины, наслаждающиеся издревле славой и жившие сотни лет (Бытие 6:4), посмеиваясь, издевались над стариком, поверившим в Божье предупреждение и не послушавшимся его. А Господь еще милосердно ждал, надеялся, что люди осознают, для чего они явлены на эту землю, и откладывал Свою кару. Но уверенные в своей силе и безрассудно забывшие, что они все же плоть, люди не чувствовали содроганий земли, не слышали гула приближающегося Потопа... *«И сказал Господь (Бог): не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими); потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет»* (Бытие 6:3).

Обратим внимание на то, что истреблению подлежали и животные. Если истребление людей-извращенцев, ставших на путь борьбы со своим Творцом, понятно, то при чем тут животные?.. Возможно, они каким-то образом участвовали или их использовали в процессе развращения, извращения (превращения). Постараемся ответить на этот и многие другие вопросы по означенной теме статьи.

Диалектика: архетип, миф и реальность

Что про эту библейскую историю скажут наши современники? Что это миф (в массовом, обыденном понимании миф — это небылица), что это выдумка, что никакого Потопа не было, что человек произошел от обезьяны, и своим поведением, обезьянничая и кривляясь, станут эту дарвиновскую гипотезу доказывать. Но некоторые люди начинают задумываться о своем божественном происхождении, когда сталкиваются с художественными произведениями, отражающими в выразительных образах те или иные события древности.

Многие видели выдающуюся роспись Ф. А. Бруни «Всемирный Потоп» в северо-западной части Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Психологичны образы персонажей, различно поведение и отношение их к происходящему. Кто-то сразу сдался стихии и принял смерть, кто-то пытается бороться, не оставляя свое брэнное богатство, как мужчина с кошельком в руке, не понимающий смысла произошедшего. Кто-то надеется обрести спасение за счет гибели ближнего, как тот силач, что отталкивает погибающего старика. Кто-то, начиная догадываться о своей вине, смиренно ожидает грядущей участи на скале, неумолимо погружающейся в пучину вод. И только одна женщина воздела руки к небу, о прощении грехов и спасении она взывает к Богу, символом Которого является Ноев ковчег, расположенный на дальнем плане.

Эта драматическая сцена у всех, кто ее хоть однажды видел, остается в памяти не только вследствие высокого художественного уровня воплощения древней библейской истории, но вследствие того, что роспись обращает зри-

Ф. А. Бруни. Всемирный Потоп. Роспись Исаакиевского собора

телей в глубины общечеловеческой памяти, будит то, что находится в бессознательной ее сфере. Это напоминание заставляет уверовать в реальность происходящего, в то, что без Бога человек слаб и порочен.

Противоречия в человеке всегда были глубоки и серьезны. С одной стороны, он способен на жертвенную веру, на героические подвиги «за други своя», на невероятные научные достижения, включая такие свершения, как космические полеты и гигантский скачок в информатике и медицине. Но, показывая невероятные духовные порывы, совершая огромные прорывы в сфере управления физическим миром, человек в то же время демонстрирует слабую способность управлять самим собой. Слова, сказанные апостолом Павлом две тысячи лет назад: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Послание к Римлянам 7:15, 19), — актуальны по сей и грядущие дни. С одной стороны, человек может достичь звезд, с другой стороны, оказывается способным на такую низость и жестокость, какой не встретишь в животном мире. Понимание и одновременно непонимание человеком самого себя достигло критической точки и требует самого серьезного изучения и самой внимательной работы мысли. Критическая точка — это не образ, это зримая реальность, сгусток множества печальных и трагических примеров.

Для начала обратимся к необходимым для понимания библейских и современных событий категориям, в частности к понятию мифа, наиболее объективное и глубокое осмысление которого независимо друг от друга провели русский философ Алексей Федорович Лосев (1893–1988) и швейцарский психолог Карл Густав Юнг (1875–1961)¹. Талантливость дорого обошлась

¹ Следует отметить, что Лосев и Юнг в своих работах друг на друга не ссылались. Это объясняется тем, что в 1921 г. был закрыт историко-филологический факультет Московского университета, а в 1922 г. на Запад был выслан т. н. «философский пароход» с выдающимися учеными, мыслителями. Лосев жаловался, что в течение

автору «Диалектики мифа». Книга, где А. Ф. Лосев раскрыл действенность мифов научных, философских и литературных, а главное — социальных в эпоху «великого перелома» и «построения социализма в одной стране», была запрещена цензурой, выбросившей все идеологически опасные места. Алексей Федорович не убоился запрета и вставил в печатавшийся текст то, что было исключено цензурой. Книга вышла в 1930 г., и вскоре ее автор был арестован. Ему дали 10 лет лагерей, жене — 5. Столь сурового приговора тогда никто не ожидал. Лосева стали «прорабатывать» в Коммунистической академии как зловредного идеалиста. Идеологические и политические обвинения предъявил ему на XVI съезде ВКП(б) Л. М. Каганович, и текст этого выступления сопровождал Алексея Федоровича всю жизнь. М. Горький, выступивший в «Правде» и в «Известиях» одновременно (12 декабря 1931 г.), также осудил взгляды философа. Таким образом, судьба ученого была предопределена. После приговора А. Ф. Лосева отправили по этапу в Карелию на строительство Беломорканала. Сначала Кемь, потом Свирьстрой, поселок Важина и, наконец, Медвежья Гора — неофициальная столица Гулага.

Огромный временной разрыв в философской разработке интересующей нас темы русскими философами вынуждает нас обращаться к западным исследователям этой темы. Почему нам приходится обращаться к европейской философии, являющейся контрапунктом русской науке, можно понять из предисловия А. Ф. Лосева к своей работе «Диалектика мифа». «Настоящее небольшое исследование имеет своим предметом одну из самых темных областей человеческого сознания, которой раньше занимались главным образом богословы или этнографы. Те и другие достаточно оскандалились, чтобы теперь могла идти речь о вскрытии существа мифа богословскими или этнографическими методами»¹. Лосев наперед оправдывался тем, что богословы и этнографы оскандалились. Поэтому нужен был диалектический подход. Слово диалектика в 30-е гг. звучала с непреодолимой магической силой. Но эти «хитрости» не спасли ученого от лагерей.

Лосев сожалеет, что в его время русская мифологическая наука не стала диалектической. Личность — есть самое существо мифа, поэтому диалектика мифа, как считает Лосев, не может существовать без социологии и психологии. «Надо вырвать учение о мифе и из сферы ведения богословов, и из сферы ведения этнографов; и надо принудить стать сначала на точку зрения диалектики и феноменолого-диалектической чистки понятий, а потом уже предоставить делать с мифом что угодно. Позитивно анализируя миф, я не пошел вслед за многими, которые теперь позитивизм изучения религии и мифа видят в насильственном изгнании из того и другого всего таинственного и чудесного. Хотят вскрывать существо мифа, но для этого сначала препарируют его так, что в нем уже ничего не содержится ни сказочного, ни вообще чудесного. Это — или нечестно, или глупо. Что касается меня, то я вовсе не думаю, что мое исследование будет лучше, если я скажу, что миф не есть миф и религия не есть религия. Я беру миф так, как он есть, т. е. хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе

десятилетий не мог получать современную зарубежную научную литературу. Приветствовалась только одна материалистическая марксистско-ленинская философия.

¹ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 6.

и как он мыслит сам свою чудесную и сказочную природу. Но я прошу не навязывать мне несвойственных мне точек зрения и прошу брать от меня только то, что я даю, — т. е. только одну диалектику мифа»¹. К сожалению, последняя фраза не спасла ученого от ОГПУ, где нашли намеки на современное мифотворчество в государстве победившего научного материализма.

«Судя по всему, древнее представление о слове-мифе как жизненной реальности оказалось у Лосева спроецированным в современную ему действительность, — пишет А. А. Тахо-Годи. — Происходила фетишизация одной идеи (например, идея материи, идея обострения классовой борьбы и т. д.). Но фетишизация издревле характерна для мифа. Поскольку же идея может двигать массами, то фетишизация, а шире — мифологизация идеи имеет поистине глобальные последствия. Один миф может, как в цепной реакции, создавать другой, но в такой же мере он может его уничтожать, разрушать. Миф заставляет целое общество жить по законам мифотворчества, и никакая наука не убедит и не разуверит человека в созданном им личностном или общественном мифе. Чистая наука предполагает гипотетичность. В мифе же всегда господствует единственная значимая идея»².

В рассмотрении поставленной нами задачи, связанной с исследованием процесса бытия и становления метафизической картины мира, невозможно обойтись без понятия психоанализа. Так говорит о психоанализе известный российский ученый, философ Эльмар Владимирович Соколов: «В самом общем смысле — это есть стремление выявить скрытые мотивы действий, мнений, истоки морально-психологических установок личности. Большинство людей не задумывается о том, что сознание — это еще не вся психика и даже не большая ее часть. За пределами сознания находится мощный психический аппарат, который формировался в течение многих тысячелетий и деятельность которого недоступна самонаблюдению, подобно тому, как недоступны ему деятельность печени и других жизненно важных органов. Однако именно в этой скрытой, бессознательной части психики находятся первоисточники многих наших чувств и мыслей. Здесь накапливаются до конца неосмысленные, неотреагированные переживания, происходит синтез единичных впечатлений и разложение целостных, но случайных образов, которые человек воспринимает во время бодрствования, в конкретной ситуации.

В сфере бессознательного переплетаются психическое и соматическое. Психические отклонения перерастают в болезнь тела. Здесь же формируются глубинные симпатии и антипатии к людям, причины конфликтов, которые бывает трудно понять. В бессознательном подготавливаются “роковые решения”, вызревают побуждения к героическим или преступным действиям, которых не ожидает ни само лицо, совершающее поступки, ни его окружение. Все социальные, межличностные отношения, массовая психология — пронизаны бессознательными мотивами»³.

Психологическую составляющую диалектики идей рассматривал выдающийся швейцарский философ, психоаналитик, которому принадлежат подробные изъяснения и убедительное обоснование таких привычных теперь понятий

¹ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 6–7.

² Тахо-Годи А. А., предисловие: А. Ф. Лосев. Жизнь и творчество // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 13–14.

³ Соколов Э. В. Введение в психоанализ. СПб.: Изд. Лань, СПб академия культуры, 2002. С. 5–6.

*Лосев Алексей Федорович (1893,
Новочеркасск — 1988, Москва),
русский философ, филолог, писатель*

*Юнг Карл Густав (1875,
Кесвиль, кантон Тургау — 1961,
Кюснахт, кантон Цюрих),
швейцарский психолог и психиатр*

как: «интроверт», «экстраверт», «коллективное бессознательное», «сновидение», «архетип», «миф», «символ и знак» Карл Густав Юнг. «В эпоху, сосредоточенную исключительно на расширении жизненного пространства и всемерном повышении рационального знания, высший выбор состоит в том, чтобы призвать человека к осознанию собственной уникальности и собственной ограниченности... Без них нельзя достичь восприятия неограниченности — и, следовательно, полноты сознания... Наш век сместил все акценты “на здесь и сейчас”, что привело к “демонизации” человека и его мира»¹. Подходы к данной теме у Лосева и Юнга отличаются: у Лосева больший акцент на историческую и социальную составляющую, а у Юнга — на онтологию.

Как отмечает выдающийся антрополог А. Позов: «Древняя онтологема Логоса об архетипах стала достоянием науки, и главная заслуга принадлежит Карлу Густаву Юнгу. Предшественником Юнга был Буркгардт (Burkhardt), который вышел, как и Юнг, из школы Зигмунта Фрейда. Буркгардт заимствовал понятие архетипа из герметической литературы и из сочинения Дионисия Ареопагита. Он называл архетипы “первообразами”², начальными образами, а позднее назвал их “доминантами коллективного бессознательного”, чтобы подчеркнуть их латентное состояние в обычном, дневном сознании. Юнг прочно удержал

¹ Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 331.

² Здесь приходит на ум математическая аналогия с «первообразной», являющейся интегральным, «материнским» значением функции, которое можно найти по известной ее производной путем интегрирования.

понятие архетипа в своем научном обиходе, но начинается с глубин неразумной души, видя первые проявления архетипизма в человеческих инстинктах. В этом пункте Юнг и его школа расходятся с точкой зрения Платона, видевшего в воплощенной идее проявление высшего совершенства. Юнг расходится и с древнецерковной концепцией архетипа, он приписывает ему биполярность, видит в нем и светлую, и темную сторону. Юнг считает архетип метафизическим и трансцендентным, то есть лежащим по ту сторону обычного сознания. Осознание или восприятие архетипического содержания Юнг ставит в связь с развитием личности: необходимо более высокое, глубокое или широкое сознание. Чем выше и совершеннее личность, тем совершеннее осознание архетипа.

Язык бессознательного, по Юнгу, есть образный язык, или язык притч, и архетипы представляются личными, персонифицированными, например солнце в виде короля, льва или дракона и т. д. Совокупность архетипов составляет содержание коллективного бессознательного. Их мотивы представлены во всех культурах, мифологиях, сказках, религиозных преданиях и мистериях. Таковы все мифы о героях, змеях, рыбах, сфинксах, покровительствующих животных, о мировом древе, рае, великой Матери, волшебнике, маге и т. д. В каждой индивидуальной душе эти мотивы коллективного бессознательного пробуждаются к новой жизни и оказывают на душу магическое действие (дифференциация. — *прим. авт. М. К.*).

Сумма архетипов, по Юнгу, есть лишь сумма латентных возможностей человеческой души, огромный и неисчерпаемый материал древнего (интегрального. — *прим. авт. М. К.*) знания о глубоких взаимоотношениях между Богом, человеком и миром. Пробудить этот материал к новой жизни в душе, значит устранить одиночество индивида, указать путь, поднять архетип до сознания. В этом заключается задача и долг¹.

Сегодня, более чем когда-либо, жизнь заставляет человека обратиться к поиску таких основ, с помощью которых он мог бы свободно и творчески осознать задачу «утверждения жизни в ее положительных реальностях», как говорил святейший Патриарх Пимен². То есть найти ее «первообразную». Поэтому так важно осмысление нынешних трагедий с помощью вечных библейских архетипов, которые в современной религиозной философии России и Запада совпадают (по крайней мере, частично) с понятием мифа, как последней (глубинной) смысловой инстанции.

Прежде надо сказать, что, обращаясь к библейским сюжетам, мы будем основываться на их исторической достоверности и в представлении их как метафизических концепций. Это станет условием разумного обоснования истин и как следствие — веры. Как говорил философ-богослов А. Ф. Лосев, вера и знание «не только не разъединимы, но даже и не различимы»³. Ученый также считал, что богословие — это сфера словесного воплощения

¹ Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Том 2. Апокатастасис. Мадрид, 1956. С. 10. Справка: Позов А. (1898–1984) Позидис Авраам Самуилович — понтийский грек, окончил в 1914 году медицинский факультет Киевского императорского университета. В годы Первой мировой войны — военный врач. Из Советской России иммигрировал в Афины, а затем — в Германию. Крупный специалист в области антропологии богословия, прекрасно владел древними языками.

² В статье использован материал из: Настольная книга священнослужителя. М.: Моск. патриархия, 1977. / Т. 8: Пастырское богословие, 1988. 800 с.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 134.

религиозного опыта. Сама жизнь живописна и красноречива, и ее перипетии являются ступенями, ведущими во храм Божий. Мы также обращаемся к библейским архетипам как к символам, потому что и наша жизнь, и Православие символичны. Символ нашей веры мы начинаем со слова «верую», а не со слова «знаю», которое стало бы простой декларацией Православия. Содержание символа невозможно полностью выразить в рациональных терминах, так как оно происходит из «сферы неосознаваемой действительности». Вспомним, что Христос идею Царства Небесного выражает образно, в притчах. Даже апостол Павел, который побывал в раю, пишет о себе в Посланиях к коринфянам: *«Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба... что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать»* (2 Коринфянам 12:2–4). Он не нашел на человеческом языке подходящих слов, понятий, терминов, чтобы адекватно выразить увиденное и поэтому только повторил слова пророка Исаии: *«...как написано: “не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”»* (1 Коринфянам 2:9). Так что у библейских авторов никаких фантазий о молочных реках и кисельных берегах в раю нет.

Во время Исхода евреев из Египта (прим. XIII в. до Р.Х.), в самый ответственный период жизни народа, Бог повелевает Моисею на горе Синай сделать святилище — походный храм Скинию. *«И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне. ...И устроят они Мне святилище, и буду обитать среди них; все, как Я показываю тебе, и образец скинии, и образец всех сосудов ее; так и сделайте»* (Исход 25:1, 2, 8, 9). *«И сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов»* (Исход 25:18–20).

То есть Бог показывает Моисею уже существующие у Него, у Бога, образцы (прообразы) еще несуществующего на земле святилища. В самом древнем переводе Ветхого Завета на греческий язык (Септуагинта, III в. до Р. Х.) в данном случае слово образец по-гречески — прототип, совпадает по смыслу с термином архетип. *«И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него... Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе»* (Исход 25:31, 40). *«Скинию же сделай из десяти покрывал крученого виссона и из голубой, пурпуровой и червленой шерсти, и херувимов сделай на них искусною работою... И поставь скинию по образцу, который показан тебе на горе»* (Исход 26:1, 30). *«И сделай жертвенник из дерева ситтим¹ длиною пяти локтей и шириною пяти локтей, так чтобы он был четырехугольный,*

¹ Еврейское именование дерева акации в Библии (Шиттим; Ситтим; Абель-Шиттим; Аве-Ситтим; «луг акаций» — библейская местность на восточном берегу Иордана, против Иерихона) — очень выносливое, самое крепкое дерево.

и вышиною трех локтей... Сделай его пустой внутри, дощатый: как показано тебе на горе, так пусть сделают» (Исход 27:1, 8). Рефреном идет повеление Божие — сделай по **образцу**, который **показан** тебе на горе.

Множественность архетипов предполагает иерархию, гармонию и симфонию в их взаимоотношениях, и каждый архетип ответственен за их сохранение. Всякое нарушение этих духовных законов релятивного бытия означает перевод в стан «сынов противления».

Совокупность архетипов составляет в целом интеллигибельный мир в смысле Платона, космос-ноэτος¹. У ап. Павла это мир невидимый: «Верую познаем, что веки (архетипы времени) устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (Евреям 11:3). Церковно-славянский язык точнее передает смысловые оттенки перевода с греческого, где употребляются термины ноумен и феномен. «Верую разумеваем (νοούμενον /греч./ — ноумен. — прим. авт. ст. М. К.) совершится веком глаголом Божиим, во еже от неявляемых (φαίνόμενον /греч./ — феномен. — прим. авт. ст. М. К.) видимы быти».

Исследуя категорию «символа», К. Юнг рассуждает: «Символ — это не аллегория и не знак; это образ содержания, в значительной своей части трансцендентного сознанию. Но символы могут “вырождаться” в знаки и, полностью выявляя таким образом свой скрытый смысл, превращаться в “мертвые символы”; все богатство потенциальных смысловых возможностей при этом теряется. Истинный же символ никогда не может быть объяснен до конца. Его рациональная составляющая может стать открытой для нашего сознания, но его иррациональную составляющую можно разве что “почувствовать”»². Таким образом, символ, вырождающийся в знак — это мертвый символ, следствием чего является потеря живой веры.

Лосев показывает, что миф — не есть специально религиозное сознание. Сознание человека слабо различает понятия мифа и религии, часто употребляя одно вместо другого. Но различие существенное и его надо видеть. Как говорит русский философ: «Расхождение обеих сфер станет яснее, если принять во внимание их сходство. Непререкаемое сходство мифологии и религии заключается в том, что обе эти сферы суть сферы бытия личностного. Относительно религии тут не может быть сомнений ни с популярной, ни с научной точки зрения. Религия и мифология — обе живут самоутверждением личности. В религии личность ищет утешения, оправдания, очищения и даже спасения. В мифе личность также старается проявиться, высказать себя, иметь какую-то свою историю. Эта общая личностная основа делает заметным и расхождение обеих сфер. Действительно, в религии мы находим какое-то особое, специфическое самоутверждение личности. Это какое-то принципиальное самоутверждение, утверждение себя в своей последней основе, в своих исконных бытийственных корнях. Мы не ошибемся, если скажем, что религия есть всегда то или иное самоутверждение личности в вечности; причем тут пока совершенно не ставится вопрос ни о видах и характере данной личности, ни о способах понимания вечности. Не вникая в эти более специальные вопросы, можно формально сказать о всякой

¹ Kosmos noetos (греч.) — космос мыслимый (интеллигибельный). В неоплатонизме — мир самодовлеющих идей, прообразов.

² Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 485.

религии, что она есть та или иная попытка утвердить личность в бытии вечном, связать ее навсегда с бытием абсолютным. Поэтому религия не есть ни познание абсолютного, ни воля к абсолютному, ни чувство абсолютного, ни вообще то или иное интеллигентное обстояние в связи с абсолютным. Религия есть утверждение себя самого, самого своего существа, а не только его интеллигентных сторон, в вечности... Религия есть, прежде всего, определенно-рожденного рода жизнь»¹.

Оказывается, что миф — это не идеальное понятие, не идеальное бытие, не вид поэтической образности, не наука, не догмат. «Миф есть сама жизнь» (как не вспомнить слова из «Философии имени» — «имя есть жизнь»), «жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесность», «миф есть само бытие, сама реальность, само конкретное бытие». Это — «энергийное самоутверждение личности» в «выразительных функциях», это — «образ личности», «лик личности», а не ее субстанция. Миф есть в словах данная личностная история. Он есть чудо, как чудом и мифом является весь мир.

Именно символ, миф, образ позволяют понять, что не существует отдельно сфера духа и плоти, сознание и бытие, все это едино, диалектично. Лосев понятию «мифа» возвращает подлинный смысл: миф есть жизненное воплощение закона диалектики о воплощаемости духовного через телесное. Это разумное понимание религии, на основании которого можно утвердить живое религиозное мировоззрение. В религии личность ищет утешения, оправдания, спасения, в мифе — старается обрести свою историю. Суть религии — преобразование человеческого естества через подвиг, борьбу, обуздание тела, просвещение сердца — ради воскресения. А. Ф. Лосев видел мир как величайшую симфонию смысла, пронизанную божественными энергиями.

Об этих энергиях говорил свт. Григорий Нисский (+ после 394 г.). «Точно так же и тот человек, что появился при первом устройении мира, и тот, который будет при skonчании всего, равно несут на себе божественный образ. Потому целое наименовано одним человеком, что для силы Божией — ни прошедшего, ни будущего, но и ожидаемое наравне с настоящим содержится всеокружающею энергией. Так что вся природа, распространяющаяся от первых до последних, есть единый образ Сущего»².

Критический, неверующий разум обедняет нашу жизнь, но чем больше в ней бессознательного содержания, тем в большей степени она становится целостной, понятной. Как говорил психоаналитик К. Г. Юнг: «Чем больше бессознательного содержимого — или, иначе говоря, чем больше мифа — способно интегрировать наше сознание, тем большей оказывается мера целостности нашей жизни. У переоцененного разума есть общая черта с политическим абсолютизмом: и тот, и другой доводят личности до духовной нищеты (до деградации. — прим. авт. М. К.). Помощь бессознательного состоит в том, что оно нам либо что-то сообщает, либо дает указания с помощью зрительных образов. У него есть и иные способы сообщать нам о вещах, которые, согласно логике, не могут быть нам известны. Вспомни-

¹ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 96.

² Нисский Григорий, святитель. Об устройении человека / Пер., прим. и послесловие В. М. Лурье. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1995. С. 56. Это классическое произведения святоотеческой антропологии, по содержанию принадлежащее не только к богословской, но и натурфилософской области.

те хотя бы синхронистические явления, предчувствия и сновидения, которые сбываются!»¹. Бессознательное старше сознания. Сознание у каждого человека появляется (проявляется) постепенно через несколько лет после рождения. Бессознательное — это первичная данность, из которой сознание каждый раз возникает заново. Во всех важных жизненных ситуациях наше сознание зависит от бессознательного. Можно привести примерные аналогии: красивый дом стоит на некрасивом и невидимом, скрытом в земле фундаменте. Другой пример: зерно невидимо произрастает в земле, темноте, а затем вырастает красивое дерево с вкусными плодами, но основа всего — невидимый (скрытый от глаз) и несъедобный корень.

Говоря о «бессознательном» в понимании К. Юнга, следует учесть замечания и критику со стороны русского антрополога А. Позова: «Уже тот факт, что Юнг и его школа собирают всех архетипов в одну группу, не отличая светлых архетипов от темных, показывает, до какой степени Юнг отошел от церковно-религиозной точки зрения. А по существу, нет никакого основания приписывать темное содержание подсознания (или бессознательного) всем архетипам: в человеке достаточно много темных, злых демонских архетипов, которые одни ответственны за черноту и нечистоту человеческого подсознания, за нервные и психические расстройства... Безрелигиозная спекуляция ведет к заблуждениям в теоретической области, а в практической сфере экспериментирование с демонским подсознанием человека есть опасная игра с чертом. Было время, когда Юнг предостерегал своих учеников от увлечений в экспериментировании, но его предостережения были забыты. Неизвестно еще, чем кончится это массовое развязывание демонских сил в современной Европе, но среди психотерапевтов наблюдаются некоторые черты отрезвления»².

По Юнгу бессознательное сотрудничает с сознанием, давая человеку под-сказки — сновидения. Архетип как первичный источник любого человеческого переживания лежит в бессознательном, откуда проникает в наше бытие.

Сон и сновидения беспокоят наше сознание в состоянии бодрствования. Мы спим треть нашей жизни; и все же нельзя говорить о том, что мы рискуем «проспать» жизнь, как, наверное, часто кажется тем, кто мыслит в категориях психологии сознания. Уже в древности философы спорили о том, является ли сон и сновидения соматическим или же психическим явлением.

В этой модели сновидение представляется не декодируемым «иностран-ным языком», а **праязыком** в сенсорно-перцептивном и галлюцинаторном модусе, то есть вне вербальных привязок и коммуникативных функций. «Иными словам и, сновидение, будучи телесно-переживаемой ночной кон-струкцией, уже представляет собой спонтанное самоотражение актуально-го состояния Я в образе символов, а не становится таковым в состоянии бодрствования, в пересказе сновидения, в придании ему стройности и в его истолковании»³.

¹ Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 310.

² Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Том 2. Апокатастасис. Мадрид, 1956. С. 11–12.

³ Богословская антропология. Русско-православный/римско-католический словарь: издания на русском и немецком языках / Под науч. ред. прот. Андрея Лоргу-са, Б. Штубенрауха. М.: Паломник; Никея, 2013. С. 579.

В классической древности, как известно, снам придавали огромное значение, считая их предсказаниями будущего. В Библии часто встречаются указания на то, что Бог иногда так или иначе объявляет человеку через сновидения Свою волю или предупреждение о грядущих событиях. Во сне Господь говорил Аврааму (см. Бытие 15:12) и языческому царю Авимелеху (см. Бытие 20:3–6), видение от Господа во сне получил патриарх Иаков (см. Бытие 28:12), посредством сна Бог вразумил Лавана (см. Бытие 31:24). Вещий сон ради Гедеона был послан одному из войска мадиамского (см. Судей 7:13); в Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью (3 Царств 3:5); пророк Даниил истолковал вещий сон царю Навуходоносору и сам видел пророческие сны.

Приведем наиболее яркий пример из Ветхого Завета. В Библии описана блистательная карьера Иосифа, сына еврейского праотца Иакова, проданного родными братьями в Египет. Сороковая и сорок первая главы Книги Бытия показывают Иосифа как истолкователя снов виночерпия, хлебодара, фараона. Особенно известно истолкование сна фараону. *«И сказал Иосиф фараону: сон фараонов один: что Бог сделает, то Он возвестил фараону. Семь коров хороших, это семь лет; и семь колосьев хороших, это семь лет: сон один; и семь коров тощих и худых, вышедших после тех, это семь лет, также и семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, это семь лет голода. Вот почему сказал я фараону: “что Бог сделает, то Он показал фараону”. Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; после них настанут семь лет голода, и забудется все то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, и неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел»* (Бытие 41:25–31).

Такие сновидения от Бога бывали как с праведниками, так и с грешниками (даже с язычниками), как с царями и пророками, так и с простыми людьми. О таких сновидениях можно говорить не столько как об исключениях, сколько как о некоем правиле. В Новом Завете Господь также продолжает вразумлять людей через сновидения. Дважды во сне Ангел являлся праведному Иосифу Обручнику, возвещая ему волю Божию: *«Но когда он помыслил это, — се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого...»* (Матфей 1:20). *«И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, (волхвы) иным путем отошли в страну свою. Когда же они отошли, — се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его»* (Матфей 2:12, 13). Жена Понтия Пилата видела страшный сон, когда муж ее вершил суд над Иисусом Христом: *«Между тем как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него»* (Матфей 27:19). В день Пятидесятницы, Сошествия Святого Духа, а это день рождения Церкви, апостол *«Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им: мужи Иудейские и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим... это есть предреченное пророком Иоилем: “и будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и*

дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут»» (Деяния св. Апостолов 2:14–17).

Но современная З. Фрейд, идеологу биологического психоанализа, материалистическая психология изгнала сны в область предрассудков и суеверий, объявила их простым «телесным» актом, своего рода судорогой глубоко спящей психики. Выдающийся психоаналитик Э. Фромм в своей работе «Забытый язык» обращается к анализу снов и мифов, подчеркивая, что для древних миф играл совсем иную роль, нежели в наши дни. «Люди, жившие в развитых цивилизациях Запада и Востока, рассматривали сны и мифы как важнейшее выражение души. Неспособность понимать их оценивалась как неграмотность. Между тем сны — это универсальное явление человеческой жизни»¹.

В мифе, как и в сновидении, рассказывается о событиях, происходящих в пространстве и во времени. В этом повествовании на языке символов выражаются религиозные и философские идеи, передается внутреннее состояние человека, и в этом подлинное значение мифа. «В нач. XX в. на первый план выдвигалось религиозное и философское значение мифа, явное содержание его рассматривалось как выражение этого значения в символах. Было даже установлено, что явное содержание мифа следует понимать не просто как порождение фантазии “первобытных” народов, в нем содержатся заботливо хранимые свидетельства прошлого. (Историческая достоверность некоторых мифов установлена благодаря множеству находок, сделанных в течение последних десятилетий в ходе раскопок)»².

Попутно заметим, что «археология» буквально означает «повествование о древности». Греческая мифология считается наиболее древней. Хотя выдающийся советский фольклорист В. Я. Пропп отмечал, что «русская сказка дает более архаический материал, чем греческий миф»³.

Русские сказки берут свое начало еще со времен древней индоарийской общности — до ее миграции на юг и разделении. Об этом свидетельствуют также индоарийские топонимы и гидронимы, сохранившиеся на Русском Севере, в частности в Карелии. Об этом писал выдающийся лингвист А. И. Соболевский и далее Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский, С. В. Жарникова, Р. Н. Гусева. Приведем из огромного множества несколько примеров: р. Важа, Вазозеро в Карелии — по инд. ваджа, вода; оз. Вара в Карелии — от инд. вар — вода. Встречаются реки и озера с названиями Ганго, Ганга, Гангозеро; реки Индога, Индига, Индера; р. Кама (приток Волги) — по инд. желание, есть Камозеро; р. Падма — по инд. кувшинка, лотос; р. Пинега — по инд. пи — пить. Исследования С. В. Жарниковой показали на обширном лингвистическом и этнографическом материале, что русская индоарийская история насчитывает несколько тысячелетий. Свойственная им гаплогруппа R1a найдена в Карелии на Оленьем острове в Онежском озере с датировкой 7265±250 лет назад.

Действительно, есть в жизни задачи, которые человек без мифологизации решить не может. Но ценность земной жизни как раз и состоит в том,

¹ Гуревич П. С. Видный мыслитель XX столетия. // Предисловие к книге: Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. С. 6.

² Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. С. 267.

³ Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Лениздат, 1990. С. 7.

что в ней сталкиваются противоположности, что способствует общему повышению уровня сознания. «Представляется, что как раз в этом-то и состоит метафизическая задача человека, которую он не может осуществить без мифологизации. Миф — это естественная и необходимая стадия между бессознательным и сознательным познанием. Бессознательному известно больше, нежели сознанию; но его знание — особого рода, знание в вечности, обычно не имеющее референтов здесь и сейчас, не поддающееся выражению на языке разума»¹. Задача человека состоит как раз в том, чтобы осознать то, что устремляется наружу из глубин бессознательного.

Реальная история и современная философия показывают, что миф есть образ бытия личности. Как говорит А. Ф. Лосев: «Миф не есть поэтическое произведение, но — отрешенность его есть возведение изолированных и абстрактно-выделенных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимоотносящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство. <...> И потому вот наикратчайшее резюме всего предыдущего анализа, со всеми его ограничениями и подразделениями: миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности»².

Понимание современных событий и трагедий невозможно без обращения к символическим и историческим архетипам.

Символ как выявление скрытого

Миф, обладая способностью генерировать символы, показывает их глубинную, символическую сущность, значимую для человека. Символ — это признак предмета, значение которого выявляется множеством интерпретаций самого символа. Связывая миф с символом, А. Ф. Лосев показал, что «отношение “естественного” и “сверхъестественного” в мифе надо мыслить символически, т. е. нумерически, как одну вещь»³. Подобный вывод можно сделать, исходя из этимологии понятия «символ». Это греческое слово — σύμβολον — происходит от глагола σύμβάλλω — «со-единять», «с-вязывать», «с-равнивать», «с-личать», а также «с-шибать» и «с-талкивать», в своем первоначальном значении означало часть любого разломанного пополам предмета, вторая половина которого находится у кого-то другого. «Вы-явленная часть символа, является не просто подобием сокрытой, но ее до-полнением до целого; половинки символа тяготеют друг к другу, желая “со-единения”, “при-мирения” — συμβιβάζω. Таким образом, символ — это вы-явление со-крытого»⁴.

Подчеркнем, как психический феномен, символ играет значительную роль в бессознательном. Он никогда не измышляется разумом, но является продуктом озарений и интуиции и может указывать на самое разнообразное содержание. Как рассуждает К. Юнг, «в символические одежды рядятся как естественные, так и интрапсихические процессы. Например, для перво-

¹ Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 318.

² Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 72–73.

³ Там же. С. 153.

⁴ Кутковой В. С. Краски мудрости. М.: Паломник, 2008. С. 446.

бытного человека движение солнца по небу может символизировать вечный природный процесс, тогда как в глазах психологически ориентированного человека нашего времени оно может обозначать столь же закономерный процесс, происходящий во внутреннем мире. Символ “возрождения” всегда — независимо от того, формируется ли он в рамках первобытного обряда инициации, обряда крещения с его раннехристианскими коннотациями или образной структуры сновидения современного человека — обозначает исконную идею психической трансформации»¹.

Повторюсь, примером того, как можно выразить невыразимое простыми словами, являются библейские притчи Христовы, ставшие образом трансцендентного сознания. Истинный символ никогда не может быть объяснен до конца. Его рациональная составляющая может стать открытой для нашего сознания, но его иррациональную составляющую можно разве что «прочувствовать». Религиозная вера — дар благодати. Она не может быть ни навязанной, ни насильно отнятой, что пытались сделать в большевистские богоборческие времена. Предсознательные знания выражают себя посредством символов, они реальны, даже будучи непостижимыми для наших чувств. Поэтому одной веры достаточно, если она существует в человеке и искренна. «Любое расширение, любая интенсификация рационального сознания уводит нас от первоисточника символов и тем самым мешает нам понять их. Именно это и происходит ныне. Невозможно повернуть часы назад и заставить себя верить “в то, что заведомо ложно”. Но можно поразмыслить над тем, каково же именно значение символов. В итоге мы не только сохраним несравненные сокровища нашей цивилизации, но и вернемся к старым истинам, исчезнувшим из нашего “рационального” поля зрения из-за чуждости и странности их символики... Современному человеку не хватает того самого понимания, которое могло бы помочь ему обрести веру»². Посмотрим, как это происходило в прошлых веках.

Лосев отмечает, что религия — есть, прежде всего, определенного рода жизнь. Она не есть ни мировоззрение, хотя бы это мировоззрение было максимально религиозным и мистическим, ни мораль, хотя бы это была самая высокая и притом самая религиозная мораль, ни чувство и эстетика, хотя бы это чувство было самым пламенным и эстетика эта была бы совершенно мистической. «Религия есть осуществленность мировоззрения, вещественная субстанциальность морали, реальная утвержденность чувства, причем эта осуществленность — всяческая и, прежде всего, чисто телесная, субстанциальность — всяческая и, прежде всего, ощутимо физиологическая. Религии нет без тела, ибо тело есть известное состояние души, как душа есть известное состояние духа; и судьба духа есть судьба души, а судьба души есть судьба тела. Спиритуализм и всякая метафизика — враждебны религии. Мало того, это суть учения, а не сама жизнь. Это есть учения, принижающие тело и даже часто сводящие его на иллюзию, в то время как в религии, да и то не во всякой, осуждается определенное состояние тела, а не самый принцип тела. В наиболее “духовитой” религии Абсолют воплощен в виде обыкновенного человеческого тела, а в конце времен воскреснут

¹ *Якоби И.* Психологическое учение К. Г. Юнга // Карл Густав Юнг: Дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 483.

² Там же. С. 528.

и все обыкновенные человеческие тела. Если нет общения с Абсолютом в теле, то нет вообще никакого существенного общения с ним»¹.

И горний мир, и дольний поныне, не говоря уж о древних временах, обусловлен символами. Как говорит преп. Максим Исповедник: «Весь мысленный мир таинственно и в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кто имеет очи видеть, и весь мир чувственный, если любознательным умом разбирать его в самых началах, логосах, заключается в мире мысленном; этот в том своими началами, а тот в этом своими символическими образами»². Символ — понятие мира сего, которое призывает войти в мир горний. Символ создается не разумом, а интуицией. Как говорит архимандрит Киприан (Керн): «Художественный или пророческий ум всматривается в то или иное явление и находит в нем нечто сродное из другого мира, находит его символ. Этот символ входит в язык художника или богослова-пророка. Этими символами полна Псалтирь, вещания пророков, гимнография Церкви, как Восточной, так и Западной, вся церковная иконография»³.

О родстве миров говорит и А. Ф. Лосев: «Возьмите богатырей из всякого другого эпоса, хотя бы, например, русского или германского. Что специфически религиозного в образе Ильи Муромца, Алеши Поповича и пр.? Это — просто картина эмпирически живущих личностей, — правда, каких-то особенных по своему могуществу и пр. свойствами, но ничего специфически религиозного не выражающих, не утверждающих и не вызывающих. Миф есть не субстанциальное, но энергичное самоутверждение личности. Это — не утверждение личности в ее глубинном и последнем корне, но утверждение в ее выявительных и выразительных функциях. Это — образ, картина, смысловое явление личности, а не ее субстанция. Это... лик личности. Но раньше мы употребили это выражение как абсолютно тождественное с термином “личность”. Сейчас же мы берем его в собственном значении, противопоставляя лик, принадлежащий личности, и — данную личность. Миф есть разрисовка личности, картинное излучение личности, образ личности»⁴.

Примером сказанному являются многие русские сказки, углубляющие чувственное осмысление мира и выявляющие в нем духовную сущность, связанную с двумя мирами — языческим и христианским. Их неразрывную связь отмечает известный исследователь древнерусских текстов, доктор наук, профессор А. Н. Ужанков, говоря о начале христианизации Руси: «Русь обретает историческую точку отсчета, причем вектор истории располагается по обе ее стороны, разделяя исторический процесс на два периода: историю дохристианской Руси, или предысторию, выражавшуюся языческим прошлым народа и родословной киевских князей от “старого Игоря”, “бабки Ольги” и отца князя Владимира — “славного Святослава” до самого Владимира, крестившего Русь, приобщив ее тем самым к новой — христианской — истории народов, и связавшего оба периода воедино»⁵.

¹ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 97.

² Максим Исповедник, преп. Творения. Кн. 1. Аскетические и богословские трактаты. М., 1993. С. 159–160.

³ Киприан (Керн) архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 336.

⁴ Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М.: Мысль, 1994. С. 99.

⁵ Ужанков А. Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Иллариона Киевского. М.: Академия, 2014. С. 92.

Это мы наблюдаем в русских сказках, хранящих заветы древней мудрости, направленных на искоренение мирового зла, на обретение человеком духовной и телесной красоты. Известный русский и французский культуролог, искусствовед В. Байдин исследовал на предмет языческого и христианского содержания многие русские сказки. Так, в частности, интерпретирует он христианские смыслы в старинной народной сказке «Хрустальная гора». «Иван-царевич побеждает змея и разрезает его туловище: на правой стороне (где нет сердца) находит сундук, в нем зайца, утку, яйцо и семечко. Представление о том, что мировое зло содержит в себе свою кончину, а смерть свое отрицание, восходит к древности. Смерть Кашея оказывается в нем самом. Царевич-священник “зажигает семечко” (в огне веры), “подносит к хрустальной горе”, и та быстро “тает” (маревое греховной земной жизни исчезает). Иван-царевич освобождает “царевну” и приводит “к отцу” (ко спасению). Отец (небесный) в радости говорит царевичу: Будь моим зятем (духовным супругом людских душ), затем их венчают (награждают венцами спасения)»¹.

Здесь достаточно явно просматривается цепь древнейших символов: хрустальная гора — образ надвигающегося ледника, заставившего древних ариев уходить на юг, олицетворяет голодную и холодную смерть; огонь — символ жизни, (отсюда огнепоклонничество), «огонь веры» — поздний, родственный символ.

Все это и то, что было сказано выше, подтверждает видение человека, как существа духовного. Но невозможно рассматривать человеческое бытие в отрыве от его телесной ипостаси. Поэтому, говоря о гармоничности и красоте человеческого образа, мы обращаем внимание на такой вопрос: если красота души определяется, в частности, благополучным здоровьем, гармоничностью тела, красотой лица человека, то духовный человек не должен быть больным, слабым, одиноким. Но человек может обладать одновременно и пороками, и добродетелью. Так рассуждали Отцы Церкви и делали вывод: следовательно, душа не есть сочетание заданных органических элементов. Как говорил ранневизантийский мыслитель Немесий епископ Эмесский: «тело есть орган души, и если оно устроено целесообразно, то содействует душе и само находится в хорошем состоянии; в противном же случае оно затрудняет душу, и тогда душа имеет много хлопот в борьбе с непригодностью своего органа, и если она недостаточно осмотрительна (буквально: трезва), то портится (искажается) вместе с ним (от него), подобно тому, как музыкант фальшивит вследствие расстройств лиры, если он предварительно не настроил ее как следует. Поэтому душа должна заботиться о теле, чтобы сделать его пригодным для себя органом. Достигает она этого посредством разума и силы воли (характера), одно ослабляя, другое усиливая, как в гармонии, чтобы сделать его (тело) сообразным себе и пользоваться пригодным органом, чтобы и самой не испортиться от него (т. е. от тела), так как случается и это»².

Поэтому, говоря о душе, не будем забывать о ее вместилище — теле человека. И о том, что земная жизнь является первой и безусловной цен-

¹ Байдин В. Толкования на русские народные сказки. СПб.: Алетейя, 2021. С. 230.

² Немесий, епископ Эмесский. О природе человека. Пер. с греч. Ф. С. Владимирского. Изд. Учебно-информационного экуменического центра ап. Павла, М., 1996. С. 48–49.

ностью. Это Божий дар, власть над которым и ответственность за который предоставлена самому человеку. Как говорит митрополит Московский Филарет (Дроздов), «Тварь содержится под бездной Божией бесконечности, над бездной собственного ничтожества. Творческим Зиждительным Словом человек призывается из бездны небытия в бытие, а это значит, что человек есть ответ на Зиждительное Слово, что он ответственен за свое бытие»¹. Становление человека осуществляется через заповеданное Богом трудное овладение даром жизни.

Жажда запретного бытия

Как разительно эти задачи и возвышенные высказывания Отцов Церкви о человеке отличаются от современного трансгуманистического видения мира, которое созвучно идеям Ф. Ницше. Последний предлагает новую форму богоборчества. Обычное противопоставление Бога человеку заменяется после провозглашенной им «смерти Бога» антитезой «сверхчеловек — человек». Человек — это то, что должно быть преодолено («Так говорил Заратустра»). Поэтому «смерть Бога» означает и смерть человека, который преодолевается в сверхчеловека. Ни у кого, как у Ницше, не выражено столько презрения к человеку. Современные люди, по Ницше, поистине безобразны... Никакой любви к нему, никакого сочувствия к его немощи, никакого оправдания ошибок. Девиз Ницше — не улучшать человека, а именно преодолеть, превзойти. Ницше добавляет к идее социальной инженерии К. Маркса метафизический лозунг преобразования самой природы человека. Именно здесь, как представляется, и кроется экзистенциально-онтологический корень трансгуманизма.

Но что же мы видим сегодня, в первой четверти XXI века? Какие труды на этом поприще свершает человечество? Для прояснения современного состояния дела прибегну к науке, т. к. по благословению Патриарха Алексия II я, будучи по первой специальности медиком, кандидатом медицинских наук, более двадцати лет возглавлял Церковно-общественный совет (ЦОС) по биомедицинской этике. Биоэтика как гуманитарная дисциплина возникла в ответ на достижения в сфере биомедицинской науки и технологий, которыми отмечены последние десятилетия. Многие из этих наук способствуют исцелению, победе над болезнями человека, но, в то же время, многие новые методы — от репродуктивных технологий и «суррогатной» беременности до «поддерживаемого самоубийства» и геной инженерии — обрекают общество в нравственном плане на движение вниз по наклонной плоскости. Достижения в области редактирования генома человека в ближайшей перспективе обещают людям не только возможность перепроектировать себя, но также и проектировать будущие поколения, и, тем самым, выйти из-под биологических ограничений собственной природы и обрести над ней практически полный контроль. Таким образом, перед человечеством открывается соблазн достижения пост-человеческого псевдо-райского состояния без Бога и без тех духовно-нравственных ограничений, которые обусловлены Его образом, лежащим в фундаменте духовно-телесной природы человека. Приведу примеры.

¹ См.: *Флоровский Георгий, прот.* Тварь и тварность. <https://www.xpa-spb.ru/libr/Florovskij/tvar-tvarnost.html>

Остановимся на модном ныне понятии трансгуманизма, представляющем идеологию глобального либерализма. Как отмечает протоиерей Игорь Аксенов, член ЦОС по биомедицинской этике, кандидат философских наук, «Говорить о гуманизме сегодня представляется занятием далеко непростым. Потому что он, как и все человеческое, чему присуща онтологическая релятивность, в своем развитии претерпел значительные изменения и семантически расслоился. Самое поверхностное обозрение современного гуманизма уже предлагает сразу несколько групп гуманистических воззрений...»¹. Действительно, известны древний гуманизм, классический гуманизм, теистический, атеистический, коммунистический и т. д.

В 2003 г. был опубликован «Гуманистический манифест III» под названием «Гуманизм и его устремления», последний на сегодняшний день манифест современного гуманизма. Он значительно короче предыдущих манифестов и состоит из шести тезисов, которые перекликаются с более ранними текстами манифестов секулярного гуманизма, требующими отказаться от сверхъестественной компоненты *избегать «трансцендентного искушения»*. То есть отвернуться от Бога, чтобы появилась иллюзия, что Он не видит, как человечество, занимаясь мерзостными делами, нарушает Его заповеди. При этом надо заметить, что светский гуманизм сегодня является самым влиятельным и масштабным направлением в мировом гуманизме. Он представлен Международным гуманистическим и этическим союзом (ИНЕУ), в который входят национальные гуманистические общества более чем 30 стран и насчитывает более 5 миллионов своих членов. Он активно содействует развитию нетеистической морали и обладает консультативным статусом при ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. Но помимо светского или секулярного гуманизма, параллельно ему, в середине XX века возникла еще одна разновидность гуманистического мировоззрения, которая получила название «трансгуманизм».

Термин «трансгуманизм» был введен в 1957 г. Джулианом Хаксли (1887–1975), английским биологом, одним из создателей Синтетической теории эволюции, которая является синтезом генетики и дарвинизма и других научных дисциплин. Хаксли рассматривает трансгуманизм как «ключевое понятие» с совершенно новой интеллектуальной структурой, как «новую идеологию» или «новую систему идей, соответствующих новому положению человека». Он считал трансгуманизм «новой позицией ума», к которой обратится человечество в состоянии кризиса, используя научное знание для того, чтобы построить лучший мир. Хаксли полагал, что человеческий вид окажется на пороге нового существования, столь же отличающегося от нашего, как наше отличается от синантропа. Он будет осознанно осуществлять свою реальную судьбу.

Очевидно, что трансгуманистическое видение мира весьма созвучно идеям Ницше, провозгласившего «смерть Бога». А если «Бог умер», то его место может занять человекобог, точнее, — сверхчеловек. Это новая форма богоборчества. Со «смертью Бога» следует «смерть человека», который преодолевается в сверхчеловека. Человек становится на почву другой реальности, логика которой требует несколько принципиально важных отказов.

¹ Аксенов И., *прот.* Метаморфоза гуманизма в трансгуманизм // Православие и проблемы биоэтики. Сборник работ / Под. ред. И. В. Силуяновой, М., 2021. С. 10–26.

Прежде всего, это отказ от различения добра и зла, от понятия греха и от христианской морали в принципе. А главное, это отказ от заданной Богом нравственной цели бытия человека — уподобление его Богу: образ Божий, существующий в каждом человеке, призван реализоваться трудом человека в подобие Божие. На месте Бога теперь «сверхчеловек», причем «сверхчеловек» — это то, что создается, а человек — то, что преодолевается. Чем не Вавилонское или более древнее, до-Потопное дело по изменению заданного Богом духовно-нравственного образа человека. Только со «смертью Бога», как думает Ницше, человек впервые становится автором своих действий и может практиковать божественный образ мысли; только со «смертью Бога» возможно истинное величие человека.

При этом в стороне остается вопрос, а почему, собственно, нужно что-то менять и в человеке, и в его жизни, откуда вообще возникает это стремление к преодолению человека? Уважение к человеку как единственной твари, созданной по образу Бога, является конститутивным элементом иудео-христианского откровения. В христианстве после Боговоплощения — место человека в онтологической иерархии сущего даже выше, нежели в ветхозаветном иудаизме. Таким образом, трансгуманизм возвращает человека к до-Потопному состоянию, к первому искушению посредством гносиса магически стать «как боги»: *«И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло»* (Бытие 3:4–5). Вполне допустимо с религиозно-философской точки зрения трансгуманизм рассматривать как пародию обожения. Интересно, что великий поклонник Ницше А. Гитлер видел свою главную задачу в том, чтобы изменить жизнь на всей планете: «Наша революция — новый этап или конечный этап эволюции, приводящий к вытеснению истории». Гитлер был для своих сторонников полубогом, обладающим сверхъестественными силами и знающим, благодаря этому, что надлежит делать. Эдакий Нимрод, «сильный зверолов» XX века (Бытие 10:9), строитель Вавилонской башни — Третьего тысячелетнего рейха. Многие наблюдатели отмечают, что фюрер пародировал Иисуса¹.

Трансгуманизм встает на сторону змея-искусителя, повторяя за ним: *«Нет, не умрете»*, и начинает искать пути реализации искусственного бессмертия. Успехи новейшего естествознания, биологии, медицины и генной инженерии лишь обострили проблему искусственного бессмертия и вбросили ее в пространство массового обсуждения. Частные вопросы эвтаназии, клонирования, замены органов имеют своей скрытой мифологической основой волю конечных духовных существ продлить свою жизнь во времени максимально долго, освободив ее от страданий здешнего бытия. Главной задачей является достижение бессмертия человека как на биологическом, так и на уровне мемокомплекса или мемотипа. Мемотип (по аналогии с генотипом) рассматривается как возможность быть потенциально вечным при условии умения загружать информацию о себе в компьютеры и их сети. В будущем идеологи трансгуманизма видят идеал бессмертного постчеловека в гибриде человека и машины, т. е. в киборге. Поскольку загрузка сознания в ком-

¹ Пруссаков В. Окультизм и его рейх. М.: Молодая гвардия, Шакур-2, 1992. С. 146–147.

пьютер на сегодняшнем уровне развития техники невозможна, то трансгуманисты обращаются к медицинским и фармакологическим манипуляциям с телом и сознанием. Это рассматривается как своего рода подготовительный этап для будущего более эффективного взаимопроникновения и сращивания человека с машиной. «Трансгуманисты считают, что человек сначала превратится в трансчеловека (переходного человека), использующего все имеющиеся возможности для самоулучшения. Признаками трансчеловечности, по их мнению, являются улучшение тела имплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность. На место транслюдей в будущем придут постлюди. Постчеловек — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком... Здесь требуется кардинальное изменение всей структуры человека, и медицина будущего с ее способностью вмешиваться в геном человека призвана будет обеспечить возможность появления постчеловека»¹.

Но неприкрытое, агрессивное стремление людей нашего века пожить подольше, посытнее, избежать страдания не так уж и современно, оно восходит ко временам библейским, к образу и способу *благоденствия нечестивых*. «А я — едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, — я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых. Ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их. На работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость, как наряд, одевает их. Выкатились от жира глаза их, бродят помыслы в сердце. Над всем издеваются, злобно разглашают клевету, говорят свысока. Поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле» (Псалом 72: 1–9). Чем ни портрет представителей современного, так называемого «глубинного государства»?

Поныне расхаживает язык таковых в своей пропаганде порока по земле, и многих из них мы знаем: это Ротшильды — Рокфеллеры — Соросы, благополучно доживающие до 100 и более лет, заменяя в себе до 7–8 донорских сердец и других органов. Это боящиеся смертного страдания — самоубийцы — потребители эвтаназии, это женщины, вынашивающие за деньги детей для гомосексуальных пар и мн. др. Приведу некоторые цитаты из последней брошюры членов ЦОС проф. А. В. Недоступа и Р. Н. Гетманова. «Возможность оплодотворения спермой донора, которую дает заморозка ооцитов, актуальна для всех случаев, когда матерью решает стать незамужняя женщина или пара нетрадиционной сексуальной ориентации, что в корне противоречит позиции Церкви, так как порочно, и лишает по сути ребенка отца»². «Хищение половых клеток и эмбрионов. Частные клиники, получившие половые клетки и эмбрионы в свое распоряжение, не имеют на сегодняшний день такой системы контроля, которая бы гарантировала, что эмбрионы клиентов не попадут в третьи руки без ведома биологических родителей. Практически никто не может дать гарантии, что это не произой-

¹ Введенская Е. В. Проблемы человека в трансгуманизме // Православие и проблемы биоэтики. Сборник работ / Под. ред. И. В. Силуяновой, М., 2021. С. 27–36.

² Недоступ А. В., Гетманов Р. Н. «Этичное» экстракорпоральное оплодотворение. Ответственность и риски. В помощь священнослужителям и мирянам Русской Православной Церкви. М.: Русский печатный дом, 2021. С. 17.

*Рельеф с изображением длинноголового фараона.
Каирский исторический музей. Фото автора статьи*

дет или не происходит, особенно учитывая потенциальную коммерческую составляющую вспомогательных — репродуктивных технологий (ВРТ). Таким образом, родители, воспользовавшиеся услугами ВРТ, никогда не узнают, что где-то в мире будут жить их биологические дети, и у них не будет никакой возможности контроля над их судьбами»¹. В итоге стоит задуматься: «в целом можно сказать, что зачастую бесплодие — своеобразная естественная защита организма от рисков, связанных как с рождением больных детей, так и со здоровьем матери. Бесплодие может быть вызвано плохой наследственностью, хроническими заболеваниями, возрастом и накопленными мутациями. Преодолевая естественную защиту организма через насильственную беременность при помощи ЭКО, мы нарушаем природу со всеми вытекающими последствиями»². Помощь в принятии правильного, но трудного решения помогут слова Псалмопевца: «*Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный*» (Псалом 138:23–24).

Являются ли принципиально новыми операции с генами, манипуляции с ДНК, яйцеклетками и другими материальными носителями информации о человеке, трансгуманизм, преодоление человека в сверхчеловека и т. п.? Ведь Библия напоминает нам: «*Что было, то и будет; и что делалось, то*

¹ Недоступ А. В., Гетманов Р. Н. «Этичное» экстракорпоральное оплодотворение. Ответственность и риски. В помощь священнослужителям и мирянам Русской Православной Церкви. М.: Русский печатный дом, 2021. С. 33.

² Там же. С. 10.

и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот, это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (Екклесиаст 1:9–11). Может быть, до-Потопная человеческая цивилизация также надеялась на силу своей науки, которая стала противной Богу в силу своей извращенности и злой направленности. Вот что дошло до нас в кратком фрагменте из Библии о до-Потопном человечестве. «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле **исполины**, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди. И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Бытие 6:1–5).

Существует два толкования этого места. Согласно книге Еноха (апокрифического произведения II в. до Р. Х.) «сыны Божиин» — это духовные существа (сравним с Посланием апостола Петра: «Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания...» (2 Петра 2:4). Они вошли в преступный союз с женщинами земли и научили их волшебству и заклинаниям. От этого «явилось великое нечестие» (Енох 7–8). Это толкование было принято Филоном Александрийским и многими Отцами Церкви (как, напр., Иустин Философ, Иринеи Лионский, Тертуллиан, Амвросий Медиоланский). Поскольку брак в Библии нередко обозначает единение с Богом, т. е. веру (Осия 2:16; Послание к Ефесянам 5:22–23), в браке духов и людей можно усматривать символ зародившегося язычества, с его почитанием демонов, языческих богов, магий и колдовством: человек пытается проникнуть в тайны мира и манипулировать ими независимо от воли Творца. Начиная с IV в., понятие «ангела» стало более духовным, и Св. Отцы усмотрели в «сынах Божиинх» потомков праведного Сифа, а в «дочерях человеческих» — женщин Каинова племени. Но тогда почему, взирая на этих сильных, издревле славных людей, «увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле» (Бытие 6:4–5)?

Посмотрим перевод этого же места из Торы: «Так же были исполины на земле в то время, особенно после того, как сильные стали входить к дочерям людским, а те рожали им. Это богатыри, издревле люди знаменитые. И увидел Йегова, что велико зло человека на земле, и что вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время» (Берейшит 6:4–5). Почему Бог уничтожил этих сильных, издревле славных людей или богатырей, издревле людей знаменитых, а раньше сократил годы их жизни до 120 лет? А ведь они жили до 900 лет. Чем ни бессмертие, о котором мечтают современные трансгуманисты: и славные, и богатыри, и почти бессмертные? Может быть, это было воплощение идеи трансгуманизма в до-Потопной цивилизации — создания сверхчеловека в ту эпоху? «И раскаялся¹ Господь,

¹ «Раскаялся» — антропоматизм (от. греч. ἄνθρωπος — человек и πάθος — страсть, душевное переживание — приписывание человеческих психич. свойств

что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем» (Бытие 6:6). Оставлено было лишь семейство Ноя.

Это одно из самых загадочных мест в Библии. Мудрость Библии и работа Бога о будущем человечества заключается в данном случае в том, что Бог кратко, пунктиром обозначил факт существования до-Потопной цивилизации в истории человечества, но не раскрыл детали. Значит, это знание человечеству вредно, убийственно, и мы не должны повторять достижения науки до-Потопной человеческой цивилизации, которая уже привела к гибели знаменитых, славных богатырей, исполинов. Зачем ребенку давать знание, как одной спичкой поджечь ваш дом? Хотя диверсанты это знают. По большому счету это тайна, которую нам не следует знать.

Религиозный философ К. Юнг тоже рассматривал повествование о Потопе, которое, на его взгляд, было изложено в форме мифа. Речь идет о разногласии в духовном мире «В повествовании о падении ангелов», т. е. о преждевременном вторжении в человеческий мир содержательных элементов сферы бессознательного. Ангелы — это весьма своеобразные существа. Они суть в точности то, чем являются, и не могут быть ничем иным. Сами по себе — это лишённые души существа, представляющие мысли и интуиции своего Господа. Следовательно, падшие ангелы — это исключительно «злые» ангелы. Это они положили начало хорошо известному эффекту «инфляции», который мы ныне можем наблюдать в виде мании величия диктаторов: ангелы, соединяясь с людьми, рожают племя гигантов, грозящее в конце концов поглотить человечество, как об этом рассказывается в апокрифической книге Еноха¹.

Эпоха гуманизма проявлялась в гигантомании или гордыне сознания и выражалась формулой: «Нет ничего выше человека и его деяний». «Посторонность, трансцендентность христианского мифа оказалась утрачена — а вместе с ней и представление о том, что целостность достигается в ином мире... Ныне христианский мир по-настоящему столкнулся со Злом, с неприкрытой несправедливостью, тиранией, ложью, рабством и насилием над совестью. Может показаться, что воплощением откровенного злого начала стали русские; но его первый разрушительный взрыв произошел в Германии. Этот прорыв зла показал, как сильно подточены в нашем веке устои христианства. Зло стало определяющей реальностью. Мы должны научиться обращаться со злом, ибо оно все равно останется с нами. Но пока мы не в силах избежать его ужасающих последствий»².

В древней памяти человечества, в его подсознании, в форме мифов, в чудесных сказах³, повествуется о великанах (исполинах), гибридах человека и дельфина (русалки), человека и коня (кентавры), человека и быка (ми-

Богу. В данном случае назначение этого слова — передать скорбь Бога о растленном мире. 1 Книга Царств (15:29) исключает буквальную интерпретацию. Так пророк Самуил сказал израильскому царю Саулу: *«Ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему»*. Это образное выражение указывает не на изменение в Боге, а на проявление любви Отца во времени, то, что чаще всего «раскаяние Бога» означает: Бог смиловался. Так как человек — венец творения — окончательно отпал от Бога, мир как бы возвращается в состояние первичного хаоса.

¹ Карл Густав Юнг: дух и жизнь. Сборник. Пер. с нем. М.: Практика, 1996. С. 335.

² Там же. С. 336.

³ Очевидна этимологическая связь слов «**чудо**» и «**чудовище**».

нотавр), льва и орла (грифон), льва и человека (андросфинкс). В Германии археологи нашли самое древнее изображение человекольва из мамонтового бивня; возраст скульптуры — 40 тыс. лет. Кстати, у дельфинов большой мозг, а их «словарный запас» насчитывает около 14 тыс. сигналов, из которых они строят фразы. Возможно, что эта до-Потопная генная инженерия имела военное значение, как сейчас, к примеру, используют боевых дельфинов для подрыва кораблей. Есть попытки создать биороботов, а в секретных лабораториях проводят манипуляции с эмбрионами человека и животных. Кстати, библейский Молох, требующий детских жертвоприношений, имел образ человека с бычьей головой. Понятно, что во времена Моисея (примерно XIII в. до Р. Х.) микроскопов не было, таких терминов, как геном, ДНК, РНК и т. п. не существовало, но Бог строго наказывает даже всякие поползновения в этом направлении. Рационализирование — это одно, а реализация заложенной программы — другое (жизненный пример: клопы и крысы ничего не знают о геномах, но успешно размножаются, и попробуйте их вывести — идея понятна).

Живущий в подсознании архетип человекоживотного очень устойчив и, выходя из подсознания, часто материализуется в фильмах ужасов. Даже в СССР в 1985 г. был снят художественный фильм «День гнева» по одноименному рассказу С. Гансовского (1964) о гениальном ученом, который создал гибрид человека и медведя. Получившиеся создания — отарки быстро захватили лабораторию и наступил ужас... Это художественное произведение стало своевременным предупреждением того, что не всякий, кто разговаривает, является человеком.

Но Библия предупреждала намного раньше. *«Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них»* (Левит 20:15–16). Обратим внимание на то, что уничтожению подлежит и животное. Насколько Богу противно извращение или смешение, которое ведет или может привести к изменению генетического кода Его творения, теперь ясно из такого, казалось бы, непонятного стиха: *«Уставы Мои соблюдайте; скота твоего не своди с иною породою; поля твоего не засевай двумя родами семян; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся»* (Левит 19:19). Это уже радикальный подход.

Археологи находят материальные фрагменты древних тайных знаний: это не только великие пирамиды на земле и под водой, но и гигантские строения непонятного назначения, странные и очень сложные в производстве предметы. На тему таинственных археологических артефактов, которые не вписываются в принятую сейчас хронологию, сказано много. Не все там бесспорно. Поэтому для нас очень важно и авторитетно то, что о тайных знаниях египетских жрецов повествует Библия: *«И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: если фараон скажет вам: “сделайте чудо”, то ты скажи Аарону: “возьми жезл твой и брось пред фараоном”, — он сделается змеем. Моисей и Аарон пришли к фараону и сделали так, как повелел Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами: каждый из них бросил свой жезл, и они сделались змеями, но жезл Ааронов поглотил их жезлы»* (Исход 7:8–12).

А вот что говорится о первой казни египетской: *«И сделали Моисей и Аарон, как повелел Господь. И поднял Аарон жезл и ударил по воде речной пред глазами фараона и пред глазами рабов его, и вся вода в реке превратилась в кровь, и рыба в реке вымерла, и река воссмердела, и Египтяне не могли пить воды из реки; и была кровь по всей земле Египетской. И волхвы Египетские чарами своими сделали то же»* (Исход 7:20–22).

О второй казни египетской — жабах в домах — говорится следующее: *«И сказал Господь Моисею: скажи Аарону: простри руку твою с жезлом твоим на реки, на потоки и на озера и выведи жаб на землю Египетскую. Аарон простер руку свою на воды Египетские; и вышли жабы и покрыли землю Египетскую. То же сделали и волхвы чарами своими и вывели жаб на землю Египетскую»* (Исход 8:5–7).

Третья казнь египетская: *«И сказал Господь Моисею: скажи Аарону: простри (рукою) жезл твой и ударь в персть земную, и (будут мошки на людях и на скоте, и на фараоне, и в доме его, и на рабах его, вся персть земная) сделается мошками по всей земле Египетской. Так они и сделали: Аарон простер руку свою с жезлом своим и ударил в персть земную, и явились мошки на людях и на скоте. Вся персть земная сделалась мошками по всей земле Египетской. Старались также и волхвы чарами своими произвести мошек, но не могли. И были мошки на людях и на скоте. И сказали волхвы фараону: это перст Божий. Но сердце фараоново ожесточилось, и он не послушал их, как и говорил Господь»* (Исход 8:16–19). В данном случае Библия осуждает фараона за то, что он не послушал египетских жрецов, которые ему указали, что «это перст Божий», и обращает наше внимание, что слова перст и Бог — употребляются в **единственном** числе.

Здесь, для научного подтверждения и разъяснения смыслов древних религиозных взаимоотношений и ритуалов, обращусь к трудам выдающегося православного психолога Вениамина Алексеевича Снегирева¹, которого можно в полной мере считать богословом, логиком, мистиком. Он, будучи таковым сам, считал, как говорил его ученик В. Несмелов², что «человек всегда и на всех ступенях своего развития — мистик в глубине души, мистик по самой природе своей»³. Снегирев, исследуя условия и законы, по которым из простейших элементов мысли образуются религиозные формы и направления познавательной деятельности человека, был убежден, что они лежат в области психологии личности. Именно путем

¹ В. А. Снегирев род. в 1842 г. в Нижегородской губ., в семье священника, окончил Нижегородскую Духовную семинарию, в последствии Казанскую Духовную академию, где был оставлен на преподавательской работе, стал профессором. Выдающийся православный антрополог Виктор Несмелов был его учеником. С. вел напряженную научно-преподавательскую деятельность и скончался в достаточно молодом возрасте в 1889 году. Его классический труд «Психология», впервые опубликованный в 1893 г., является одним из лучших учебников по психологии и в полной мере сохраняет свою научную актуальность. Все душевные явления, особенно религиозные, С. систематизировал в целостный интегральный образ человеческой души.

² Подробнее о личности и трудах выдающегося русского антрополога, философа, богослова В. И. Несмелова см.: *Константин (Горянов) архиепископ. Религиозно-философская антропология В. И. Несмелова // И познаете истину*. СПб.: Родная Ладога, 2011. С. 223–290.

³ *Снегирев В. А. Психология*. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. Репр., 2008. С. 30.

Религиозная процессия сопровождается пением и игрой на музыкальных инструментах. В центре три жреца с воздетыми руками. Они (долхоцефалы — длинноголовые) разительно отличаются от остальных. Скульптура Каирского исторического музея. Фото автора статьи

психоанализа нужно, прежде чем ответить на вопросы, что такое мир и каковы его основные начала, исследовать процесс образования у нас представлений о нем.

Итак, египетским жрецам не были чужды, пусть и в смутной форме, идеи монотеизма, заметно влияние этих идей на их подопечных «духовных чад». Не мог же культ, провозглашенный фараоном-реформатором Эхнатом (XIV в. до Р. Х.), установившим поклонение единому божеству — богу Атону, символизирующему солнечный диск, возникнуть на пустом месте. Не верится, что фараон мог исключительно сам, без помощи некоторых высших жрецов, додуматься до единобожия. Однако государственное насаждение нового культа воспринималось как профанация сакральной тайны и считалось тяжелым преступлением.

К осмыслению этого парадокса древней истории можно подойти, используя исследования Снегирева, понимающего, что «в основе религии лежит идея всемогущей личной силы или всемогущей Личности, присутствующей миру и вызывающей в человеке особого рода волнения-чувства и действия»¹. Снегирев показывает, что религиозная идея необходима

¹ Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. Репр., 2008. С. 650.

*Верховный жрец. Скульптура из базальта. Поздний период.
Александрийский национальный музей. Фото автора статьи*

человеку, так как она безусловно связана с его самосознанием, с осознанием собственной личности как единого, конечного и ограниченного сверхчувственного духовного существа. Ощущение присутствия в мире бесконечного, всемогущего Существа является составляющей процесса самосознания человека, ему это чувство логически необходимо, поэтому религиозная идея неустраима. Снегирев доказывает, что религия «имеет корни в самой глубине человеческого духа, в той ее деятельности, в том свойстве, которые делают его разумным существом и отличают главным образом от всего живущего на земле»¹. Божественная идея возникает в процессе развития души у каждого отдельного человека и делает его существом религиозным, чувствующим Бога. Человеку, в связи с его ограниченностью и слабостью, необходимо присутствие в жизни опоры, отсюда следует искание Божества, стремление познать Его в процессе веры и стать с Ним в определенные отношения.

Эти отношения предполагают, что человек может черпать силу из божественного источника. «Смутная идея единства божественной силы и даже единого всемогущего начала, несомненно, лежит в основе всеобщей веры в магические действия и слова, которыми можно как бы принудить божество действовать по воле человека»². Отсюда возникает идея жречества, как

¹ Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. Репр., 2008. С. 655.

² Там же. 658.

особого класса людей, обладающих как бы способностью управлять волею богов. Жрецы в проторелигиях представляли в форме шаманов, колдунов, ведунов. Позднее жрецы-священники превращаются в посредников между богами и обычными людьми, кажется, само божество им дает эту миссию. Но такая иерархия имеет также психологические подоплеки. В процессе самосознания личности происходит ее духовное обособление. Люди в большей степени сосредоточенные, склонные к напряженному миро- и самопознанию, отличаются повышенной религиозностью. С углублением самосознания повышается их религиозность, в большой степени присущая духовным учителям. Как говорит Снегирев, «грубый политеизм всегда носит на себе многочисленные следы первоначальной, чистой и действительной основы религии и необходимо должен носить, потому что внутренний процесс, вызывающий в человеке религиозную идею и религиозное расположение всегда один и тот же, насколько всякий человек — есть человек, на всех ступенях развития, и обладает самопознанием»¹.

Снегирев отмечает, что божественные переживания человека, его чувства, его волнения при представлении и живом восприятии божественной всеобъемлющей Личности не сравнимы ни с какими другими, даже с представлениями бесконечности Вселенной. Ощущение «трансцендентного», то есть незримого божественного присутствия в мире связано с чувством «таинственного». Божество перестает быть для человека таковым, если оно постигается, перестает быть непостижимым. Божественное — должно быть вечно таинственным, именно это ощущение является в религии преобладающим. И это чувство, как уточняет Снегирев, необыкновенно приятно, притягательно, потому что напрягает все силы человеческого духа, влечет к предмету даже с преступлением чувства страха. Хотя в «божественном», «таинственном» чувство страха есть его важный элемент, его значимое условие. «Потому страх (Божий) является составною частью всякой религии. Он возникает при самом явлении идеи божества, сопровождает, но не порождает ее»².

Кроме того, с идеей силы и могущества божественной Личности всегда сопряжено чувство «высокого», «в религиозном чувстве оно является связанным с сознанием бесконечности и силы всемогущей Личности, всегда присуще в нем. Отсюда чудо, как и таинство, есть необходимая составная часть всякой религии»³. Эти и другие, более приземленные элементы чувства веры, как чувство благоволения, смирения, сокрушения, не нарушают и не ослабляют его, но укрепляют сознание живой связи с божеством. А наивысшим, симфоничным, объединяющим переживанием является чувство радости и счастья от полноты жизни и чувство любви к Источнику добра и красоты.

Что интересно, и фараоны, и высшие жрецы эпохи Древнего Египта, обладавшие доступом к фараону, имели другую гаплогруппу, о чем свидетельствует анализ ДНК. Они отличались также и внешним видом; бросается в глаза их удлинённая форма черепа — долихоцефалы. В Каирском историческом музее они часто изображены с голубыми глазами. В чертах

¹ Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. Репр., 2008. С. 659.

² Там же. С. 661.

³ Там же.

*Скульптурные портреты длинноголовых дочерей фараонов.
Каирский исторический музей. Фото автора статьи*

лиц древних фараонов и жрецов совершенно не просматриваются африканские корни. Гаплогруппа ДНК Тутанхамона *R1b1a2* у современных египтян практически не встречается. Эта гаплогруппа зародилась ок. 9500 лет назад на Кавказе, откуда мигрировала на Ближний Восток, а 7000 лет назад — в Европу. Существует гипотеза — что это отдаленные потомки немногих выживших после затопления, условно говоря, «атлантов» до их ассимиляции с туземным африканским населением.

«И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах» (Деяния 7:22). Так что Моисей за сорок лет при дворе фараона много чего узнал и понимал о чем говорит (XIII в. до Р. Х.).

Что касается тайных знаний и практик, идущих еще с до-Потопных времен, то Бог через Моисея при Исходе евреев из Египта запрещает им под страхом смерти обращаться к меднумам: *«И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращу лицо Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее»* (Левит 20:6). Или более кратко: *«Ворожеи не оставляй в живых»* (Исход 22:18).

Евреям также запрещаются человеческие жертвоприношения: *«И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между Израильтянами, даст из детей своих Молоху¹, тот да будет предан смерти: народ земли да побьет его камнями»* (Левит 20:2). Но в практической религиозной жизни все оказалось не так. Например, царь Соломон (X в. до Р. Х.) разрешил своим наложницам и женам-чужеземкам поклоняться языческим богам, и

¹ Молóх — название семитского божества, требующего человеческих жертвоприношений. Поклонение Молоху отличалось принесением детей в жертву через всесожжение. Евреи долго придерживались культа Молоха.

Принесение жертвы Молоху. Старинная гравюра

в Израиле было устроено капище Молоха (3 Цар. 11:7) в долине сыновей Енномовых. По-еврейски она называется «гей вен-Гинном» (Иер. 32:35), откуда впоследствии произошло название гейгином («геенна огненная»), которое стали применять к преисподней (ср. Матфей 5:29). *«И устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал и что Мне на сердце не приходило»* (Иеремия 7:31). Цари Ахаз и Манассия принесли в жертву Молоху своих сыновей (4 Цар. 16:3; 21:6). Идол Молоха — огромная статуя человека с головой быка. Внутри разжигался огонь, статуя раскалялась, и в ее протянутые руки клали или бросали детей. Жуткое жертвоприношение совершалось под ритуальное пение, пляски и песни. Они заглушали крики бедных младенцев, которые фактически сгорали заживо.

Поэтому Псалмопевец с горечью отмечает, что евреи: *«смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, — и осквернилась земля кровью»* (Псалом 105:35–38). Это продолжалось и даже во времена Пророков (Амос, VIII в. до Р. Х; Иеремия, Иезекииль VII — VI вв. до Р. Х.). Вот обращение Бога к неверному Израилу: *«Посему так говорит Господь Бог Саваоф, Вседержитель: приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне, в течение сорока лет, дом Израилев? Вы носили скинию Молоху и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали для себя»* (Амос 5:16, 25, 26)¹. В Деяниях апостольских

¹ Книга пророка Амоса — первая в Ветхом Завете, написанная целиком одним автором, имя которого дошло до нас.

слова пророка Амоса приводит первомученик архидиакон Стефан в речи против иудейских законников (Деяния 7:42–43).

Пророк Иезекииль сравнивает Израиль с блудливой неверной женой: *«Но ты понадеялась на красоту твою и, пользуясь славою своею, стала блудить и расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему. И взяла из одежд твоих, и сделала себе разноцветные вышесы, и блудодействовала на них, как никогда не случится и не будет. И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними. И взяла узорчатые платья твои, и одела их ими, и ставила перед ними елей Мой и фимиам Мой, и хлеб Мой, который Я давал тебе, пшеничную муку, и елей, и мед, которыми Я питал тебя, ты поставляла перед ними в приятное благоухание; и это было, говорит Господь Бог. И взяла сыновей твоих и дочерей твоих, которых ты родила Мне, и приносила в жертву на снадение им. Мало ли тебе было блудодействовать? Но ты и сыновей Моих заклала и отдавала им, проводя их через огонь. И при всех твоих мерзостях и блудодеяниях твоих ты не вспомнила о днях юности твоей, когда ты была нага и непокрыта, и брошена в крови твоей на попрание. И после всех злодеяний твоих, — горе, горе тебе! говорит Господь Бог, — ты построила себе блудилища и надела себе возвышений на всякой площади; при начале всякой дороги устроила себе возвышения, позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего, и умножила блудодеяния твои... Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим и подкупала их, чтобы они со всех сторон приходили к тебе блудить с тобою»* (Иезекииль 16:15–25, 33).

Приведенная цитата пророка Иезекииля не только яркая Библейская метафора, имеющая нравственное значение, но иллюстрация глубинных, психологических механизмов веры, связанных со страхом Божиим, с ритуалом жертвоприношения, сопровождающимся молитвой. Как отмечает психолог В. А. Снегирев, «человек первоначально молится ради наслаждения, соединяемого с молитвою, при мысли об общении в ней с божеством, ради подъема и возбуждения духа, а не из страха и не ради каких-нибудь выгод. В этом — сущность молитвы, все остальное в ней — видоизменение, форма и т. п. Также и жертву человек приносит первоначально без всяких корыстных видов: он делит вещь, доставляющую ему удовольствие, с любимым существом, которому все принадлежит»¹. Пророк Иезекииль, говоря от имени Бога, порицает жертвоприношения: *«ты сама давала подарки всем любовникам твоим»*. Бог здесь показывает Себя Богом ревнивым (антропоматизм). Психологически, как было сказано, жертвоприношение связано с желанием народа поделиться самым дорогим с существом «любимым, которому все принадлежит», чтобы доставить ему удовольствие. А в данном случае, мало того, что сожжение детей бесчеловечно, оно еще и посвящено истуканам, таким однозным божествам как Ваал и Астарта². Это пророк

¹ Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии. Репр., 2008. С. 663.

² Подробнее об этих культах см. Митрополит Константин (Горянов). Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2020. С. 26–70.

Иезекииль и по сути, и по форме называет «блудом» по отношению к Богу Единому.

Поскольку евреи занимались скотоводством и земледелием, языческие ритуалы, которые были связаны с плодородием земли, могли вызывать у них особую симпатию. Именно поэтому Священное Писание предупреждает *«Первые плоды земли твоей приноси в дом Господа, Бога твоего. Не вари козленка в молоке матери его»* (Исход 23:19; 34:26; Второзаконие 26:2). Последнее — это не просто кулинария, этот запрет в Библии повторяется трижды. Другими словами, запрещая варить козленка в молоке его матери, Библия запрещает принимать участие в магическом ритуале, который был связан с культом плодородия и поклонением богине Астарте¹. Напрашивается следующая параллель этого магического обряда: мать, дитя, огонь, жертва, Молох — коза, козленок, огонь (кипение в молоке матери), жертва, Астарта. Т. е. это символ жертвоприношения детей, заместительная жертва.

Человеческие жертвоприношения тема не новая, в наше время она не всегда связывается с расстройством психики. Последнее время, в связи с нарастающим сатанизмом, культовое жертвоприношение становится все более частым и распространенным, осознанным преступлением **по убеждению**. Участники ритуала — преступники умные, коварные, изворотливые, хитрые, и поймать их очень трудно. В основном попадаетесь неопытная молодежь. В Уголовном кодексе РФ даже появилась статья за ритуальное убийство и надругательство над телами умерших.

Подобные вопросы интересовали и исследовались учеными разных научных областей. Так философ, социолог, психолог Э. Фромм рассматривает любовь к различным проявлениям смерти как некрофилию в самом общем смысле этого слова, которая у многих людей не имеет примеси сексуальности. Какая может быть сексуальность у родителей, которые приносят своих детей в жертву Молоху... «Удивительно, но некрофилия еще никогда не была описана в психоаналитической литературе как общее ориентирование, — утверждает Э. Фромм, рассматривая личность некрофила, — хотя она родственна фрейдовскому анально-садистскому характеру и инстинкту смерти... Человек с некрофильным ориентированием чувствует влечение ко всему неживому, ко всему мертвому... Если они могут говорить о смерти и мертвом, они становятся оживленными. Явным примером чисто некрофильного типа личности является Гитлер. Он был очарован разрушением и находил удовольствие в запахе мертвого. Если в годы его успеха могло создаться впечатление, что он пытался уничтожить лишь тех, кого считал своими врагами, то последние дни “гибели богов” показали, что он испытывал глубочайшее удовлетворение при виде тотального и абсолютного разрушения: при уничтожении немецкого народа, людей своего окружения и самого

¹ Символом такого греха на протяжении многих столетий был древний сирийский г. Угарит. Судьба его была трагична. Сначала город попал под власть хеттов, а затем был до основания разрушен землетрясением небывалой силы. Руины погибшего Угарита разграбили пришлые народы. Но глиняные таблички оказались им не интересны, расхитителям были не нужны литературные произведения и деловая переписка. Эти артефакты сохранились в земле и были найдены археологами. Так через тысячи лет ученые обрели сведения, помогающие лучше понять слова Ветхого Завета и воспринять их как Господнее предупреждение ныне живущим.

себя»¹. Известно, что в Третьем рейхе удивительным образом сочетались высочайшие достижения науки с магией².

Гитлер вступил на русскую землю под лозунгом «Gott mit uns» /Бог с нами/. Но многие в Советской России, особенно пастыри, поняли, с каким богом гитлеровский рейх идет на Русь, вооружившись тайными знаниями Шамбалы, которую люцифериане и служители сатаны рассматривали как обитель темных сил. Это знание нацистские бонзы называли «оружием богов». Это, по их мнению, было то оружие, которое способно уничтожить Самого Иисуса Христа.

Третий рейх был в действительности не просто магическим, но черно-магическим, а точнее, сатанинским государством. В данном случае это не метафора, не иносказание, Гитлер и нацистская верхушка использовали эти термины абсолютно серьезно и верили в реальность общения с демоническим миром. При этом свое тоталитарное государство называли государством научного материализма. Гитлер во многом соглашался с атеистом Розенбергом, и записанные монологи фюрера наглядно свидетельствуют об этом. «Все религии одинаковы, неважно, как они себя называют. У них нет будущего, тем более в Германии... Будь то Ветхий Завет или Новый, нет никакой разницы: все то же самое, старое еврейское надувательство... Нельзя быть одновременно немцем и христианином. Надо выбрать одно. Нам нужны свободные люди, которые чувствуют и знают, что Бог находится в них самих...»³.

Принимая роль человекобога, Гитлер также твердо верил в неизбежность появления «высшего человека». «Творение еще не окончено, — говорил он. — Старая человеческая особь уже находится в состоянии упадка. Человечество переходит на новую ступень развития каждые 700 лет, и окончательная цель — приход Сынов Бога. Вся творческая мощь будет сконцентрирована в новых людях... Сверхчеловек будет превосходить современного человека во всех отношениях. Понимаете ли вы теперь глубокий смысл нашего национал-социалистического учения? Тот, кто видит в национал-социализме лишь политическое движение, ничего не понимает в нем»⁴.

Как говорит военный историк и боевой генерал Л. Г. Ивашов, исследователь этой закрытой темы, «на оккультные программы СС в Германии работало 50 институтов. Послевоенные исследования показали: фашисты затратили на Аненербе примерно столько же, сколько американцы на атомный Манхеттенский проект. Фашистским “магам” действительно удалось произвести в недрах германского народа психофизический взрыв небывалой силы, перед ним тускнеет вся мощь атомного оружия»⁵. Они не только

¹ Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 31.

² Подробнее см.: *Константин (Горянов), митрополит*. Религиозные аспекты Великой Отечественной войны и деятельность Русской Православной Церкви. К 75-летию Великой Победы // СПб.: Родная Ладога. № 1 (51), 2020. С. 5–44.

³ *Пруссаков В.* Оккультный мессия и его рейх. М.: Молодая гвардия, Шакур-2, 1992. С. 30.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. Тайны прошлого — загадки грядущего. Что скрывают архивы Спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования Вермахта. М.: Книжный мир, 2016. С. 265.

создали мощную военную машину, но возбудили в народе еще более мощную идеологическую энергетику. Но эта сила проиграла войну.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что причиной первой засвидетельствованной в истории экологической катастрофы — Потопа — было извращение человечества, или, выражаясь современным языком, программы образа Божия, которую заложил Бог в человека: *«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время... Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть **извратила** путь свой на земле... И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни»* (Бытие 6:5, 11, 12, 17). Т. е. была истреблена цивилизация извращенцев, превращенцев, постлюдей, трансгуманоидов.

Итак, все вышеперечисленные в Библии преступления, наказуемые смертью, могут привести к гибели и после-Потопное человечество, т. е. — нашу цивилизацию. Дурной пример заразителен. Чтобы этого не произошло, *«ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля; чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас... Итак соблюдайте повеления Мои, чтобы не поступать по гнусным обычаям, по которым поступали прежде вас, и чтобы не оскверняться ими. Я Господь, Бог ваш»* (Левит 18:27–28; 30). Каким образом и когда эта катастрофа может произойти — нам знать не дано. В мире существуют десятки тысяч ведьм, предсказателей, гадалок, но ни один из них еще два года тому назад не предсказал пандемию, охватившую весь мир. А «ковид-19» — это серьезнее, чем «цыганка с картами, дорога дальняя, казенный дом...». Смертоносный вирус показал, что слаб человек в своей претензии на исчерпывающее познание бытия.

В мире, как недавно выяснилось, существуют такие силы взаимодействий, о которых мы не знаем и не подозреваем. На Большом андронном коллайдере были обнаружены предпосылки существования новой силы взаимодействий, пятой среди известных фундаментальных четырех — гравитационной, электромагнитной, сильной и слабой¹. Хотя окончательный вывод о том, сила это или новая частица, ученые не сделали, можно говорить о непостижимых, глубинных физических процессах, плохо поддающихся человеческим исследованиям, связанным с изысканием научных закономерностей существования Вселенной, с поиском единой формулы Божественного замысла о мире, с претензией на возможность ее корректировки.

Красные линии

Но что же тогда получается? Что мы должны оставаться со своими природными человеческими немощами, со своими физическими и душевными страданиями один на один с непредсказуемым природным миром,

¹ https://ria.ru/20211026/kollayder-1756184450.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop «Перевернет современную физику». Что увидели на Большом андронном коллайдере (дата обращения 27.10.2021 г.).

наполненным извергающимися вулканами, выходящими из берегов реками, смертоносными вирусами, готовыми в любую минуту уничтожить все человечество или большую его часть. Никто из нас не хочет ни трагедий, ни страданий, хотя известно, что страдание — присуще человеку от грехопадения, оно является естественным и необходимым состоянием, подтверждающим, что реальная человеческая жизнь далека от идеальных норм бытия в связи с тем, что, будучи по природе созданием Божиим, человек грехом был отлучен от подлинной своей сущности, и образ Божий «помрачился» в человеке. Христианская концепция человеческого существования включает представление о драматичности человеческой судьбы, погруженной в бурный поток насыщенного злом земного бытия. Оно наполнено мучительной тоской по небу, сопровождается надеждой на избавление из плена страстей и тленной телесной человеческой природы, что приводит к неосознанному стремлению выйти за исконные ограничительные «красные линии».

Культ тела достаточно часто встречается в истории человечества. История показывает, что почти всегда этот культ приводил к разврату всего народа, к его дегенерации и исчезновению с мировой арены. Такие государственные крушения мы знаем из истории Вавилона, Египта, Греции, Римской империи. Подобные явления происходят и сегодня, видна дезинтеграция стран, поставивших приоритет земных благ, а не обращение к Богу и жизни по Его заповедям.

Есть другая сторона телесной природы человека, связанная с осознанием человеческой телесной слабости. От невозможности превзойти по силе и ловкости животных, может быть, и были в до-Потопные времена получены неведомыми нам способами мифические (или реальные?) полулюди, сочетающие в себе антропоморфные и зооморфные черты. Такие существа известны практически во всех древних культурах, вспомним дошедшего до наших времен легендарного, таинственного в своем предназначении Сфинкса в Гизе. Гибриды человека и животного, особенно в Средневековье, использовались для изображения демонов (Собор Парижской Богоматери). Может, поэтому Потопом Бог уничтожил не только грешное людское племя, но и животных, так как они использовались в недозволенных опытах по скрещиванию существ разных биологических видов? И поэтому, дабы неповадно было, от нас скрыты Богом людские деяния греховных до-Потопных времен.

На эту мысль наводят рассуждения святителя Григория Нисского о *недостаточности* человеческой породы. «Но тут я не вижу труда доказать, что мнимая недостаточность нашей природы — это повод к обладанию подчиненными. Ведь если бы человек был настолько силен, что быстротой превосходил бы коня, ноги его не стирались бы от твердого, будучи защищенными копытами, наподобие лошадиных или парнокопытных, или чем-нибудь в том же роде, носил бы рога, жала и когти, то, во-первых, был бы он звероподобным и страшным, когда бы все это имело от рождения его тело. А кроме того, не нуждаясь в содействии подчиненных, он пренебрегал бы начальствованием над другими. Теперь же наши жизненные потребности распределены между подъяремными нам и делают необходимым начальствование над ними. Медлительность и малоподвижность тела побудили использовать и обуздать коня. А еще придумал

человек железное оружие, более крепкое, чем выставленные вперед рога, и более острое, чем концы когтей, которое не всегда срослось с нами, как рога и когти зверей, но после того, как в нужный момент послужило нам в битве, остальное время отделено от нас»¹. «Услуживают нам в жизни и крылья птиц, так что, благодаря изобретательности, мы не нуждаемся даже в скорости пернатых»².

Современная наука в своих экспериментах с генами, с другим человеческим и животным материалом, включая эмбрионы, кажется, идет на поводу у тех, кто пытается преодолеть кажущуюся недостаточность человеческой породы и изобретает бесовские суррогатные гибриды, которые были уничтожены Богом на заре нашей цивилизации. Есть крылатое выражение, что сатана является кривляющейся обезьяной Бога. Современные ученые, озабоченные служением своим хозяевам, претендующим на мировое господство, не понимают, что человек наделен большей, нежели мышечной, силой — все одолевающей силой духа. И только Церковь помогает человеку понять, что людская природа воссоздана во Христе, что человеку открыт доступ к обожению, для этого ему дарован благодатный внутренний мир.

Но что же тогда бытие? И в чем его ценность? Сегодня мы видим, что чем человек становится более умелым, богатым, тем ближе он к осознанию себя человекобогом, которому все доступно и позволено. В своей жажде жизни человечество от мудрой рекомендации апостола Павла *«Всё испытайте, хорошего держитесь»* (1 к Фессалоникийцам 5:21) оставило только первую часть. Жажда бытия онтологически присуща человеческой личности. Человек, являясь в мир, осознает неустранимую потребность осмыслить и оправдать свою жизнь. Бытие содержит в себе красоту, надежду, силу, поэтому понимается как ценность.

Настоящий гимн человеку мы находим у основателя христианской систематической антропологии Немесия, епископа Эмесского: «Итак, кто может достойно оценить благородство этого существа (человека), соединяющего в себе самом смертное с бессмертным и совмещающего разумное с неразумным, представляющего своей природой образ всего творения и потому называемого “малым миром”, удостоенного столь великого примышления (благоволения) Божия, что ради него — все: и настоящее, и будущее, ради него и Бог соделался человеком, — переходящего в нетление и избегающего смертности? Созданный по образу и подобию Божию, он (человек) царствует на небе, живет со Христом, есть дитя Божие, обладает всяким началом и властью. Кто может выразить словами преимущества этого существа? Оно переплывает моря, пребывает созерцанием на небе, постигает движение, расстояние и величину звезд, пользуется плодами земли и моря, с пренебрежением относится к диким зверям и большим рыбам; человек преуспевает во всякой науке, искусстве и знании, с отсутствующими, по желанию, беседует посредством писем, нисколько не затрудняемый телом, предугадывает будущее; над всеми начальствует, всем владеет, всем пользуется, с ангелами и с Богом беседует, приказывает твари, повелевает демонами; исследует природу существующего, усердно пытается постичь

¹ Нисский Григорий, святитель. Об устройении человека / Пер., прим. и послесловие В. М. Лурье. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1995. С. 20.

² Там же. С. 21.

существо Божие, делается домом и храмом Божества — и всего этого достигает посредством добродетели и благочестия...»¹.

Но реальность обновленного бытия возможна, на него возводит человека Искупительная Жертва Христова. Что же касается будущего человечества, о котором Сам Иисус Христос говорил иносказательно, притчами, то ради краткости изложения сошлемся на апостола Петра: *«Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и гибели нечестивых человеков. Одно тебе не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят... Впрочем, мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда»* (2 Петра 3: 5–10, 13).

Для христианина ценность земного бытия определяется тем, что оно воспринимается им не просто как эпизод, выхваченный из тьмы небытия, но как «иного жития, вечного, начало»², как прообраз и предпосылка будущего Всеобщего Воскресения.

Неразумному, алчному, барскому отношению к миру, миру без страдания, где остались бы только «неунывающие лентяи; ничем не заинтересованные безответственные лодыри, без темперамента, без огня, без подъема и без полета; ничего и никого не любящие — ибо любовь есть прежде всего чувство лишенности и голода»³, должна быть противопоставлена созидательная деятельность человека, его преобразующее воздействие на мир, которое в своем сокровенном содержании происходит параллельно с внутренним преображением человеческой личности. Но только эта личность должна соответствовать следующим требованиям: *«Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь — в озере, горящем огнем и серою. Это — смерть вторая»* (Апокалипсис 21:7–8). Это — удостоверяемая учением и опытом Церкви реальность обновленного бытия, неоспоримо утверждающая за человеком его высшее достоинство. Очевидная единственность, выделенность человеческого рода во Вселенной связана с тем, что человеку дана способность божественного со-творчества. А также возможность спасения, которое, в первую очередь, означает — стремление к соединению с Богом, возможное только в лоне Церкви.

¹ Немесий, епископ Эмесский. О природе человека. Пер. с греч. Ф. С. Владимирского. Репринт. Изд. Учебно-информационного экуменического центра ап. Павла, М., 1996. С. 35–36.

² Иоанн Дамаскин. Канон Пасхи, песнь 7.

³ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: Дарь, 2005. С. 216.

Александр ДУГИН

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог, доктор политических наук, социолог, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (2008–2014), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); главный редактор телеканала «Царьград»; владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Альфред Шюц, ученик Гуссерля, применил философскую феноменологию к области социологии¹. Благодаря этому он построил оригинальную теорию, обогатившую социологическую дисциплину. Нечто аналогичное вполне можно проделать в отношении философии Мартина Хайдеггера. Ни Хайдеггер, ни Гуссерль специально не занимались обществом и тем более социологией. Но глубина их методов и новизна взглядов на сущностные проблемы гносеологии и онтологии вполне допускают применение к различным областям знаний, включая те, которые сами они по тем или иным причинам обходили вниманием. Это будет вполне в духе мысли самого Хайдеггера, утверждавшего, что философия содержит в себе все остальные науки в парадигмальной форме, в свернутом виде. Поэтому извлечь из полноценной и оригинальной философии спектр имплицитно содержащихся в ней дисциплин — вопрос технический. В целом построение Четвертой Политической Теории во многом на основании философии Хайдеггера и представляет собой именно такое развертывание имплицитного содержания. А так как область политического тесно связана с областью социального, то набросок хайдеггеррианской социологии будет чрезвычайно полезен в деле построения Четвертой Политической Теории в целом. Сам термин «общество» (Gesellschaft) Хайдеггер почти никогда не употребляет², но термин «народ» (Volk), напротив, встреча-

¹ Schütz A. The Phenomenology of the Social World. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1967.

² А когда употребляет, то толкует его в духе Гегеля — как искусственное сочленение атомизированных индивидуумов эпохи Модерна, что у него ни малейшей симпатии не вызывает.

ется в его текстах довольно часто. Мы преимущественно будем опираться на курс лекций летнего семестра 1934 года «Логика как вопрос о сущности языка»¹ и на «Черные тетради»², где Хайдеггер упоминает «народ» (Volk) чаще всего и где закладывает основы для дальнейшего развертывания своего имплицитного учения об обществе.

Volk als Dasein

Прежде всего следует обратить внимание на центральное понятие всей философии Хайдеггера — Dasein. Особенность Dasein'a состоит в том, что его нельзя рассматривать строго *ни как индивидуальное человеческое бытие, ни как коллективное, то есть общественное*. Dasein *первичен* и по отношению к индивидууму, и по отношению к обществу. Все человеческое происходит из Dasein'a, следовательно, Dasein прединдивидуален и пра-общественен. Но при этом экзистенциальный анализ Хайдеггера соотносит самые различные стороны человеческого мышления, действия, культуры, привычек — то есть экзистирования — с Dasein'ом в целом. А значит, Dasein объясняет индивидуума, которого в себя включает целиком. В индивидуальном человеческом существе нет ничего, чего не было бы в Dasein'е. На этом и основана экзистенциальная аналитика. Все человеческое возводится к Dasein'у и находит в нем свое разрешение. В отношении индивидуума это эксплицитно. Но точно так же мы могли бы поступить и в отношении общества. Ведь общество и есть *чисто человеческое*. Следовательно, *общество так же, как и индивидуум, коренится в Dasein'е и разрешается в нем*. Как и у индивидуума, у общества должны быть экзистенциалы, и следовательно, мы вполне можем ставить перед собой задачу *экзистенциальной аналитики общества*. Dasein не индивидуален и не общественен (не коллективен). Но индивидуум, напротив, сводим к Dasein'у, содержится в нем. Но это же справедливо и в отношении общества. Общество также содержится в Dasein'е. Из этого вытекает, что общество может быть рассмотрено в оптике Dasein'a, как сам Dasein.

Важно, что Хайдеггер строго разделяет «я» (ich) и Selbst. Selbst выступает как общий корень для человека и для общества (народа). Хайдеггер говорит:

Das Selbst ist keine auszeichnende Bestimmung des Ich. Dies ist der Grundirrtum des neuzeitlichen Denkens. Das Selbst wird nicht vom Ich her bestimmt, sondern der Selbstcharakter ist auch ebenso gut dem Du eigen, dem Wir und dem Ihr. Das Selbst ist in neuer Weise rätselhaft. Der Selbstcharakter ist nicht gesondert dem Du, dem Ich, dem Wir zugehörig, sondern all dem in gleich ursprünglicher Weise³.

(Selbst не является исключительно определением эго, «я» (Ich). Это глубинное заблуждение мышления Нового времени. Selbst не определяется

¹ Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998.

² Heidegger M. Überlegungen II–VI. (Schwarze Hefte 1931–1938). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2014; Idem. Überlegungen VII–IX. (Schwarze Hefte 1938/39). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2014; Idem. Überlegungen II–VI. (Schwarze Hefte 1939–1941). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2014.

³ Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. Op. cit. S. 38.

это, «я» (Ich), напротив, свойство Selbst также присуще «ты», «мы» и «вы». Selbst является загадочным в каком-то новом смысле. Свойство Selbst не принадлежит исключительно только «тебе», «мне», «нам», но всем равно изначальным образом).

Selbst, таким образом, предшествует и единичному, и коллективному, является для них *общей основой*. Поэтому мы вполне можем поставить задачу изучить Selbst общества. Это предполагает совершенно особое к нему отношение.

Такое общество будет *экзистенциальным обществом*. И именно для общества, понятого таким образом, Хайдеггер и использует специальное слово — Volk. Volk — это то же, что и Dasein. Но только в своей философии Хайдеггер преимущественно занимается выявлением Dasein'а в человеке, философии, мышлении и культуре. И так как его не интересует проблема индивидуума самого по себе, то он постоянно переходит от человека к его экзистенциальному основанию — Dasein'у, чаще всего не уточняя саму *структуру перехода*. Поэтому слово Mensch (человек) в его философии, хотя и употребляется нечасто, но в большинстве случаев подразумевается. Причем всякий раз это Mensch als Dasein. Но вполне легитимно предложить и другую траекторию выхода на Dasein — *через общество*. У Хайдеггера иногда мы видим и такой путь, намеченный лишь весьма приблизительно. И в этом случае он всегда использует слово Volk. Volk als Dasein.

Экзистенциальная структура Volk

Хайдеггер, описывая структуру народа (Volk), прямо говорит о гомологии с человеком¹. В традиционной метафизике в человеке выделялись три начала — тело, душа и дух. Так же мы обычно поступаем и с народом. Тело народа — это то пространство, которое он занимает, а также население, количество, демография, промышленность, экономика. Это войны и мирные договоры, торговля и ремесла.

Душа народа — это предания, религия, культура, обычаи, нравы, этика. И наконец, дух народа воплощен в философах, историках, правителях, которые ответственны напрямую за судьбы народа и государства.

Но Хайдеггер отбрасывает эту классическую стратификацию так же, как он отказывается от трихотомии при анализе человеческой личности. Эта таксономия есть следствие метафизики, причем конкретно платонической метафизики. Но Хайдеггер ставит именно ее под сомнение и стремится прорваться к изначальной стихии мышления. Поэтому он и выносит за скобки трихотомию человеческой структуры, чтобы снова — самым свежим из возможных путей — осуществить постановку вопроса о том, как мы относимся к Selbst, то о том, *кто мы, как мы и зачем мы*. Экзистенциальная аналитика, деструкция² и возведение к Dasein'у служат именно этой цели. Поэтому и понимание народа (Volk) не должно останавливаться на

¹ Heidegger M. Logik als die Frage nach dem Wesen der Sprache. Op. cit.

² Деструкция или феноменологическая деструкция, как ее понимает Хайдеггер в «Sein und Zeit» (Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer, 1972), есть помещение идеи, концепта, теории, высказывания в историко-философский контекст, который, по Хайдеггеру, есть конкретный процесс забвения бытия или оставления бытием человеческой истории (Seinsgelassenheit).

выделении трех уровней — тела, души и духа, но достигаться в новой оптике через соотношение народа с его Selbst, через приведение народа к Dasein'у. В этом случае надежными характеристиками народа становятся только экзистенциалы. Прежде всего это Sorge (забота) и бытие-к-смерти (Sein-zum-Tode). То, что мы называем «телом народа», или хозяйством, промышленностью, экономикой (Wirtschaft), в таком случае перестает быть отдельной областью, определяемой материальными факторами. Отныне это *область заботы* (Sorge). Народ *озабочен*. И не потому, что этого требуют объективные обстоятельства, он озабочен сам по себе, поскольку такова его сущность, его Selbst. Поместим народ в самые благоприятные условия, и он тут же найдет, о чем заботиться. Ведь у Хайдеггера забота — это аналог интенционального акта Гуссерля. Следовательно, *хозяйство* народа, его «тело», есть не что иное как *структуры его интенциональности*. *Экономика интенциональна*. И это фундаментальный вывод хайдеггерианской социологии: не случайно человек сопряжен с трудом и с производством. Производство предметов с помощью техники и есть самая яркая форма интенциональности. Если в случае с наблюдаемыми природными объектами искусственность их конституирования не очевидна (для тех, кто не занимается философией), то в сфере хозяйства это эксплицитно. Все, созданное человеком, является интенциональными объектами.

Желать, чтобы народ ничего не создавал искусственно, чтобы он не вовлекался в стихию τέχνη — все равно, что лишить его интенциональности (Sorge). Но это и есть Dasein, который не может не быть озабоченным.

Но если «тело народа» в экзистенциальной аналитике оказывается таковым, то его «душа» и «дух», то есть культура и философия, не будут *надстройкой* над материальным основанием, но обнаружатся как другие издания все той же заботы — Sorge. Ведь создание произведения искусства или философской системы есть не что иное как результат озабоченности, как интенциональный акт. Причем трудно сказать, где этот интенциональный акт чище и изначальнее — с одной стороны, у простых людей (тружеников) стихия заботы выражена более непосредственно и глубинно, а поэты и мыслители оперируют со вторичными, деривативными, понятиями, но с другой стороны, именно поэты и мыслители стоят ближе к *рискованной сущности творческого акта*. Труженик более экзистенциален, в нем Sorge ярче и непосредственнее. Поэт или мыслитель в этом ему уступают, но зато они обращены к стихии смерти, к ничто, поскольку их творческий акт откровенно опасен. Они соотносятся со смертью непосредственно. Это и имел в виду Гегель в своем знаменитом пассаже про Господина и Раба в «Феноменологии духа»¹.

Поэтому экзистенциальный подход требует другого — в свою очередь, экзистенциального — структурирования народа. По Хайдеггеру, это ведет к выделению двойного горизонта. Volk в целом — это Dasein. Но в узком смысле Volk — это Dasein, который дан наиболее *непосредственно*. В нем экзистенциалы действуют в полной мере и с полной мощью. При этом мощь здесь двойственна: она и чище отражает заботу (Sorge) — именно поэтому большинство людей в любом обществе и любой культуре работают, трудятся и производят — и в то же время заслоняет своим силовым потоком зияние

¹ Гегель. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.

смерти. Поэтому народ (Volk) в узком смысле — это *бегство от смерти*. И именно поэтому в обычном состоянии народ труслив (Furcht), но при этом не знает ужаса (Angst). Другим полюсом — горизонтом — народа (Volk) являются те, кого Хайдеггер называет единственными (die Einzelne). Это та инстанция, где Dasein восходит к самому себе, то есть к столкновению с бытием (Sein). Соотношение между народом и единственными Хайдеггер описывает в «Черных тетрадах»:

Das Volk: die Behütung und Ausführung der Ermächtigung des Seins. Diese aus der Furchtbarkeit der Geworfenheit, deren erst wesentliche *Vereinzelnung* eben das Volk — und dessen grosse *Einzelnen* bleiben. Das Wesen dieser Einzelnen aus und in der Vereinzelnung als Volk zu begreifen¹.

(*Народ*: охранительное сокрытие и изначальное проявление легитимации бытия. Это проистекает из плодотворения заброшенности, чьим сущностным *вос-соединением* является народ, а чьим величием остаются *единственные* (единицы). Бытие (сущность) же этих единственных следует постигать из и внутри воссоединения как народа).

Между народом и единственным стоит специальное слово Vereinzelnung. Оно необходимо Хайдеггеру, чтобы сопрячь между собой единственных (die Einzelne) и народ (Volk). Народ — это такой собор «единственных», где они могут и не могут более оставаться единственными. Собор как вос-соединение единственных и есть Ver-einzelnung. Но выбор Vereinzelnung вместо Vereinigung (например) показывает не только, что нечто соединяется, но что соединяемое (единица, единственное) не перестает оставаться единственным. Более того, народ не есть предшествующая единственным и их расчленению база; он уже *сам по себе* есть процесс дифференциации и интеграции. Любой в народе может стать единственным, и это намечено в нем самом. Но становится единственным — то есть великим — только некоторый, отдельный, ставящий акцент своего экзистирования на Selbst в его чистом виде. При этом он не противопоставляет себя народу и даже не выделяется из него: ведь народ и есть Selbst и именно он, народ как Selbst, и дает единственному его содержание, его бытие и его цель.

Geworfenheit, заброшенность — это хайдеггеровский экзистенциал, аналогичный субъекту. Можно сказать, что народ и есть субъект, то есть горизонт заброшенности. И эта заброшенность прорастает в народе во всех направлениях. Предельной высотой такого прорастания становятся единственные (die Einzelne). Но эта высота есть одновременно глубина и возвращение внутрь народа, ведь именно народ есть «проявление легитимации бытия». И единственный достигает бытия только в народе и через народ, поскольку народ и есть бытие, «вот-бытие», Dasein.

Схема экзистенциальной структуры общества

Мы можем представить структуру общества в оптике «экзистенциальной социологии» в схеме (см. далее).

Здесь мы видим ясно единство философского и социологического понимания Dasein'a. Хайдеггер описывает судьбу западного Dasein'a как развертывание остывания вопроса о бытии, как забвение о бытии. Но решение

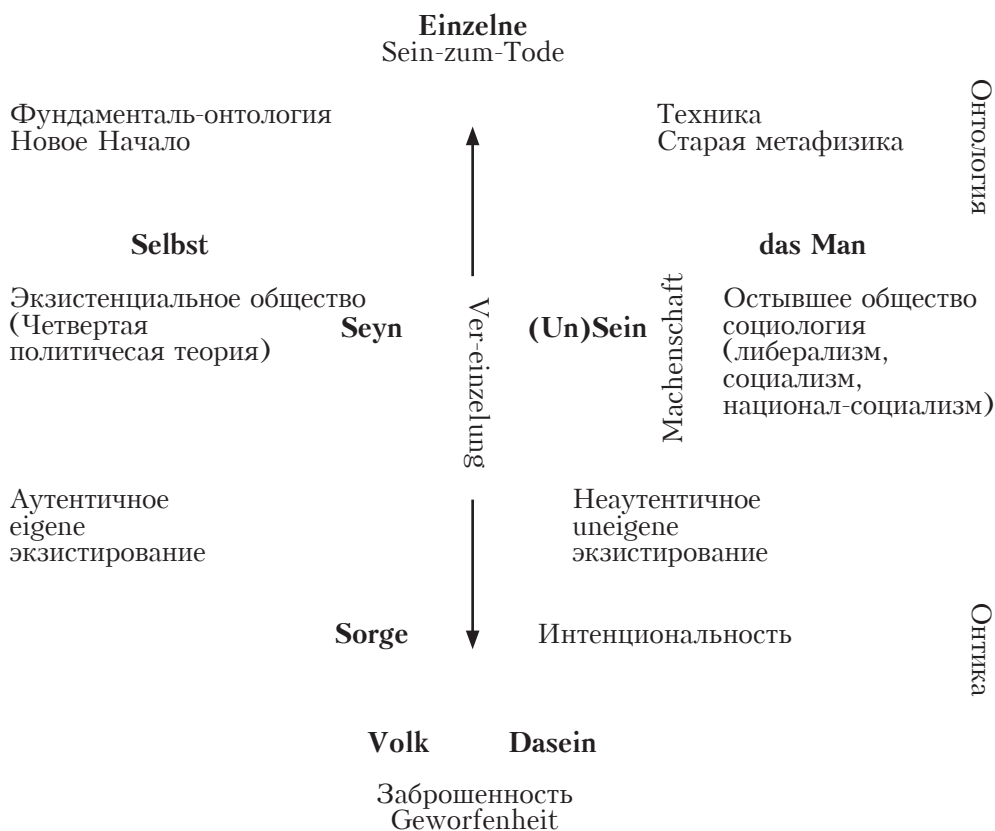
¹ Heidegger M. Überlegungen II–VI. (Schwarze Hefte 1931–1938). Op. cit. S. 98.

(Entscheidung) о том, помнить о бытии (Sein) или забыть о нем, думать о нем или сосредоточиться на сущем (Seiende), принимает всегда и только *сам Dasein*. Это основной тезис хайдеггеровской философии. Поэтому и возможно Новое Начало философии — Dasein может принять решение экзистировать аутентично. Но может принять решение экзистировать неаутентично. Во втором случае власть передается das Man'у, который и есть «я» или «мы» (или «все») неаутентично экзистирующего Dasein'a. В этом случае утверждается отчужденная метафизика и Machenschaft, техника. Единственные в таком случае становятся все менее отличимы от das Man'a — они более не цари и не правители, но «депутаты», «уполномоченные» и откровенные «шуты», «канатные плясуны». Такими являются и политические вожди, и философы, и деятели культуры. Но не они ответственны за этот выбор. Точнее, решая экзистировать неаутентично, они выступают не отдельно и обособленно от Dasein'a, но действуют так *вместе с Dasein'ом*. Das Man учреждается и конституируется общей волей. Это экзистенциальный акт, в ходе которого заброшенное присутствие отворачивается от бытия, то есть от своей сущности, от своего Selbst. Все это очевидным образом проявляется и в социологии. Как философия Нового времени представляет собой систематическое забвение о бытии, так политические и общественные учения Нового времени выражают тот же самый процесс в своей сфере. Поэтому все типы общественного устройства Нового времени, равно как и все формы политических идеологий (сводимые к трем основным — либерализм, коммунизм и фашизм¹) представляют собой вариации отчужденного общества, где, в конце концов, доминирует das Man, центральная фигура Machenschaft. Но при этом общество (в смысле Gesellschaft), понятие как современное общество, общество Модерна (в отличие от премодернистского Gemeinschaft, то есть общины) не обладает набором строго автономных критериев, хотя и настаивает на этом — причем в трех основных версиях (по числу главных политических теорий). Все предлагающиеся критерии суть не что иное, как искаженные и отчужденные, переработанные das Man'ом и стихией Machenschaft'a экзистенциалы Dasein'a. Это начинается с самого субъекта. В философии Модерна его утвердил Декарт. В трех политических теориях Модерна мы имеем дело с тремя более узкими толкованиями *субъекта*.

Либералы интерпретируют субъект как индивидуум, коммунисты — как класс, фашисты — как государство, нацию или расу (национал-социализм). Но Хайдеггер показывает, что субъект — это *конструкт Нового времени*, возведенный над забытым, погребенным под ним Dasein'ом. Поэтому философская деструкция и начинается с демонтажа субъекта и прорыва к Dasein'у. Если теперь спроецировать это на общество (социологию), мы увидим, что все три субъекта политических теорий Модерна (либерализм, коммунизм и фашизм) *игнорируют народ* (Volk), который и есть Dasein. Следовательно, деструкция в экзистенциальной социологии должна начинаться с демонтажа *индивидуума, класса и национального государства*, с тем чтобы обнаружить в их основе истинную *экзистенциальную основу*, подвергающуюся отчуждению, искажению и забвению, то есть народ (Volk).

¹ Дугин А. Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014.

Схема структуры экзистенциального общества

Проект аутентичного общества: экзистенциальная Империя

Здесь мы переходим к проективной стороне хайдеггерианства — к его представлению о том, каким *должно* быть общество, если Dasein делает выбор в пользу аутентичного экзистирования, то есть самого себя (Selbst). Это и есть собственно социологическая и даже политическая программа — Entwurf — Четвертой Политической Теории. Прежде всего все зависит от решения (Entscheidung), причем решения, принятого Dasein'ом в пользу *аутентичного экзистирования*. Но решение принимается не кем-то одним, не определенной группой лиц (пусть правящей и влиятельной), не философской школой, но и не всеми вместе. Для решения, о котором идет речь, не существует ни процедур, ни правил. Оно есть *нечто большее*. В нем Dasein обращается к самому себе, осуществляет поворот (Kehre), решается на самого себя, рискует быть. И здесь Dasein напрямую обращается к собственной конечности, то есть взаимодействует со *стихией смерти*. Обращается к смерти весь Dasein целиком, но *выдерживают* это обращение только отдельные, редкие — единственные (die Einzelne). В них-то решение и проявляется, дает о себе знать. Но принимают его не они сами по себе.

Они способны его вынести, но не способны принять. Решение принимает народ (Volk), хотя сам по себе, в узком — онтическом — смысле он не способен его вынести. Поэтому проект аутентичного общества принимается синхронно и целокупно народом как Dasein'ом. Но выражается он через единственных (die Einzelnen), которые становятся его носителями. Они-то и есть истинные правители Империи Нового Начала.

Хайдеггер пишет:

Die *Metaphysik des Daseins* muss sich nach ihrem innersten Gefüge vertiefen und ausweitern zur Metapolitik «des» *geschichtlichen Volkes*¹.

(*Метафизика Dasein'a* должна быть углублена и расширена в своей внутренней структуре до метафизики (конкретного) *исторического народа*).

Это значит, переход от философии к социологии (к обществу) и политике есть прорыв в сферу *исторического*. Именно в историческом, в историа́ле (das Geschichtliche и еще точнее, das Seynsgeschichtliche), решение Dasein'a обретает свой закономерный масштаб. Общество, где правит das Man, заведомо антиисторично, внеисторично. И даже если там постоянно говорят об «истории», то понимают ее как отчужденный рок, как τέχνη, как искусственное обоснование и оправдание полностью отчужденной заботы, занимающей все пространство сиюминутного. Такая «история» есть не что иное как поддельное (антифеноменологическое) *обоснование необходимости труда*. Народ становится по-настоящему историческим (geschichtliche) только тогда, когда выбирает *аутентичное существование*. Но тогда он сталкивается со своей конечностью, то есть с риском. И это столкновение имеет имя — война, отец вещей, по Гераклиту. Элиты всех политических образований — государств — так и формировались: это ранг воинов, господ, вступающих в личные отношения со смертью. Философы суть те из них, кто настолько зачарован смертью и конечностью существования, что делает смерть главной темой своего наличия, стремясь проникнуть в глубь бытия на самую границу с ничто. Воины и философы, а также поэты делают бытие историческим, а историю наполняют онтологическим содержанием. В этом случае народ становится полным и насыщенным. Его забота — труды, попечения, влечения, настроения — приобретает опору в *бытии*, возводится к корням. Народ, обретший историческое измерение, становится народом *бытия*. Он не только существует, он отныне *есть*.

Для Хайдеггера и для Четвертой Политической Теории это и является политическим и общественным проектом. Хайдеггер пишет в «Черных тетрадах»:

Das *eigentliche, aber fernste Ziel*: die geschichtliche Grösse des Volkes in der Erwirkung und Gestaltung der Seinsmächt.

Das *nähere Ziel*: das *Zusichselbstbekommen* des Volkes aus seiner Verwurzelung und aus der Übernahme seines Auftrags durch den *Staat*.

Das *nächste Ziel*: die vorläufige Schaffung der Volksgemeinschaft — als das *Selbst* des Volkes².

(*Самая главная, но самая далекая цель*: историческое величие народа в осуществлении и оформлении мощи бытия).

¹ Heidegger M. Überlegungen II–VI. (Schwarze Hefte 1931–1938). Op. cit. S. 124.

² Ibid. S. 136.

Более близкая цель: становление народа самим собой из утраты корней и чрезмерной ангажированности в *государство*. *Самая близкая цель:* пред-варительная организация народной общности как *Selbst* народа).

Эти этапы особенно важны в том случае, если, как в личной истории Хайдеггера, переход к Четвертой Политической Теории протекает или по меньшей мере задумывается изнутри Третьей Политической Теории. Именно поэтому близкой целью является преодоление «чрезмерной ангажированности в государство». Государство — это имя *das Man*'а в Третьей Политической Теории (фашизме, национализме). И деструкция государства — как аппарата, как *Machenschaft* — первая теоретическая задача Четвертой Политической Теории. Без этого народ (*Volk*) как «субъект» истории, как *Dasein* не будет обнаружен и идентифицирован.

В более широком контексте политических систем Модерна можно перефразировать хайдеггеровскую последовательность следующим, обобщенным, образом:

- 1) пробуждение народа как *самого себя (Selbst)*;
- 2) прокладывание пути *через* отчужденные, навязанные Модерном формы субъектности — индивидуум, класс, государство (нация, раса), с их параллельной (феноменологической) деструкцией (это зависит от того, с какой стартовой позиции начинается реализация проекта Четвертой Политической Теории — изнутри либерального, коммунистического или националистического общества);
- 3) выход на горизонт *великой истории* (*die geschichtliche Grösse des Volkes*), вступление в права онтологического исторического бытия как обретение народом *собственного бытия*.

Народ и его Бог: религия *Selbst*

Последнее, на что стоит обратить внимание в самом первом приближении к экзистенциальной социологии, это вопрос религии. Для многих именно он может показаться самым проблематичным в философии Хайдеггера и в Четвертой Политической Теории в целом. Сам Хайдеггер понимает проблему богов или Бога в неразрывной связи с народом. Он приводит в «Черных тетрадах» слова Шатова из «Бесов» Достоевского:

А у кого нет народа, у того нет и бога!¹

И полностью с ними соглашается. *Народ и Бог связаны между собой неразрывно*. Бога вообще нет без народа. Ведь Бог, который есть, создает человека. Но человек в экзистенциальной оптике есть *Dasein*, а следовательно, народ (*Volk*). Бог, творя мыслящее, говорящее, думающее начало, творит народ. И без народа, вне народа такого начала нет. А если его нет, то и засвидетельствовать Бога, воспеть Его, прославить Его некому. Поэтому мысль о Боге вне мысли о народе, в отдельности, будет бессмысленной — на каком языке, в каких формулах и в каком порядке велась бы

¹ Достоевский Ф. М. Бесы. М.: Мир книги, Литература, 2008. С. 221. В другом месте в «Идиоте» Достоевский говорит устами князя Мышкина: «Кто от родной земли отказался, тот и от бога своего отказался» (Достоевский Ф. М. Идиот. Часть 4. М.: Мир книги, Литература, 2008. С. 81) В этом случае выражение «родная земля» следует также понимать экзистенциально. Хайдеггер считал Землю одним из полюсов Четверицы (*Geviert*), при этом показательно, что метафизически сближал он Землю (*Erde*) именно с русским народом и Русью (*Russland*) в целом.

такая речь?! Народ в теологии можно игнорировать, но само по себе это ни к чему, кроме как глубинному искажению, не приведет. Если религия жива, если она *экзистенциальна*, то она должна быть народной в самом глубоком смысле этого слова. Поэтому Хайдеггер, размышляя о проекте пробуждения народа, пишет:

Wagen wir noch einmal die Götter und mit ihnen die Wahrheit des Volkes!¹
(Отважимся ли мы еще раз иметь богов и вместе с ними истину народа?)

Бог (или боги) — это *истина народа* (die Wahrheit des Volkes). Но это также его бытие, бытие, которое есть он сам, в своем внутреннем истоке, в своем тождестве, в своем Selbst. Неважно, имеем ли мы дело с политеистической или монотеистической версией, признаем ли акт творения или манифестации. Отношение народа к Богу глубже этих вторичных параметров. Народ есть тогда, когда у него есть Бог. Если он решается быть, он решается на то, чтобы иметь Бога, и соответственно, на то, чтобы иметься у Бога, принадлежать ему.

В хайдеггеровской версии конкретизация религии не является определяющей. Важнее другое — *насколько живым является Бог*, насколько могущественно его бытие и, следовательно, насколько оживляется Им народ, созидающий свое историческое измерение. Без Бога народ вообще не может быть, и ни о каком историале речи идти не может. Но наличия культа, институтов и обрядов еще не достаточно. Религия может существовать и в обществе das Man'a. В этом случае она будет *еще одним полем заботы* — то есть политической, экономической или социальной инстанцией. В такой религии Бог умирает, и когда приходят чисто светские политические режимы Модерна (либерализм, коммунизм и фашизм) они не столько «убивают» Его, сколько констатируют уже случившуюся смерть. Поэтому Хайдеггер обращается не к следствиям, а к причинам: *на веру надо отважиться, решиться*. Ведь Бог есть смерть человека². Он воплощает в себе ту порцию, в которой пределы мыслящего наличия устанавливаются строго и безжалостно. Мы становимся смертными только перед лицом Бессмертного. Но и людьми мы становимся в этот самый момент. Бог творит только то, что есть. Но это и есть Dasein.

В Четвертой Политической Теории религия не является данью традиции, это не просто рудиментарная черта прошлого — тем более в прошлом у нас атеистический Модерн. В Четвертой Политической Теории народ решается иметь Бога. И это решение принимает сам Dasein, Dasein как народ (Volk). И если Четвертая Политическая Теория в метафизике, философии и социологии является революционной (консервативно-революционной), то и в сфере религии она должна быть такой же. Поэтому вера пробужденного к истории народа — это рискованная вера в Живого Бога, в Selbst Бога, в Бога как антитезу его институционализированного симулякра — Великого Инквизитора. Великий Инквизитор Достоевского — это тот титул, который das Man носит в сфере религии. Поэтому религия народа будет живой и аутентичной, только если это будет религия Selbst.

¹ Heidegger M. Überlegungen II–VI. (Schwarze Hefte 1931–1938). Op. cit. S. 183.

² В 62-м фрагменте Гераклита читаем: θάνατοι θνητοί, θνητοί θάνατοι, ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον τεθνεώτες. (Смертные бессмертны, бессмертные смертны; боги живут смертью людей, люди умирают жизнью богов.)

Алексей ГУШАН

«ДЕНЬ КАЖДЫЙ — НЕБЕСНЫЙ ПОДАРОК!»

Гушан Алексей Николаевич — родился в 1984 г. в г. Лодейное Поле Ленинградской области. Поэт, публицист, член Союза писателей России, руководитель молодежной творческой студии при Люберецком отделении МО организации СПР. Лауреат многих российских и международных лит. премий, конкурсов и фестивалей. Награжден почетными дипломами, медалью имени И. А. Бунина и медалью «Ярослав Смеляков». Автор двух поэтических сборников и множества публикаций. **Живет в п. Малаховка Московской обл.**

НА БОГОЯВЛЕНИЕ

Замело. В снегу деревья тонут.
На земле всевластье января.
В Горних далях ангелы в ладони
Собирают воду из ручья.

И несут на день Богоявления
В белоснежных ангельских руках
Капельки небесного смиренья
К иорданиям в неокрепших льдах.

Принесут и снова улетают
Ангелы к Отцу на небеси.
Райскою водой соединяя
Всех крещенных на Святой Руси!

Ну, а дальше нам уже работа:
Капли неземного ручейка
Пронести сквозь годы и заботы
До креста, и дальше... в облака.

В те края, где ангелы в ладони
Собирают воду из ручья...
А сейчас в снегу деревья тонут
И стихает песня января.

ПРЕДЗИМЬЕ

В Присвирье предзимье сурово.
Безвьюжный кончается срок.
Стихает осеннее слово,
Слетает последний листок.

Людское тепло выдувая
Из полузабытых домов,
Ветра над деревней летают
И стонут меж черных стволов.

И, кажется, все опустело,
И жизни здесь, кажется, нет.
Но утренним светом несмелым
Умоет просторы, и белый
Вдруг чей-то мелькнет силуэт.

Живой человек?! Неужели?
В такой бесконечной глуши,
Где сосны, березы и ели,
Есть место для этой души?!

Знать, дело какое-то держит
Ее в молчаливом краю.

И жизнь одинокая брезжит,
И тянется к новому дню.

Ветра и студёные вьюги,
Молю, отложите свой срок.
Пусть в этой пустынной округе
Горит хоть один огонек.

Моей захолустной отчизны,
Прошу, не сметайте следы.
Мне эти осевшие избы,
Мне эти дороги нужны!

И эти родные могилы,
И эти простые кресты...
Деревня, дай Бог тебе силы
Дожить до далекой весны!

ПОД РОЖДЕСТВО

И снова ночь. И снова торжество.
Сверкая, с неба падают снежинки.
В Диканьке... нет, в Малаховке и с жинкой...
Не так. С женой иду под Рождество

Колядовать. Тулуп. Мешок. Айда
Нести веселье в дремлющие массы.
Вдруг вижу, что сидят на теплотрассе
Два брошенных рождественских кота,

А может, кошки. Дело ведь не в том,
Какого рода Божии творенья.
Я положил пред ними угощенье
И поделился праздничным теплом.

Как ладно в мире все заведено.
С небес снежинки падают, сверкая.
Иду с женой, а рядышком шагают
Две кошки... два кота... Не все ль равно?!

БЕССНЕЖЬЕ

Чистить крышу пора, но не выпали белые снега.
Зря пришел Парамон и метелку с собою принес.
Вон теплынь на дворе, и полезли спросонок побеги,
И совсем по-апрельски шумит на излучине плес.

Бабка Таня горюет: застряли на почте открытки.
Проторенной дороги в беспутье до города нет.
Это в летнюю пору бодрисься и кажешься прытким,
А в такую погоду заноят суставы — привет.

Где ж ты бродишь, зима? Что ж в мое не стучишься жилище?
Отчего не шумишь, чтоб топилась без лености печь?!
По ночам только ветер лихой за околицей рыщет,
Унося второпях, что без снега никак не сбересть.

Утопает декабрь не в сугробах — в грязи придорожной.
Много черной земли — мало места белесым снегам.
Провинились мы что ли пред Небом? Возможно... Возможно...
А возможно ль еще в согрешеньях раскаться нам?

* * *

Привезите мне белого цвета Онежского озера.
Привезите мне белого света олонецкой полночи.
Привезите мне белого снега с дороги проселочной
В час, когда уходящего солнца следы подморозило.

Пусть над серой землей кобылица с туманною гривой
Пронесется, оставив гостинцы такие желанные:
Беломорский напев вперемешку с крупичами манными
Да карельскую тишь, предрассветную, неповторимую.

Белый цвет расцветет за окошком букетом приветливым.
Белый свет домотканой дорожкой по полу расстелется.
Белым снегом укутает даль, и, конечно, поверится,
Что в такой белизне и сердца станут более светлыми.

Молодая Луна обернется княжной белолицею,
Черноокая ночь побелеет и станет белесою.
Все наполнится Богом, как поле дрожащими росами.
Пропитается тайной, как небо ночными зарницами.

И над белою гладью едва задремавшего озера
Ветер — вольный поэт — будет строчки слагать немудреные,
И читать их княжне, и летать меж поникшими кленами
В час, когда уходящего года следы подморозило.

* * *

Цветут на окошке герани.
На улице дождь моросит.
Улыбчив юродивый Ваня
На бедных просторах Руси.

Простые библейские строки,
Что бремя Господне легко...
И сыплются хлебные крохи
Для вестников верных Его.

День каждый — небесный подарок!
А ночь — благодатный причал.
Свечной догорает огарок,
Который во тьме освещал

А вестники шумною стаей
Летят высоко-высоко.
Улыбчив юродивый Ваня.
Цветут на окошке герани.
И бремя Господне легко.

НА ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Весенний свет, густой и золоченый,
По всей округе разливают мед.
Сегодня день особенный — Прощеный,
И оттого душа моя поет.

Собрав с утра простое угощенье,
Иду себе, улыбчив и открыт,
Испрашивать у ближнего прощенья.
— Прости меня!
— Господь тебя простит.

И ты прости!
— И я, и я прощаю!
— Садись скорей. Обед уже готов.
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуясь жизнью, как новорожденный,
Я образ Божий в каждом узнаю.
Как хорошо прощать и быть прощенным.
Наверно, так же хорошо в Раю!

* * *

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Она чиста. Ни одного мазка
На ней не видно. Досок миллионы,
А образов, чтоб сердце трепетать
Заставили, едва ли много встретишь.
И хочется навечно замолчать,
Когда икону дивную заметишь.

Лежит в углу иконная доска.
Простая деревяшка — не икона.
Вокруг нее безмерная тоска...
Но добрый мастер, положив поклоны,
Смахнет с доски уныние и пыль
И примется с молитвою за дело.
А мир, что был бесформенным и серым,
Вдруг обретет неповторимый стиль.

Твоя рука божественно легка,
О, Добрый Мастер! В жизни запыленной
Моя душа — иконная доска —
Мечтает стать прекрасною иконой.
Возьми ее, смахни рукою пыль.
Нет в мире для доски иного счастья!
Поправь лампы гаснущий фитиль
И чудо сотвори, о, Добрый Мастер!

ПОМИНАЛЬНОЕ

Здесь все, как прежде... Там, где был сельмаг,
Единственный фонарный столб хиреет,
Кренится набок: так ему виднее,
Что дело с освещением — табак.

Мост на реке скрипучий, подвесной
Пока еще работает исправно,
Соединяя левый берег с правым
В бескрайний холод и в случайный зной.

И все, как прежде, кажется, но так,
Как прежде было, быть уже не может.
День ото дня настойчивее, строже
Безлюдного зазимья каждый шаг.

Смекнув, что дальше некуда годить,
Дома, амбары, бани, сараюшки
Боками прижимаются друг к дружке,
Не ведая, что будет впереди.

А впереди известная пора,
Но так ее еще не проходили —
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...

ДЯДЯ ВАНЯ

Бутылка портвейна, конфета
(Чрезмерность в закуске претит),
«У церкви стояла карета...» —
Над улицей сонной летит.

Уткнувшись в подушки, старухи
Ворчат еле слышно: «Смутьян».

Кружат над округою звуки,
Портвейн наполняет стакан,

И слезы... Зеленого змия
Те слезы — гони их взащей...
Молчи! То рыдает Россия
О жизни пропащей своей.

СВЯТОЙ ОСТРОВ

Как в тихую купель, в задумчивые воды
Спускается с небес печальный свет луны.
Божественной рукой дыхание природы
И монастырский дух навек обручены.

На древний Валаам по ладожским просторам
Несется катерок от питерской земли.
И чайки над водой о чем-то вечном спорят.
Приветливый причал виднеется вдали.

На дивном берегу и маленьких, и взрослых
Встречают валуны замшелую гурьбой.
Все разбредлись. А я спешу на тихий остров,
Которому дано название Святой.

Я знаю, там, в скале, убогая пещера.
Блаженный инок в ней смиренно пребывал.
И я иду туда с молитвою и верой,
Там для души моей начало всех начал.

На ниточке льняной висит нательный крестик.
Стоит передо мной большой поклонный крест.
Я верую, что мы в конце времен воскреснем,
Ведь и для нас Христос воистину воскрес!

Вита ПШЕНИЧНАЯ

«Я В СТОЛЕТИЯХ ИЗМЕРЯЮ ДНИ НА ВЕСАХ ВСЕЛЕНСКОГО ПРОСТРАНСТВА...»

Вита Пшеничная (Шафронская) — поэт, род. во Владивостоке, публикуется с 1986 года. Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы, также цикла рецензий на стихи разных авторов, критических статей, эссе. Победитель и лауреат многих литературных конкурсов в России и за рубежом, дипломант МСЛФ «Золотой Витязь-2020». Член СП России с 2004 года. **Живет в Пскове.**

СОН

Ангел справа, крест на шее —
Вот и вся моя защита.
Вновь проглядывает солнце
Сквозь завесу облаков.
Вдоль шоссе до горизонта
Лента алая завита,
И не верится, что скоро —
Снег, морозы и Покров.

Крест на шее. Дремлет Ангел,
В снах моих себя заметив.
Нынче с Богом и Вселенной
На одной волне висим.
И, заглядывая в небо,
Я шепчу лишь: «Тихий Свете,
За мечты и жизнь — спасибо,
И за прошлое — спаси...»

Ангел справа. Слева — пусто,
Разогнала всех рогатых:
На чужих плечах пусть ищут
Собеседников себе.
Осень, осень... Время катит...
И ходить тебе в заплатах,
Разбросав свои наряды
В танцах, в плясках, в ворожбе.

Время катит... Обрастая
Нитями потерь и судеб.
И исписан лист бумаги,
Чтобы к полночи истлеть.
В семь утра проснусь и втиснусь
В хищную утробу буден...
И расправит крылья Ангел —
На церковный крест взлететь.

НА ТЕБЯ СМОТРЮ...

На тебя смотрю во все глаза,
А недавно, на Страстной неделе,
Ставила свечу под образа
В молчаливом каменном приделе.

Воск твердел, не успевая стечь,
И священник в длиннополой рясе
Долго слушал сбивчивую речь
Бликов солнца на иконостасе.

Медли, Время, дай хоть пригубить
Влагу сумасбродства и печали!..

Видишь, Время, я опять в начале
И с азов опять учусь любить...

Ты ли это? Я ли пред тобой?
Что там беды и иные смуты,
Если как бесценный дар Судьбой
Мне даны столь редкие минуты, —

Не таясь, смотреть тебе в глаза,
Ощущая странную свободу,
Вспомнив, как стремительно роса
Вниз сойдет
по лиственному своду...

Как уютно вдоль дорог и троп
Ландыши соседствуют с крапивой...
Как упрямо машет рыжей гривой
Жеребенок, морща гладкий лоб...

Медли, Время, а потом — гони!
Что там годы —
зыбкое убранство —
Я в столетиях измеряю дни
На весах вселенского
пространства...

* * *

Бывает так — и пустота
Как хлынет с чистого листа —
Ни лиц, ни тем, ни рифм...

И к запертым вратам ночи
Никак не подобрать ключи,
И не вложить молитв

В окаменевшие уста,
Не разглядеть в себе Христа,
А в зеркале — себя...

Но видеть лишь, как по листу
Сползает прямо в пустоту
Твоя Судьба...

* * *

Ну, давай, базарный лабух,
По душе моей елозь,
Из ее больных ухабов
Выкорчевывая злость!..
Я тебе десятку брошу,
Чуть помедлю, но потом
Растворюсь в толпе прохожих,
Заслонив лицо зонтом.

Размечтаюсь: «Я бы!.. Я бы!..»
Да и сдуюсь на ходу...
Ну, давай, базарный лабух,
Прочь гони мою беду.
Нам вдвоем с ней не ужиться
И друг друга не понять,
И придется насмерть биться
С тенью собственной опять...

ДОПЛЕТАЮТ ПАЛЬЧИКИ ВЕНОК...

Легче камень поднять, чем имя твоё повторить...

О. Мандельштам

Доплетают пальчики венок...
Ветер, обжигая, мчится мимо...
А земля уходит из-под ног
Медленно и так неотвратимо.

Лужи отражают купола,
Плавность линий рябью разбивая,
Утренняя хмарь обволокла
Мысли, тон минорный навевая.

Ни письмо, ни встреча, ни звонок
Будущих событий не отменят.
Ветер волны у Великой вспенит,
Выбивая землю из-под ног.

* * *

Пока не поверить, что однажды наступит «потом»,
одному из нас придется остаться здесь —
приходить вечерами в озябший от холода дом
и учиться жить дальше, но только с поправкой «без».
И пытаюсь представить, как это может быть,
кем и чем заполнить разверзшуюся пустоту,
я сейчас прошу у Бога и у судьбы,
чтобы не приближали лихую минуту ту.
Я живу так, словно во мне сосуд,
свет, зажженный в нем — это мой до тебя путь,
и из всех земных, таких невозможных чуд
я твоё нянчу, касаясь тебя чуть.

* * *

Осень — время прощаний и стылой воды по утрам;
Из туманного утра спешит на автобус прохожий,
Куполами целует века восстановленный храм,
Да все чаще и дольше прохлады елозит по коже.

Осень — бремя потерь, о которых ни сном и ни духом,
Нараспах акварели — природа чудит и творит —
Всё, что скажешь в сердцах,
Обрастает немислимым слухом,
Что укроешь в душе — то однажды отблагодарит.

Я люблю тебя, яркое Время невидимых слез,
И приметы твои я читаю по шороху листьев...
Свет погашен. И звезды гурьбою спешат на помост —
Как посланцы простых, не всегда понимаемых истин.

НЕПОГОДНОЕ

Как будто с барского плеча дождь небо опрокинуло
И льет вовсю, сентябрьский шарм под лужами топя.
Уж сколько этих непогод сбылось, забылось, стинуло,
Но каждый раз впервые в осень я ввожу себя.

Ввожу ребенком, позабыв, что сорок лет отлистнуто,
В приметы веря, и в Мечту, и в то, что Мир — во мне,
Что листьями из сентября тропинка в небо выслана,
Что к Богу все слова молитв из душ летят по ней.

А дождь ведет себя как тать, дорвавшийся до нужного,
Ворует лета бабьего последние деньки,
Взамен рассеивая боль былого и недужного.
И не почувствовать нельзя —
Так сильно жмет виски.

История и современность

**Владимир
МЯСНИКОВ**

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ИЗУЧЕНИЮ КИТАЙСКОГО ТРУДА «ШОФАНБЭЙЧЭН»

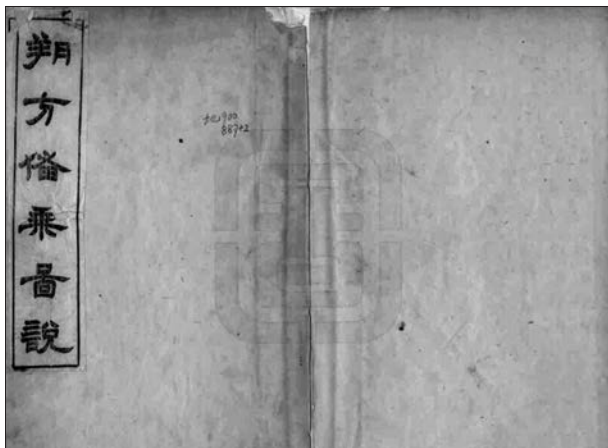
Владимир Степанович Мясников — академик РАН, историк-китаевед. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития. **Живет в Москве.**

Книга Хэ Цютао «Шофанбэйчэн» («Готовьте боевые колесницы на страну Полуночную»¹) является сборником стратагем по усмирению русских. Творцом военных стратагем был Сунь-цзы, а родоначальником дипломатии, основанной на стратагемах, считался великий стратег Тайгун (Цзян Шан), соратник чжоусского Вэньвана, изложивший принципы составления стратагем в сочинении «Иньфу». Главным принципом составления стратагем Тайгун считал умение использовать сложившуюся обстановку.

Название «Шофанбэйчэн» было дано труду императором Сяньфэном, оно являлось обозначением приграничных областей Северного Китая. В. С. Колоколова переводил название этого сочинения, акцентируя его смысловое содержание, — «Готовьте боевые колесницы на страну Полуночную», и Б. И. Панкратов был согласен с таким переводом. В работах Н. В. Кюнера труд Хэ Цютао назван «Описание северного района». Мне представляется, что перевод В. С. Колоколова точнее отражает дух этого произведения.

История китайской дипломатии насчитывала сотни случаев успешной реализации дипломатических стратагем. Наиболее ярким примером, пожалуй, служит борьба главы школы дипломатов-практиков Су Циня в период Чжаньго за объединение шести царств по вертикали в антицинский союз. Потерпев первоначально неудачу в осуществлении своей идеи, Су Цинь принялся штудировать трактат Тайгуна, «склонившись над ним, он заучивал его наизусть. Он отобрал в нем существенное, усовершенствовался [в его использовании],

¹ В рукописи Всеволода Сергеевича Колоколова (1896—1979) название звучит как «К готовности боевых колесниц на страну Полуночную».

Книга «Шофанбэйчэн»

с тем чтобы достигнуть [умения] применяться к сложившейся обстановке... Через год, когда метод использования сложившейся обстановки был выработан, [Су Цинь] сказал: “Подлинно это может убедить правителей наших дней”¹. И действительно, как повествует источник, через год «и обширность Поднебесной, и обилие ее бесчисленных жителей, и авторитет ванов и хоу, и влияние политических со-

ветников — все, казалось, слилось в едином стремлении осуществить планы Су Циня. Не было израсходовано ни одного доу провианта, не было хлопот ни с одним панцирем, ни один воин не участвовал в битве, не лопнула ни одна тетива, не изломалась ни одна стрела, а владельцы стали близки между собой больше чем братья»². Такого рода прецеденты, безусловно, заставляли относиться к дипломатической стратагеме как к необходимейшему средству достижения желаемых внешнеполитических целей. Средству, действительно, весьма эффективному.

Умение «использовать сложившуюся обстановку» предполагало прежде всего хорошее знание ситуации противника. Применительно в этой ситуации и составлялась стратагема. Дипломатия и разведка играли в этом главенствующую роль. Классическим считался случай, когда чжаосский правитель Цзянь-цзы (518—458 гг. н. э.), решив нанести удар по царству Вэй, послал своего сановника Ши Мо разведать обстановку в Вэй. Ши Мо вместо месяца пробыл там полгода и, возвратившись, привез сведения, что у вэйского царя много умных помощников. Тогда правитель Чжао отказался от нападения на Вэй³. Цинская дипломатия всегда стремилась, следуя этому правилу, опираться на данные разведки. Это отразилось в книге «Готовьте боевые колесницы на страну Полуночную».

На Международной конференции «Дальний Восток России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона», проходившей в 2010 г. в Благовещенске, был сделан доклад «“Шофанбэйчэн” как источник по истории российско-китайских отношений»⁴, в котором отмечалось: «в структурном плане “Шофанбэйчэн” представляет собой довольно разнородный сборник, написанный с опорой на классическую структуру подобных произведений (жизнеописания, таблицы), но при этом во многом обогащенный за счет

¹ Васильев К. В. Планы Сражающихся царств. М., 1968. С. 57—58.

² Там же. С. 58.

³ Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 2. С. 369.

⁴ Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 2. Благовещенск. Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2010. С. 24—26 // ostrog.ucoz.ru Статьи>..._d_1/shofan_bejhchehn... (дата обращения 08.01.2020).

привлечения карт, пояснительных записей, указаний на ошибки в записях чиновников и исправлений неточностей в других произведениях. В то же время, несмотря на привлечение разнообразных материалов, работа не лишена влияния субъективной позиции автора в отношении рассматриваемых проблем. «Шофанбэйчэн» охватывает довольно продолжительный временной промежуток, а также большое территориальное пространство в качестве объекта своего описания». «...рассматриваются северные границы Китая, а также вся северная пограничная территория, природный ландшафт, рельеф, народы, граница, пограничные гарнизоны, исторические перемены, китайско-российские отношения, исторические источники и др. Тем не менее, как указывают китайские исследователи, основной задачей Хэ Цютао было предостеречь китайское чиновничество в отношении захватнических притязаний Российской Империи, именно поэтому почти все цзюани пронизаны основным смыслом — дать сопротивление российскому вторжению на территорию Китая».

Конечно, для работы над этой сложной книгой Хэ Цютао нужно вдохновение. Вдохновение — это то, что вызывает желание работать. На мой взгляд, лучший пример этого — А. Кронин. Врач, ранее не писавший ничего длиннее рецептов, вдруг вдохновился и сотворил в отпуске за две недели такой великолепный романище, как «Замок Броуди». Существует и обратная связь. Как говорил П. И. Чайковский, «музыка не посещает только ленивого». Трудись и обретишь вдохновение, легкость в работе и ощущение красоты ее. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Да, работа на заказ, за вознаграждение иногда выливается в гениальные произведения. За восемьсот рублей известный всем композитор, опять-таки за две недели, подарил миру «Лебединое озеро». Однако этого мало. Над всем этим возвышается озарение. Оно — вершина вдохновенного труда. Озарение посылается Богом. Об этом точнее всего сказал Пушкин в своем «Пророке».

Всеволод Сергеевич Колоколов (1896–1979), безусловно, вдохновенно перевел столь интересный китайский труд Хэ Цютао (1824–1862) о России, написанный в 1859 году. В. С. Колоколов взялся за перевод «Шофанбэйчэн» в конце 1970-х годов, причем высказал мне условие, что станет переводить только, если Борис Иванович Панкратов будет писать комментарии.

В 1960-м году, когда я поступил в аспирантуру Института народов Азии, М. И. Казанин спросил меня, каковы мои творческие планы, я ответил, что хотел бы перевести с китайского языка такой труд, как «Шофанбэйчэн» цинского автора XIX в. Хэ Цютао. Марк Исаакович был моим другом и наставником, он задумался: «Нет, — произнес он после долгой паузы. — Вы можете писать, Вам дано это. А перевод могут выполнить и другие, например, те, кто вернулся в СССР из Китая в качестве реэмигрантов. Вы должны работать как историк, а не как переводчик».

Я был поражен этим суждением, но я знал, что Марк Исаакович обладал редкой способностью видеть сущность людей. Это был дар Небес, приумноженный огромным жизненным опытом. Я принял этот совет как указание по какому пути мне следовать в моей профессии.

Наверное, линия жизни человека закладывается задолго до его появления на свет. Моя мама, Ольга Федоровна Лисицина, окончила медицинский факультет Томского университета и пошла по стопам основателя этого

университета В. М. Флоринского — стала акушером-гинекологом. Кумир моей мамы В. М. Флоринский до переезда в Томск прославился на всю Россию как профессор Казанского университета и не только своими трудами в области медицины, но и как историк, много сил отдававший публикациям по отечественной истории. В 1882 г. он опубликовал в Казани рукопись знаменитого исследователя истории связей России с Китаем Н. Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1618 по 1792 год». Эта рукопись была закончена к началу XIX в. и в течение почти всего столетия не была опубликована. В дальнейшем «тень» Флоринского-историка упала и на меня.

В настоящее время научный коллектив сотрудников Института восточных рукописей РАН, работающий над разделами «Шофанбэйчэн», переведенными В. С. Колоколовым, может пользоваться полным текстом этого китайского труда, имеющимся в Петербурге в Президентской библиотеке¹.

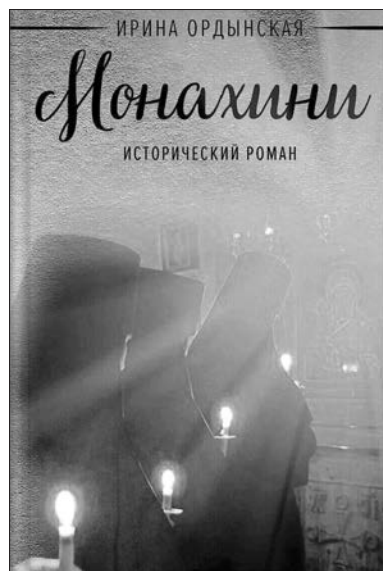
¹ Shuofangbeicheng [Текст : электронный ресурс] : [68 juan, juantushuo] / He Qiutao. — Электронные данные. — (Пекин: Национальная библиотека Китая, [20--]). — Режим доступа: интернет-портал Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина.

ВЫШЛА КНИГА

Ордынская И.Н.

Монахини. Исторический роман. — М.: Вольный Странник, 2020.

Новый исторический роман «Монахини» основан на реальных событиях. Книга посвящена монахиням и монахам, пострадавшим в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке. Посреди безбожного мира они несли высокий подвиг, терпя притеснения властей, ссылки, лагеря, холод, голод, болезни и нищету. Совершая свой крестный путь, подчас тяжело скорбя, они находили в себе силы молиться и славословить Бога, оставаясь верными Христу.

Духовные БЕСЕДЫ

**Митрополит Псковский
и Порховский Тихон
(Шевкунов)**

О ПРАВДЕ БОЖИЕЙ, ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И О ТОМ, КАК ГОСПОДЬ ИДЕТ НАМ НАВСТРЕЧУ

Митрополит Псковский и Порховский Тихон (Г. А. Шевкунов) — родился в Москве, епископ РПЦ, митрополит Псковский и Порховский с мая 2018 г., священноархимандрит и игумен Псково-Печерского монастыря. С 1995 по 2018 гг. был наместником Сретенского монастыря в Москве. Председатель Патриаршего совета по культуре. Церковный писатель, сценарист, является главным редактором интернет-портала Православие.Ru

Из года в год мы слышим великую притчу Слово в Неделю о блудном сыне. Это великое Евангелие — Евангелие, потому что святитель Амвросий Медиоланский назвал рассказ Спасителя о блудном сыне самой настоящей благой вестью, самым настоящим законченным Евангелием. И разве это не благая весть?! Что, какие бы грехи, какие бы предательства, какие бы глупости ни сотворил человек, для Бога он все равно остается любимым ребенком, чадом, дочерью или сыном, который будет прощен, только бы в сердце его возгорелись любовь, понимание Отца, стремление к Нему, и если уж совсем человек придет в себя, как говорится в этой притче, то и благодарность Отцу Небесному.

Все в этой притче прекрасно, даже то, что человек покидает своего отца, уходит от него, наносит ему рану, предает его... Чем же это прекрасно? Это прекрасно для нас, падших людей, таких же, как этот блудный сын, хотя бы потому, что мы можем осознать весь ужас падения всего человечества и каждого из нас. Каждый штрих в этой притче удивителен, и с каждым годом, несмотря на то, что мы множество раз слышали эту притчу, открывается в ней все новое и новое.

Вот сын объявляет своему отцу, что он требует той достойной части от имени и наследства, чтобы пользоваться им, как он сам хочет. Наследство обычно дается после смерти родителя. Этот несчастный сын, так же, как и мы, когда погрязаем в своем себялюбии, говорит: «Ты для меня уже умер». «Ты для нас умер уже», — говорим мы каким-то задним умом, совершая хотения наших страстей, то, что противно заповедям нашего Отца, животворящим, творящим жизнь. А после что про-

изошло? Этот блудный сын какое-то время был еще с отцом. В притче умалчивается почему. Но спустя некоторое время он ушел — ушел не с домами, не с вещами. С чем же он ушел? С деньгами, которые он потребовал выручить, продав часть имения отца — того, что отец созидал своим трудом и ради своих детей. «Отдай мне это как хочешь, не мое дело как. И дальше я буду жить так, как я хочу». И вот, несмотря на все эти обиды, раны, оскорбления, отец, когда этот несчастный сын пришел в себя и вернулся к нему, бросился ему навстречу. Издали увидев его бредущим, жалким, трепещущим: «А как примет меня отец?», кинулся ему навстречу, и обнял его, и покрыв его поцелуями отцовскими — все забыто, кроме любви. Это и есть Евангелие, это и есть Бог и каждый из нас.

Есть еще одна особенная часть этой притчи — общественное мнение, как бы мы сказали сейчас. Господь наш Иисус Христос и общественное мнение — это нечто диаметрально противоположное. Общественное мнение тянуло Ему на суд блудницу, чтобы Он осудил ее, а Господь осудил общественное мнение. Не грех! Грех, конечно же, мерзок пред Богом, но ненависть и отсутствие любви, на которых зиждутся общественные мнения издревле и до сегодняшнего дня, омерзительны пред Богом, хотя народ, как правило, пляшет под дудку этого общественного мнения, не желая ни размышлять, ни смотреть на самих себя. Ни смотреть на Бога, Который, вопреки общественному мнению, подходит к омерзительному для всех Закхею и говорит: «Днесь в дому твоём подобает мне быти». Вспомним еще о выразителе общественного мнения фарисее и о жертве общественного мнения мытаре. То же самое и сегодня. Общественное мнение и высшую человеческую справедливость выражает старший сын: «Как?! Ты принимаешь этого человека, который предал тебя, который отнял у тебя часть имения и прожил его с блудницами?» Причем заметьте, мы говорим «блудный сын», а на самом деле, если посмотреть, скажем, Евангелие короля Иакова на английском языке, там говорится «расточитель», то же самое и в греческом подлиннике: «расточитель». А о блуде, о позоре этого несчастного, о котором не помянул отец, говорит только общественное мнение, говорит только этот праведник — старший сын.

Общественное мнение возвело на крест Сына Божия. Общественное мнение убивает праведников всегда. Вспомним сравнительно недавнее время. В 1917 г. общественное мнение признавало, что даже с симпатией относиться к Царю-мученику Николаю II — это омерзительно, это недостойно рукопожатных, свободных, стремящихся к справедливости людей, а оскорблять и его, и мученицу-царицу Александру — приемлемо. А каких только мерзостей не придумывали о них! И все в эти мерзости верили, потому что в них верило общественное мнение. А наши соотечественники тогда в большинстве своем склоняли свои головы не перед правдой Божией, а перед мнением общественным. Это потом мы стали прославлять Царственных страстотерпцев, писать их иконы. А тогда, в 1917 г., человек становился вне общества, если он возражал, что Государь, Императрица, все близкие ему люди не отвратительные фигуры — самым мягким словом скажу, — которые разоряют страну, а люди достойные и свой долг исполняющие. Как только говорил человек такие слова про них и про долг, он становился абсолютно нерукопожатным, абсолютно вне общества, и если вначале так было в т. н. обществе просвещенном, среди интеллигенции, которая была

законодателем общественного мнения, среди рабочих, служащих, то потом и все практически приняли не правду Божию, а мнение общественное. И когда в июле 1918 г. объявили о расстреле Царской Семьи, то, по воспоминаниям современников — а таких воспоминаний много, — народ говорил страшные слова: «Собаке собачья смерть». Это вспоминает, кажется, Цветаева: она шла по городу, а по улицам бежали мальчишки и кричали об этой новости весело, и ни один человек сочувственно не сказал ничего — потому что общественное мнение.

Господь всегда говорил то, что противоположно мнению общественному. Не потому, что это была сама Его цель — смешно так думать, — но потому, что мнение общественное не выражает правду Божию.

Но давайте о более светлом.

Блудный сын и 2000 лет назад, и сегодня все тот же. Он найдет объятия отца, потому что Господь Иисус Христос вчера и ныне и во веки Тот же, и это и есть главное благовестие Святого Евангелия. Сам Господь Иисус Христос стремится навстречу человеку, который идет к Нему, и иногда совершенно удивительные случаи подобных встреч происходят и сегодня.

В Псково-Печерском монастыре об этой истории знают уже, наверное, все, а вам я расскажу, потому что кто-то слышал ее, а кто-то нет. Это история вот о таком блудном сыне. Ведь это не обязательно человек, ушедший от Бога, это и человек, который ищет искренне Его и стремится к Нему, живя в обычном нашем мире. Полтора года назад, позапрошлым летом, произошел этот случай в Псково-Печерском монастыре.

Несколько лет назад, еще задолго до этого случая, ко мне и в Москве, и когда я был в поездках в Китае, подошел один китаец — довольно высокопоставленный в Китае человек. Подошел потому, что прочел книгу «Несвятые святые» на китайском языке. Он сказал, что ищет Бога, стремится к Нему, но живет как все, скажем так. И сказал еще, что очень-очень хочет понять, что это за Бог, Которого исповедуют православные христиане. Позапрошлым летом был Экономический форум в Санкт-Петербурге, и он был на этом форуме. Позвонил мне в Псково-Печерский монастырь через своего переводчика — может быть, даже кто-то знает этого переводчика — Женю Маркина, он был у нас в Псково-Печерском монастыре, учился здесь, и многие его знают, он китаист, переводчик с китайского языка. И вот этот китаец позвонил и говорит, что он в Санкт-Петербурге, их руководитель Си уехал, сказав, что им можно остаться в Петербурге посмотреть город два-три дня, но он хотел бы приехать в Псково-Печерский монастырь, потому что ни разу не был ни в православном храме, ни тем более в православном монастыре. «Конечно же, приезжайте», — отвечал я.

Ранним-ранним утром, часа в 4, этот китаец на машине выехал из Санкт-Петербурга в Псково-Печерский монастырь. Я ждал его в настоятельском корпусе, приготовил легкий завтрак, а потом ему бы показали монастырь. Звонит переводчик: они уже у ворот. Сколько идти от ворот до настоятельского корпуса? Пять минут. Пять минут проходит — их нет. Десять минут — их нет, полчаса — их нет, пятьдесят минут — их нет. Я уже думаю: «Что же там случилось?!» Вдруг они появляются. Появляются вот с та-а-акиими глазами — и у нашего русского Жени, и у китайца.

Вижу, что люди абсолютно потрясены. Спрашиваю: «Что-то случилось?» — «Случилось». — «Что?» — А случилось вот что.

Те, кто был в Псково-Печерском монастыре, знают: как только войдешь в обитель, первый храм, который видишь, — это Никольский храм, древний храм, построенный еще при преподобномученике Корнилии. И вот они видят этот храм. Двери храма открыты. Китаец впервые входит в православный монастырь, впервые видит православный храм, в который сразу же хочет войти, он входит в него — а там идет служба... на китайском языке. Я говорю: «В каком смысле? Как так?» Мне оба хором отвечают: «Служба идет на китайском языке». — «Не может быть!» «Владыка, — они с отчаянием, — служба на китайском языке!» И вдруг я понимаю, что происходит. Дней за пять до этого к нам приехала одна из делегаций — а к нам в обитель приезжают ежедневно пять-шесть групп, с которыми я встречаюсь, общаюсь... И я уже забыл, что приехала группа из Китайского подворья Москвы. Китайское подворье в Москве есть, знаете? У нас учился Андрюша Ли, китаец, он собрал общину, на это подворье ходят православные китайцы, священник, который там служит, китаист. И вот эта группа приехала в монастырь пять дней назад. Это была первая группа китайцев в Псково-Печерском монастыре, и они хотели тут послужить. Я разрешил, сказав: «Только не в Успенском соборе, потому что не все печорские бабушки знают китайский язык». Благодичному отцу Прохору поручил подобрать для них какой-то маленький храм, и когда они захотят, пусть в нем и послужат.

И вот из пункта А — города Пекин — в пункт В — Псково-Печерский монастырь — выезжает этот китаец, ищущий Бога; а из города Москвы в Псково-Печерский монастырь приезжают православные китайцы — и они встречаются. Я думал: «Что же этот человек делал 50 минут?» — а он был в объятиях своего Небесного Отца, он стоял там, совершенно потрясенный. И мы были потрясены, потому что впервые в истории Псково-Печерского монастыря совершалась Литургия на китайском языке, да и не только в Псково-Печерском монастыре, я думаю, а и на всем Северо-Западе впервые. И навстречу этому человеку выбежал, не побоюсь этого слова, Отец его Небесный. И потряс его до глубины души.

Этот китаец был поражен, думал, что это я так сделал специально. Я ответил: «Специально, но не я». И он все понял.

Так близок к нам Отец наш Небесный — Господь наш Иисус Христос, содержащий всю Церковь в Духе Святом.

Ответим ли мы на эту любовь благодарностью Богу? Ответим ли мы Ему старанием в исполнении заповедей Его, искренним покаянием во всех наших глупостях, которые мы совершили в этой жизни? Только бы это было, а Он нас не только поймет, но даже не помянет грехи наши.

Благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и Причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь.

Илья ЕРМОЛАЕВ

ПЕВЧИЙ

Рассказы

Илья Николаевич Ермолаев — родился в 1969 г. в г. Саранске, окончил Мордовский госуниверситет. Программист. Профессионально занимался музыкой. Осознано пришел к вере уже во взрослом возрасте. Писать начал давно, но фактически это его первая публикация. Основные темы: размышление о вере, встречи с людьми, тема охоты и рыбалки, пути Промысла Божия в жизни человека. Живет в Казани.

Как-то однажды днем в монастыре сидели мы в келье и пили чай. Я, еле выживающий кабыздох, отказавшийся к тому времени напрочь от мяса; отец Нил, великий молодой аскет, в прошлом рок-барабанщик; и молодой отец Онуфрий, совершавший, как я уже понимал к тому времени, большую ошибку, принимая желаемое за действительное, и по какому-то неизвестному праву считавший уже меня, как тут любили выражаться по-старорежимному, «духовным чадом».

Мы были настроены весьма и весьма решительно и разговаривали, мечтая о духовных подвигах. Я же, простите, как и всякий потрепанный жизнью отщепенец, любил приколы и выдвигал совершенно фантастическую теорию подвига. Например, Иисусова молитва.

— Представляешь, отец, — говорил я, обращаясь к отцу Нилу, — вот был бы подвиг, как если бы у четок основа была не нитка или леска, а, например, стальная проволока? То есть ты наматываешь ее на руку...

Меня прервал смеющийся отец Онуфрий:

— ...а вместо «зернышек» — подшипники от..., — тут он со знанием дела назвал марку какого-то трактора и какой-то его конкретный конструктивный узел.

И я закончил несколько молитвенно, изображая кистью руки движения подвижника:

— ...и так — хыщ, хыщ... «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Хыщ...

Мы смеялись, пили чай с абрикосовым вареньем, которое запасливый отец Онуфрий выставил на стол, а в то же время за стенами монастыря творилось страшное: мировые масоны, поначалу упустившие

инициативу, буквально душили православие, подливая, например, в плохого качества пиво кровь христианских младенцев. От осознания этого становилось жутко. Говорили, что люди добрые, выпив такого пива, начинают бесноваться. И я свидетельствовал своим братьям, монастырским старожилам, что видел таких бесноватых в миру. Они собирались в выходной день на городское озеро, и к обеду там было просто опасно ходить. Меня внимательно слушали и расспрашивали до деталей, ощупывая детским взглядом, два моих единомысленных длиннородых друга в подрясниках. И понимающе кивали. Мы понимали друг друга с полуслова. И это было счастье.

Наверное, единственное или немногое, чего я на то время не понимал, преисполнившись бездной православного смысла, хлынувшей на меня щедро молитвенными правилами, многочасовыми молитвенными бдениями и подчас принудительными телесными подвигами, так это зачем, например, нужны были эти так называемые Крестные ходы? Вот про это и будет мой вам рассказ.

КРЕСТНЫЙ ХОД

— Слушайте, ну какой кайф от Крестного хода? — напрямую спросил я однажды у друзей-сомолитвенников, озабоченных устройением праздника одного из местнотимых святых. — Ну, я понимаю, что сознательное участие в христианских таинствах, эта подлинная христианская практика — это ведь самое главное в Православии, не так ли? Так какой смысл в Крестном ходе, это ведь не таинство?

Никто из отцов не стал мне ничего объяснять. Близился праздник, всем было не до меня, и я не стал больше испытывать терпение моих благодетелей, Христа ради приютивших мою ищущую утешения больную душу.

Я взял благословение и отправился в городскую квартиру, захватив с собой рюкзак, полный бутылками родниковой воды, которую я по привычке заносил знакомой городской монахине. Ух, она была веселая! Не знаю, жива ли сейчас? Но об этом, Бог даст, отдельный рассказ будет. Все, судя по всему, еще только начинается.

Пребывая в непрестанных искушениях от одолевающих меня бесов, постился я строго и выглядел не в пример себе нынешнему весьма и весьма стройно. Некоторые из оставшихся от офисной жизни вещей вполне еще подходили моей исхудалой тушке, и я навешивал их на себя и шел в город, чтобы закупить для держащего круговую оборону монастыря необходимые вещи, как то: батарейки, фонарики, сим-карты и прочую бытовую мелочь. Это было совершенно здорово и по-новому для меня: никуда не спешить, а, например, читая «Богородицу», внимательно следить за движением своих мыслей, оставаясь во внутренней тишине среди толпящейся мирской суеты. Я, как и прежде, ненавидел мир, но уже не той ненавистью, которая может привести человека к попыткам насильственно изменить его. Моя ненависть отныне была другого свойства.

* * *

Не буду пересказывать жизнеописание местнотимого старца, память которого праздновал монастырь в тот день. Думаю, в этом нет особого

смысла. О нем есть совершенно прекрасные воспоминания современников, и если вы, паломничая, чудесным образом заедете поклониться его мощам, то непременно и книжку купите.

На исповеди я был вовремя. Престарелый игумен вел службу. Монашествующие певцы кристально чистым трехголосием пели праздничное. Душа пела и плакала. Потрескивание восковых свечей, запах ладана, размеренные движения сослужащих священников настраивали собравшийся православный люд на общее молитвенное действо, торжественно готовя его к кульминации, ради чего и принято собираться верным уже тысячи лет.

Так зачем же еще и Крестный ход, думалось мне, когда пасхально-радостные задорно улыбающиеся монахи вручили мне самую здоровенную храмовую икону. Сняли со стены и вручили. И настолько здоровенную, что, чтобы взять ее, мне пришлось во всю ширь расставить руки. Мне понадобилось даже несколько закинуть подбородок назад и скосить при этом глаза вниз, чтобы видеть дорогу перед собой.

И мы пошли Крестным ходом к источнику. Певчие пели, пели все, и я тоже, наверное, пел, бредя с перекошенным лицом по грунтовой размытой дождем тропинке. По дороге богомольцы останавливали меня, чтобы приложиться к образу, который я нес. Я останавливался, выжидал. Те крестоходцы, у кого иконы были поменьше размером, имели возможность лавировать, не наступая в лужи, у меня же такой возможности почти не было.

Строгий игумен отслужил молебен у источника, прошел в купель. Ко мне подошел мужчина в костюме и с сочувственным интересом задал вопрос, мол, тяжелая, наверное? А я уже то ли привык, то ли появилась какая-то легкость в руках, но с совершенно чистым сердцем ответил, что легкая.

* * *

Вот пишу сейчас и думаю, а какая же мораль из всего этого рассказа выйти может читающему человеку?

А никакой.

Кроме, наверное, такой: «А не разевай варежку без спроса!»

В духовной жизни вопрошающий всегда получает ответы, но иногда не тем образом, каким ожидал.

* * *

Сегодня на Всенощной был в Покровском храме. Покровский храм — тот, что в одном здании с нашим кафедральным, Никольским.

И вот мне довелось стоять неподалеку от клироса. Хор там хороший, наверное, лучший в городе, смешанный. И смотрел я большей частью — следя, разумеется, временами за службой — на слаженное пение певчих. Репертуар там непростой. Иногда то женщины, то мужчины как затянут!

И вот я так близко стоял, что даже ноты видел. Много-много нот. Черненьких таких, с лигами. А то и вовсе пустых — одна оболочка от ноты и все. А они, певчие, поют не напрягаясь, читают эти ноты и вроде правильно попадают. И я задумался... Это ж надо каким гением быть музыкальным, чтобы ноты с листа читать и тут же петь! А когда я задумываюсь, у меня обычно мечтания начинаются.

Стою я такой на клиросе, ловко подхватываю, правильно вступаю где надо, дышу, на дыхательной опоре все правильно у меня выходит, голос трубный и высокий. Тенор. И все остальные певчие — консерваторские наверняка! — со мною на равных. (Я тут даже подпевать хору стал по ходу службы — ух ты, получается!) И тут же я начал думать, раз получается у меня, то чем я хуже этих, консерваторских? Я с вами, ребята, я же свой в доску! Вот только слово «сольфеджио» в детстве моем не в чести было на улице. А без нее, без «сольфеджии», никуда (тут я вроде опомнился и перестал подпевать).

А опомнился я и охолонул еще, и вот почему. Потому что был в моей духовной практике уже подобный случай, не надо больше. Об этом и будет мой дальнейший рассказ. Я бы назвал его просто —

ПЕВЧИЙ

Дело было году в 2006-м. На Богоявление служил у нас в храме, прихожанином которого я был вот уже как пару лет, Владыка местный. Тогда еще митрополитов вроде мало было, и тот назывался тогда не «митрополит», а «архиерей». Служба архиерейская красивая, чинная! Особенно когда Владыка благословляет народ Христов, называя его виноградом, который Он, Христос то есть, посадил. Так здорово — ощущать себя виноградинкой!

Все было хорошо и чинно ровно до той минуты, когда Владыка, уже вроде после службы, обратился к верующим со словом. Не помню, о чем было слово, так как расслышать толком тему выступления было невозможно: хор, стоящий на балконе, затянул какое-то незапланированное песнопение. Я смотрел на лицо настоятеля, и на нем было написано все, что он хотел бы выразить словами, но не мог, а только обреченно махал рукой увлекшемуся регенту.

Со свойственной всякому неофиту горячностью, я решил поступить в хор, петь вместе с певчими и больше не допускать подобных проколов. Это ж надо, когда Владыка говорит, петь и заглушать его!

Знакомый священник храма как-то ловко съехал с моей темы, сославшись на регента, мол, как он решит. Другой знакомый священник другого храма в другом городе по электронной почте порекомендовал прочесть двадцать раз «Отче наш» с двадцатью земными поклонами. И, мол, если Богу будет угодно, то в певчие меня примут.

И, отбив на всякий случай поклоны, я решился.

Регента звали Альфия. Мы с ней побеседовали немножко вечером после Всенощной. Я сказал, что играл по нотам на балалайке в университетском любительском оркестре Народных инструментов. Она грустно промолчала. И добавила, смущаясь почему-то, что первым голосом она сама поет. Я почему-то понимающе сочувственно кивнул.

Не буду в подробностях описывать весь тот позор, который я пережил на следующий день, стоя на клиросе и пытаясь перекрыть первого тенора, поющего свою комариную партию. Он зажимал ухо рукой почему-то. Я, совершенно не замечая запретительных жестов Альфии, жег напрямую. Прибежал дьякон и взыскательно полусхематал регенту на ухо про то, что «Богу же поете!...»

Боже мой, а как могут издеваться профессионалы! Я услышал от баса, стоявшего сзади, удивленное: «Gypsy?! Не пойму...» Одна женщина меня защищала, пробуя направить мое пение вверх и советуя держать ноты выше. Но ничего не помогало... Альфия всех успокаивала, говоря, мол, ну что ж поделать, человека так учили петь. А после службы пригласила отобедать. Я уже был красный от стыда, как вареный рак, и от трапезы отказался.

Потом уж, спустя, наверное, неделю, я подошел к дядьке-басу и извинился за свою недавнюю выходку. Бас добрый был, верующий. Он неожиданно попросил меня обнять его за талию — и вдруг раздулся как бочка! И тогда я впервые услышал слова про правильное дыхание.

P.S. Дышать правильно я не научился до сих пор, вот такой из меня певчий.

ВЫШЛА КНИГА

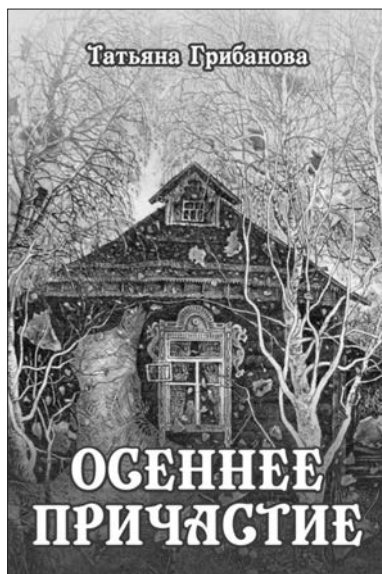
Грибанова Т.

Осеннее причастие. — Орел: Картуш, 2021. — 430 с.

Это тринадцатая книга орловского писателя и первая, где под одной обложкой автор собрала стихи и прозаические произведения.

О чем бы Татьяна Грибанова ни писала в стихах ли, в прозе, от ее текстов трудно оторваться всем, кто любит Россию.

Потому что в них есть главное, и читатель сразу это чувствует — ее строки рождены искренней любовью к своей земле, где волею судьбы нам назначено жить и с которой, когда уйдем в мир иной, нас будет соединять то нечто неосоздаемое, нетленное, и что называется душой. Произведения Татьяны Грибановой отличаются высокой степенью одухотворенности, исходящей из корневой системы истинной России.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

КОМАНДАРМЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Дмитрий Михайлович Володихин — историк, писатель, критик. Доктор исторических наук, член Союза писателей России, заведующий кафедрой культурного наследия МГИК, профессор исторического факультета МГУ. Автор 14 книг романов и 30 монографий, сотрудничал с ведущими российскими журналами. Лауреат Президентской премии в сфере образования, Патриаршей литературной премии, Макариевской премии — главной премии в области российской истории и истории Русской Православной Церкви, кавалер Карамзинского креста. Живет в Москве.

Между Иваном Великим и Петром I лежит величественная эпоха Московского царства. Именно тогда из россыпи мелких самостоятельных княжеств и земель родилась единая могучая Россия. Именно тогда расширилась она от Киева и Смоленска до Тихого океана. Именно тогда отстояла она свою независимость от сильных и опасных врагов.

Казалось бы, двести с лишним лет масштабных войн должны были породить мощную военную элиту, десятки блистательных командармов. Ведь кто-то присоединял Новгород Великий и Тверь, громил Литву, бил татар, брал Казань и Полоцк, освобождал Москву от польских захватчиков, отбивал Малороссию у Речи Посполитой!

Так и есть, военная история России конца XV—XVII столетий полна великих имен. Искусных и отважных полководцев у нас хватало.

Но кого из них знает образованный русский наших дней? Пожарского. Как же не знать Пожарского, он вошел во все учебники! И... и... и все. В лучшем случае, Скопина-Шуйского, в самом лучшем случае — Ивана Шуйского, ибо его Карамзин назвал спасителем России.

Такие полководцы-титаны, как Даниил Холмский, Даниил Щеня, Семен Микулинский, Михаил Воротынский, Дмитрий Хворостинин, Андрей Голицын, Борис Лыков, Юрий Барятинский, Яков Черкасский, Юрий Долгоруков, Иван Хованский, Григорий Ромодановский, для подавляющего большинства русских — неизвестно кто.

В том числе и для тех, кто всерьез интересуется историей своего народа.

Более того, наш современник не очень понимает, откуда они все взялись, какое сословие их породило, что за школа в отсутствие каких бы

то ни было воинских училищ дала им знания, приводившие от победы к победе.

Вот об этом и стоит поговорить.

АРИСТОКРАТИЯ КАК ФАБРИКА ВОЕВОД

Исторические источники называют сотни имен русских военачальников допетровского времени. Это позволяет безошибочно определить, какая среда являлась тогда живой «фабрикой полководцев».

90 % от числа всех сколько-нибудь крупных военачальников — выходцы из русской аристократии. Не просто из дворянства, нет, из наиболее знатной его части, т. е. боярско-княжеских родов.

Исключения редки.

Таков, например, казак Ермак, столь же далекий от аристократии, как сельская ворона от павлина в царском саду. Но он командовал несколькими сотнями бойцов, и поход его для Москвы выглядел как микроскопическое предприятие. Если бы Ермак сам не сообщил бы Ивану IV о своем фантастическом успехе, его могли бы не заметить.

Талантливые служаки-дворяне в опричнину, возвышенные Иваном IV более, чем позволяла их «родовая честь». Например, даровитые воеводы Михаил Безнин и Игнатий Блюдов.

Кто-то из незнатных дворян пробивался в военную элиту за счет удачной матримониальной комбинации, как Никифор Чепчугов-Клементьев.

Ну а некоторые на время возвысились из «полевых командиров» в столпы царства, когда на просторах России бушевала Смута и государственный порядок на время хаотизировался. Таков знаменитый Прокопий Ляпунов. Но все это — кадровые аномалии. До XVIII века простой дворянин не-аристократического происхождения мог занять высокий воинский пост лишь в силу каких-то экстраординарных обстоятельств.

Наконец, порой большие воеводские должности занимала знать «выезжая», т. е. иноземная, принятая на русскую службу. «Волошские» воеводищи, вожди северокавказских племен, тюменские «князья». Все они ставились на воеводство лишь после того, как примут православие. В обязательном порядке и без исключений! Тот, кто принимал православие, давал своему роду возможность обрусеть и через несколько поколений слиться с собственно русскими боярами, сохраняя высокое положение. Литвины, турки, кавказцы, греки, народы Подунавья — все очень скоро превращались в русских. Ну а те, кто не желал креститься, давал своему роду иную историю: его потомки становились в государственной машине России... мишурой с почетным статусом. Не более того. К делам большой политики и военному командованию их уже не допускали.

РОД, СЛУЖБА И ЗЕМЛЯ

В XVI веке на Руси происходила борьба между древними родовыми устоями, пронизывавшими всю жизнь общества, и государственным интересом, тяготевшим не к роду, а к службе. Начало служилое, намертво прикрепленное к монарху, его милостям и опалам, его высоким помыслам и ничтожным капризам, худо согласовывалось со старинным дружинным

бытом, жившим в крови нашей знати. Государи московские желали править единодержавно, возвышаясь над обществом, подчиняясь одним лишь заповедям Христовой веры, но не каким-нибудь обязательствам законодательного или семейного свойства.

Жизнь Московской Руси, постепенно собиравшей из крошева малых княжеств и вечевых республик великое Царство, была пестра, сложна. Великий князь московский подчинялся многим древним обычаям. Землей своею он владел вместе с родом, с семейством. Ближайшая родня его имела широкие права на полусамостоятельный политический быт в своих уделах, являвшихся отдельными частями громадной «семейной вотчины». Удельный мятеж мог свалить великого князя с престола или, во всяком случае, крепко испортить его планы... Очень медленно, очень трудно умирало представление о коллективном, «семейном» правлении землей. Чудо, что Московское княжество не развалилось на отдельные государственные образования!

Бояре при дворе великого князя когда-то назывались «старшей дружиной» и могли покидать своего князя, если видели, как оставила «вождя воинов» удача, как утратил он искусство побеждать врагов. Осознав слабость правителя, дружинники принимались оглядываться в поисках нового вождя, отмеченного счастьем и высоким воинским умением. А когда переходили к нему, то ничуть не стеснялись долгом в отношении прежнего господаря. И боярские семейства XV—XVI веков отлично помнили древнее свое право: уйти в другую «дружину», если потребуется. Спорный вопрос заключался лишь в том, кому достанутся земли, с которых боярин служил предыдущему князю. Но если право на них отстоять не удастся, то, на худой конец... новый правитель пожалует что-либо взамен. Так мыслили потомки «старшей дружины» при дворе Дмитрия Донского, Василия Темного, Ивана Великого. Дружинное мировидение это перешло, хотя бы отчасти, и в эпоху Ивана Грозного.

Ну а князья, оказывавшиеся при дворе московских монархов, очень хорошо помнили: Русь — коллективное владение огромного, разветвившегося рода Рюрика. За исключением западных ее областей: там — «вотчина» огромного, разветвившегося рода Гедимины. И как потомки Рюрика или Гедимины все они имели древнее право на частицу этих владений. Малую ли, большую ли, но — принадлежащую именно *по праву крови, по праву рождения*. Многие княжеские рода, ко временам Ивана Грозного утратившие роль самостоятельных правителей, еще в XV веке правили в богатых уделах, а то и больших независимых княжествах. О XIV веке и говорить нечего — те же Шуйские, например, происходили от Суздальско-Нижегородских князей, создавших колоссальную державу и даже отбивавших время от времени у Москвы великое княжение Владимирское! Никто ничего не забыл. Как предки водили в бой собственные армии, сами решали вопросы дипломатии, чеканили свою монету, издавали новые законы для подвластных им земель...

А Ванька московский пришел и все забрал!

О, как хорошо, кабы вернулась благословенная старина...

Но благословенная старина сменилась реальностью Московского государства. И монархи всяя Руси крутенько обходились со своей родней. Власть над землей они с боем, с натугою, а все же забрали у рода Калитичей и присвоили себе. В боярах больше не видели они вольных дружин-

ников, но лишь служильцев своих. Противны были им вздохи «княжат» о прежней вольности. Зато на землях громадного Московского государства не лютовали татары, границы его оказались под надежной охраной от любых злых пришельцев, а кровавые междоусобья, раньше происходившие столь часто, ушли в прошлое.

Какую пришлось заплатить за это цену?

Вся древняя знать, сильные люди, по жилам которых бежала кровь государей и слуг их, великих воинов, оказалась в утеснении.

Какая доля ей оставалась?

Бороться за то, чтобы «право крови», «право рода» принесло ей иные блага. Ушло «семейное правление» земель? Ушла возможность быть самостоятельными державцами? Ушла возможность «дружинного перехода»? Так пусть же великий государь московский навеки закрепит право на большие чины и высокие должности у трона своего — тем, кто все это потерял!

ВЕЛИКОЕ БЛАГО МЕСТНИЧЕСТВА

И государи московские какое-то время признавали: да, древняя аристократия на многое имеет привилегию. Система местничества, передававшая знатым потомкам от знатных предков «родовую честь», гарантировала им высокие назначения в армии, при дворе, в правительстве или административных учреждениях.

А не признали бы, так пришлось бы кроить и перешивать державу после страшных мятежей, которые, надо полагать, устрашающей волной прокатились бы по всей России. Тут — великое благо местничества, спасшее Россию от большого кровопролития. Местничество — гениальное русское изобретение, оно избавило страну от чудовищной фронды и бесконечных «шляхетских наездов».

Новый порядок медленно, очень медленно перемалывал старые обычаи. Порою он отступал — как в малолетство Ивана IV — но впоследствии, так или иначе, восстанавливался. Удельная, дружинная старина отступала.

У древних аристократических привилегий могло быть два маршрута.

Либо русской служилой знати *удалось бы их упрочить, зафиксировать законодательно* (и такие попытки предпринимались не раз), — тогда Россия превратилась бы во вторую Речь Посполитую, и соседи разделили бы ее между собой, как поступили в XVIII веке с настоящей Речью Посполитой Россия, Пруссия и Австрия.

Либо они *постепенно превратились бы в анахронизм*, отмерли бы в течение нескольких поколений, лишь только память о временах удельной Руси стерлась бы в умах.

В конечном итоге реальностью станет второе. На протяжении XVII века, особенно после Великой смуты, наша знать, теряя виднейших своих представителей, понемногу сдавала позиции. Сильный удар нанесла ей отмена местничества, произошедшая при царе Федоре Алексеевиче.

РАСА ГОСПОД

Служба теснила род. Способности и заслуги неспешно одолевали «отечество». Процесс этот шел крайне медленно не только из-за бешеных ам-

бийший аристократии. Нет. Дело еще и в том, что сама русская аристократия XV—XVII столетий была плодородной почвой для руководителей отличного качества. Знатного человека с детства учили управлять людьми, воевать, рассчитывать тактические и стратегические последствия своих действий.

Вот она — школа воинских побед и государственного управления. Ее обеспечивали старшие члены рода младшим. Ремесло командира, судьи, государева советника передавалось из рук в руки, из уст в уста. И эта система «домашнего обучения» прекрасно работала на протяжении двух веков. Аристократы приносили русскому знамени победы, а государю — приращение земель. Те самые «жирные бояре», из которых советские писатели и кинематографисты с упоением делали посмешище, отлично держали на своих плечах царство. «Железные наркомы» так уже не умели — навыка не хватало. У сына прачки может быть сын генерал, но сам он настоящим генералом никогда не станет — воспитание не то.

Аристократу оставалось самому выучиться служить... но именно это умение давалось с большим трудом. Аристократ понимал, как приносить победы на ратном поле, знал, как вершить дела в многолюдных городах и обширных областях, освоил навык правильного суда, но гордыня мешала ему склонять жесткую выю перед государем.

Итак, у этой системы имелся лишь один недостаток: аристократ-управленец сам был плохо управляем...

Между тем, ниже аристократии плескалось море незнатных служилых, жаждавших возвышения и готовых при всяком случае отдать земный поклон монарху, а если надо, то и встать перед ним на колени. Этим кровь возвысить не могла — только служба! Но долгое время они не могли соперничать с аристократией по «качеству» своему. Они ведь не располагали ни опытом, ни воспитанием «управляющего человека». Русская знать XVI века — «раса господ». Русское дворянство XVI века — стихия исполнителей. Не так уж много по-настоящему даровитых людей могло дать дворянство государю, когда он пожелал отыскать замену хотя бы части управленцев-аристократов.

ОПРИЧНИНА КАК ПОПЫТКА «КАДРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Опричнина представляла собой попытку разрушить старинные права знати радикальным способом. Решить дело просто, быстро, зло. Наскоком, нахрапом. Чуть ли не революция происходила в той общественной сфере, которая требовала кропотливой и неспешной преобразовательной работы.

И... методы проведения этой полуреволюции-полуреформы подвели царя Ивана IV с его помощниками. Поставленные цели достигнуты не были.

Прежде всего, те слои русской знати, которые поддерживали опричнину, стремились подправить существующий порядок, а не ломать его. Выходцы из этих групп — старинного московского боярства, второстепенной княжеской аристократии — оказались слишком самостоятельными, слишком самостоятельными инструментами для Ивана IV. Им совершенно не требовалось полное разрушение местнической системы. Их не мог радовать масштабный государственный террор. А неродовитое дворянство, готовое идти гораздо

дальше по пути ломки древних устоев и полностью подчиняться велениям монарха, не располагало серьезными управленческими кадрами.

Что, в сущности, такое — Малюта, Василий Грязной, Григорий Ловчиков, Булат Арцыбашев и прочие опричные выдвиженцы? Разве годились они на роли воевод, дипломатов, наместников для больших городов? Цепные псы предназначены для другого. Пытать, резать, вешать, грызть, головы сносить — пожалуйста. Сколько угодно! А вот когда им доверяли серьезное дело, как доверили, например, Василию Грязному разведку на Степном Юге, верные «исполнители» имели все шансы его провалить. Не из каких-то расчетов, просто — по отсутствию соответствующего воспитания, опыта и способностей.

К несчастью, таких одаренных людей, как Безнин и Блутов, среди них нашлось раз, два и обчелся.

Опричнина отнюдь не уничтожила привилегий первостепенной княжеской аристократии. Не привела она к высотам власти и неродовитое дворянство. После ее отмены относительно немногие персоны задержались «в приближении» у государя. Главным образом — дельные люди «безнинского» типа. Но во второй половине 1580-х, при царе Федоре Ивановиче, последние из них оказались изгнаны с вершин большой политики. Ничего не осталось от опричнины.

Кроме, пожалуй, памяти.

И вот она-то оказалась большой ценностью.

Как будто высокий, могучий человек, не глядя, сунулся с улицы в маленькую дверь с низкой притолокой и крепко ударился головой. Потирая ушибленную макушку, он все же заходит в дом, но уже не торопясь и с оглядкой. Так и русская монархия: после опричного «эксперимента» она пошла по верному пути *неторопливого выдавливания родовых начал из политического строя России*. Опричнина очень хорошо показала: ни в коем случае не нужна новая опричнина. Малюта прочно вошел в народную память и остался там болью от ушибленного места, печальным опытом: не надо бы больше никаких малютов...

УЗКИЙ КРУГ ВЫСШИХ ВОЕВОД

С отмены опричнины до падения Василия Шуйского армиями русских государей безраздельно управляет все та же аристократия. Точнее сказать, примерно 25–30 родов, которым доверяли высшие воеводские посты.

Обстоятельства большой политики то выдвигали один из родов на первый план, то опускали его статус ниже прочих, но местническая система позволяла знатнейшим семействам восстанавливать их высокое положение даже после самой страшной опалы. Так что русские воеводы «тасовались» как карты в маленькой колоде.

«Командармов» назначали из знатнейших Рюриковичей, знатнейших Гедиминовичей (обрусевших потомков литовского правителя Гедимина) и древних родов боярства, веками служивших Московскому правящему дому.

К числу первых относились князья Шуйские, Одоевские, Пронские, Воротынские, Татевы, Ростовские, Оболенские, Долгоруковы, Звенигородские, Хилковы, Ногтевы, Засекины, Хворостинины, Ромодановские.

К числу вторых — князья Голицыны, Мстиславские, Куракины, Трубецкие, Хованские.

Из третьей группы следует назвать Романовых-Юрьевых, Шереметевых, Морозовых, Бутурлиных, Шеиных, Плещеевых, Головиных, Колычевых, Салтыковых, Сабуровых и Годуновых.

Минула Смута.

При первых Романовых долгое время ничего кардинально не менялось. Разве что возвысились некоторые новые рода, а старые угасли. Но система в целом сохранилась.

Лишь с середины XVII века местничество начало размываться и к концу столетия ушло в прошлое.

Петр I нашел ему замену в виде «Табели о рангах». Теперь до командных высот мог дослужиться и совершенно не знатный дворянин.

Удельному, родовому, героическому, буйному прошлому на смену шло государственное, служилое, размеренно-созидательное будущее. В исторической перспективе маршрут Малюты окажется тупиковым, а маршрут Безнина — торной дорогой.

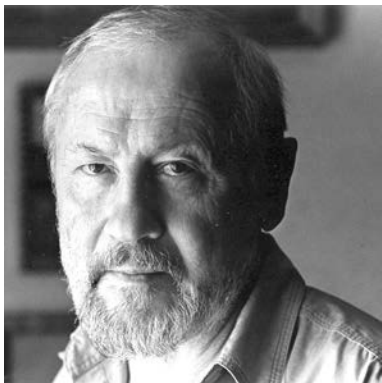
Но вот вопрос: а эффективнее ли та система управления, которая основывается не на родовой аристократии, а на службистах? Она привычна для современного человека. Однако привычка эта не является аргументом в пользу более высокого качества.

Да, аристократ был плохо управляем. Но у него было сознание одного из хозяев земли, а не просто винтика в державной машине. И его готовили к работе генерала, судьи, администратора с самого детства. ВУЗ и опыт практической работы лучше? Кто знает...

Так не стоит ли подумать о создании русской аристократии заново? О медленном, разумном, осторожном воссоздании сословия наследственных управленцев?

Для начала просто подумать...

Юрий ЛОЩИЦ ВЗЫСКАНИЕ ПРАВДЫ

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 г. в селе Валегуцово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Заботясь о новых поколениях славистов

Явления культуры менее всего подобны раз и навсегда застывшим монолитам. В культуре — национальной ли, мировой — те или иные ее пласты именно *являются*: впервые являются, либо вновь громко заявляют о себе после времен забвения, либо, наоборот, отступают в тень, уступают место иным объектам общественного внимания. В такой череде культурных явлений, в их историческом движении есть, конечно, своя строгая, но и справедливая закономерность: ничто не вызревает тут раньше срока, ничто не в состоянии прорваться в обход духовного спроса.

Так — на наших глазах, на протяжении послевоенных десятилетий — происходило и происходит с одним из подобных явлений, ставшим на череду всеобщего внимания, — с древнерусской культурой, в том числе с письменностью Древней Руси.

Великая Отечественная война не случайно взята единицей отсчета. Огнем прожгло тогда нашу культурную почву до самых ее глубинных корней. В испытаниях битв и разлук не могли не вспомниться: имя женщины, плачущей на городской стене по ушедшему в поход мужу; или имя полководца, предрекшего столетия назад, что пришедший к нам с мечом от меча и погибнет; или имя гражданина, призывавшего своих земляков к бескорыстному пожертвованию личного добра для нужд освободительной борьбы...

Как бы в благодарность за очевидную духовную помощь страна в первые же послевоенные годы не оставила без призора искалеченные памятники нашей изначальной культуры. Общеизвестен масштаб рестав-

рациональных работ в том же Новгороде или Пскове, Киеве или Чернигове. Настало время и для памятников письменности — исторических, собственно литературных. Их все чаще издавали — и не только в академических томах, но и в вузовских хрестоматиях или отдельными, рассчитанными на широкую аудиторию выпусками. Замелькали названия научных исследований, учебных пособий, монографических трудов, посвященных отдельным писателям и произведениям Древней Руси. Пусть пока и научные труды, и сами издания памятников выходили, как правило, малыми тиражами, распространялись в сравнительно узком кругу филологов и историков. Общественный интерес тем не менее зримо прибывал. Происходил не только ощутимый прирост знаний, возникала совершенно особая атмосфера волнения и бескорыстной влюбленности, без чего ни одно явление культуры никогда не способно возродиться к новой жизни. Мало одного знания, необходимо еще и *любознание*, лишь тогда начинают распахиваться самые дальние дали культурного прошлого. То, что людям новых поколений со стороны могло казаться ненужным для современных целеустремлений, просто-напросто скучным, вдруг ошеломляло своими великими смыслами, непоблекшей загадочной красотой.

Начал уступать свои позиции и упрощенно-схематический подход к истории собственной литературы, по которому, например, едва ли не единственным древнерусским памятником, достойным преимущественного внимания и изучения, представлялось «Слово о полку Игореве». Что ж, можно и сегодня сказать, что «Слову» во всей нашей древнерусской литературе принадлежит, в известном смысле, место исключительное. Как, допустим, Пушкину в литературе новой. Но ведь это не значит, что нет у нас Толстого и Достоевского, Лермонтова и Есенина. Так и «Слово» не может закрыть от нас других великих имен и проблем древнерусской письменности.

Наступил час, когда литературный спрос начал заметно пересиливать предложение. До сих пор на памяти эпизод, когда одним из очередных выпусков «Библиотеки всемирной литературы» стал «Изборник» — однотомник произведений древнерусской литературы в переводах на русский язык. В книжных подворотнях «Изборник» тут же сделался предметом сложных обменов и перепродаж. В некотором роде это было даже неожиданностью. Ведь выходили и до него многие отдельно издаваемые литературные памятники, и некоторые из них довольно подолгу пролеживали на магазинных полках. Секрет прост: «Изборник» был «двуязычным», следовательно, его аудитория резко раздвигалась за счет читателей, не владеющих старославянским языком. (К проблеме «языкового барьера», в известном отношении мнимой и искусственной, вернусь ниже.)

Появление «Изборника» стало своего рода вехой, означавшей, что в современном *явлении* древнерусской литературы закончился целый период. Как бы его условно ни именовать — порой подготовительных усилий, внутреннего собирания? — но этот период «Изборник» отделил отчетливой чертой от того, которому следовало теперь наступить.

Есть логика в том, что именно издательство «Художественная литература», выпустившее в свет «Изборник», в 1978 г. предприняло новый, неизмеримо более значительный по своим просветительским масштабам начин — издание серии «Памятники литературы Древней Руси».

О монументальности общего замысла допустимо судить по его воплощенной части. Уже сегодня очевидно, что перед нами явление того же масштаба, просветительской значимости, как выходящий сейчас многотомный «Словарь русского языка XI–XVII вв.», или «Этимологический словарь русского языка», или «Этимологический словарь славянских языков», или, наконец, продолжаемое уже в течение почти полутора веков издание «Полного собрания русских летописей».

«Памятники...» публикуются в полных своих объемах, а не в виде более или менее мелких фрагментов, как по необходимости принято в хрестоматиях. (Исключение составляют лишь отрывки из летописей, хотя и тут соблюден принцип внутренней исчерпанности темы, так что читатель знакомится не с пестрыми подборками летописных статей, а с целыми «малыми летописями», например Галицко-Волынской в третьем выпуске и т. д.)

Такая встреча по-настоящему волнует, требует самой серьезной читательской сосредоточенности. Каждый читающий тут как бы выходит для собеседования один на один с целым сонмом судеб, событий, проверяется его подготовленность к такой встрече, его способность пережить и понять, не просто обозреть застывшую лаву древней письменности, но, по словам поэта, на каждый звук ее призывный отзывной песней отвечать.

В мир древнерусской литературы войти не просто. Неподготовленного этот мир может и не принять сразу. Тот, для кого чтение есть привычка выходить из круга жизненных реалий во вторичную действительность вымысла, того встреча с древнерусской литературой, пожалуй, и обескуражит. Потому хотя бы, что эта литература почти не знала, что такое вымысел. Для ее целей и задач вымысел оказывался чем-то избыточным, она не могла позволить себе такой роскоши. В центре внимания постоянно пребывал живой исторический человек, взятый во всей сложности его отношения к миру.

Естественно, такая литература, с такими задачами и полномочиями, не могла появиться вдруг, на пустом месте. Ей обязательно должна предшествовать некая пра-литература, причем не со стороны, не напрокат взятая. Была ли та пра-литература дописьменной, устной словесностью? Или из ее, нам неведомых буквенных знаков, как из семян, сгнивших в почве, выросли колосья кириллицы и глаголицы? Не здесь об этом гадать и судить. Очевидно лишь, что некий пролог был. Впрочем, одно доказательство, так сказать от противного, стоит привести. Ведь не можем мы, живя ближе к концу XX века, сказать, что древнерусская литература к какому-то определенному сроку завершилась. Есть условная дата ее «финала» — XVII столетие. Но это не дата смерти. Стародавняя литература — наша живая современница, полноправная участница духовных событий, происходящих сегодня и, будем надеяться, завтра. Точно так же только условным можно считать рубеж «народждения» этой литературы. В тех или иных началах, проявлениях и жанрах она здравствовала и «до». Без этого не предстал бы нам феномен литературы, вполне зрелой и взрослой уже в XI веке.

Возьмем хотя бы одно писательское имя той эпохи — имя Нестора. Это был характернейший представитель зрелой письменности, разнообразно опытный, разносторонне одаренный. Большинству из нас он известен как летописец, историк. Но мало того, что родную историю Нестор умел преподнести чисто по-писательски, в живых и образных картинах. Этот мастер не менее блестяще работал и в другом жанре — житийно-биографического

повествования, о чем мы имеем возможность судить по его «Чтению о Борисе и Глебе» и помещенном в первом выпуске «Памятников...» «Житии Феодосия Печерского». Один из самых выразительных эпизодов второго жития — неколебимое стояние Феодосия за правду перед сильными мира сего. Нестор рассказывает, как своими братьями был изгнан из Киева князь Изяслав. Феодосий отправил одному из гонителей обличительное письмо. «Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение... И многие из приходивших к нему бояр говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться князю... Услышав речи о своем заточении, блаженный воспрянул духом и сказал: “Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия и богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я принять смерть”. И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя...»

Такое вот бесстрашное стояние древнерусского человека за правду — до смерти — не просто одна из любимых тем тогдашней литературы. Взыскание правды, вопрошание истины становится смыслом существования самой письменности как таковой, ибо если письменность занимается не этим, а чем-то иным, то зачем же она? — только с такой категоричностью и мог стоять тогда вопрос.

«Взыскание правды» — так можно, пожалуй, обозначить девиз нашей изначальной литературы. Но она не только взыскует, она и находит искомое, и громко исповедует свою истину, безоглядно ее отстаивает. В «Повести временных лет» содержится рассказ, ставший уже хрестоматийным, об испытании великим князем Владимиром различных вер, в итоге которого русские, придирчиво рассмотрев и отвергнув предложения иудеев, мусульман и католиков, предпочли веру «греческую», то есть православие. Испытание испытанию рознь. Какое громадное расстояние прошла русская действительность и с нею вместе литература от этого наивного, почти улыбкой лучащегося рассказа до «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора»! Тут ведь, в «Сказании...», тоже запечатлено испытание веры и правды. Но уже без тени улыбки, потому что пришло для русской жизни и для отражающего ее слова испытание огненное. «И вот дошли они до того места, где были сложены горящие костры по обеим сторонам пути. И все поганые проходили через огонь и кланялись солнцу и идолам... Михаил же сказал Феодору: “Нельзя нам поклоняться тому, чему они поклоняются”. Тогда волхвы, оставив Михаила и Феодора на том месте, куда привели их, пошли и сказали царю: “Михаил повеления твоего, царь, не слушает: через огонь не идет и богам твоим не кланяется, говорит, что не подобает христианам проходить через огонь и поклоняться ничему сотворенному, солнцу и идолам...”».

Испытанием истины было и знаменитое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона — ярчайший памятник зрелости и самостоятельности русской философской и исторической мысли в эпоху средневековья. «Прежде закон, — размышлял Иларион, заглядывая в глубь истории, во времена ветхозаветного законничества, — потом благодать: прежде тень,

потом истина». Тут была мысль, что человечество не стоит на месте, что оно взрослеет, что застою и косности противостоят рост самосознания, поиск духовного совершенства. «Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине; истина же и благодать слуга будущему веку, жизни нетленной». Жизнь не может удовлетворяться вчерашними узаконениями, но и сегодня истина открыта человеку не вполне, значит, нельзя успокаиваться, нельзя, довольствуясь сегодняшним, кичиться перед вчерашним, нужно устремляться к истине преемственной. Иларион, может быть, как никто из его русских современников, чувствовал масштабность движения истории, ее поступательность, необходимость смелых перемен в области духа, когда невозможно больше вливать новое вино в обветшавшие, прохудившиеся сосуды.

А разве не испытывается правда, причем самым строжайшим образом, в «Слове о полку Игореве»? Что такое знаменитое «Золотое слово» Святослава, как не голос национальной совести, призыв к самоочищению, освобождению от политического эгоизма. Много охотников «себе славы искати», преуспевать в усобичестве. Можно разделить дедову славу на части, разделили уже, но нельзя правду на части поделить. И об этом автор «Слова» говорит совершенно нелицеприятно, обращаясь поименно к каждому из великих и сильных князей русских. Любуясь ораторской выразительностью «Золотого слова», мы иногда забываем, что оно требовало от произносившего его человека незаурядной отваги, гражданского мужества, может быть, даже политического риска. Но он был настоящим воином Правды.

Жизненные обстоятельства сменяют друг друга, времена неблагоприятные чередуются с мирными, но никогда не ослабевает накал правдоискательства, присущий древнерусской литературе. И чем неутешительнее времена, тем сильнее томление по истине, по «совершенному человеку». Серапион Владимирский, говоривший свои очистительные проповеди в самые темные часы чужеземного ига, иногда просто поражает бескомпромиссностью своих нравственных приговоров. Буря обезобразила родную землю. Но в чем или в ком искать причину происшедшего? Только ли в алчности и жестокости поработителей? Или же корень зла нужно сперва выкорчевать в самих себе? «Даже язычники, божьего слова не зная, не клеветают, не крадут, не зарятся на чужое, — говорит Серапион своим соотечественникам, — никакой неверный не продаст своего брата, но если кого-то постигнет беда — выкупят его и на жизнь дадут ему, а то, что найдут на торгу, — всем покажут; мы же считаем себя православными, во имя божье крещеными и, заповедь божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братии своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносами, завистью, если бы можно, так съели б друг друга...»

Не поразительно ли! Во времена, когда русский человек, казалось бы, должен был предельно ожесточиться против чужеземцев, Серапион вслух говорит, что надо и у них, у «поганных» учиться правде человеческих отношений. Вот какой силы достигало тогда врачующее душу покаянное чувство. Напряженнейшее переживание общей беды выжигало из литературы саму возможность внутренние расслабиться, растратить себя на темы в той или иной мере развлекательные, к примеру, на воспевание воинских и авантюрных приключений, любовных утех. Последнее, конечно, не значит, что любовь мужчины и женщины как тема отсутствовала в тогдашней литературе.

Нет, выразительнейшие образы такой любви мы видим на всем многовековом пространстве древнерусской письменности; вспомним Ярославну и князя Игоря или героев «Повести о разорении Рязани Батыем» князя Федора Юрьевича, отказавшегося выдать хану свою жену «на блуд» и за это убитого, и его супругу княгиню Евпраксию, которая, узнав о гибели мужа, сама бросилась с сыном в руках из высокого теремного окна и разбилась до смерти; или вспомним проникновенный, до сердца трогаящий надгробный плач великой московской княгини Евдокии по своему покойному мужу Дмитрию Ивановичу Донскому; или неколебимую супружескую преданность друг другу Петра и Февронии Муромских; или, наконец, незабвенную протопопицу Марковну, готовую идти за своим Петровичем (Аввакумом) «до самой смерти!». В такой любви мы не найдем обожествления женщины, превращения ее в предмет рыцарского или поэтического культа, но не увидим и уничтожения женщины, становящейся объектом анекдотов в кругу подвыпивших ерников. Иную меру для понимания «мирской» любви учреждает древнерусский писатель: любовь как связующая сила, которою держится семья, держится земля. И в дни мира, и в дни воинского ненастья.

Для того чтобы глубже прочувствовать всю трагическую исключительность состояния, в котором оказалась в эпоху ига Русь и ее культура, полезно вспомнить, что в эту же эпоху на Западе создавали свои произведения, пронизанные совсем иным мироощущением, Петрарка, Боккаччо, Чосер. О Рыцаре, одном из героев «Кентерберийских рассказов», Чосер говорит:

*На орденских пирах он восседал
Вверху стола, был гостем в замках прусских,
Ходил он на Литву, ходил на русских...*

Красноречивая подробность! Русь изнывала от ран, нанесенных ей Ордой. Русь истощила наступательный пыл Орды, готовой было покорить всю Европу. А в это время рыцарь-европеец выхваляется тем, что и он «ходил на русских».

Или еще сопоставление. Культ возвышенной любви к даме сердца, утвержденный в европейской литературе Данте и Петраркой, вовсе не похож на то чисто плотское восприятие любви-приключения, которое свойственно героям Чосера или Боккаччо. Петрарка еще во многом по-средневековому возвышен. Ему присуще драматическое переживание политических усобиц, он с горечью пишет о падении нравов, об «ухудшении времен». Кругозор Петрарки не ограничен одной Италией. Великий гуманист готов обратить внимание и на «бедствия скифов». Но как же своеобразно его осмысление этих бедствий! «Откуда недавно морем годовые запасы хлеба везли в Венецию, оттуда идут корабли, груженные рабами, коих продают несчастные родители, голодом понуждаемые. Диковинного вида толпа мужчин и женщин наводнила скифскими мордами прекрасный город подобно тому, как прозрачную воду мутит неистовый поток. И коли не нравилась бы толпа сия покупателям более, чем мне, коли не услаждала их взоры более, чем мои, не наполнял бы мерзкий народ узкие улицы, не поражал бы привыкших к красивым лицам приезжих, а в своей Скифии, вместе с Голодом, тощим и бледным, в покрытом камнями поле, где помещает его Назон, по сей день рвал бы ногтями и зубами скудные травы». Эстетическое чувство

возвышенного Петрарки возмущено «скифскими мордами». Подобные откровения заставляют задуматься о многом. Прежде всего об ограниченности самого гуманистического сознания, брезгливо-высокомерного по отношению к «мерзкому народу», уподобляемому стаду животных.

Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что в мировосприятии средневекового человека противоположение «своего» и «чужого», «верного» и «неверного» было чрезвычайно устойчивым, немало тому примеров найдем мы и в древнерусской литературе. Но на вершинах правдоискания это жизненное противоречие одолевалось. И тогда русский человек писал: «Аще ли видиши нага или голодна или зимою или бедою одержима, аще ли ти будет жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или от всех поганных — всякого помилуй и от беды избави, я же можеши, и мзды от бога не лишен будешь. Бог бо и сам ныне поганяя набдит, яко же и крестьяны, поганым же иноверцем в сем вещи попечение от Бога, а в будущем же чюжи будут добрыя детели».

Слова эти принадлежат все тому же Феодосию Печерскому, который, как рассказывает о нем Нестор, еще и такой обычай имел: «нередко вставал ночью и тайно уходил к евреям, спорил с ними о Христе, укорял их, и этим им досаждая, и называя их отступниками и беззаконниками, и ожидая, что после проповеди о Христе он будет ими убит». Казалось бы, один и тот же человек совершает поступки, противоречащие один другому. Милосердие, готовность прийти на помощь чужому несовместимы с идейной враждой. Но на деле в жизни было иначе. Ни на шаг не отступаясь от своих убеждений, человек — во имя этих же самых убеждений — готов был подняться выше любых обид, сбросив с себя груз неприязни, недоверия. Тут же, с чувством преодоленного препятствия, он вступал в область милосердия, и отсюда, с головокружительной высоты, виделось ему, что нет окончательно погибших людей, что, как бы ни ожесточился человек, близкий ли, чужой, нельзя не протянуть ему руку для поддержки, в надежде на его духовное исцеление.

Тогда и «чюжи будут добрыя детели».

Хрестоматийное высказывание Феодосия я намеренно привожу здесь в древнерусском подлиннике, смысл его прозрачен, несмотря на присутствие слов, которые надо бы пояснить читателю, совсем незнакомому с нашим первоначальным литературным языком. Впрочем, такого человека среди людей, владеющих русским, мы, пожалуй, и не найдем. Потому хотя бы, что подавляющая часть лексического запаса старославянского языка, а затем и древнерусского, является и по сей день законным достоянием нашего литературного обихода. Конечно, многие слова отсеялись либо переменили свои значения, определенные видоизменения произошли за века в грамматическом строе нашей речи. Часть словарного запаса и грамматических форм, утраченных, допустим, в современном русском, сохраняется в украинском и белорусском, и наоборот. Так что мы не ошибемся, если будем считать, что язык Пушкина, Шевченко и Купалы, с одной стороны, и язык Владимира Мономаха, Епифания Премудрого и Аввакума — с другой, есть наш *единый*, движущийся и обогащающийся в своем историческом развитии, свидетельствующий о все новых и новых своих возможностях язык восточнославянской общности.

Но законный вопрос: почему же тогда возникает проблема перевода? Вот тут мне бы и хотелось — на свой страх и риск — сказать вещь ерети-

ческую: проблема эта — *мнимая*. Да, да, *мнимая*. Не может быть, чтобы коренной москвич не смог без переводчика поговорить с коренным жителем Полтавы или Полоцка, и чтобы они все втроем не смогли, помогая и подсказывая друг другу, прочитав и понять Аввакума Петрова, или Франциска Скорину, или Григория Сковороду. Ведь поем же мы все за одним столом вперемешку русские, украинские и белорусские песни, слушаем древнерусские песнопения в исполнении капеллы имени Александра Юрлова. И не нуждаемся при том ни в каких посредниках-толмачах.

Это, конечно, не значит, что старославянский и древнерусский языки нет необходимости изучать и постигать специально. Очень даже нужно, как нужно, допустим, и в Дала почаше заглядывать. Так что и переводы сегодня нужны, хотя бы на время, пока мы с их помощью (а иногда и вопреки их «помощи», там, где переводы фальшивят или не доверяют нашим языковым способностям) не вживемся в древнерусскую языковую стихию вполне. Переводы эти — не от богатства, а от бедности. Но ведь не доживем же мы, надеюсь, до времен, когда понадобится переводить Ломоносова и Державина. Или когда сочинением иноземца почудится нам пушкинский «Пророк», и мы откажемся разуместь, что значат сии загадочные «персты», «зеницы», «уста», «десница», «глагол»...

Изучая древнерусскую литературу, мы будем тем самым изучать и богатейшие оружейные палаты родной своей речи. Такое изучение, кстати, неплохо бы начинать измлада. Ведь сколько существует у нас в стране спецшкол самых различных профилей, но очень я удивлюсь, если имеется хоть одна, где бы дети учились читать в подлиннике «Повесть временных лет» или «Задонщину». Можно подумать, что нам нет нужды заботиться о новых поколениях славистов, просто образованных людей, способных одинаково свободно читать издания, выходящие в Белграде или Братиславе, Софии или Кракове, Минске или Харькове. Но такой свободой восприятия вполне может обладать лишь человек, начинающий, как говорится, от Кирилла и Мефодия.

Наша встреча с древнерусской культурой и письменностью знаменательна. Не антикварное любопытство, не интеллектуальная тепло-хладная всеядность стали для нее поводом. Встреча эта все более осознается как жизненная необходимость, как обретение одной из духовных опор, без которых невозможно дальнейшее существование и нашей современной литературы.

Валентина ВЕТЛОВСКАЯ
ДОСТОЕВСКИЙ
И ПОЭТИЧЕСКИЙ
МИР ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Литературные
и фольклорные источники
«Братьев Карамазовых»*

Валентина Евгеньевна Ветловская — родилась в г. Бежецке Тверской области. Литературовед, доктор филологических наук. Окончила филологический ф-т ЛГУ, аспирантуру. Научный сотрудник ИРЛ (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН). Член СП России, член-корр. ПАНИ, член редколл. ж-ла «Dostoevsky Monographs» (IDS) и др. Член Международного ред. совета изд. «Достоевский и мировая культура». Участвовала в подготовке Большого (Полного) и Малого академ. изданий собр. соч. Ф. М. Достоевского (1972—1990; 1988—1996). Автор пяти книг и более 200 статей. Лауреат ряда лит. премий. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Тема, как она обозначена в названии моей статьи, очень широка. Достоевский был внимательным читателем и глубоким знатоком произведений древней русской письменности, вообще архаических художественных и нехудожественных форм. В этом смысле он не отличался от других крупных русских авторов (таких как Гоголь, Лесков, поздний Толстой), интересы которых то и дело обращались к той же сфере. Не только осведомленность, но даже особого рода изысканность, особый эстетизм (в котором чувствуется профессиональное писательское честолюбие) поражают исследователя творчества Достоевского, когда он изучает это творчество с точки зрения архаических его источников. Мне представляется любопытным и знаменательным в этом отношении признание Достоевского в том, например, что одну из больших и важных книг своего последнего романа (книгу «Русский инок») он «писал <...> для немногих»¹. Это обстоятельство обычно не учитывается исследователями, тогда как оно означает расчет писателя и на специальные симпатии какой-то узкой аудитории, и на ее специальную осведомленность. Достоевский иногда «писал <...> для немногих» — и в этом заключается одна из трудностей понимания и истолкования его произведений.

* * *

Вопрос об архаических источниках творчества Достоевского я хочу поставить в связь с особой многоплановостью его произведений. Есть разного рода многоплановость. Одна, как например у Толстого («Война и мир»), достигается мето-

¹ Достоевский Ф. Письма. Т. IV (1878—1881). Под ред. и с прим. А. С. Долинина. М., 1959. С. 94.

дом соположения: одно рядом с другим (поместья, столица, заграница; один герой, а следовательно, его связи с другими, его движения и передвижения, события, которые с ним происходят; затем другой герой привносит свои, новые связи, новый ряд событий, новый ряд отношений, и т. д.). Многоплановость как бы возникает на путях освоения нового и нового пространства, вовлечения в эпический рассказ новых действующих лиц, мест, событий, каждый раз заслуживающих тщательной обрисовки. Такие пути обычны. Именно они свойственны и древним формам эпоса (Гомер).

Многоплановость произведений Достоевского иная. Они кажутся узкими в своих пространственных границах: сравнительно небольшой круг действующих лиц, сравнительно мало происходит событий, далеко не каждое из этих лиц и событий обрисовано с исчерпывающей полнотой. Многоплановость произведений Достоевского возникает не за счет, вернее, не столько за счет расширения пространства, сколько внутри узких пространственных границ, благодаря литературным (и не только литературным) параллелям, так или иначе автором здесь указанным. Эта многоплановость идет не вширь, но как бы вглубь, и выявление новых граней, смысловых оттенков в освещении одних и тех же лиц, одних и тех же событий и деталей рассказа здесь как бы замещает пространственную устремленность многопланового повествования другого рода.

Введение древнерусского или фольклорного материала служит в принципе той же цели, что и цитаты, а также упоминания о Шиллере, или Бальзаке, или Гете. Оно назначено указать ту или иную параллель, а следовательно, ввести определенные ассоциации, осветить события и лица новым светом, дать новый план рассказа. Тут важно подчеркнуть именно множество параллелей, множество планов. Каждая отдельная параллель и каждый отдельный план есть лишь звено художественной мысли, и только все они вместе могут дать приблизительное представление об авторском осмыслении явления в целом. Вот почему, кстати сказать, произведения Достоевского нельзя рассматривать как аллегории (хотя некоторые историки литературы и критики, особенно те, которые по времени близки Достоевскому, склонны были это делать). События и лица конкретного плана романов Достоевского не имеют прямой и однозначной соотнесенности — только с одним рядом идей и представлений (а именно это характерно для аллегории). Как правило, эти события и лица, благодаря литературным параллелям, находятся во взаимодействии одновременно с несколькими идейными рядами.

Мне представляется невозможным истолкование произведений Достоевского без учета таких литературных и фольклорных параллелей. Рамки этой статьи не позволяют, однако, привести их с более или менее удовлетворительной полнотой¹. Я остановлюсь на немногом: на некоторых мотивах древнерусских апокрифов, имеющих отношение к «Братьям Карамазовым», прежде всего к главам «Бунт» и «Великий инквизитор» (книга пятая «Pro и contra»).

¹ Мне уже приходилось дважды касаться этой темы, см.: *Ветловская В. Е.* 1) Символика чисел в «Братьях Карамазовых». — ТОДРЛ. Т. XXVI. Л., 1971. С. 139–150; 2) Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: *Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сборник статей.* М., 1971. С. 325–354.

Напомню, что рассуждение Ивана в главе «Бунт» заканчивается словами о том, что невозможно возводить «здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей» на мучениях и крови хотя бы одного «маленького замученного», хотя бы одного ребенка (9, 308)¹. Алеша, слушающий Ивана, говорит ему о Христе, который сам отдал «неповинную кровь свою за всех и за все», «а на нем-то (т. е. на Христе. — В. В.) и созидается здание, и это ему воскликнут: “Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои”» (9, 308). В ответ на эти слова Алеши Иван и рассказывает брату свою поэму «Великий инквизитор», начиная ее «литературным предисловием»: «Ведь вот и тут без предисловия невозможно, то есть без литературного предисловия, тьфу! — засмеялся Иван, — а какой уж я сочинитель!» (9, 309).

Действие поэмы происходит в XVI в., «а тогда, — объясняет Иван, — ...как раз было в обычае сводить в поэтических произведениях на землю горние силы. Я уж про Данта не говорю» (9, 309). Не только где-нибудь во Франции, но и «у нас в Москве, в допетровскую старину», устраивались драматические представления, особенно из Ветхого Завета, а кроме них «ходило тогда много повестей и “стихов”², в которых действовали по надобности святые, ангелы и вся сила небесная. У нас по монастырям, — продолжает Иван, — занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм... Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого): “Хождение богородицы по мукам”, с картинами и со смелостью не ниже дантовских» (9, 310). Далее идет пересказ этого знаменитого апокрифа³.

Несколько публикаций «Хождения богородицы по мукам» могли быть известны Достоевскому. Одна (краткая и далеко не лучшая) редакция этого апокрифа по позднему и малохудожественному списку была опубликована А. Н. Пыпиным в «Отечественных записках» за 1857 год. Она предлагает любопытную и неожиданную концовку, резко отличающуюся от концовок других редакций. Слов об «одном презанимательном разряде грешников в горящем озере», которые никак не могут оттуда выплыть и которых «забывает бог» (выражение, останавливающее внимание Ивана своей «глубиной и силой». — 9, 310), здесь нет. О византийском подлиннике этого апокрифа (ср. слова Ивана: «конечно, с греческого») Пыпин хотя и говорит, но предположительно: «...мы не проследили еще до источников судьбу этого сказания, но думаем, что его византийское начало не подлежит сомнению»⁴.

Прекрасная редакция этого апокрифа была помещена в «Памятниках старинной русской литературы, издаваемых графом Григорием Кушелевым-

¹ Все ссылки на роман «Братья Карамазовы» даются по изданию: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 10 томах, тт. 9, 10. Гос. изд. худож. литературы, М., 1958 (курсивом обозначен номер тома, прямым — страница).

² Слово «стихи» Достоевский ставит в кавычках, обозначая этим определенный жанр (т. е. духовные стихи), а не стихотворные формы вообще.

³ «Хождение богородицы по мукам», не только упомянутое, но и пересказанное в «Братьях Карамазовых», имеет важное значение для понимания романа в целом. Этот апокриф дан среди настойчивых мотивов, относящихся к Богородице вообще. Но говорить об этих мотивах и их особом, самостоятельном значении я здесь не буду. В данном случае «Хождение богородицы по мукам» более важно в своей служебной, не основной роли в романе.

⁴ *Пыпин А. Н.* Древняя русская литература. Старинные апокрифы. Сказание о хождении богородицы по мукам. — Отечественные записки, СПб., 1857, № 11. С. 350.

Безбородко»¹. Здесь уже упомянуты грешники, мучающиеся в огненной реке², и тьма кругом, и скрежет зубов. «И рече Михаил к богородицы: “аще ся кто затворит во тмѣ сей, нѣсть памяти о нем от бога”»³. Это те самые слова, которые, восхищаясь, приводит Иван. Публикация не сопровождается какими бы то ни было историко-литературными объяснениями, так что о переводном характере памятника здесь ничего не говорится.

В 1863 г. «Хождение богородицы по мукам» было опубликовано Н. Тихонравовым во втором томе «Памятников отреченной русской литературы»⁴, как и у Кушелева, среди других апокрифических сочинений. В предисловии к этому изданию Н. Тихонравов указывает на распространенность этого памятника на Руси в «нескольких, не зависимых друг от друга редакциях»⁵. Русское «Хождение богородицы по мукам» в сборнике Тихонравова удерживает мотив страдания грешников в огненной реке, о которых «забывает бог»⁶.

Наконец, одна из редакций апокрифа была дважды опубликована И. И. Срезневским: один раз в «Известиях императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности»⁷, другой — в «Древних памятниках русского письма и языка (X—XIV веков)»⁸. Публикации Срезневского интересны прежде всего тем, что русский текст «Хождения» здесь дается параллельно с греческим текстом (вспомним слова Ивана: «конечно, с греческого»). В списке Срезневского (вообще несколько поврежденном: есть пропуски) тоже говорится об огненной реке и тьме кромешной, в которой «затворены» некоторые грешники, и, так же как и в других редакциях, «рече Михаил к богородицы: аще ся кто затворит в тмѣ сей, нѣсть памяти о нем от бога»⁹.

Трудно сказать, какая из перечисленных публикаций имелась в виду Достоевским, когда он вводил этот апокриф в свой роман. Не исключено, что все они, или почти все, были ему известны.

Чтобы покончить с кругом сведений относительно публикации «Хождения богородицы по мукам», приведу одну, как мне кажется любопытную, параллель. В статье Ф. И. Буслаева «Русская поэзия XVII века», где текст «Хождения» приведен по болгарскому источнику, об этом апокрифе говорится: «Как ни баснословны подробности этого сказания, нельзя, однако, с

¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3. СПб., 1862. Текст «Хождения...» публикуется здесь по рукописи ГПБ, XVII, 0-82, 1602 г., лл. 45–57, с вариантами из рукописи ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 12 (2023), конца XII — начала XIII в., лл. 30–38.

² То обстоятельство, что Иван вместо огненной реки, которая дается во всех редакциях «Хождения...» без всяких исключений, говорит об огненном озере, мне представляется не случайным, но соображения на этот счет лучше привести в другом месте.

³ Памятники старинной русской литературы..., вып. 3. С. 122.

⁴ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863. С. 23–39. Текст памятника публикуется здесь по пергаменной рукописи XII в. Троице-Сергиевой лавры, № 12, лл. 30–38, и сербской рукописи XV в., принадлежавшей проф. Б. И. Григоровичу, лл. 20–32 об.

⁵ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. I. М., 1862. С. X.

⁶ Там же. Т. II. С. 27.

⁷ ИпоРЯС. Т. X, СПб., 1861–1863. С. 551–578.

⁸ Срезневский И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПб., 1863. С. 204–217.

⁹ Там же. С. 213.

точки зрения поэтической, безусловно отвергать его значение в нравственном развитии масс народа. В отношении поэтическом оно заменяло им то, что итальянцам дал великий флорентинец в своей “Божественной Комедии”. Было бы смешно предположить, чтоб кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать эти два поэтические произведения; но никто не может отрицать, что оба они одинаково могли действовать на фантазию наивной эпохи... На стороне Данта остается только то, что приобретено было Западом еще в XIII веке и чего у нас не доставало даже в начале XVIII, то есть общечеловеческое просвещение, воспитанное веками и получившее в поэме Данте высокохудожественную форму»¹.

Упоминание Данте в связи с «Хождением богородицы по мукам» и тот контекст, который его окружает, характерны, и явная (полемическая) перекличка слов Ивана на этот счет в его «литературном предисловии» со словами Буслаева представляется не случайной. Поздней мысль Буслаева почти дословно повторил Сахаров, подчеркнув широкое распространение и популярность этого апокрифа: «Было бы смешно предположить, чтобы кто-нибудь вздумал безусловно сравнивать это произведение с Дантовой поэмой; но нельзя отрицать того, что в отношении поэтическом оно заменяло для русской массы то, что итальянцам для своего народа дал Дант в своей поэме. Благодаря своим поэтическим достоинствам “Хождение” было особенно распространено в древней Руси; оно имело влияние на народную поэзию как русскую, так и других славян»². Здесь же автор указывает на духовные народные стихи из сборников Киреевского, Варенцова и Бессонова, в которых влияние апокрифа выразилось наиболее сильно³. О популярности «Хождения» говорил в свое время и Пыпин в упомянутой статье «Отечественных записок»: «Хождение богородицы», вообще апокрифы о конце мира, загробной жизни, странном суде и антихристе были излюбленным народным чтением⁴. Это обстоятельство подтверждается и поздними фольклорными записями подобного рода произведений — того же «Хождения богородицы по мукам».

Замечания о распространенности «Хождения» в древней Руси, близости этого апокрифа каким-то существенным моментам народного мирозерцания (о чем свидетельствует усвоение апокрифа народным стихом) имели для Достоевского серьезное значение: ведь в «Братьях Карамазовых», да и в других более ранних романах — «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке» — Достоевский стремился ориентироваться не просто на христианскую сумму идей, но на их народную адаптацию. Характерно, что поздний Достоевский (и в «Братьях Карамазовых» можно уследить даже определенную закономерность и последовательность в этом смысле) почти всегда предпочитает канонизированной христианской идее ее обмирщенный вариант.

Вернемся к «Великому инквизитору». Закончив свой пересказ «Хождения», а вместе с тем и свое «литературное предисловие», Иван говорит:

¹ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. СПб., 1861. С. 496.

² Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 198.

³ О списках «Хождения» на Западе см.: там же. С. 193.

⁴ Пыпин А. Н. Древняя русская литература. ... С. 353.

«Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время» (9, 310). Таким образом, Иван ставит выдуманную им поэму в круг средневековых апокрифических повестей, «стихов» и сказаний. Его поэма и есть апокриф, «ложность» и «отреченность» которого одним обозначением жанра герой невольно, но сразу же указал, а автор в дальнейшем более детально аргументировал.

Какого же рода апокрифы соотносятся с поэмой «Великий инквизитор», уж если эта поэма стоит в их ряду? Тут же скажем, что это не «Хождение богородицы по мукам», которое в данной связи есть только знак жанра собственного произведения Ивана.

Содержание поэмы Ивана определяет круг соотносящихся с ней апокрифов довольно четко — это апокрифы о конце мира и явлении антихриста.

Характерно, что одна из редакций апокрифа «Прение господне с дьяволом», опубликованная Н. Тихонравовым во II томе «Памятников отреченной русской литературы», начинается с трех искусовых вопросов Христу в пустыне (вопросов, имеющих чрезвычайное значение в «Великом инквизиторе»), а кончается пророчеством о последних днях и судьбах мира: «И озрѣвся диявол... и рече: “Господи! а се что! не погуби меня”. И рече господь: “Не погублю тя, дияволе! но еще тебѣ даю царствовати на земли 3 лѣта, но на конецъ вѣка”»¹.

Я ставлю в связь с апокрифами эсхатологического свойства настоящий мотив прошедших пятнадцати веков до появления Христа в поэме Ивана. Герой говорит, что действие его поэмы происходит в XVI в., затем повторяет: «Пятнадцать веков уже минуло тому, как он (Христос. — В. В.) дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: “Се грядущи скоро”» (9, 310). И дальше в словах Инквизитора: «...свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад... Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой...» (9, 315); «...теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что все в этих трех вопросах (имеется в виду искушение в пустыне. — В. В.) до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более» (9, 317).

В самых разных эсхатологических сочинениях, опирающихся на канонические тексты, конец мира приурочивался к окончанию 7-й — началу 8-й тысячи лет от его сотворения, т. е. к концу XV века. По распространенным в свое время верованиям, в семитысячном году (1489) ожидалось пришествие антихриста и затем трехлетнее его царство².

То обстоятельство, что Иван относит действие своей поэмы к XVI, а не к XV в., понятно. В XVI в. реформация охватывает Европу: «Огромная звезда, “подобная светильнику” (то есть церкви) “пала на источники вод, и стали они горьки”» (9, 311). В XVI в. возникает орден иезуитов. И то, и другое было важно Достоевскому в общей системе его художественной

¹ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 288; см. также: с. 284–285. Ср.: Слово о Иисусе Христе. — В кн. Памятники старинной русской литературы..., вып. 3. С. 87.

² См. об этом: Сахаров В. Очерк происхождения и развития эсхатологических идей и образов на Востоке, переход и влияние их на народное религиозное мирозерцание в древней Руси. — ЧОЛДП, М., 1879, № 2, отд. II. С. 113. Здесь же дается и литература на эту тему.

мысли. Но указание на XVI век есть дань истории, так сказать, реализму, а настойчивое повторение прошедших пятнадцати столетий есть указание на литературную (впрочем, не только литературную) традицию и фантастическое. «...тебя... разбаловал современный реализм, — говорит в начале своей поэмы Иван Алеше, — и ты не можешь вынести ничего фантастического... Но не все ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? Тут дело в том только, что... надо высказаться...» (9, 314).

Следует упомянуть, что хотя кончину мира на Западе и в России предполагали в XV в. (по всем предсказаниям и расчетам), но как только эти расчеты не оправдались, ее стали ждать в 8-е тысячелетие, в следующем, XVI веке. Ожидания даже усилились в это время в связи с нападками католиков на православие и введением унии на юго-западе России. Православные, как и протестанты, называли папу антихристом, считая, что время его наступило¹.

Отнесение действия поэмы в XVI век и настойчивое упоминание XV столетия на единственный (но характерный) намек на то, что поэма, хотя и приурочена к прошедшему, на самом деле пророчествует о будущем (так, как это будущее хотел бы видеть Иван). Среди косвенных свидетельств на этот счет, помимо анахронизмов (их отмечает Розанов в своей книге «Легенда о Великом инквизиторе»²), важны многочисленные цитаты из Апокалипсиса Иоанна, повествующего о конечных судьбах мира и втором пришествии Христа, но главное то, что в самой поэме Ивана в сущности об этом втором (лишь предстоящем) пришествии и говорится.

Имел ли в виду эту параллель Иван, автор «Великого инквизитора»? По-видимому, нет. Он даже прямо говорит Алеше: «О, это конечно было не то сошествие, в котором явится он (Христос. — В. В.), по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной...» (9, 312). Иван отмечает эту параллель, в частности, потому, что в сознании его единственного слушателя, Алеши, неизбежно возникли бы нежелательные для автора поэмы ассоциации, компрометирующие то, что Ивану хотелось бы восславить. Но по воле автора романа эти ассоциации должны возникнуть у читателя: отчасти вследствие того, о чем выше уже говорилось, отчасти же и по другим причинам, — идущим как бы из существа дела, как бы объективно.

Почти во всех апокрифических памятниках, повествующих о втором пришествии Христа, и в массе народных стихов на эту тему говорится о том, что это второе пришествие наступит вслед за царством антихриста. Это царство по ряду обстоятельств (каких именно и почему, здесь не важно) увязывалось с Римским царством. В картине страшного суда, как она представлена в русских подлинниках, изображается среди прочего ангел, который показывает Даниилу «четыре царства погибельных: первое Вавилонское, второе Мидское, третье Персское, четвертое Римское, еже есть антихристово»³. Некоторые эсхатологические сочинения, восходящие ко II в.,

¹ См. об этом: *Невоструев К.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1968. С. 101.

² *Розанов В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. Изд. 3-е. СПб., 1906.

³ *Буслаев Ф. И.* Изображение страшного суда по русским подлинникам. — В кн.: *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. СПб., 1861. С. 135.

само имя антихриста соединяют с латинянами и Римом на том основании, что оно передает апокалиптическое «число зверино» — 666 (Апокалипсис, XIII, 18): «...имя тут по-латыни (т. е. латынянин. — В. В.) имеет число 666, и весьма вероятно, потому что последнее царство (римское. — В. В.) носит это название»¹. С XVI в., как говорилось, в сознании православных и протестантов имя антихриста и его царство прочно увязывались с папой и католичеством. Князь Мышкин обнаруживает осведомленность в такого рода заключениях и свидетельствах, когда в гостинной Епанчиных в речи своей заявляет: «Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же обогланного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас!»².

Главный герой поэмы Ивана — Великий инквизитор. За этой фигурой стоят Рим, католичество, иезуиты. Великий инквизитор, как и антихрист, с дьявольской помощью созиждет себе царство. «...мы взяли от него (т. е. дьявола. — В. В.) Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и доныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию... Долго еще ждать завершения его, и еще много выстрадает земля, но мы достигнем и будем кесарями и тогда уже помыслим о всемирном счастье людей» (9, 323).

Непомерное властолюбие и гордыня, жажда поклонения и рабских восторгов в равной степени отличают и героя эсхатологических сказаний, и Великого инквизитора. Получив власть и царство, антихрист, как говорится в одном из апокрифов, «умножит знамения ложная (т. е. чудеса. — В. В.), людем во всѣм восхваляющим его, мечтании ради (т. е. опять-таки из-за чудес. — В. В.), воззовет гласом крѣпким...: разумеите людие, колѣна, языци, мою великую власть и силу, и крепость моего царства, кто силен, якоже аз; кто бог велии развѣ мене; кто власти моей съпротиво станет; представит горы пред очима зрящих, шествует по морю немокрыми стопами, сведет огонь с небес...» и т. д.³.

Всеобщее поклонение, которое поначалу окружает этого не то дьявола, не то человека, действующего по наущению дьявола⁴, и впрямь доходит до трепета и идолопоклонства. «И мнози, — как повествует другой апокриф, — учнут вѣровати в него и богом звати его»⁵. Сравните с этим слова Великого инквизитора: «Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов...» (9, 318). Уже и теперь (а не где-то в отдаленном будущем) народ «до того... приучен, покорен и трепетно послушен... что толпа немедленно

¹ *Лионский Иринея*. Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Пять книг против ересей. М., 1868. С. 665.

² *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М., ГИХЛ, 1957. С. 614–615.

³ *Невоструев К.* Слово святого Ипполита об антихристе... С. 205. См. также: *Срезневский И. И.* Сказания об антихристе в славянских переводах... СПб., 1874, отд. II. С. 41. Имеются параллельные мотивы и в других списках, публикуемых здесь Срезневским. Ср. также: *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 265 («Слово Мефодия Патарского»).

⁴ В эсхатологических памятниках антихрист — то «орудие» и «жилище» сатаны, то сам дьявол.

⁵ *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 264.

раздвигается...» или «моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли» по одному лишь слабому мановению этого старика (9, 313).

Ужас и страдание, «скорбь» и «туга»¹, голод и жажда начнутся в царстве антихриста. И многие люди, как говорится в апокрифах, «тесноты ради пищины» (т. е. из-за хлеба) придут к антихристу и «поклонятся ему»².

Здесь нет надобности входить в детальное сопоставление поэмы Ивана с крутом повестей и сказаний об антихристе и конце мира. Достаточно отметить только, что такое сопоставление могло бы быть очень пространным: так много соотносящихся друг с другом мотивов. К некоторым из них мы ниже вернемся. Сейчас важнее подчеркнуть отличие. Ни в одном из эсхатологических сказаний, ни в одном из народных стихов на эту тему ничего не говорится о любви «отступника»³ к людям. В поэме о Целиком инквизиторе этот мотив является постоянным и важнейшим. «Иль тебе дороги, — говорит Великий инквизитор Христу, — лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые» (9, 318).

Вслед за многими другими исследователями «Братьев Карамазовых» я считаю, что в связи именно с этим обстоятельством (т. е. любовью, даже одержимостью этим чувством любви, Великого инквизитора к людям) находится конец поэмы — поцелуй Христа.

В апокрифических сочинениях говорится, что когда наступят дни последней скорби и исполнятся, наконец, «времена и сроки», придет Христос и убьет антихриста «дыханьем уст своих»⁴. А в поэме Ивана Христос целует Великого инквизитора: «...он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста.

Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит ему: “Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!”. И выпускает его на “темные стогна града”. Пленник уходит.

— А старик?

— Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее» (9, 330).

Не за эту идею, как здесь совершенно ясно, целует Христос Великого инквизитора, а за его сердце, хотя и безумно, хотя и на свой лад, но любящее человечество. Любовь же (и эта мысль проведена в романе сознательно, последовательно и без всяких уклонений) есть дело божье. Вот почему поцелуй Христа есть не только признание Великого инквизитора, как, может быть, хотел Иван, но (это никак нельзя опускать) и приговор ему. Целуя

¹ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 225, 277.

² Там же. С. 265; Невоструев К. Слово святого Ипполита об антихристе..., С. 206; Срезневский И. И. Сказания об антихристе... С. 42.

³ Понятие «отступник» идет из представления, разделяемого почти всеми сочинениями об антихристе, что он явится сначала кротким и смиренным, богобоязненным и христоролюбивым (ср. с Великим инквизитором. — 9, 328) и лишь впоследствии обнаружит свою злую и антихристову сущность.

⁴ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 226 («Слово Мефодия Патарского»); Невоструев К. Слово об антихристе... С. 220.

этого своего «отступника» и богоборца, сознательно идущего путями дьявола, Христос, если пользоваться выражением древних памятников, «убивает» его «дыханьем уст своих», ибо отмечает свое и божье в душах тех, кто против бога выступает; он обесмысливает тем самым их бунт. Но вот это последнее обстоятельство имеет в виду не Иван, автор «Великого инквизитора», а Достоевский, автор «Братьев Карамазовых», потому что оно становится ясным не из контекста придуманной героем поэмы, а из контекста всего романа, в который эта поэма помещена¹.

Заметим, что не только Христос целует Великого инквизитора, но и Алеша целует Ивана, и его поцелуй несет тот же двоякий смысл, что и поцелуй Христа. Напомним, что когда Алеша это делает, Иван кричит с «каким-то восторгом»: «Литературное воровство!.. это ты украл из моей поэмы!» (9, 331). Но для «восторга» Ивана немного оснований; и если связь Алеши с Христом никак не может унижить героя, то о сближении Ивана с Великим инквизитором этого сказать нельзя. Фигуры антихриста и дьявола возникают при этом в сознании читателя рядом с фигурой Ивана.

Здесь я хочу еще раз вернуться к кругу апокрифических сказаний. Обычно они повествуют о том, что в последние дни царства антихриста бог пошлет на землю своих пророков Илию и Еноха (иногда к ним присоединяется Иоанн Богослов) «на обличение съпостату... и обличит прѣльст его, и покажут его лъжа прѣд всѣми человеки, и ничѣсоже суща»², за что тот в гнев своем убьет святых (иногда добавляется, что это произойдет в церкви: «...посѣчет Илию и Еноха в церкви. И мнози повествуют, будто от Илиины и Еноховы крови загорится земля. Но нѣсть тако»)³.

Обличение антихриста Илией и Енохом и убийство того и другого встречаются чаще всего как в апокрифах, так и в народных стихах на эту тему. В «Вопросах Иоанна Богослова господу на горе Фаворской» Господь, однако, говорит: «тогда пошлю Еноха и Илию на обличение его, покажет лжасуща и преступника и тогда убьет Илию на жертвеннице и якоже прежде пророк рече Давыдовы»⁴. Здесь антихрист убивает только Илью⁵. В духовном стихе, посвященном Илье пророку, только он и называется в качестве предшественника Христа во втором пришествии:

¹ Мотивы божьей природы любви вынесены за пределы поэмы, равно как и противостоящие им мотивы дьявольской природы всякого зла и нечестья.

² Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 226 («Слово Мефодия Патарского»); см. также другие редакции этого «Слова»: С. 247, 267, 281. См.: Невоструев К. Слово об антихристе... С. 68; Сказание Иоанна Богослова. — В кн.: Срезневский И. И. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868. С. 408.

³ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. С. 267 («Слово Мефодия Патарского»), 167, 184 («Вопросы Иоанна Богослова господу на горе Фаворской»).

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Веселовский А. Н. писал о том, что в греческих текстах апокрифических «Вопросов Иоанна Богослова господу на горе Фаворской» Енох и Илия обличают антихриста в лжи и преступлении и оба убиваются им, «тогда как славянский текст сообщает (вероятно, по забвению) лишь о смерти Илии» (см.: Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. Приложение к XX тому Записок имп. Акад. наук, СПб., 1883. С. 335; Сахаров В. Эсхатологические сочинения и сказания... С. 124.

*О Илие славны!
Илие велик пророче,
Пред пришествием вторым предотеча...¹*

Строки эти идут в качестве рефрена и потому все время здесь повторяются. В некоторых народных стихах на тему конца мира (обычно начинающихся важным для нас в данном случае стихом: «Пречудная царица богородица»; ср. упоминание богородицы в начале «Великого инквизитора») Илья тоже как бы особым образом выделяется:

*Тогда² сам господь о грешных сжалуется:
Сошлет пророков неживых...
Сойдет Илья, божий пророк, и Онов³, божий пророк.
Начнут пророки пророчествовати...*

Антихрист велит их побить:

*Отступят от них святые ангелы,
Приступят к ним все бесы темные,
Побьют они Илью, божьего пророка⁴.*

В другом варианте этого же стиха (Бессонов, № 483) Бог посылает на землю только Илью: «Он сошлет Илью пророка с небес на сыру землю...» и, естественно, только Илья и побивается потом антихристом⁵. Этот, последний вариант заимствован Бессоновым у П. Якушкина и был напечатан в «Летописях русской литературы и древности, издаваемых Н. Тихонравовым» (Т. I, М., 1859. С. 148); затем в 1860 г. при публикации собрания народных песен П. Якушкина в «Отечественных записках» (тт. 129—133), а затем каждый раз, когда это собрание выходило отдельной книжкой. (В известном сборнике В. Варенцова в стихе, посвященном этой же теме, имена пророков — обличителей антихриста — не названы⁶.)

Илья пророк как обличитель антихриста может особо выделяться или не выделяться, но всегда, когда пророки именуются, он (а не Енох и не Иоанн) упоминается непременно. По-видимому, это предпочтение находится в ближайшей связи с популярностью этого святого на Руси и вообще во всем восточном христианстве. «Илья, — пишет А. Н. Веселовский, — принадлежит к популярным святым всего восточного христианства. Храмы его имени, его культ встречаются или встречались всюду, куда ни проникало, надолго или временно, восточное церковное влияние: в Греции и Румынии, в Сицилии и Южной Италии и на Кавказе, у южных славян и на Руси, где

¹ Бессонов П. Калеки переходные. Вып. 3, М., 1861, № 200. С. 768; см. также следующий вариант Киреевского, № 201.

² Т. е. в последнее, антихристово время.

³ Онов, т. е. Енох; народный стих называет его также Онофрием, Онохрием.

⁴ Бессонов П. Калеки переходные, вып. 5. М., 1863, № 482. С. 149; см. также вар. № 484.

⁵ Там же. С. 154.

⁶ Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 154. 20 Тр. отд. древнерусской литературы. Т. XXVIII.

еще при Игоре существовала церковь во имя пророка. Его праздник (у нас и пятница, ему предшествующая) соблюдался свято...»¹.

Мне предоставляется несомненной соотнесенность имени Илюшечки и роли данного героя в «Братьях Карамазовых» с именем и ролью этого святого. В другом месте и на другом основании (не в историко-литературном плане, а в плане поэтики) мне уже приходилось писать о том, что Илюшечка Снегирев и вся его история с отцом и Митей служат самым решительным аргументом автора против богоборческих и философских построений Ивана, как они выразились в главах «Бунт» и «Великий инквизитор»². Здесь я только их кратко повторю.

Иван начинает свой бунт из-за слез хотя бы одного ребенка. Он приводит факты страдания детей и заключает свое рассуждение той мыслью, которая предшествует его поэме и которую я привела вначале: безнравственно быть архитектором здания человеческой гармонии, если в основании этого здания лежит замученный ребенок. По мысли Ивана, именно Бог и является таким архитектором («Бунт»). Вслед за отрицанием Иван развивает собственную положительную программу («Великий инквизитор»). Но вот по этой программе неизбежно должны страдать взрослые, а стало быть — отцы. Вспомним сотню сожженных еретиков в один только день *ad maiorem gloriam Dei* (9, 312), нелестные высказывания о взрослых в главе «Бунт»³, отношение Ивана к взрослым, которые его окружают (к отцу, Мите, Грушеньке, Катерине Ивановне, пьяному мужичонке, Максиму, приставу на суде и т. д.), вспомним его роль в «катастрофе», происшедшей с его отцом Федором Павловичем. Вот это-то обстоятельство и служит обличению героя.

Дело в том, что Илюша, который, казалось бы, по всем признакам должен был «восполнить число» в коллекции Ивана, страдает не за себя, а за ничтожного и жалкого шута, своего отца. Картина страдания этого ребенка за оскорбление и унижение его отца, штабс-капитана Снегирева, выписана Достоевским вполне красноречиво. Он «один против всех, — рассказывал штабс-капитан Алеше, — восстал за отца. За отца и за истину-с, за правду-с. Ибо, что он тогда вынес, как вашему братцу руки целовал и кричал ему: “Простите папочку, простите папочку” — то это только бог один знает да я-с» (9, 258). С этого дня, как говорится в романе, и начинается смертельная болезнь Илюши.

Итак, Илюша страдает (и умирает) за отца, а именно им, отцам, несет страдание и гибель положительная программа Ивана, его способ устроения всеобщей гармонии. Страдание и гибель отцов означают страдание и гибель детей — вот мысль Достоевского, и история Илюши ярче, чем другие факты романа, свидетельствует об этом. Поскольку в романе страдание отцов неизбежно означает и страдание детей, именно Иван, сам того не разумея, становится архитектором здания, в основании которого лежит замученный ребенок. «Что ты, Иван, что ты? — сказал как-то в горе и изумлении Алеша, — ...ты обижаешь ребенка!» (10, 116). Так высказанную Иваном мысль

¹ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха... С. 347.

² *Ветловская В. Е.* Отношение автора к речи персонажей («Братья Карамазовы» Достоевского). — ИОЛЯ. Т. XXVIII, М., 1969, вып. 4. С. 327–329.

³ Например: «Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял...» (9, 304).

автор обращивает против сказавшего. Взрослые и дети неразрывно связаны в романе. Вот почему того же Илюшу (и это очень важно, что Илюшу) Коля Красоткин называет «старик» (10, 43 и сл.), а штабс-капитан, видя мертвого своего мальчика, «полоумно» восклицает: «батюшка, милый батюшка!» (10, 329).

Илюша заключает в себе взрослого и ребенка и, в отличие от Ивана, разрывающего живую связь вещей, демонстрирует ее невольно и органично. Этот герой, Илюша, история его страдания и смерти свидетельствуют, по мысли автора «Братьев Карамазовых», против богоборческой проповеди Ивана. В этом же смысле я истолковываю и сцену, которая мне представляется символической, — сцену прощания и как бы завещания умирающего Илюшечки, когда он крепко и навсегда соединяет ребенка и взрослого, Колю Красоткина (характерно, что именно Колю) и своего отца: «— Папа, папа, поди сюда... мы... — пролепетал было Илюша в чрезвычайном возбуждении, но, видимо не в силах продолжать, вдруг бросил свои обе худальные ручки вперед и крепко, как только мог, обнял их обоих разом, и Колю и папу, соединив их в одно объятие и сам к ним прижавшись...

— Папа, папа! Как мне жалко тебя, папа! — горько простонал Илюша» (10, 67). На страданиях этого ребенка, окруженного ореолом святости, не должно, но как бы вынуждено строиться новое здание. Однако это не совсем то здание, о котором хлопотал Иван.

* * *

Сказанное здесь ни в коей мере не исчерпывает ни той темы, которая указана в названии моей статьи, ни даже того узкого аспекта ее, который я избрала. Но на этом можно остановиться. Повторяю, что в художественной структуре романов Достоевского за первым, конкретным планом и лицами рассказа встают, благодаря организованным, целенаправленным ассоциациям, другие планы и другие лица. В результате суэта и разорванность живой, современной автору жизни наделяются глубиной и силой, идущей от старины и предания. Этот поистине огромный, неисчерпаемый мир вместе с гуманистическим пафосом автора, который его создает и одушевляет, и дает нам великого Достоевского.

Александр ШАРИПОВ

СМЫСЛ КУЛЬТУРЫ ПО ТВОРЧЕСТВУ ИВАНА ИЛЬИНА

Александр Михайлович Шарипов — кандидат исторических наук, член СП России, сопредседатель Международного Ильинского комитета. После окончания ист. факультета работал на кафедрах истории, философии, в научно-изд. центре Главархива Правительства Москвы. Автор и составитель свыше 20 книг, в т. ч. биографических монографий об Иване Киреевском и Иване Ильине и неск. учебных пособий по истории России. Принимал участие в культурных мероприятиях и публиковался в периодических изданиях в России, на Украине, в Польше, Сербии, США. **Живет в Москве.**

Русский мыслитель Иван Александрович Ильин видел в культуре проявление смысла истории, в культуре как гармонизации личной души, природного и социального окружения. Ибо глубинная суть культуры — «продвижение к Божеству»¹. Понять это можно лишь исходя из истинного понимания сущности мира. Ильин напоминает: в средневековье, как и в античные времена, было понимание и уверенность, что «государство имеет религиозную задачу — служить своею властью Божьему делу на земле... В те времена человек, делая государственное дело, старался поднять свой взор к Высшему, к Богу, и делал, как мог, религиозно осмысленное дело»². «Религиозность есть прежде всего живая и искренняя воля к совершенству, — указывает Ильин, — а эта воля должна неизбежно захватить все существо человека и привести в движение все стороны его души, все сферы его деятельности. Настоящая религиозность оплодотворяет все духовные силы человека: и совестную культуру, и художественное творчество, и глубочайшие корни его правосознания, и его национальное самосознание, и его патриотическое чувство, и его государственное строительство»³. Весь широкий спектр человеческой деятельности — от семейных отношений и быта до организации государства и права, хозяйства и просвещения, науки и искусства — вполне может быть включено в понятие культуры, ибо творится челове-

¹ Ильин И. А. О тьме и просветлении // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996. С. 399.

² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 221.

³ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Том I // Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 18. Кн. I. М., 2002. С. 44.

ком определенного типа и уровня личной культуры¹.

Кому-то покажется странным утверждение, что культура и есть смысл личной и мировой истории. Если вдуматься, *что* есть экономика, становится понятным — материальное обеспечение полнокровной творческой жизни человека. Как пишет Ильин: «вся проблема хозяйства... есть проблема хозяйствующей души и ее верной мотивации, это есть проблема духа, строящего культуру, и его верных жизненных форм»². А что есть государство? Механизм правового и политического обеспечения жизни человека. Отсюда — предельно ясно, что культура как творческое саморазвитие человека через познание Божественной Гармонии Истины, Добра, Красоты и есть смысл личного

Портрет Ивана Ильина. Художник
Филипп Москвитин. Холст, масло. 2010 г.

и общественного бытия в историческом измерении. Но культура — как духовно-творческое устремление к гармонии личной души и окружающего мира, а не так, как понимают культуру в секуляризованном обществе — как сферу досуга и развлечений. При понимании духовно-религиозной сущности культуры и наций как ее особых творческих очагов с неповторимым творческим актом, становится понятной inferнальная сущность антирелигиозных и антинациональных революций, подрывающих и, в конечном счете, уничтожающих историческое задание человеческой цивилизации, энтелехию истории. Вот почему немалую часть своего творчества в эмиграции Иван Ильин посвятил раскрытию путей культуры как всесторонней деятельности человека — творчески-созерцательной, государственно-правовой, повседневно-бытовой.

Для глубинной сущности культуры Иван Ильин указывает на важность «четко различать культуру и цивилизацию... Культура *духовна, первична, творчески целенаправленна, органична*. Цивилизация *технична, вторична, размножаема, механистична, вещественно* и инструментально созда-

¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 401.

² Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 275.

ваема»¹. Культура есть «живое, духовное, творческое содержание, дорога наверх к святине, к совершенству человека»²; она касается внутреннего мира, «самого значительного в нем, святого, главного», и «пралогом культуры», является «глубокое, любящее, верное сердце»³.

Если культура укоренена в духе бытия, и для нее главный вопрос «что?» — что есть бытие и в чем его смысл, то «цивилизация всегда имеет дело с вопросом “как”?»⁴. «Цивилизация есть забота земного “как”?» — инструмента, сосуда, материального техницизма и душевной формы»⁵, — пишет мыслитель. Она есть развитие внешнего, полезного, материального: сама по себе цивилизация не есть ни культура, ни ее отсутствие — «к духовным ценностям она индифферентна»⁶.

К тому же культура, не всегда есть признак цивилизации, как и цивилизация — не всегда признак культуры. Народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах культуры переживать эпоху упадка⁷. Нация может встать на ложный и обреченный путь «*больной цивилизации*», творя «*культуру без сердца*», которая уже не будет культурой, но антикультурой⁸. В частности, отмечает Ильин, «сверхцивилизованный человек может пройти свой жизненный путь бессердечной тварью» и не создать культуры, что им относится к состоянию современного мира, больного «*безрелигиозной цивилизацией*»⁹. Таким образом, ученый ясно разделяет в историческом процессе явления, строящие цивилизацию и творящие культуру.

* * *

В 1932–1933 гг. в газете «Возрождение» был опубликован цикл из шести статей Ивана Ильина «Что такое искусство», позже составивших часть его главного исследования по теории культуры «Основы художества. О совершенном в искусстве»¹⁰. В фундаментальном труде ученый раскрывает свое видение истоков и смысла культурного творчества человека, непрестанно напоминает о духовной и нравственной ответственности художника за свое творчество. Иван Шмелев считал это исследование Ильина настоящим методическим пособием для всех деятелей культуры, ибо оно «вводит в лабораторию искусства и учит, *как* надо творить высокое искусство, —

¹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 590. Так, Ильин пишет: «Россию с ее цивилизацией веками разрушали, потрясали, превращали в руины, тормозили, сдерживали, и потому русский народ заботился о внутренней культуре» (Там же. С. 592).

² Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 592.

³ Там же. С. 590.

⁴ Там же. С. 591.

⁵ Там же. С. 592.

⁶ Там же. С. 591.

⁷ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1. М., 1993. С. 300.

⁸ Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 392.

⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. С. 590.

¹⁰ См.: Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996.

дает его *законы*, вскрывает к нему пути»¹. В этом отношении книгу «Основы искусства» дополняют два сборника-дневника размышлений Ильина — «Искусство (1930–1933). Феноменология произведений искусства» и «Встречи и беседы»². Раскрытию смысла и путей культуры посвящена и книга Ильина «Основы христианской культуры», с которой перекликается его статья «Покой и радость в православном мировоззрении»³. В философских трудах мыслителя развивается теория культуротворческого акта, в том числе — специфика национально-русского духовно-творческого акта, имеющего коренное значение в ходе исторического формирования особенностей российской цивилизации.

По убеждению Ильина, созидание культуры — это путь самореализации человека, нации и человечества в целом в их земной жизни. Мыслитель говорит о тайне творчества: «Сила, которая хочет творить в нас, — не от нас: вот одна из последних тайн, о которых трудно, и не нужно, и кощунственно говорить»⁴. Творческая же сила в человеке — его дух, связанный с Абсолютным Духом. Вся человеческая культура — «много-личная» по субъекту и «сверх-личная» по своей ценности — возникла из личной духовности, из этой «первичной ячейки Духа, которая именуется *духовной личностью*»⁵. Духовная жизнь человека — это не только религиозная вера, это — широкий спектр жизнедеятельности человека: познание, нравственность, искусство, правосознание, труд, хозяйственная деятельность⁶. Поэтому И. А. Ильин предъявлял высокие требования ко всей жизнедеятельности человека, в особенности же к искусству, воспитывающему человека как духовную личность. К своему же творчеству он относился как к великому духовному заданию: «Я не могу изменить своего максимального отношения к тому, что пишу; не в том смысле, чтобы всякое, написанное мною слово, считалось за перл создания; но в том, чтобы я мог согласиться на то, чтобы ответственность за не-мои мысли и не-мои слова ложилась на меня (точнее: испытывалась мною, как лежащая на мне)»⁷.

Гармонизировать окружающий хаос — так определяет И. А. Ильин задачу культуры. И задача эта по силам только духовной личности. Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире — в природе и в общественности. Грубая и своевольная, жадная и упрямая, с порочными и разнузданными страстями, она бессильна создать технику и организовать хозяйство; тем более не способна она строить здоровую государственность и творить духовную культуру. Духовно разлагающаяся душа не созидает и не властвует; она рабствует своим страстям и через них беспомощна перед лицом материи⁸. «Мышление человека творчески создает культуру не тогда, когда оно прилепляется к чувственному и материальному», но только тогда,

¹ Шмелев И. С. Книга о вечном // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 413.

² См.: Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). Т. 12.

³ См.: Ильин И. А. Собр. соч. Т. 1; Там же. Т. 6. Кн. III.

⁴ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич 15/02.02.1911. Т. 11. С. 44.

⁵ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 275.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Ильин И. А. Письмо к Л. Я. Гуревич 05.01.1913 // Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). Т. 11. М., 1999. С. 75.

⁸ Ильин И. А. Проблема современного правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). Т. 14. С. 446.

когда оно способно подниматься от конкретного чувственного к крылатому и интуитивно насыщенному отвлечению, сосредоточиваться на *духовных* содержаниях, пребывать в них, созерцать их и познавать их»¹. «Как бы ни было велико значение материального фактора в истории, — пишет Ильин, — с какою бы силою потребности тела ни приковывали к себе интерес и внимание человеческой души — дух человека никогда не превращается и не превратится в пассивную, недействующую среду, покорную материальным влияниям и телесным зовам. Его призвание — власть над материей; его задача — подчинить ее и организовать ее служение духовным целям»². Смысл жизни в том и состоит, чтобы люди преодолевали «хаотическую пыль случайных единичностей и проникали к субстанциональной ткани», строили гармонию окружающего нас миропорядка, т. е. творили культуру³.

«Только духовный опыт — опыт, открывающий человеку доступ к любви, совести и чувству долга, к праву, правосознанию и государственности, к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии, — только он может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить»⁴. Ученый пишет об «аксиоме жизни»: «Жизнь вообще имеет смысл и может совершенствоваться только тогда, когда бережется и растится качество; нет его — и гибель становится неминуемой. А качество творится и обеспечивается прежде всего и больше всего *культурой личного духа*»⁵. Каждый человек призван «вчувствоваться» в тот «единственный источник света», который осветит ему путь жизни и придаст ей осмысленность, сделает его сотворцом культуры⁶. Ибо на самом деле жизнь человека есть не игра естественных сил и не беспринципная борьба за существование, но *творческий процесс*, протекающий *пред лицом Божиим*, и при участии *божественных сил*, живущих в человеке». «Жить значит сочетать, соединять подлинную *ценность* с подлинною *силою*; придавать объективно-ценному природу силы и сообщать силе значение объективной ценности и правоты; иными словами: осуществлять *ценность*, как *побеждающую силу*, и осуществлять силу, как *духовную ценность*»⁷. В жизни «самое важное в том, чтобы постоянно осязать свой собственный священный огонь как подлинное пламя Божие. Так — в молитве, в акте совести, в создании и восприятии прекрасного искусства и в излучении активной любви. Там, и только там — в по-смертии *откроются глаза*, а сейчас надо: *живой опыт единения с Ним и живое доверие к Нему*»⁸.

В подчинении человека внешнему воздействию обнаруживается незрелость его духа и неспособность к творческому созиданию. Культура не может возникнуть из внешнего чувственного опыта и только внутренний ду-

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 68.

² Ильин И. А. Проблема современного правосознания. С. 445–446.

³ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 434.

⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 69.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Там же. С. 434.

⁷ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. М., 1994. С. 55.

⁸ Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелеву 02.04.1946 // Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946). Т. 13. Кн. II. М., 2000. С. 398.

ховный опыт делает человекообразное существо воистину человеком, т. е. духовной личностью, способной творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство, потому что *«последняя основа всего этого, творческий первоисточник всей духовной культуры есть Божественное в нас, даруемое нам в откровении живым и благим Богом, воспринимаемого нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни»*¹. «Так называемое “светское” искусство — архитектура, скульптура, живопись, поэзия, музыка — может быть исполнена священным содержанием, молитвенным духом, религиозным видением. История человечества знает это явление: духом насыщенного и пророчески-водительного светского искусства, эти героические очаги религиозного созерцания в душах гениальных мирян и профанов. Дух Божий дышит и веет где хочет; там, где он находит чистое сердце, правый дух и искренний пламень»².

Культура творится личным духом. Человек есть «самодеятельный волевой центр», который «должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»³. Иван Ильин также отмечает: «Культура творится не сознанием, не рассудком и не произволом, а *целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа*, отыскивающего прекрасную форму для глубокого содержания; и, прежде всего, *инстинктом*», который «способен держать и творить *форму*, вынашивать глубокие замыслы, вдохновлять, любить и беречь культуру лишь постольку, поскольку он приобщен духовности в порядке *любви и веры*»⁴. «Каждое произведение искусства есть предложенная людям медитация; читатель, читая, медитирует тою святостью и мудростью или греховностью и мерзостью, которые художественно осуществились и развернулись в читаемом произведении. *Эстетический предмет* и есть то, что поэты и писатели предлагают людям для медитации»⁵. Велика ответственность таланта перед обществом: «Художник призван принять *вещь* в свою *душу* с тем, чтобы увидеть и показать другим *божественное*»⁶.

Мыслитель отмечает «скованность» художника законами трех уровней — материи (вещи), образа (души), предмета (духа, или Бога), указывает на внутреннюю связь эстетических уровней произведения искусства. За оболочкой материи и чувством образа скрывается дух произведения, несущий его смысловую нагрузку: *«художественное искусство есть всегда проявление духовности; а недуховное искусство вовсе не заслуживает этого имени*. Поэтому недуховный, духовно слепой подход к искусству приводит к его снижению и вырождению»⁷.

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 70.

² Ильин И. А. Основы художества // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 176.

³ Ильин И. А. О свободной лояльности // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 2. Наши задачи. Кн. I. М., 1993. С. 229.

⁴ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 290.

⁵ Ильин И. А. О тьме и просветлении // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. М., 1996. С. 203.

⁶ Ильин И. А. Искусство (1930–1933). Феноменология произведений искусства // Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). Т. 12. М., 199. С. 272.

⁷ Ильин И. А. Основы художества. С. 88.

Иван Александрович рассматривает и вопрос о христианском отношении к культуре. В Священном писании Нового Завета никаких прямых указаний на то, какова должна быть христианская культура, не содержится. Что же остается христианину? Отвергнуть культуру из христианских побуждений и предоставить ей гибнуть в слепоте, пошлости и разложении? Нет, считает христианский мыслитель, этого признать невозможно: «это значило бы исказить великий смысл Христова пришествия и перестать быть христианином»¹. И уточняет: «Тот “мир”, который отвергается религиозными аскетами, есть мир человеческой *пошлости*, а не мир природы; они называют “миром” — тот уровень переживаний, содержаний, отношений, интересов и удовольствий, который *бездуховен* и *противодуховен*, для всего Божественного мертв и слеп. Но мир, созданный Богом и данный человеку *в дар* и *в бремя*, *в задание* и *в одоление*, может и должен *переживаться духовно* и *религиозно* и подлежит приятию»². Богочеловек Христос, воплотившись, отмечает Иван Ильин, не отверг земной способ бытия, а «принял его и победил его», потому «и нам надлежит идти Его путем и творить Его дело, как волю Отца»³.

По убеждению мыслителя, «христианин призван... *вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани*. А это и значит создавать *христианскую культуру* на земле»⁴. Из данного нам «способа земной жизни вытекает множество неизбежных для нас жизненных положений, заданий и обязанностей, которые мы и должны принять, осветить и освятить лучом Христианского откровения», считает мыслитель: человечество призвано принять мир «как дар и как задание, как христианское средство, ведущее к христианской цели» — созданию христианскую культуру⁵. «И в приятии этого дара, в несении этого бремени, в разрешении этой духовной задачи и в одолении соответствующих искушений и соблазнов — повсюду ждут нас лучи Божий, повсюду ждет нас *радость приобщения к Свету*»⁶.

В понимании Ивана Ильина «религиозность есть живая первооснова истинной культуры»⁷. Более того, «всякая религия есть культура, даже самая наивная, самая примитивная»⁸. Современник Ильина Георгий Петрович Федотов писал: «Высочайший смысл культуры — богопознание и гимн Богу, раздвигающий храмовую молитву до пределов космоса»⁹. Культура есть внешнее (материальное, а также действенное) выражение внутреннего (духовного, идейно-нравственного, эстетического) состояния человека,

¹ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 291.

² Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Том II. [Т. 18. Кн. II]. М., 2002. С. 234.

³ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 313.

⁴ Там же. С. 291.

⁵ Там же. С. 313–314.

⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Том II. С. 234–235.

⁷ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 400.

⁸ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. С. 590.

⁹ Федотов Г. П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Сб. М., 1990. С. 448.

общества. Все национальные культуры в своей основе имеют религиозные истоки, которые и дают культуре своеобразие облика. Так Петр Чаадаев указывал на единую христианскую основу европейской культуры, благодаря чему «все народы Европы имеют общую физиономию»¹.

Иван Ильин отмечает, что христианство вовсе не отрицает мира: «Отринуть эмпирический мир, значит предать жизнь Идеи или оскудению, или самообману, ибо отринутое будет все-таки принято и использовано незаметным образом. Отринуть эмпирический мир, значит признать, что он не благ, что он чужд Божией силы и обречен своим злосчастливым путям»². Философ видит призвание истинного искусства в научении человеческих душ «входить в храм мировой мудрости и молиться в нем единому и единственному Богу»³. Более того, вся история христианства и есть, по мнению Ильина, не что иное, как «*единый и великий поиск христианской культуры*»⁴. Поиск христианской культуры выдвигал крайние учения: одни, готовые отвергнуть во имя Христа земную культуру и самый мир, в пределах которого она создается; и другие — принять слишком много земного и мирского, вплоть до утраты Христова Духа. Но христианская церковь всегда стремилась найти между этими крайностями некий средний, жизненно мудрый путь, который верно вел бы от Христа к миру — «укореняясь во Христе и творчески пропитывая Его лучами ткань человеческой жизни»⁵. На этом пути ныне необходимо утвердиться всякому, кто помышляет о созидании христианской культуры, считает Ильин.

Мыслитель указывает на исключительное значение, которое имело христианство в истории культуры: «оно внесло в культуру человечества некий новый, благодатный дух, тот дух, который должен был оживить и оживил самую субстанцию культуры, ее подлинное естество, ее живую душу. Этот дух был чудесным образом внесен во враждебную среду, иудейско-римскую, в атмосферу рассудочной мысли, отвлеченных законов, формальных обрядов, мертвющей религии, жадно-земной воли и жестоковейного инстинкта»⁶. Христианство внесло в мир великие благодатные творческие духовные дары. Дух христианства есть дух «*овнутренения*», согласно чему все внешнее, материальное, чувственное само по себе не имеет безусловной ценности и является лишь возможностью духа и совершенства: как бы незасеянным полем. Внутреннее, сокровенное, духовное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного. И это должно считаться аксиомой всякой культуры, считает Ильин, особенно же культуры христианской. Так нравственное состояние человека ценится не по его материальным последствиям и не по внешней пользе, из него проистекающей, но по внутреннему состоянию души и сердца человека»⁷.

Дух христианства есть дух любви, ибо «Бог есть любовь»⁸. Это означает, пишет философ, что «Христос указал в любви последний и безусловный

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 44.

² Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 218.

³ Ильин И. А. О тьме и просветлении. С. 203.

⁴ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 295.

⁵ Там же. С. 295.

⁶ Там же. С. 300–301.

⁷ Там же. С. 301.

⁸ Первое послание св. ап. Иоанна, IV:8.

первоисточник всякого творчества, а, следовательно, и всякой культуры», ибо культура творит и утверждает, «любовь же есть первая и величайшая способность — принимать, утверждать и творить»¹.

Дух христианства есть также дух созерцания, живого творческого содержания, а не формы и отвлеченных мерил, и дух совершенствования. И этот «дух овнутренения, дух любви, дух молитвенного созерцания, дух живого, органического содержания, дух искренней, насыщенной формы, дух совершенствования и предметного служения Божьему делу на земле, дух творческой силы» христианин должен принять и из него творить земную культуру².

Творение христианской культуры — «великое и претрудное, обязывающее и ответственное дело; и сущность его в том, чтобы *в меру своих сил усвоить Дух Христа* и творить из него земную культуру человечества»³. Создание христианской культуры есть задача, поставленная перед человечеством две тысячи лет тому назад и им не разрешенная. Эта задача и не может быть разрешена одною эпохою, одним народом, одним поколением, раз и навсегда, ибо *каждая эпоха и каждый народ* и каждое поколение должны стремиться к разрешению ее по-своему — по-своему достигая и не достигая: «*Проникнуться духом Христова учения и излить этот дух в свою жизнь и в мир вещественный* — вот та задача, раскрывающая всем и каждому великую внутреннюю свободу и великий творческий простор во внешнем мире»⁴. Христианам заповедано совершенство, и творческое строительство христианской культуры⁵. В понятие культуры ученый вкладывает широкий спектр человеческой деятельности: наука, искусство, государство и хозяйство — те «духовные руки», которыми человечество берет мир и созидает земную культуру. И задача христианства не в том, чтобы «изуверски отсечь эти руки», а в том, чтобы пронизать их труд изнутри живым духом, воспринятым от Христа⁶. В творении совершенной культуры, указывает Ильин, и заключается смысл человеческой истории.

Мыслитель отмечает еще один важнейший момент, без которого нельзя понять ни человеческую историю, ни культурное творчество. Он указывает на один из основных законов нашего мира — «все существа и все вещи *несовершенны* и должны *восходить к совершенству в борьбе и страдании*»: в действительности, «все, что есть хорошего, значительного, непреходящего, а особенно гениального и божественного в человеческой культуре, — все могло быть создано человеком только в страдании, все должно было быть заслужено и оправдано им»⁷. Всякое человеческое творчество возникает из лишений и из страдания и всякое создание культуры есть преодоленное и оформленное страдание человека⁸. «Без страдания, — отмечает созерцающий философ, — нам всем, и нашему достоинству, и нашему духу, и

¹ Ильин И. А. Основы христианской культуры. С. 302–303.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 299–300.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же. С. 299.

⁶ Там же. С. 316.

⁷ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 3. С. 306.

⁸ Ильин И. А. Путь к очевидности. С. 508.

нашей культуре пришел бы скорый и трагический конец»¹. «*Духовное терпение*» — та «великая сила личной и национальной жизни, без которой не возникла бы и не удержалась бы никакая культура»².

* * *

Русский мыслитель указывает на тупиковый путь бездуховной культуры, который ведет к гибели человеческой цивилизации. «Вся человеческая культура сокрушилась бы, если бы Дух Божий покинул ее», ибо «человек, отвергнутый и покинутый Богом, утрачивает свою творческую силу» и становится «бессердечною, безвдохновенною, жестокою тварью, бессильною в созерцании и созидании новых, совершенных форм»³. Когда в душах исчезает духовная очевидность, верное восприятие и переживание духовных предметов — истины, добра, красоты, права, тогда в обществе не остается безусловных основ, охраняющих его существование⁴. Ученый указывает, что в течение XVIII—XIX веков «просвещенное» человечество целенаправленно шло по этому пути отвержения духовной очевидности⁵. «Из поколения в поколение люди утрачивали не только религиозный акт, но и самое представление о нем; а утратив, разучились веровать и уже не понимали той великой силы и того значения, которые присущи вере во всяком культурном творчестве»⁶. В то время, когда «религия “просвещения” разуверилась в дьяволе; искусство стало браться с ним, воспевать его; жизнь отозвалась на все это *явлением сущего сатанизма*», тогда «Нищие нашел своих читателей и почитателей»⁷. Именно «когда дьявол исчез из протестантских исповеданий, ... им занялись с особенным вниманием *искусство и философия*», так «XIX век создал *демонию*»⁸.

«Секуляризация», «автономия» творческих сил души, их безрелигиозная жизнь привела «к бездуховности, к безбожию, к утрате религиозного опыта, к кризису и разложению культуры»⁹. Расшатав духовные основы своего бытия, современное человечество «заглушило в себе главную религietворящую силу духа — *сердечное созерцание* и растеряло свои святыни. Вследствие этого отмирает священная сердцевина его культуры: его жизнь становится бесцельна; его творчество утрачивает свои высшие цели; его благие цели становятся скудными и немощными; его влечения — низменными, необузданными и злобными»¹⁰. Ильин уверен, что современная культура вступила в величайший исторический кризис именно потому, что «человечество поверило уму, оторвало его от созерцания, превратило его в плоский рассудок и стало стыдиться своего сердца, считая его правлением “мечтательной глупости”».

¹ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. С. 331.

² Там же. С. 355.

³ Там же. С. 293.

⁴ Ильин И. А. О монархии // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. С. 444.

⁵ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Том II. С. 187.

⁶ Там же. С. 298.

⁷ Ильин И. А. О демонизме и сатанизме // Ильин И. А. Собр. соч.: Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 277.

⁸ Там же. С. 275.

⁹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Том II. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 46.

Холодный, черствый, высчитывающий ум и бессердечная, черствая, расчетливая воля презрительно отстранили *созерцающее сердце*, — эту *главную евангельскую силу*, — и стали строить культуру самостоятельно. Отсюда все бедствия наших дней»¹.

«Религия... живет духовной очевидностью; и если люди разлюбят этот дар, отвернутся от него, осмеют его и утратят его окончательно, то в их культуре умрет священная сердцевина, культура их перестанет быть духовной и прекратится, как культура, вообще»², указывает мыслитель. Поэтому, чтобы одолеть кризис общества и культуры, необходимо вновь «включение *созерцающего вчувствования* во все сферы культуры — в науку, в искусство, в воспитание, в мораль, в политику, в суд и в хозяйство. И прежде всего, и больше всего — в религиозность. Вот к этому акту созерцающего вчувствования и возвращает человека религиозный катарсис... Религиозное очищение вообще и в частности следование по «огням жизни» сообщит человеку... *дар сердечного созерцания*»³. И тогда в человеке вновь пробудится воля к Совершенству, которая и есть «основная сила духа и основное побуждение всякой истинной религиозности»⁴.

Дух есть «*потребность священного*» и «*главная основа здоровой государственности и великой культуры*»⁵. Поэтому задача общества, государства — созидание и защита культуры одухотворения человека. Поэтому «духовная и религиозная культура народа нуждается как в воздухе или хлебе в «*светских средоточиях духовности*» — университетах, библиотеках, музеях, выставках, театрах и концертах». «Все, что питает и воспитывает дух — не только церковное, но и светское, — *служит религиозному очищению душ*. Ибо души людей различаются по своим актам, потребностям и способностям; и там, где один почерпает молитвенное утешение в храме, другого религиозное умиление посетит при слушании художественной музыки, а третьего при изучении философической книги в национальной библиотеке. Дух должен веять на человека *отовсюду*»⁶.

Для мыслителя очевидно, что «в последнем и глубоком измерении искусство и религия делают единое и главное дело: дело *одухотворения бессознательного*, дело его обращения к Божественному, дело его умудрения и *преображения*»⁷. И для одоления смуты и беспочвенности окружающей действительности, мыслитель прежде всего требует «сердечного созерцания внутри культуры, в ее созидателях, от ее творцов»⁸. «Для обновления жизни надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе созерцающего сердца — всю науку, всю религию, все искусство, все право, всю политику и все хозяйство — надо растить и строить созерцающим сердцем — т. е. видеть сущее и творимое лучом любви, совсем свободно и совсем искренно»⁹.

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Том II. С. 47.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же. С. 41–42.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же. С. 18–19.

⁷ Ильин И. А. Основы художества // Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. I. С. 63.

⁸ Ильин И. А. Письмо к И. С. Шмелеву 15.03.1946. Т. 13. Кн. II. С. 386.

⁹ Там же. С. 353–355.

Галина ЩЕРБОВА

«ЕВАНГЕЛИЕ ЧИТАЮТ...»

Галина Щербова — поэт, прозаик, критик. Родилась в Москве. Окончила институт журналистики и литературного творчества. Автор шести книг прозы (эссеистика, литературоведение, художественная проза), нескольких поэтических сборников, статей в области культурологии и литературной критики, многих публикаций в газетах, журналах, антологиях. Лауреат премий журнала «Москва» 2010 г. в номинации «Поэзия», «Словенское поле — 2020» в номинации «Свет обители» и др. **Живет в Москве.**

ПАСХА

(Борисоглебск)

В свежести зеленых куполов
Подлинность шестнадцатого века.
В сопряжение не прямых углов
Самобытный почерк имярека —
Отпечатки пальцев на стенах,
Выбеленных известью по кладке,
В слюдяном окне во временах
Сохранился код его сетчатки,
Тембр молитв звучит в колоколах,
Простираясь ширью половежья...
Солнца блик на каменных полах
Натянул косых лучей поводья.
Ныне снова золото крестов
Городок от смерти отстояло.
Жизнеутверждающих цветов
На заборах сохнут одеяла.

КОЛОМНА

Москворецких далей панорама.
Как в непритязательном ремейке,
Девушка в тени святого храма
С книгой примостилась на скамейке.

Небосвод простерся синей ширью,
Плещет ветка вызревшей черешни.
Девушка склонилась над Псалтырью,
Пряча взгляд рассеянно-нездешний.

Монастырских крыш лепные главки
Отвлекают чуть заметным креном.
Юная монахиня на лавке
Душераздирающе смиренна.

Красота отчаянно условна.
Безусловны лишь святые лики.
А вокруг опрятная Коломна,
Огороды, полные клубники.

АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ

Антоновские яблоки в саду
Бросали мы в шуршащие пакеты
В потоках стронцианового света,
Кричащего сильнее какаду.

Роняло солнце, расточая пыль,
Лучи карандашами из пенала.

И я тебя еще почти не знала,
А ты меня уже почти любил.

Скользила на сырой траве нога.
Антоновки с побитыми боками

Хватали мы,
но, встретившись руками,
Отдергивали, как от утюга.

Осенняя немерена казна.
Кленовых листьев неоплатны чеки.
На яблоки глазные лягут веки,
Под ними спелых яблок белизна.

ОСЛАБЛО СОЛНЦЕ

Вода реки чернее йоду.
Навстречу ветру облака
Летят сквозь сеть березняка
И предрекают непогоду.

Рябь желтых листьев на прудах.
В полях, прогнозы подтверждая,
Неугомонных галок стая
Кричит о тьме и холодах.

И кошка фыркает в усы,
Времен предчувствуя этапы.
Ее пружинистые лапы
Мокры, черны как у лисы.

Уже совсем не то, что летом.
Ослабли солнца лепестки.
И лишь тепло твоей руки
Противоречит всем приметам.

ПОД НОЧНЫМ ОГНЕМ

В огнях резонируя каждой чертой,
Раскинув звенящие пути,
На город просыпался дождь золотой.
Атланты стояли разуты,
Подставили ливню литые тела,
Рассеянно припоминая,
Что в прошлом такая картина была:
И дождь, и нагая Даная.
Дворцовая площадь, блестя чешуей,
Как Рыбы-кита хребтовина,
Из флейт водосточных
свистала струей,

Воды упивалась лавиной,
Плыла и плескалась, чиста и пуста,
Раскрыв отраженные дали.
Под зонтиком девушка шла от моста.
Под ливнем одни мы блуждали.
Сошлись у колонны
в двуглавых орлах,
В покровках дождливой эгиды,
Смеясь, что у наших зонтов
на крылах
Сверкают парижские виды.

БРОНЗОВЫЙ ВРАНГЕЛЬ

В Сремских Карловцах стоит памятник Врангелю

Львиный фонтан.
Семинария. Храм.
В тусклом окладе икона.
Старый платан,
ветви по вечерам
тянутся к дому барона.

Изгнанный ангел
ютится в стенах
провинциальных фасадов.

Бронзовый Врангель.
Мундир в орденах.
Призраки белых отрядов.

Эхом судьба
пролепечет «Ура!»
темными листьями кроны.
Я за раба
помолюсь, за Петра,
у чудотворной иконы.

ЖЕЛТЫЕ СЛИВЫ

Варю сливовое варенье.
Колдую ложкой.
И золотые воспаренья
Пьянят немножко.
Я запечатываю к маю
Огонь и солнце:
Созревших кадмий заливаю,
Незрелых стронций.

Безумство цвета! И ответом
Сердцебиенье.
Но я не завершу на этом:
Сварю варенье
Из синих слив. И в банках чистых,
В стекле их стенок
Великолепных аметистов
Создам оттенок.

НОЯБРЬСКИЙ ПЛЕС

Сквозь белый снег и белые березы
Неуловимы храма очертания.
Метелей одинокие скитанья
В начале своего апофеоза.

В них нет покуда сухости мороза
И страсти ледяного обладанья.
Летят изгнать картину увяданья
Стремительные мокрые стрекозы,

Зачеркивая белыми штрихами
Лик осени, похожей на весну.
Лишь Волга-мать во всю свою длину

Еще идет тяжелыми волнами.
У берега вскипает временами,
Бесстрастно поглощая белизну.

ЕВАНГЕЛИЕ ЧИТАЮТ

*...Как только начинается чтение
Евангелия в храме, прекращать все посторонние дела...*
О. Иоанн Крестьянкин. О чтении Евангелия дома и в храме

В окне небеса рассветают.
К Николе пойдем, к Илие, —
Евангелие читают.
Читают Евангелие.

Сердцам благотворны касанья
речей, озаряющих храм:
словами Святого Писанья
Христос обращается к нам.

Мы слушаем их. Да не слышим.
Мы рядом. А мыслями — нет.
Но голосом тихим из ниши
доносится старца совет:

«Не трогай фитиль у лампы,
поставить свечу не спеши, —
молитве довериться надо,
порыву открытой души.

Отринув дела рядовые,
до неба пройти за Христом.
На этом пути, как впервые,
себя осеняя крестом.

Заветы и кровью питают,
и плотью твое бытие...»
Евангелие читают.
Читают Евангелие.

Вадим ТЕРЁХИН

«ЭТИМ НЕЧАЯННЫМ ВИРУСНЫМ ЛЕТОМ...»

Вадим Федорович Терёхин — поэт, автор многих поэтических сборников. Сопредседатель СП России, вице-президент Международной академии русской словесности (Москва), председатель Калужского областного отделения СП России, член координационного Совета международного поэтического движения «Мир без стен» (WWW), действительный государственный советник II класса Калужской области. Лауреат многих российских и международных лит. премий, имеет государственные награды. Живет в Калуге.

* * *

*Человек — нечто,
что должно быть преодолено...*

Ф. Ницше

Я жить хотел бы по Заветам,
Быть в очистительном огне
И наслаждаться только светом,
Но тьма упорствует во мне.
И если говорить о вечном,
Искать разумное зерно:
Все человеческое нечто
Должно быть преодолено!
И в этих формах бестелесных,
Что нам с рождения под стать,
Я буду слушать птиц небесных
И горним ангелам внимать.

* * *

Я решил, что я — Жар-Птица!
А Жар-Птице ни к чему
За любовь начальства биться,
Низко кланяться ему.

Темным силам потакая,
Всем начальство говорит:
Птица? Жар? Да. Есть такая.
Но не очень-то горит.

И, сказать, она не очень.
Светит тускло, хоть убей.
А у нас есть, между прочим,
Птица лучше — воробей.

Но и он по всем законам
В тщетном поиске огня
Светит светом отраженным,
Исходящим от меня.

* * *

В медных трубах и в огне
В облаках, когда витаю,
Боже, Ты всегда во мне,
Только я себя не знаю.
Я с туманною душой,
Непонятный, многоликий,
Сам себе во всем чужой,
Только Ты один Великий!

Я прошу наедине
Под уютным сводом храма
Расскажи мне обо мне,
Как когда-то в детстве мама.

Убеди, что быть добру.
И заставь поверить чуду:
В то, что весь я не умру
И с Тобою вечно буду!

* * *

От язвы мировой
Таюсь в лесной избенке.
Теперь я домовой
Поэт на удаленке!

Бессрочно находясь
На карантине строгом,

Налаживаю связь
Я ежедневно с Богом!

Творю молитвы я,
Жгу восковые свечки,
Чтоб судьбы бытия
Предвидеть из-под печки.

* * *

Несущий страшную заразу,
Подобен вычурному сглазу —
Я на просторах бытия
Для всех надолго стану главным,
Незримым, властным, своенравным,
Да и не главным — тоже Я!

Без цвета, запаха, летучий,
Я вездесущий и могучий,
И у меня хватило сил,
Когда при мировой огласке
На праздник праздников — на Пасху
Я даже Бога отменил.

Всему имея сопричастность,
Внесу я сразу в жизни ясность,
Что человеку человек
Не друг и брат, а только частность,
Прямая горечь и опасность,
Как некто снизу нам предрек!

Меня повсюду будет много.
Я властью, данной не от Бога,
Земное племя обвиню
Во всех грехах, сгною в участке,
И с помощью обычной маски
Я этот мир разъединю!

* * *

Пушай Господь народ хранит!
И лишь о том мы Бога просим,
Чтоб нас терзающий COVID
Развился в Болдинскую Осень!
И мир, как Пушкин, в карантин,
Куда теперь любой зачислен,

Восстанет из своих глубин
Для торжества свободной мысли.

Возьмется за тяжелый труд.
Омоем в чернильной влаге.
И рифмы бойко потекут!
Рука потянется к бумаге!

* * *

Посещал всех без опаски,
Был в любое время вхож,
Но теперь посредством маски
Я забыл, как я хорош!

Сердце требует простора
И хороших новостей,

Но сегодня я, как Зорро,
Всюду прячусь от властей.

Берегусь от злой природы.
И наверняка пойму
Ценность внутренней свободы
Через внешнюю тюрьму!

* * *

Прости, Боже, нас многогрешных!
Известно о том наперед —
Уверенных, смелых, успешных
Земля без остатка возьмет.

Хотя и везет им во многом,
И радостно их бытие,
Придется предстать перед Богом,
Ответить за счастье свое!

* * *

Этим нечаянным вирусным летом
Я бы хотел быть только поэтом.
Семя не сеять, поля не пахать.
Птицей небесной по жизни летать.

Братья и сестры — дрозды и синицы,
Что же с нас взять, мы пернатые птицы!?
Что же последнее жадно отнять
Право чирикать, свистеть, ворковать!?

* * *

Желая осмыслить свое бытие,
И только за то, чтоб общался Ты с нами,
Мы многих убили во имя Твое,
Сожгли на кострах, закидали камнями.

Друг друга вели от беды до беды.
Поскольку известно, что немощен сущий,
Мы так замутили источник воды,
В жизнь вечную с нами незримо текущий.

Свет светит во тьме, но упорствует тьма.
И нет для того никаких оснований —
Войти в Твое Царство дорогой ума,
Попутно не выбрав дорогу страданий.

* * *

И когда ты себя исчерпал,
И уже все не будет как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.

Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам как слепой,
Он все время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести,
Ходишь тенью немного укора.
Все отдать, чтоб Его обрести —
Непременная часть договора.

Русские СУДЬБЫ

**Анатолий
ГРЕШНЕВИКОВ**

КОМУ ПРОТИВОСТОЯЛ БОРИС ШТОКОЛОВ

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святых и др. Почетный работник Росгидромета. **Живет в п. Борисоглебский, Ярославской обл.**

Кто бы мог подумать, что сам маршал Победы, Маршал Советского Союза **Георгий Жуков** определит **Бориса Штоколова** в консерваторию и тот станет великим оперным певцом?!

Кто бы мог подумать, что **Борис Штоколов**, выступивший на всех известных концертных площадках мира, попадет на Родине в опалу и запрет из-за песни «Православные»?!

Кто бы мог подумать, что судьба выдающегося оперного певца **Бориса Штоколова** дружески и надолго свяжет его с замечательным балалаечником **Юрием Клепаловым** и они вместе исполнят романс «Гори, гори, моя звезда»?!

История взаимоотношений двух русских подвижников **Юрия Клепалова** и **Бориса Штоколова**, посвятивших жизнь оживлению народной культуры, не могла не заинтересовать меня. Не потому, что один — балалаечник, а другой — оперный певец, и вдруг оба пропагандировали одну песню «Православные», а потому, что они оказались в едином строю против попыток вытолкать народную музыку на задворки отечественной культуры и придавить ее тяжелой могильной плитой. Их не устроила политика чиновников от культуры — не допускать народную музыку до народа, и они окажут сопротивление тому чуждому, что навязывается русскому человеку, и когда они почувствуют, испытают на себе месть и травлю власти, то не испугаются, не отступят, а продолжат борьбу.

— **Юрий Михайлович**, а когда ты впервые услышал имя **Бориса Штоколова**? — начал я очередную беседу с главного, как мне казалось, вопроса.

— Я никогда в жизни не думал, что встречу со **Штоколовым** и

буду с ним общаться. От многих людей я знал, что это был талант глубоко народный. Его называли «советским Шаляпиным». Я обожал слушать его романсы. Удивительно, но у нас с ним общая история есть. Ведь Штоколов учился в Уральской консерватории Свердловска, и я учился там. Правда, Штоколов учился раньше, чем я. И было это во времена великого нашего полководца Георгия Жукова, который руководил Уральским военным округом.

— Штоколов не раз признавался, что маршал Жуков сыграл в его судьбе большую роль...

— Мне Штоколов тоже об этом рассказывал. Жуков присутствовал на выпускном вечере авиашколы, где в самостоятельном армейском хоре пел курсант Штоколов. Внимательно и придирчиво прослушав его песни «Дороги» и «Грустные ивы», он после выступления подозвал Штоколова и спросил: «Как тебя зовут?». Тот ответил: «Борис». «А фамилия как?» — «Штоколов». И тут маршал произнес сакраментальную фразу: «Товарищ Штоколов, таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь». Через несколько дней в авиационном училище произошел переполох. Командир получил приказ Жукова: направить Штоколова в Свердловскую консерваторию. Ректором там был композитор Борис Гибалин, создатель песни «Зовёт гора Магнитная». Эта известная уральская песня стала местным гимном. Жуков, оказывается, и дальше похлопотал. После того как комиссия Краснознаменного ансамбля песни и пляски имени Александрова прослушала Штоколова, хорошо отозвалась о голосе и направила его в консерваторию, маршал позвонил ректору Гибалину: «Я вам посылаю парня молодого, талантливый, нужно его устроить по всем правилам». Штоколову предоставили отдельную комнату в общежитии и работу электриком в театре оперы и балета имени Луначарского.

— Зачем маршалу понадобилось продвигать и устраивать неизвестного парня в консерваторию?

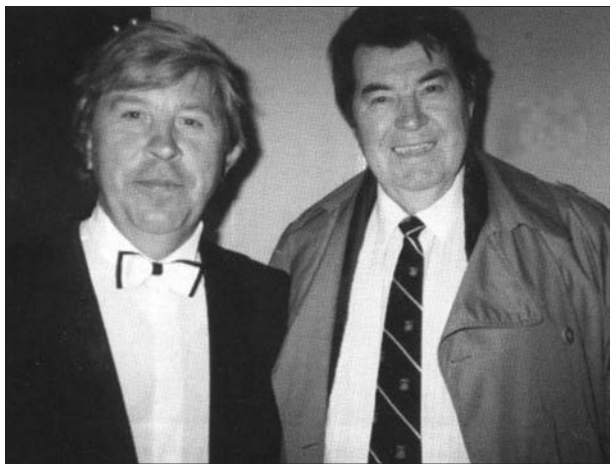
— Надо знать Жукова. Он любил музыку, сам играл на баяне. Образованный человек. Я бы сказал, не только образованный, он был глубоко русский человек. Талант его сказывался не только в игре на баяне, но и в его полководческом деле. Он был стратег, великий полководец, которого Господь подарил нашей русской земле. Для нас всех это просто легендарная личность. И когда Жуков прибыл в Уральский военный округ, то первое, что он сделал, — создал хор, замечательный Уральский хор.

— И опять возникает простой вопрос: а хор-то зачем маршалу? Не его ведь это дело создавать хоры и направлять в консерватории парней, даже если они талантливые. Сегодня вообще не слышно о том, чтобы хоть один прибывший в регион командир дивизии или губернатор создавали народные хоры и стремились бы сохранить наследие народной культуры в «немусейном» виде.

— Так они и на баяне не играют. Им нет дела ни до народной музыки, ни до нравственного воспитания подрастающего поколения. Жуков — иное дело. Он не только создал хор, он его пестовал, поддерживал, потому что понимал: если страна поет, то она здорова. Если солдат поет, то любой враг будет обязательно побежден. Он придирчиво присматривался ко всем исполнителям, особенно к ведущим, и если замечал таких, как Штоколов, то оказывал протекцию.

— Штоколов оправдал доверие Жукова?

— Еще как оправдал! Он понимал, что без Жукова не оказался бы студентом консерватории, потому делал блестящие успехи. Стал одним из ведущих студентов-вокалистов. А потом достиг таких высот, что стал надеждой всех оперных театров, буквально все мечтали, чтобы он спел у них. Яркий, сочный голос, глубокий, подкупающий манерой пения. Для нашей среды музыкантов любой его концерт являлся событием, и мы

Заслуженный артист России, композитор, балалаечник Юрий Клепалов с народным артистом СССР Борисом Штоколовым после выступления в Колонном зале Дома Союзов

знали, что за ним — будущее, он станет оперным певцом мирового звучания. Кстати, Штоколов и Жуков много раз в жизни встречались, общались. За год до смерти маршала Штоколов был у него, получил в свой адрес теплые благодарственные слова, написанные зелеными чернилами.

— Как сложилась судьба Штоколова после окончания консерватории?

— Он пел в Уральском театре оперы и балета в Свердловске. Дальше были Украина, Москва с Большим театром, потом он переехал в Ленинград, и вся его творческая жизнь прошла в Театре оперы и балета имени Кирова. Здесь совершалось рождение знаменитого шаляпинского баса. И ленинградцы, когда шли в театр, то так и говорили: «на Штоколова». Его истинно русский голос, как никакой другой, по мнению музыковедов, выражал характер русского народа, его удаль и талант. Только Шаляпину и Штоколову удавалось органично соединить строгий вокальный академизм с ухарской эмоциональностью и искренней задушевностью.

— Больше всего люблю у Штоколова романс «Гори, гори, моя звезда». Это шедевр. Романс пользовался исключительной славой. Меня также потрясают его партии Сусанина, Руслана, Досифея в «Хованщине», князя Гремينا. Он был лучшим Борисом Годуновым, бессменным на протяжении десятилетий Мефистофелем. Популярность в народе у него была настолько широка и крепка, что власти позволили ему в 80-е годы исполнить в концерте гимн Российской империи «Боже, Царя храни».

— Мне еще нравится «Ямщик, не гони лошадей». Еще великолепно исполнял «Утро туманное», «Хризантемы», «Живет моя отрада», «Полюшко». Но «Гори, гори моя звезда» он пел настолько превосходно... Это был просто шедевр, неподражаемый... Никто не смог близко приблизиться к той манере, как он пел. Там была душа России. Там было все: и величие русской интеллигенции, которая жила до революции, и величие русского духа, который оставил наш великий полководец Жуков. Там все слышалось. Всё. Это и подкупало зрителей. С именем Штоколова олицетворялась вся наша культура. У многих наших молодых певцов было желание подражать и петь

как Штоколов. В нем всегда жило высокое чувство любви к Родине. А раз в нем сидел голос России, то он был, естественно, глубоко патриотичен.

Клепалов рад, что так все сложилось, что судьба свела его с великим Борисом Штоколовым. Произошло это совершенно неожиданно. Виной всему даже не Уральская консерватория, где они вместе учились. Когда Клепалов поступил в консерваторию, имя Штоколова гремело на всю страну. Их пути пересеклись необычным образом. В один из осенних дней директор Штоколова, выражающий его административные интересы, позвонил Клепалову и спросил, может ли Борис Тимофеевич исполнить его песню «Православные», и если может, то прислать бы ему ноты и слова. Оказывается, Штоколов слышал про эту песню много хвалебных отзывов, даже нашел ее в газете «Русский вестник» и захотел сам ее исполнить. Клепалов сказал, что обязательно вышлет ноты и пусть тот с удовольствием поет. И Штоколов эту песню спел. Да как еще! На одном из замечательных столичных мероприятий он спел так здорово, что зал стоя аплодировал, пожалуй, больше десяти минут! После этого концерта у великого Штоколова закончились все гастролы, все концерты. Либеральная верхушка власти в Кремле дала команду — не пущать, не поддерживать. Между тем, эту песню не каждый певец может исполнить. Проректор московской консерватории рассказывал Клепалову о неудачных попытках Надежды Бабкиной и Эдуарда Хиля ее спеть. Не получилось. Но дело в другом: ни Бабкину, ни Хиля, ни иную звезду попсы за исполнение песни «Православные» не подвергли опале, как Штоколова. Видимо, власть боялась именно талантливого, пробуждающего русский дух исполнения.

Первая короткая встреча Клепалова и Штоколова произошла в театре, во МХАТе им. Горького, руководителем которого была знаменитая артистка Татьяна Доронина. Певец дал сольный концерт, а потом пообщался с патриотической общественностью, которая помогала ему, как в Питере, так и в Москве, преодолеть барьеры мести и опалы чиновников. Тогда Клепалов многое узнал из биографии любимого певца.

Его девизом, оказывается, были слова поэта Некрасова: «Воля и труд человека дивные дивы творят». Пятнадцать лет на сцене Кировского театра с успехом идет опера «Судьба человека». Причиной успеха стала не только героико-романтическая настроенность спектакля, но и тот яркий характер шолоховского героя, который олицетворялся у Штоколова с отцом, погибшим на фронте в 1942 году под Ленинградом. По ложному доносу отец был репрессирован и, добившись освобождения, сразу ушел на фронт... В редкие минуты отдыха Штоколов любил кататься на коньках, бродить по лесу и часами сидеть на берегу речки. Бродя по берегу Финского залива и повторяя про себя стихотворение Есенина «Отговорила роща золотая», он разбудил в себе дар композитора — сочинил музыку к романсу на есенинские строки и стал исполнять его так же успешно, как и другие.

Вторая встреча произошла в Государственной Думе России, где работал родственник певца. И когда Клепалов зашел в ресторан парламента, то увидел за одним из столов Штоколова. Не подойти и не поприветствовать кумира было бы непростительной ошибкой. Поздоровавшись с певцом, Клепалов сказал: «Борис Тимофеевич, это я, тот музыкант, из-за которого все ваши гастролы закончились...». Штоколов не понял нешуточного раскаяния подошедшего человека и резко заявил: «Какую чушь вы несете? Как ваша

фамилия?». Клепалов представился. И Штоколов тут же изменился в лице, разулыбался: «А-а-а, Клепалов, это же ты подарил мне песню “Православные”?! Я ее очень люблю!». На воспоминаниях об этой песне они и сошлись.

Штоколов не преминул рассказать-вспомнить, как маршал Жуков направил его своим распоряжением на учебу в консерваторию, как он сегодня мечтает создать свою русскую республику, чтобы там не было людей, которые мешают русскому человеку жить. «Дайте мне свободную, настоящую Русскую республику! — гремел по залу ресторана голос оперного певца с басом Шаляпина. — Я буду там жить!». Клепалов догадался, чем было вызвано желание собеседника создать свой мир, без чужих людей. Он, видимо, до предела испытал на себе тяжесть гонений и опалы чуждых русской культуре чиновников, преследующих и мешающих его творчеству, концертам, гастролям, встречам с людьми.

Штоколов был страшно обижен на эту опальную ситуацию, мешающую общению с народом, которую сознательно создала ему власть либералов и русофобов. Он старался много ездить по городам России, выступал в Европе, в Прибалтике, и повсюду его дружелюбно встречали, но сколько на все это уходило сил и здоровья!

Когда к столу подошла официантка и расставила тарелки с едой, Штоколов посмотрел на своего директора, на Клепалова с сыном Женей и сказал: «Ну что, мы будем сегодня обедать?» Все дружно взялись за вилки-ложки. Но спустя несколько минут Клепалов подтолкнул Штоколова к продолжению разговора о творчестве: «Борис Тимофеевич, вы говорите, у вас какая-то школа своя есть?!» Тот ответил: «Да, у меня есть школа, называется — “Открытая глотка”». Так пошутил.

Штоколов рассказал Клепалову, как ему удалось сформировать собственную методику обучения вокалу, как голос должен звучать. Подробно о ней он написал в своей книге «Гори, гори, моя звезда» с подзаголовком «Как надо петь». Вот только передавать свои знания ученикам ему приходилось не в консерватории, а дома. В комнате у певца для ребятишек была нарисована специальная схема гортани. Они учились у Штоколова правильно ставить дыхание, с помощью нужных упражнений делать из глотки рупор, как у Шаляпина.

— А почему он преподавал ученикам дома, а не в консерватории? — переполненный гневом за опалу великого оперного певца, вписанного золотыми буквами в реестр великих русских басов, я прервал рассказ Клепалова.

— Такая антинародная, да и антирусская нечисть пришла к власти в России. Все знали, что Штоколов — Шаляпин советских времен. Его голос узнавали мгновенно в любой аудитории. Все знали, что он — ярчайший артист в плеяде русских басов, один из титанов в истории оперного театра двадцатого века. Но именно эта власть вынудила его уйти из консерватории. Он не только преподавал на дому, но и сдавал свою квартиру в знаменитом «номенклатурном» доме, где жил, к примеру, великий русский пианист и тоже гонимый властью Андрей Петров, сдавал внаем, чтобы заработать на пропитание. Сам же жил на окраине Санкт-Петербурга. Сын Штоколова, окончивший дирижерский факультет и тоже оставшийся без работы, подрабатывал извозом.

— Я не от одного депутата Государственной Думы слышал, что власть окружила блокадой Штоколова не столько за песню «Православные»,

сколько за то, что он был на президентских выборах доверенным лицом Зюганова.

— И то, и другое повлияло. Он тоже так считал. Зюганов ему помогал. Я помню тот концерт, когда Штоколов в Питере исполнил песню «Православные», а Зюганов его обнял, и тут пошли гонения. Он не случайно примкнул к Зюганову. А где искать опору? У либералов, у космополитов? Это хоть какая-то опора была! Штоколов очень сильно страдал от того, что был невостребован. У него была такая слава! Он весь мир объездил, а тут какие-то временщики и лилипуты во власти объявляют бойкот. Согласись, это преступление власти против всей русской культуры, а не только против Штоколова или Пахмутовой. Кстати, когда я ехал с Пахмутовой в машине по сибирской земле, она призналась в том, что чиновники уничтожают нашу национальную культуру.

— Да, это преступление. Я выступал в Думе в защиту Штоколова. Ругал и после его кончины тех, кто знал о блокаде и говорил о ней, но ничего не делал для ее прорыва. Помню, как телевидение взорвалось критикой: мол, почему Штоколов оказался в опале? А я вопрошал: а вы разве не знали, что его убрали с телеэкранов по политическим соображениям?!

В подтверждении сказанного я вынул из папки стенограмму Государственной Думы России и зачитал фрагмент своего выступления перед коллегами-депутатами: «На этой неделе Россия простилась со своим великим сыном певцом Борисом Штоколовым. Все телеканалы были опечалены тем, что в последние десять лет он был изгоем в стране, не допускался на телевидение, со стороны государства никакой поддержки не имел. В этой ситуации я вспоминаю слова Есенина: “В своей стране я словно иностранец”, потому что огромное количество людей, служащих культуре и искусству, и писатели В. Г. Распутин и В. И. Белов, и скульпторы наши, например, В. Клыков, и художники, — все они изгой в нашей стране. Пришло время узнать, как у нас будет выстраиваться государственная политика по развитию культуры, по поддержке национальной элиты. С тем, чтобы не дешевая, вульгарная эстрада царствовала на телевидении, а те люди, которые достойны этого».

Клепалов достал копию статьи из «Российской газеты», опубликованной 16 марта 2002 года, и в продолжение разговора о травле певца зачитал мне слова признаний об этом самого Штоколова. За три года до неожиданной кончины он заявил журналистам:

«Увы, мой голос, который, кстати, звучит не хуже, чем прежде, оказался сегодня невостребованным — сольных концертов практически нет, а для меня пение — смысл жизни. Но я не бездельничаю, много времени ушло на запись лазерного диска, в нем 20 произведений, столь любимых моими слушателями: “Малиновый звон”, “Живет моя отрада”, “Полюшко”, “Ямщик, не гони лошадей”. Однако тираж пока не напечатан: о причине догадаться нетрудно. Нынешняя жизнь для меня неизмеримо сложна: на настоящее искусство денег нынче не дает никто. Смотрите, кто только не выпускает сейчас лазерные диски, а у меня с одним-единственным — проблема. Я пою классику, великие русские романсы, но оплатить оркестр для записи даже одного диска — просто невыносимо! Поэтому я записывался лишь с баянистом и пианистом, которые, поверьте, не получили ни копейки! Забвение для артиста — самое страшное, тем более, когда у тебя еще столько сил...».

Еще смелее и откровеннее Штоколов был с журналистом газеты «Завтра». Вместе с Клепаловым я прочел несколько абзацев беседы и понял, почему власть не могла остановиться в своей травле артиста, пусть и всемирно известного: он был не просто патриотом своей земли, но и воителем, борцом с несправедливостью и чужебием во власти.

Штоколов на все вопросы отвечал откровенно и без страха иудейского:

«Хотят превратить нас в быдло, в рабсилу для будущих оккупантов. А молодежь едет на Запад, хотя там не получается и трети причитающегося заработка. Но едут. Западный мир страшен, и молодежь абсолютно не знает этого. За тридцать лет я не раз объехал земной шар, повидал хваленый западный мир. Это жуткий, ужасный мир. И рвутся туда потому, что здесь, у нас, вообще ничего не осталось. И ничего не платят».

«Должен заметить, что я, пожалуй, являюсь первым, и возможно, пока единственным учеником Карузо, и придаю большое значение процессу становления мастерства певца, пытаюсь теперь и сам рассказать об этом в написанной мною книге “Гори, гори, моя звезда”, в которой основной акцент делаю на проблеме “как надо петь” — это, в сущности, второе название моей книги. Нынче же хочу создать свою студию, и все деньги, которые я зарабатываю, намерен вкладывать в аппаратуру, чтобы было хорошее качество звука. Я не хочу записываться, делая из Окуджавы Шаляпина, а из меня — Окуджаву».

Газета «Советская Россия» 17 января 1995 года опубликовала куда более смелую и боевитую беседу с Борисом Штоколовым под названием «Какими мы стали Иванами?». О мужестве певца говорит каждая фраза. Но меня больше всего поразила мысль Штоколова о незаметной прививке космополитизма нашему народу.

«Что же произошло с народом? Мы стали Иванами, не помнящими родства. Мы не хотим знать своей истории, своих предков. Принимаем все в том варианте, как преподносят нам радио и телевидение. Известно, если человеку долго внушать, что он свинья, то он захрюкает. Через эстраду, телевидение нашу культуру пытаются американизировать, на что находятся средства. Но я-то поездил по заграницам и знаю, с каким уважением, с какой завистью говорили о нас за рубежом: вы первые в мире по количеству библиотечных залов и оперных театров, ваши симфонические оркестры и ведущие певцы на уровне мировых фигур и коллективов... Да, еще совсем недавно мы имели великое искусство, и оно в прямом смысле служило народу.

...Эти космополиты напрасно думают, что найдут на Западе счастье и уважение. Ни Рахманинов, ни Шаляпин не приняли Запад, и он их до конца не понял. Секрет в том, что истинно русский человек живет не только ради сытости и достатка, но есть у него и другая жизнь — души и сердца. “Цивилизованному” Западу этого не понять... Преобладающее большинство у нас в культуре и политике — приспособленцы. Особенно актерская среда, певцы. Ловят каждый взгляд сильных мира сего, ждут подачки с царского стола. Предают свой нищий народ, который, в свою очередь, тоже теряет чувство гордости, самоуважения, коллективизма. Ну вот, может быть, писатели Василий Белов или Валентин Распутин честны перед совестью и народом».

— Юрий Михайлович, а в ваших беседах Борис Штоколов рассказывал о том, о чем ни одна газета не писала? — задал я вопрос, полагая, что он каверзный и будет вновь касаться безнравственной и губительной политики.

— О чем мы только ни говорили! Обо всем трудно вспомнить. В одном разговоре речь, например, зашла о талантливом певце Юрии Гуляеве.

— Интересно...

— Штоколов рассказывал, как он жил в общежитии. Жил достойно. К нему никого не подселяли. Жуков велел никого не подселять. За все добро, оказанное ему Жуковым, Штоколов приглашал его на все свои концерты в Свердловске... Однажды Штоколов приходит в общежитие, смотрит, а в его комнате стоит дополнительная кровать. Что за чертовщина? Кто такую наглость имел? Смотрит — на кровати сидит мальчишка-пацан. Штоколов подумал: «Еще не хватало мальчишки в комнате?! Мало того, что кровать поставили, так еще и незнакомца привели!». Конечно, все в общежитии знали, что это комната Штоколова, потому никто не мог без его разрешения заняться подселением. Следовало идти к ректору с жалобой, и тот все бы исправил.

Штоколов сурово посмотрел на подселенца, а тот сидит так испуганно, руки сжал, коленки сжал, голову склонил. И Штоколову вдруг стало не по себе, жалость откуда ни возьмись проснулась. А пацан так сидит, зажался, поглядывает на него молящими глазами. Тут Штоколов спрашивает: «Ну, и кто ты такой? Рассказывай. Как тебя зовут?». Мальчишка начинает отвечать: «Меня зовут Юра, фамилия — Гуляев». «Юрка Гуляев, значит?» — переспросил Штоколов. «Да, Юрка Гуляев». — «Ну ладно, смотрю, ты парень хороший, живи со мной», — Штоколов смирил свой пыл.

— Чем же Гуляев ему понравился?

— Не знаю. Скромностью поразил. Когда Штоколов уходил из консерватории, то сказал Гуляеву: «Ладно, живи и дальше, не забывай меня». А от ректора консерватории потребовал, чтобы комната осталась за Гуляевым и к нему никого не подселяли: иначе, мол, разговор будет тяжелый. Он ушел, окончив консерваторию, а Гуляев года три-четыре так и жил один в комнате.

— Они, кажется, всю жизнь были друзьями?

— Судьба не раз сводила их после окончания консерватории. Мне было приятно, что два русских человека умели дружить и поддерживать друг друга. Дружба их была крепкой, замешанной на любви к народной культуре. Об этом мне говорил лично Штоколов. А когда на концертах я пересекался и общался с Гуляевым, то же самое слышал и от него. Два великих человека говорили друг о друге с восторгом. Для меня это было потрясением.

Запоминающейся оказалась встреча Юрия Клепалова с Борисом Штоколовым на одном из концертов у Татьяны Дорониной во МХАТе. Они тогда необычно долго разговаривали и в основном об искусстве. Штоколов говорил о значении голоса, о том, как надо петь, о своей работе над учебным пособием для желающих овладеть тайнами пения... Иногда он вкраплял в разговор фрагменты воспоминаний о службе юнгой на Соловках, о работе электриком на кораблях Балтийского флота. Но больше всего говорил о творчестве: «У меня сейчас голос стал звучать лучше, как никогда!». «А чем это вызвано?» — интересовался Клепалов. И Штоколов откровенно делился: «Что-то во мне такое открылось! Удивительно! Голос стал звучать настолько мощнее, и полетно, и красиво... Я хочу открыть свою школу...».

Клепалов знал, что Штоколов активно занимается педагогикой, работает с детьми. К нему записываются, ходят на консультации... Все то, что он

приобрел, что Господь дал, ему хотелось отдать молодежи. И он учил их петь, открывал им тайны искусства пения.

Он не сдавался. И Клепалов, бывая на его концертах, замечал, как у Штоколова необычайно красиво стал звучать голос. Ему показалось, что это было связано с тем, что он освободился от пут, сковывающих его талант, от бед и напастей, которые на него обрушивали власть и пресса. Он раскрывался в своем творчестве все глубже и сильнее.

Для Клепалова в то время главным было подбодрить и внушить любимому певцу его нужность обществу и стране. А Штоколов, чувствуя в Клепалове друга и единомышленника, пересказывал ему свои жизненные истории и перипетии. Они были связаны и с недоброжелателями в театре, которые всегда старались его в чем то уколоть, высказать ему критические замечания не по существу... Якобы, у него какая-то странная манера исполнения... Завистники и конкуренты, не заслужившие ни успеха, ни внимания народа, по щепочке разбирали арии Штоколова даже тогда, когда он был в зените славы...

Клепалов чувствовал, как болезненно и обостренно воспринимает Штоколов критику. Он мог посоветовать ему делать то, что делали отдельные неудачники в театре, — изменить репертуар. Некоторые и предлагали другие песни петь. Но Штоколов не пошел на это. Если петь то, что в арсенале пошлой эстрады, то тогда ты не можешь быть «советским Шаляпиным», и это вообще не русская культура. Поэтому Клепалов не давал советов, а подбадривал и благодарил Штоколова за то, что он исполнил его песню «Православные». То был смелый шаг. И Штоколов тем самым открыто показал, что он — русский человек и будет петь то, к чему душа призывает.

Накрепко, настойчиво, с большой любовью скрепляла дружбу Клепалова и Штоколова народная артистка Советского Союза, главный режиссер МХАТа Татьяна Васильевна Доронина, Она тоже была порождением народной культуры. Как и эти два русских богатыря, являла собой незамутненный и чистый источник вдохновения и творческого озарения. При первой же возможности она звала Клепалова в театр для творческого сотрудничества.

Когда режиссер Антон Васильев готовил в театре к показу спектакль «Высотка», Доронина пригласила Клепалова поучаствовать в нем в роли композитора.

Он должен был озвучить спектакль одной балалайкой. Клепалов согласился, заключил договор. И самая пронзительная сцена в спектакле — когда мать вспоминает своего сына, проявляет к нему любовь — происходит под нежные звуки балалайки. Это было потрясающе! Зрители вытирали слезы от сочувствия, переживаний и красивого образа. Спектакль увидел Штоколов, и после этого он стал чаще бывать у Дорониной на всяких мероприятиях.

В следующий раз Клепалов со Штоколовым пересеклись в этом же театре, но уже не на спектакле, а на небольшом концерте, после которого у Штоколова появилось желание исполнить романс «Гори, гори моя звезда» под балалайку. Он тут же попросил Клепалова вместе порепетировать. Доронина, наблюдавшая за репетицией, предложила им выступить у нее в театре с этим номером на отдельном концерте. Штоколов согласился. Более того, он заявил, что готов с Клепаловым поучаствовать и в других концертах. Однако репетиции были, а вот сделать концерт не удалось. Сложности

упирались в одно: Штоколов жил в Санкт-Петербурге, а Клепалов в Подмоскowie. Неблизкие расстояния мешали состыковать удобное для каждого время. К тому же их встречи чаще всего происходили на вокзале. Когда Штоколов выезжал в Москву, то он звонил Клепалову и просил встретить его. Тот вместе с сыном приезжал на вокзал, брал тяжелую сумку и отвозил-сопровождал его до гостиницы. Такие бытовые встречи его так же радовали, как и беседы в театре.

Романс «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Клепалова и Штоколова был записан у Татьяны Дорониной. Жаль, что репетиция была мимолетным событием. Видимо, потому запись и не сохранилась. Клепалов по сей день переживает, что постеснялся и не забрал кассету сразу.

Но в душе Клепалов радовался тому, что Штоколов спел его песню «Православные». Это чувство сопричастности к великому искусству оперного гения и есть самое близкое и родное, что может быть. К счастью, запись этой песни у него сохранилась. Есть у него и запись романа Штоколова на стихи Ивана Бунина, и совместная фотография с ним. Компакт диск «Сирius» он хранит в домашнем архиве как зеницу ока.

Штоколов на всю жизнь остался для Клепалова недостижимой звездой — звездой русского накала, русского уровня, русского неба.

КНИЖКА

Швечиков А. Н.

Не хлебом одним... Очерки духовного состояния России-СССР в первой половине XX века. — М.: Родина, 2021. — 416 с.

Объектом авторского исследования стал судьбоносный период истории нашего Отечества, ограниченный рамками первой половины XX века. Сначала рухнула 300-летняя монархическая система власти; затем власть в стране в октябре 1917 года захватили революционные силы под руководством ВКП(б); страну сотрясли Гражданская и Великая Отечественная войны... За все время этих чудовищных перипетий особо выделились три личности: Император Николай Второй, Ленин и Сталин. Они влияли на ход Истории нашего Отечества; а их духовная позиция наложила свой отпечаток на взаимоотношения между Церковью и Государством,

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся историей, политикой, духовной стороной вопроса государственности.

Книга предназначена медицинским работникам, руководителям и работникам медицинских организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления в области здравоохранения, научным работникам, преподавателям, аспирантам и докторантам, студентам медицинских и юридических вузов и факультетов, а также адвокатам, специалистам в области медицинского права.

Русские СУДЬБЫ

Виктор ЛИННИК

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ. ОТЕЧЕСТВОЛЮБЕЦ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ДЕЛАТЕЛЬ

Виктор Алексеевич Линник — родился в Подмоскowie, в 1944 г. в семье капитана А. Линника, командира роты прожекторного полка. Окончил филфак МГУ, аспирантуру Института США и Канады АН СССР, кандидат ист. наук. Советский и российский журналист, специалист по американистике; российский публицист, основатель и бессменный гл. ред. газеты «Слово» (с 1998 года). Прежде — гл. ред. газеты «Правда», был собственным ее корреспондент в Нью-Йорке. Секретарь СП России. Действительный член АРС и др., лауреат многих лит. премий, книг, статей. **Живет в Москве.**

О Валерии Николаевиче Ганичеве рассказывать непросто. Завидная, до предела насыщенная событиями и трудами жизнь, живой интерес ко всему, разнообразные умения и таланты. Державник, неутомимый «дела делатель», он жил, учился и работал в Сибири, на Украине, в Москве, впитал нравы и обычаи разных краев и народов. В его биографии слились воедино разные поприща — учительство в Николаеве, работа в украинском, а потом и в московском комсомоле, издательская деятельность в «Молодой гвардии», редакторство в «Комсомольской правде» и в журнале «Роман-газета». На протяжении почти четверти века Ганичев — председатель Правления Союза писателей России, крупнейшего в стране, и заместитель Святейшего Патриарха во Всемирном Русском Народном Соборе.

Вот как вспоминал он о начале своей трудовой биографии в одном из разговоров со мной:

— Я окончил Киевский державный университет и получил назначение в Николаев — город судостроителей, корабелов. Рабочий город. Ровные красивые улицы с судостроительными и морскими названиями — Артиллерийская, Качельная, Конопаточная, Гардемаринов. Я там начинал учительствовать — преподавал историю в строительной школе. Там-то и зародилась у меня идея Ушакова...

Ведь этот город возник чуть более 200 лет назад. И я делаю для себя «открытие»: ведь до середины XVIII века это была дикая степь, земли, захваченные у Древней Руси Османской империей и крымскими ханами. Оттуда шли набеги на Русь, забирали ясырь — невольников и невольниц, которых продавали потом на рынках. Петр I не совладал: он пробил окно в Европу, но осада Азова и потом Прут ему не удались...

Екатерина потом писала: за что ни возьмусь, а Петр уже все начинал. Первая глава в «Россе непобедимом» у меня начинается с того, что она встречается с Ломоносовым, и он ей говорит: «Вот, матушка, есть у России окно на Запад, а должно быть и полуденное окно — на юг».

Для меня это стало генеральной линией. За две русско-турецких войны (1768–1773 гг. и 1788–1791 гг.) эти земли были отвоеваны и заселены. Выросли красавцы-города: Екатеринославль, Одесса, Николаев, Херсон, Мариуполь, Мелитополь, Ростов-на-Дону, Симферополь, Севастополь. Невероятный рывок России на юг, который может быть приравнен к великому подвигу освоения Сибири! Россия вышла в Европу, Азию, Африку морским путем!! Недаром вся эта земля была названа Новороссией!

И когда сейчас идут спекуляции — «А це ж наше!» Да не було це ваше, это было общее. Древняя Русь, а потом Россия, Новороссия. У Потемкина, великого стратега и преобразователя, была идея сделать Екатеринославль третьей столицей империи. Не знаем, как бы повернулась история, если бы это произошло...

— А как вы встретили свою любовь, которая стала главной и единственной?

Это опять город Николаев. Его не зря называли городом невест, потому что моряки Черноморского флота приходили на зимние квартиры, на ремонт именно туда, где их поджидали девушки и где жены ждали встречи со своими сужеными. В 1958 г. я уже был секретарем обкома, когда вдруг в «Огоньке», в «Известиях» и в «Учительской газете» появляется фотография красивой девушки, которая дирижирует пионерским хором. И подпись: «Светлана. Город Николаев».

Когда я выступал в этом городе с рассказами о Московском фестивале молодежи и студентов 1957 года, спросил про нее: «А где эта девушка?» «А вон ее ребята выступают», — показывают мне на поющих и танцующих. Потом ехидничали: «Ты специально присудил ей первое место!» Вот так и познакомились. Она все упрекала меня, что я плохо танцевал. Но через год поженились...

Вот сколько связано у меня с Николаевым. В моем романе «Росс непобедимый» есть глава о том, как Фалеев, строитель города, произвел массовую свадьбу в «День невест». Но число я поставил именно — 26 сентября...

— ...Свое число...

— Свое.

Комсомольский пропагандист смолоду, Ганичев, как многие в его поколении, пришел к вере сложившимся человеком. Были такие, кто норовил углядеть в этом знак приспособленчества к новым временам и веяниям. Таким приходилось отвечать: вспомните «Деяния святых апостолов» — главу о Савле, который обернулся Павлом, и вам, может, многое прояснится.

Вера расширила его понимание Православия как духовных очей русского народа в его историческом развитии — в покорении громадных пространств, в умении ладить с инославными и с иноплемениками, преодолевать бедствия, смуты и войны. Молитвенная тишина храмов, проповеди отцов Церкви — привычная часть его духовного бытия.

Ганичев издавал лучших писателей СССР и России. «В “Молодой гвардии” он был прекрасным директором», — вспоминал о нем работавший под его началом писатель и художник Сергей Луконин.

Сам Ганичев написал бы гораздо больше, если бы судьба не поставила его издавать книги других, руководить Союзом писателей в пору, когда советская мода на чтение улетучилась в несколько лет вместе со страной, когда читателей словно выкосило моровым поветрием, а писатель стал беден, едва ли не нищ. Поддерживать в литераторах веру в нужность своего призвания стало очень непростым делом.

Виктор Астафьев на одной читательской конференции, вспоминал В. Байбородин, с горечью сказал о постсоветском состоянии литературы: «Если русская литература в нынешнем окаянном веке выживет, выстоит вопреки власти, то ей надо поставить памятник — величавую скульптурную композицию: изможденный писатель, которого подпирают две заморенные бабоньки: библиотекарь и учитель литературы».

Вот в такую пору довелось Ганичеву встать у руля писательского союза.

Он любил общение, ему был интересен всякий человек. С увлечением беседовал он с сотнями людей, председательствовал на бесчисленных заседаниях в прежнее и в новое время. Его умение задать тон дискуссии, увязать воедино противоречивые подходы, благожелательно отметить вклад каждого говорило о его большом опыте дипломата и политика. Его собеседниками и авторами были первые космонавты планеты и увешанные орденами прославленные маршалы, почтенные классики советской литературы и желторотые птенцы, едва пробуящие перо.

Со страниц его прозы и дневников, из статей, выступлений и рецензий встает вереница мощных характеров, головокружительных судеб — творцов, подмастерьев, начинающих и маститых, людей простых или из первого ряда.

*Писатели на встрече с Юрием Гагариным и Михаилом Шолоховым.
Крайний справа Валерий Ганичев.
Здесь и далее фото из личного архива дочери писателя М. В. Ганичевой.*

Как-то спросил его о встречах с Михаилом Шолоховым.

— Я много раз с ним встречался, — отвечал Валерий Николаевич. — В начале 80-х гг. Шолохов — патриарх нашей литературы. К его слову прислушивалась страна, общество, народ. Власть оделила его всеми регалиями (депутат, член ЦК), но относилась к нему насторожено. С опаской и даже неприязненно. Никита Хрущев пытался его сломить — Шолохов был против его реформ в виде совнархозов, сельских и городских обкомов партии, против внедрения всюду и везде чумизы, кукурузы.

Брежнев поначалу отнесся к нему подчеркнуто уважительно. Но потом возревновал к крепкой дружбе Михаила Александровича с Косыгиным. Однажды Брежнев решил заехать из Сочи в Вешенскую, на что Шолохов, человек независимый, отвечал, что год намечается неблагоприятный, поэтому сейчас лучше на Дону не встречаться. Брежнев, ясное дело, запомнил этот отказ. Мне же Михаил Александрович сказал: «Знаешь, будут тут разъезжать на десятках машин. САМ, прихлебатели, охрана, обкомовцы, районщики. Вон сколько затрат, а урожай-то не намечается большой. За столыя будут ведь, пышные речи, а потом... “Танцевали-веселились, подсчитали-прослезились”».

Но не стоит додумывать лишнее о противостоянии власти и Шолохова. Писатель при всей своей независимости в зряшную полемику не вступал. Он сознавал свой долг перед литературой и своими произведениями.

А как складывались его отношения со Сталиным?

— Пытаются некоторые представить его врагом Сталина: дескать, Сталин только и думал, как посадить Шолохова в каталажку. Сталин, конечно, мог уничтожить Шолохова, но он чувствовал его величие, его талант. Он вбирал от него взгляд на народ, на казачество, на нашу историю, и врагом его личным не был, хотя пытался все время «ставить его на место», не допустить возвышения авторитета писателя выше собственного.

Вспоминаю его рассказ, который слышал много лет назад. Михаил Александрович с передовой Западного фронта приехал в редакцию «Красной звезды», отдал подготовленный материал и вдруг получил приглашение в ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей) — предшественник СОДа — Общества дружбы с зарубежными странами.

«Я, — говорил он, — еще думал, идти — не идти. Одежда — гимнастерка, галифе помятые, подмасленные, фронтовые. Да и обещал возвратиться поскорее. Но воксовцы звонили, настаивали: “Важная встреча! Нам присылают американскую помощь!” Ладно! Пришел в Дом ВОКСа. Все толпятся вокруг кресла, на котором восседает невзрачный, похожий на скворца человек. Подбегают и ведут к креслу. Представляют по-английски:

— Это наш всемирно известный русский писатель Шолохов.

А он, сидя в кресле, небрежно протягивает мне руку. Разобрало. Я как крикну:

— Встать!

Он и вскочил, обе руки протянул. Оказалось, в прошлом из Одессы. Пригласили за стол. Провозгласили тост. Гость на меня с опаской косится...

Пришел в гостиницу и думаю: сейчас уехать на фронт или утром? Решил — утром. А утром — стук в дверь. Открываю... Два капитана с голубыми петлицами:

— Товарищ Шолохов?

— Да...

— Пройдемте...

Ну, вот, думаю, говорил же себе, что надо вечером было ехать. Выхожу. Сажусь в машину. Те двое рядом с двух сторон. Едем от гостиницы “Москва”. Смотрю: если прямо, то на Лубянку, к Берии, если направо, то в Кремль. Повернули направо, еще раз направо, проехали через Спасскую башню в Кремль. Провели меня по коридорам, заводят в кабинет и исчезают. За столом Поскребышев, помощник Сталина. Молчит, и я промолчал, сел. Смотрю на галифе, а они замасленные над коленями. Тушенку в землянке поешь, а руки потом положишь на колени. ... Пятна получаются. Звонок. Поскребышев зашел. Через минуту выходит. Распахивает дверь, показывает рукой — заходи. Зловеще шепчет: “На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться”. Я пожал плечами, еще раз подумал: “Надо было вечером уехать”, — и зашел. Дверь за мной аккуратно так закрылась. У окна спиной ко мне стоит Сталин, курит трубку. Молчит. Проходит минута, вторая. Затем тихое покашливание, и из дыма трубки жесткий голос с характерным акцентом:

— Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?

У меня что-то мелькнуло в голове, не объясняться же, я и ответил:

— Больше кого, товарищ Сталин?

Трубка у него вся заклубилась, он запыхал ей, запыхал, головой покачал, и, отойдя от окна, с легкой улыбкой пригласил сесть. Прошелся вдоль стола и спросил:

— Скажите, когда Ремарк написал “На Западном фронте без перемен”?

— Кажется, в 28-м, товарищ Сталин.

— Мы не можем ждать столько лет, товарищ Шолохов. Нужна книга о тех, кто сейчас сражается за Родину.

— А я уже о такой книге думал...

Еще мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах... Когда выходил, Поскребышеву под нос кукиш сунул:

— На!

И вечером был на фронте».

— У Шолохова, как известно, недоброжелателей было много...

— Враги у него, конечно, были. Он и рассказал мне, как «еще при живом Горьком» за столом у того, на него долго и пристально глядел все-ильный шеф НКВД Ягода, а потом протянул рюмку и, как бы приняв решение, сказал: «А все-таки, Миша, ты — контрик». Я, вспоминал Михаил Александрович, понял, что надо немедленно куда-то скрываться. Посидел немного и домой, чтобы собрать пожитки. Вдруг звонок. «Михаил, — говорит Ягода, — надо встретиться». Я говорю: «Поздно. Далеко ехать». Он успокоил: «Машина уже внизу стоит». Привезли меня на улицу Грановского, завели. В большой комнате стол после гулянки, и на скатерть забросили остатки закусок. И стоит на открытом уголке бутылка водки и банка шпрот с одной вилкой рядом. Выходит Ягода, всклокоченный, растрепанный и говорит: «Очень что-то плохо, Михаил, сегодня. Давай выпьем». Налил по рюмке. Чокнулись. Выпили. Я ищу глазами, чем бы закусить, а он показывает на шпроты. Вилка одна. Он махнул головой: давай ты. Взял одну рыбку, еще одну. А он постоял, махнул рукой: «Ну ладно, давай иди». Для чего звал? Меня отвезли домой, и начались дикие рези в желудке. Что

делать? Звонок: Ягода! «Ты там как?» — «Резь в желудке». — «Ну ладно, сейчас будет машина, отвезут в мою поликлинику. Спускайся». Я выхожу, а эти вроде бы и не уезжали. Отвезли в поликлинику. Санитары подняли меня на носилках. Вышли трое в белых халатах. Двое встали передо мной, пощупали живот: «Аппендицит! Будем делать операцию и срочно!» А за их спиной стоит женщина и качает головой: «Не надо!» Я понял, что это ангел, кивнул головой. Они ушли, а я сполз с кровати, выбрался на улицу, два пальца в рот, по-казачьи. Добрался до друга, прополоскал водкой желудок и утром уехал в Вешенскую.

Высокий, стройный, с негромким голосом, мягкий в движениях и в речах, Ганичев действовал на других умирительно, хотя при случае мог и резко осадить забывшегося, подбодрить оробевшего. Почти четверть века исполнял он свое служение Председателя правления Союза писателей.

Его присутствие, неприметное и недокукливое, явственно ощущалось всегда. Помню многие поездки с Валерием Николаевичем по стране. Вот лишь один эпизод. В поездках за трапезу все садятся, кто как успел или «по интересам», по дружеским привязанностям, свои со своими. Однажды за банкетным ужином я, тогда новичок в писательской ватаге, оказался один — к одним уже было занято, к другим был не зван. Завидев это, Валерий Николаевич, не говоря ни слова, взял и пересел ко мне с соседнего стола. Незаметный, вроде бы, жест, а как много говорит о его внимании к людям!

В пору «устранения русской национальной культуры с культурного поля», когда, «казалось бы, все настроено против возрождения значимости русского писателя», против сохранения русского слова и русского языка, он возвысил свой голос за восстановление «тысячелетней культурной традиции». Представителей русской провинции, громко возмущался он, изгнали со всех каналов телевидения и с любых значимых информационных трибун.

Писатель сегодня «не может быть только зеркалом русской жизни», говорил Ганичев в другой раз и вопрошал: «Способен ли нынешний писатель мерным звуком своих могучих слов воспламенить человека для духовного возвышения, для созидания, для битвы за наши ценности? Прозвучит ли писательское слово сегодня «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных?».

Внешне мягкий в увещеваниях и речах, он разительно преображался на страницах: его публицистика кипела и жгла, он разил русофобов, презиравших народ, русскую историю и отечественную литературу, неистово и страстно...

Ганичев принадлежал к той патриотической части советской номенклатуры, которая в условиях жесткой партийной цензуры и господства классовой идеологии, отстаивала историческую преемственность Отечества, неразрывность его судьбы. В противовес господствующим в советское время догмам он хорошо знал, что история Отечества началась не в 1917 году. Не началась она и в 1991-м, о чем во всеуслышание с самых высоких трибун объявляли новые пустоголовые ниспровергатели вчерашнего. История Отечества едина и неразрывна — это хорошо понимал Валерий Ганичев, это понимание отстаивал словом и делом. Отвергал он и штампы нынешнего либерального времени, когда правилом хорошего тона стало охаивание всего советского опыта.

Немудрено, что от вопиющей действительности «святых 90-х» писателю хотелось убежать в прошлое. Оно всегда его влекло — особенно пропахший дымом славных сражений XVIII век, к концу которого, как говаривал канцлер Безбородко, ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без позволения России. Особенное место занимают его произведения о Федоре Ушакове. Благодаря радениям Ганичева, адмирал был и отмечен на Руси по-особому — канонизирован Русской православной церковью и причислен к лику святых. Российский военно-морской флот, овеянный славой побед в беспримерных сражениях трех столетий, в лице святого Феодора получил своего небесного покровителя.

Ушаков был рожден самой русской действительностью, в числе многих героев «екатерининского века». Был мощным и вполне земным человеком, вышедшим из русской глубинки. Не проиграл ни одного сражения. Когда знаменитого британского адмирала Нельсона хотели похвалить, то называли его «английским Ушаковым», ибо он изучал и копировал все сражения и приемы русского флотоводца. Ушаков занял почетное место в мировой и российской батальной истории, а затем, два столетия спустя, прошествовал в пантеон небесных заступников Отечества. Во время Великой Отечественной войны Сталин учредил орден Ушакова для отличившихся в морских батальных.

Биография Ганичева счастливо сложилась так, что он был знаком с первыми лицами государства, ведущими писателями и деятелями русской культуры, военачальниками, овеянными славой великих побед. Проще, наверное, назвать тех, кого Ганичев не знал, чем вспомнить тех, с кем он встречался, причем не раз. Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Георгий Жуков, Юрий Гагарин, Георгий Свиридов, Василий Шукшин, Василий Белов,

Молодые писатели приехали вместе с Ю. А. Гагариным к великому русскому писателю М. А. Шолохову в Вешенскую. 1967 г.

Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Станислав Куняев. Первые имена страны.

Из интервью с автором:

— Когда Вы пришли в ЦК комсомола, первым секретарем был...?

— Сергей Павлов. Считаю, что это был один из настоящих руководителей. Когда я пришел, он еще не полностью освободился от замашек московского комсомольского хулигана. Спортсмен. Но потом очень вырос, жадно впитывал все. Когда он уходил в 1968 году, это был настоящий руководитель, мудрый, энергичный, понимающий главные вопросы современности. Его не очень любили, потому что он, бывало, распекал министров за то, что они плохо занимаются делами молодежи. Помню совещание строителей Сибири и Дальнего Востока, он просто кричал на министра Непорожнего: «Мы вас заставим! Постройте общежитие, дайте тепло! Сколько можно ездить на молодежи!» Поэтому его не все жаловали, но понимали, что он может вдохновить молодых. А он умел это делать.

И в международных делах он не боялся новых идей, находок, споров. Что-то надо придумать, говорил он мне, для Форума молодежи 1964 года. Как показать солидарность молодежи мира? И мы решили провести суд над Фервурдом, тогдашним президентом расистской ЮАР. Сделали это со всей комсомольской страстью и напором: обратились в Организацию Объединенных наций, в Комитет по расизму, в Международную Ассоциацию юристов, попросили прислать документы, людей, фотографии. И поплыло: плетки как вещественные доказательства, и документы, и юристы, и жертвы. В Колонном зале Дома Союзов, где в те дни проходил суд, творилось что-то невероятное. Я даже испугался этого напора. Приходили люди: буду говорить правду и только правду о том, что происходит в ЮАР. Демонстрировали фильмы. Приехал председатель Международной Ассоциации юристов-демократов. Вел суд академик Чиквадзе, директор Института права АН СССР, величественный, представительный мужчина. Единогласное решение суда: осуждение расизма. Голосовал весь Форум, все споры левых и правых остались позади.

Потом меня посылают в Гану для продолжения заседания.

Там нас встречал один из лидеров Движения неприсоединения президент Нкваме Нкрума. Огромный, крутолобый, обнял нас: «Советская молодежь борется с расизмом. Хорошо!» Когда вручали наши подарки, случился конфуз. Мы привезли медвежонка, а генерал, начальник президентской охраны ни в какую: «Не пропущу!» Медвежонок непростой, со звуком. Прибежал министр по делам молодежи: «Это советские, они не будут стрелять в Нкваме Нкрума». Ну, ладно, сказал он, пусть проходят. Тут я имел неосторожность наклонить медвежонка, он как заурчит «Ур-ур-ур». Начальник охраны бросился на него, спасая президента. Конечно, с таким подарком нас не пропустили. На следующий день мишку вернули со вспоротым брюхом, из которого только пружины торчали.

Но через год мне звонок: «Вы что же, так и хотели?» — «Что такое, в чем дело?». — «Фервурда убили после вашего Форума». — Я отвечаю, что мы, вроде, такой цели не ставили. Потом оказалось, что все наоборот: его убил правый белый расист, недовольный его политикой уступок черным.

— Валерий Николаевич, как бы Вы охарактеризовали то, что происходит сегодня в русской литературе?

— Думаю, в ней происходит то же, что и в обществе. Она полна несбывшихся надежд и представлений о том, что у нас должно было быть в стране, в народе. Полна вариантов художественного взгляда, которые предлагают наши писатели. Некоторые из них — драматические, трагические и безысходные. Некоторые погружены в море мелких подробиц, хотя и важных в жизни человека. И небольшая часть все-таки несет заряд надежды, ободрения что ли...

— ...Сейчас говорят о разных литературных направлениях. Например, православный реализм. Есть еще у нас модернизм и постмодернизм. С кем Вы как писатель, к какому течению себя относите?

— Я вообще скептически отношусь к разделению литературы по всякого рода сусекам и направлениям. Вряд ли Пушкин или Достоевский причисляли себя к какому-либо направлению. Они писали и выражали свое состояние и отношение к той действительности и на художественном уровне пытались ее представить — образами, героями. Есть у тебя талант. Если ты задумаешься, кто ты — модернист, реалист — это будет схема. А ты оглянись окрест, подумай: а надо ли?

Помню, в 1991 г. Артур Чилингаров пригласил меня полететь в Южную Антарктиду, там наш корабль «Сомов» оказался затерт льдами. Потрясающий перелет через Кувейт, Бирму, Таиланд, Шри Ланку, Сейшельские острова, Танзанию, Йоганнесбург в Южной Африке, в Антарктиду. Опустились на вертолете на корабль, который эвакуировали... Все инженеры, механики оказались читающими людьми. Спрашивают: «Скажите, а кто дает вам право писать? Почему вы вдруг взяли на себя эту миссию?» Честно говоря, меня этот вопрос обжег. Подумал: если ты действительно не считаешь своей внутренней обязанностью, долгом, необходимостью писать, то имеешь ли ты право писать?

У нас многие, к сожалению, этим вопросом не задаются. Сейчас книг-то выходит значительно больше, чем раньше. Скажем, когда я работал директором издательства «Молодая гвардия», мы выпускали в год 600 названий. Немало. Но сейчас выпускают куда больше. Правда, тиражи у нас были 40 миллионов в год. Впереди был только «Политиздат», издававший Ленина, классиков, речи руководителей страны. Кстати, Ленин тогда шел на первом месте в мире...

— Да, впереди была только Библия...

— Да, Библия, Ленин, Толстой. А бывало и — Ленин, Толстой, Библия... Сейчас, думаю, в мире сложились другие пропорции, но вопрос остается: кто дал право писать? Для гениев это — Божественное предназначение. Для людей талантливых — осознание необходимости сказать свое слово. Ну, есть и массовый литератор, который зачастую переоценивает свои возможности, но утверждает свои претензии на место под солнцем. В нашем Союзе есть приемные комиссии, проводятся собрания на местах, есть свое, если не сито, то своя планка требовательности. А у некоторых наших коллег такой требовательности нет. Написал, и всё. Сейчас издать книгу не так трудно. Раньше критерием были одна-две книги, нужно было пройти через издательства, советы. А теперь, если есть деньги, издание книги не проблема. Но и не критерий...

В 1999 г. собрали мы исторических писателей. Патриарх обратился к нам с приветствием и сказал, что русская классическая литература в нема-

лой степени спасла нравственность наших людей в годы атеизма. Литература внутри себя сохранила все те ценности, законы, требования, которые в то время не могли быть проповедуемы через Церковь.

Вот в этом смысл, задачи и цель нашего Союза писателей — следовать великому направлению классической литературы. Она наша спасительница...

Прощание

10 июля 2018 г., в солнечно-ясный, приветливый полдень в Переделкино, возле соборного храма благоверного князя Игоря Черниговского и Киевского, собирались родные, друзья и коллеги, чтобы проститься с Валерием Николаевичем Ганичевым. Место для строительства храма выбирал еще Святейший Патриарх Алексий II, освятивший закладной камень в 2010 году. Возводила храм «Балтийская строительная компания», генеральный директор которой Игорь Найвалт был членом Общественного совета газеты «Слово».

Пришедших отдать последнее целование главе Союза было много — небольшая площадь перед входом в храм была запружена народом, а люди все шли и шли. Рукопожатия, объятия, троекратные лобзания... Здесь же семья Валерия Николаевича — дочь Марина с домочадцами.

Хоть и знали мы о давней болезни нашего председателя, но все же весть о его кончине как бритвой полоснула по сердцу. Казалось, износу ему не будет, и его по-прежнему будет хватать на все восемь тысяч членов нашего Союза писателей, с отделениями во всех концах необъятной страны — от Калининграда до Сахалина. Его совета, поддержки и поощрения искали и получали многие, его укор осаживал самых забубенных в писательском цеху...

Он по-особому, по-своему был близок и нужен многим — десяткам, сотням разных людей, совсем не похожих друг на друга. В России, как известно, что ни город, то норы, что ни деревня, то обычаи. Но для всякого у него находился сугубый подход: непомерные самолюбия он утишал, гневливых умирал, талантливых и робких выделял.

Как он смог сохранить Союз в лютую и долгую пору жестокого безденежья, откровенного пренебрежения и враждебности либералов во власти к русской литературе и к писательскому ремеслу, в годы катастрофического падения книжных тиражей, закрытия библиотек, сокращения уроков словесности и русского языка в школах? Страна на протяжении жизни одного поколения превратилась из самой читающей в мире в территорию, чье население стало, по задумкам новых «образованцев», «квалифицированным потребителем» гламурной пошлятины на эстраде, телеэкране и в книге. Один Бог ведает, что стоило Ганичеву вести корабль российской словесности через мутные и бурливые воды нового, чуждого времени.

Но он неумоимо работал со всеми в правящей элите, кто понимал значение отечественной литературы в духовном возрастании нации и в сбережении единого культурного пространства вчерашних республик страны (в первую голову славянских). Все, кто был озабочен кризисом духовности в обществе и упадком просвещения народа, становились его союзниками — архиереи православной церкви, губернаторы, ученые, библиотекари, вузовские преподаватели, университетская профессура, учителя, директора музеев и художественных галерей.

И, конечно, писатели. Выстояли, сдюжили, и ныне Союз не просто признают и принимают губернаторы многих краев и областей. Они считают своим долгом помочь нашим отделениям на местах, которые по справедливости считаются полномочными представителями российской творческой интеллигенции. Огромную роль сыграла деятельность Валерия Николаевича во Всемирном Русском Народном Соборе, где он в качестве заместителя председателя имел трибуну для отстаивания прав русского народа и укрепления межнационального мира в стране.

Все два десятилетия существования «Слова» Валерий Ганичев был не только членом Общественного совета газеты — он был нашим деятельным и желанным автором. Десятки больших и малых статей, выступлений на заседаниях Всемирного Русского Народного Собора, размышлений о нашем времени, о Федоре Ушакове, о судьбах отечественной литературы, о писательстве, о русском языке... «Ты все печатал, Витя. Все, что он давал», — сказала мне после панихиды дочь писателя Марина Валерьевна, и эти слова были самой большой похвалой для нас.

Много ли на Руси за всю историю нашей словесности писателей, которым довелось увидеть героя своих произведений причисленным к лику святых? А Валерию Ганичеву с русским адмиралом Ушаковым удалось именно этим завершить свое великое послушание в русской литературе!

А какие сокровища вручал он нам для публикации в период становления газеты! Можно ли забыть, что именно Валерий Николаевич много лет назад передал для «Слова» рукописи дневников Георгия Свиридова, великого русского композитора и патриота. Мы стали первым изданием, где российский читатель смог познакомиться с высоким полетом мысли и чувствований этого выдающегося сына России.

...Божественную литургию и отпевание Председателя Правления СП России, В. Н. Ганичева совершал заместитель управляющего делами Московской Патриархии, заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора епископ Воскресенский Савва. Последние семь лет преосвященный Савва — настоятель ставропигиального Новоспасского монастыря в Москве.

Он предварил оглашение соборезнования Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла такими словами: «Святейший Патриарх к Валерию Николаевичу относится, заметьте, не относился, а относится, поскольку у Бога все живы, не только как к своему соратнику, но как к другу, которого особенно любит, уход которого переживает. Сегодня, в виду запланированной за долгое время поездки Его Святейшества на Валаам, отменить которую не представлялось возможным, Святейший Патриарх направил своего викария, чтобы принести слова соборезнования всем вам».

«Сегодня от теплоты и сердечности, казалось, небеса разверзнутся, и особое благоволение Божие к новопреставленному Валерию снизойдет по молитвам тех, кто собрался в этом храме», — продолжал Владыка, напомнив, что «самый главный подарок для христианской души — когда близкие люди готовы молиться за усопшего и творить милостыню в его память».

Вот о чем говорил на гражданской панихиде новый глава Союза писателей России Николай Иванов:

«Когда уходит близкий человек — кажется, рушится целый мир. Но по-иному мы ощутили уход Валерия Николаевича.

Страна, прощаясь с одним из своих духовных лидеров, обрела символ своего устремления в будущее. Об этом говорят телеграммы соболезнования от Президента страны, Святейшего Патриарха, председателя Конституционного суда В. Зорькина, Н. И. Рыжкова, министра культуры РФ В. Мединского и от многих регионов.

Писатели России в эти скорбные, утратные дни обрели новую уверенность в правоте своего дела. В верности направления, в котором движется наш творческий Союз.

В эти дни пробудилась Россия не чтива, а Россия читающая, думающая и совестливая.

В 1994 г. писатели России избрали на пост председателя своего Союза человека, которому мы сегодня говорим слова благодарности и любви. За его подвижнический труд по сохранению и сплочению творческой организации. А какое огромное сердце у него было! Оно вмещало всю Россию. Его деятельность заменяла нам целые институты политиков по созданию национальной идеи. А он ее не создавал. Он ее явил из глубины народных чаяний, из народного представления о нашем человеческом достоинстве.

Валерий Николаевич никогда не работал в одиночку. Только в команде. Чтобы мы все, с гордостью называя его имя, понимали, что его имя — это все мы. Что такие же, как Ганичев, его сотоварищи и друзья — Распутин, Белов, Лиханов, Проханов, Ножкин, Карпов, Алексеев, Крупин, Куняев и многие другие, не позволили чиновникам на переломе эпох превратить человека из духовной в экономическую единицу. Это поколение, эти имена, эти судьбы сохранили живое, обращенное к человеку слово, живое сочувствие и сострадание к человеку...

Союз писателей России продолжит свое движение вперед. Но и не забудем созданный Валерием Николаевичем образ Екатерины Великой, которая в минуты сомнений неизменно восклицала: “Надо посмотреть у Петра Алексеевича. Наверняка он об этом думал”.

Мы тоже будем останавливаться и сверять свои целеустремления с деяниями Валерия Николаевича Ганичева. Он “наверняка” о многом из нашей нынешней жизни думал...».

А вот что, в частности, написала о своем бывшем главном редакторе «Комсомольская правда», которую Валерий Ганичев возглавлял в 1978—1980 гг.:

«...Ганичев был одним из главных проповедников патриотических взглядов в нашей стране. И потому, в ответ на его смерть недруги, коих у покойного было пруд пруди, и либерально настроенные блогеры холодно назовут его “литературным функционером” и будут эмоционально удивляться тому, “сколько, оказывается, у Ганичева было наград и должностей”.

Впрочем, главной своей наградой Валерий Николаевич считал слова Гагарина. Первый космонавт на одном из светских мероприятий поднимет бокал и скажет: “Я пью за главного комсомольского идеолога — Валеру Ганичева”.

...Ганичев пришел в “Комсомолку” как главный специалист по молодежной прессе. К тому времени он больше десятка лет успешно руководил издательством “Молодая гвардия”, где выходило более 600 наименований книг общим тиражом 400 миллионов в год. На новом посту редактора газеты свою задачу он обозначил как “насыщение русскостью”:

“Особенно меня беспокоило состояние русского народа, — напишет он потом в воспоминаниях. — Им пренебрегали, его спаивали, бессовестно урезали его возможности, приращивали за счет России Казахстан, Киргизию, Латвию, впрыскивали русские мозги в национальные Академии, отбирая для всех, кто кричал позднее русским “оккупанты”, места в московских и всех российских вузах. У России не было своей Академии наук..., не было и Российской коммунистической партии... В стране была хорошо организована донорская система откачки умов, капитала, ресурсов в другие республики и за рубеж”.

...Главной удачей Ганичева на посту редактора стало “открытие” писателя-деревенщика Василия Белова. Огромный резонанс получила статья о Белове “Нестихающая совесть писателя”. Это была первая публикация о нем в центральной газете, и потом, когда Белов получил Государственную премию, Ганичев со свойственной ему прямотой назовет это событие “победой нашей истинно русской, замаскированной под кодом «деревенская», литературы”.

...Позже, устранившись от политики, Валерий Николаевич смог заняться литературой и посвятить себя главному делу жизни: изучению и прославлению жизненного пути и деяний адмирала Федора Ушакова.

— Великая заслуга Валерия Николаевича в том, что он протер от ржавчины и вновь провел русскую эскадру победоносными маршрутами. Мало кто помнил, что адмиралу Ушакову довелось быть в тех событиях не только воином, но и дипломатом, — говорил Валентин Распутин.

До конца жизни Ганичев оставался неоднозначным, но честным человеком, патриотом, не изменившим взглядов со временем. Он говорил: “Русофобию не нужно бояться. Ее нужно преодолевать”. Примечательно, что, блестяще владея украинским языком, писатель любил давать “смешанные” интервью на русском и украинском языках. В одном из последних таких интервью он говорил о скором и неизбежном примирении наших народов и о необходимости “во имя будущего соединить русское и украинское слово”.

“Делателем дел” называл Ганичев своих героев. Безусловно, таким “делателем дел” был и он сам».

Связь ВРЕМЕНИ

Татьяна ТИТОВА

«Я ДОЛЖНА БЫТЬ ОДНА»

*К 85-летию поэта
Ирэны Сергеевой*

Татьяна Максимовна Титова — родилась в д. Пожеревицы Дедовичского района Псковской области в 1966 году. Окончила Ленинградский горный и Псковский педагогический институты. Работает учителем русского языка и литературы. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публиковалась во многих российских и петербургских периодических изданиях. Член СП России. Живет в Санкт-Петербурге.

Можно ли в слове запечатлеть солнечный луч, порыв ветра, плеск волны? Природное и самое сокровенное неуловимо, оно ускользает, заставляя вновь и вновь чувствовать собственное бессилие...

Нечто похожее испытала и я, осмелившись написать словесный портрет Ирэны Андреевны Сергеевой. Мне захотелось сказать о ней не столько как о поэте, сколько как о человеке. Не знаю, случайно ли вспомнился вдруг Тютчев, его сакраментальное: «Умом Россию не понять...» Видимо, не случайно: «Ирэна Сергеева» и «Россия» — не просто слова, по-моему, это понятия, синонимичные по сути. В основе их — тайна, которая влечет к себе и требует разгадки. Но ее не разгадать: «Не твоего ума — моя сума», — заявляет поэт. Да и надо ли разгадывать? Надо, наверное, просто жить и жить просто и любить людей так, как это делает Ирэна Андреевна. Однако жить просто и любить людей очень непросто. Именно это в Ирэне Андреевне и удивляет.

Вообще меня в ней удивляет многое. Как-то в разговоре я заметила, что для поэта она какая-то очень земная. «Земная, но не приземленная!» — уточнила она, с легкой иронией взглянув на меня умными серыми глазами.

Удивляет ее непосредственность, порой даже наивность, свойственная скорее детям, а не человеку, умудренному и отягощенному жизненным опытом.

Трудно понять, каким образом прагматизм «уживается» с той легкостью, с какой Ирэна Андреевна относится к деньгам, вернее, с какой расстается с ними.

Радует ее душевная щедрость, стремление делать подарки, причем не только друзьям и хорошим знакомым, но и «проходящим», порой даже случайным людям.

— Представляете, заказывала себе в Интернете чашку, вы же знаете, я очень люблю качественный фарфор, и у меня его много, так вот, вдруг увидела одну кружку — такую чудесную! И поняла, что нужно ее непременно подарить К*, у него уж точно такой нет!

Служит примером гибкость и живость ее ума, владение речью. Чего стоят одни только эти строки:

*Язык народный, ты — мой родный,
ты русский, для меня един:
что и дворянский — благородный,
что и крестьянский — царский сын!*

Поразительна свобода, с какой она осваивает компьютерные новшества и гаджеты. Что для нее, оседлавшей строптивого Пегаса, какие-то ВК, YouTube, Wildsberries!

Вдохновляет радостное беспокойство, с каким она встречает каждый новый день. Думаю, похожее чувство охватывает человека, стоящего на пороге весны, с надеждой устремленного в будущее. А что ожидает Ирэна Андреевна? Может — смею предположить — среди своих старых и новых друзей, среди многочисленных знакомых и малознакомых людей — всей этой разноликой, шумной и своенравной писательской братии — своим единственным, но «всевидающим оком» Ирэна Андреевна надеется наконец-то «узреть» *его* — чудо-поэта, нового русского гения двадцать первого века? Поэта и Человека, способного служить Русской литературе с той же бескорыстной преданностью, с какой служит ей она...

Вспоминается ее стихотворение «Поэту», написанное в девяности:

*Не бойся русским быть
И русским прозываться,
Нам Родине служить
и вместе призываться,
и вместе погибать
в одной кровавой сече,
где рядом сын и мать —
в защиту русской речи.*

За десятилетие с небольшим, что Ирэна Сергеева стоит во главе секции поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, под ее редакцией издано девять коллективных поэтических сборников. Ей принадлежит и замечательная идея возрождения альманаха «Северные цветы», основателем которого был А. Дельвиг. Первый выпуск был приурочен к 200-летию Пушкина, а к 85-летнему юбилею Ирэны Андреевны вышел четвертый номер. Кроме того, несмотря на безумную занятость, Ирэна Сергеева предлагает свою безвозмездную помощь в редактировании рукописей. Ни одного человека, обратившегося к ней, она не оставляет без внимания. Сколько книг обязаны ей своей жизнью! Сколько бессонных ночей провела она над рукописями, жертвуя отдыхом и здоровьем! В наше прагматичное время, когда большинство живет по принципу «время — деньги», такой пример самоотречения у многих вызывает недоумение, связанное с недове-

Ирэна Андреевна Сергеева

ние к людям, к жизни, к творчеству заставило и меня в чем-то пересмотреть свои взгляды. Сейчас я понимаю: по-другому и быть не могло. Рядом с ней и даже на расстоянии, разговаривая, например, по телефону, по-особому чувствуешь Время, его неумолимый ход. Понимаешь, как мало ты сделал, как много еще надо успеть... И еще: чувствуешь, насколько Поэт одинок... Но одиночество это — во благо. Ирэна Андреевна Сергеева говорит об этом в одном из своих стихотворений.

*Я должна быть одна. И одна
яда лживость всю выпить до дна,
лживость, зависть бездарных калек...
Знаешь, Пушкин, и я ведь — на снег!..
Бог с ним, с Моцартом!.. Яд — это лезть!
У Сальери наследники есть...
И Россия одна. И она
лишь любовью своею сильна.*

рием. Не верят, что можно работать на голом энтузиазме. Ну что ж, каждый судит по себе. «Во что веришь — то и есть», — сказал классик. А Ирэна Андреевна верит в Бога и слушает свое сердце:

*Русское сердце
не может без жалости.
Знаю, не камень оно и не лед
и на побоище, и на пожарище
даже чужому
на помощь придет.*

Уверена, знакомство с Ирэной Андреевной, как с человеком и как с поэтом, ни для кого не проходит бесследно. Ее отноше-

Михаил ЗАРУБИН

МОРСКАЯ ФОРМА

Рассказ

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Рождение в большой дружной семье мальчика — это огромная радость для всех. Наследник! Продолжатель рода и дела! И молодая мать лучилась счастьем. Делилась им со всем миром, и ее муж, упоенный всеобщей радостью, выглядел как герой, получивший высокую награду. Но вскоре Анюта как будто померкла, стала опускать глаза, казалось, ушла в свой новый мир, обособилась. Раньше ей нравилось общаться с нами, она с удовольствием показывала Коленьку, каждый раз находя в нем новые черточки его схожести то с ней, то с мужем Володей. Теперь же больше молчала, наше общение сошло на обычные два слова «привет» и «пока». Вечерами, уложив сына спать, они с Володей о чем-то подолгу шептались.

— Что-то произошло у них? — спросил я жену.

— Я тоже удивляюсь, — тревожно ответила Нина, — не знаю, как и спросить, чтобы не отдалились от нас совсем. Может, мы чем-то обидели?

Жена грустно улыбнулась и добавила:

— Спроси у Володи. Ты мужчина, вам легче выйти на разговор по душам.

Володя, муж Анны, появлялся в нашей квартире на выходные, на время увольнений. Он учился в военно-морском училище, до выпуска ему оставалось месяца два. Я решился на откровенный разговор.

В ночь на субботу я все обдумал. Почти не спал. Утром встал пораньше. За поддержкой высших сил вышел на балкон. Небо прояснялось на глазах, из стального стало фиолетовым с золотистыми прожилками, похожим на камень чароит, потом зазеленело и вдруг сделалось пронзительно голубым. Солнечные лучи уже не тоненьким ручейками проре-

зали небесную твердь, а лились теплыми потоками на остывшую за ночь землю. Но воздух был еще свеж, хранил дыхание северных широт. Воодушевившись картиной природы, я ухожу с балкона, иду на кухню, надеясь, что там встречу Володю.

— Доброе утро, дорогой зять, — говорю ему с теплой отческой улыбкой. Он, не отвечая на приветствие, встает и пытается уйти.

— Володя, побудь со мной, не торопись, — продолжаю я свой монолог в тех же родственных интонациях.

— Хорошо, папа, — обреченно отвечает молодой отец.

Папой он стал называть меня на второй день после свадьбы. И мне это очень нравилось. Ведь у меня не было сына, а только две прекрасных дочери.

— Почему ты такой грустный? — решился я подойти поближе к теме. — У вас с Анютой что-то случилось?

— С Анютой?! Ничего. — Безразлично ответил Володя.

— Тогда почему в последнее время вы оба стали такими замкнутыми?

— Мы? Замкнутыми? Вам показалось.

— Нет, не показалось, — более резким тоном ответил я, ощущая, что мои вопросы и переживания зять демонстративно игнорирует. — Что вас мучает, мы же слышим, как вы шепчетесь до глубокой ночи.

— Мы о любви шепчемся, — без улыбки ответил мой сложный собеседник.

— Володя, я тоже был молодым, знаю, что о любви часами не шепчутся.

— Да? А я не знал об этом.

— Странно, что ты со мной не хочешь быть искренним.

Володя ничего не ответил. Он посмотрел как будто сквозь меня, встал из-за стола, подошел к окну и разгоряченным лбом уткнулся в прохладное стекло: вокруг головы образовались туманные контуры. Это свидетельствовало, что наш разговор, вернее, мои прямые вопросы, нервируют молодого человека до пота.

Видя такое его состояние, я забеспокоился, подошел к зятю, взял его за руку.

— Володя, что случилось?

Он неопределенно пожал плечами и опять сел на стул.

— Что с тобой, ты болен? Я же вижу, что тебя что-то сильно беспокоит. Пойми меня, я и мама, мы не можем оставаться безразличными ко всему, что происходит, ты ведь член нашей семьи. Я не хочу быть навязчивым, но я человек опытный, знающий жизнь, любящий свою дочь, вашу молодую семью. Не бойся, скажи, я готов разделить с вами все тяготы и невзгоды. Мне так хотелось бы чувствовать, что мы нужны вам, тебе, Анюте, Коленке. Поверь, чтобы ни случилось — мы будем рядом и всегда поможем.

Володя поднял голову, внимательно выслушал мой монолог. Черты его лица немного смягчились, прежде бледное лицо слегка порозовело.

— Папа, у нас с Анютой все нормально, — ответил Володя, согласно покачивая головой.

— Это уже хорошо, — с улыбкой ответил я, тоже покачивая головой ему навстречу.

— А в том, что меня беспокоит, вы помочь не сможете. Я уже говорил, что в июне заканчиваю училище.

— Да, Володя, это известно всем. Мы тобой гордимся. Офицер — это не только звание, это служение, это характер, это судьба.

— Вы же знаете, обычно после выпуска нас направляют на Северный флот или на Тихоокеанский. Точнее, туда, откуда приходят заявки на должности офицеров. Кого — куда? Знать нам об этом не положено. На какую подлодку попадем, узнаем по прибытии.

— И это известно, даже нам, штатским, — со знанием дела подтвердил я.

— Но в этом году что-то изменилось, в училище появились люди в зеленых погонах.

— Пограничники, что ли? Только они ведь носят зеленые погоны.

— Да нет, мы всех, кто одет не по-моряцки, так называем. — Володя разговорился и заметно повеселел.

— И что эти люди делают в училище?

— Они подбирают кадры.

— Кадры?

— Да, кадры, на службу не на море, а на суше. — Володя огорченно махнул рукой.

— И что же здесь плохого?

— Но я ведь мечтал о море. Вы понимаете, что море — это даже не мечта, это образ жизни, это твоя кровь, твоё счастье и вера.

Воцарилась тишина. Я не знал, как утешить зятя, видя его беспомощное отчаяние. Начал говорить общие слова, еще не понимая серьезности всей ситуации.

— Понятно. И ты попал в число тех, кто нужен военным с зелеными погонями?

— Да, к ним в списки все попали, осталось согласие подписать.

— И об этом вы с Анютой шепчетесь по ночам?

— И об этом тоже.

— Что же ты решил?

— Ничего не решил. Я столько мечтал о службе на море, на подводной лодке, что другую профессиональную судьбу не приемлю, — с железными нотками в голосе отчеканил отец моего любимого внука.

— Значит, надо твердо заявить на распределении, что ты шел в морское училище с мечтой о море, и сухопутная служба тебе не по душе.

— Но ведь есть Анюта, сын.

— А что, Анюта против службы на море?

— Нет, не против, но служба на суше ей больше нравится. Она там будет спокойнее за меня, ведь кругосветных плаваний не будет. И боевых дежурств подо льдами не будет. И сын будет видеть отца каждый день. Таковы ее доводы.

— А ты на чем-то остановился?

— Я в полной растерянности.

— Почему? Давай порассуждаем вместе, выявим все «за» и «против».

— Ну, во-первых, при службе на земле я лишаюсь морской формы.

— Ты уверен? Может, не все знаешь?

— Нет. Это первый вопрос, который я выяснил точно, — не скрывая огорчения, ответил зять.

— А форма для тебя важна?

— Да. Я мечтал быть морским офицером. Я ради этого учился.

— Но ведь тебя никто не заставляет служить на суше, стой на своем, оставайся морским офицером.

— Все это так, но сейчас я не один, у меня семья и заботиться о ней нужно мне. И сделать так, чтобы хорошо было всем.

— Мы тоже, Володя, члены семьи. Уж о своей дочери с внуком позаботиться сможем, пока ты будешь бороздить океаны.

— Вы! — возмущенно воскликнул глава молодой семьи.

— Да, мы. — Я понял свою оплошность и примирительным тоном добавил, — то есть, нам с мамой очень бы этого хотелось.

Володя тоже несколько поумерил свою горячность и согласился:

— Это правильно, что мы одна семья. Это хорошо.

— Нам, конечно, не безразлично, какое ты примешь решение о месте своей службы, — я опять перехватил инициативу разговора и мягко, но непре-рекаемо, заключил, — давай после завтрака обсудим вашу судьбу все вместе.

— Согласен. Но решение, где мне служить, должен принять я сам.

— Конечно, это только твой выбор. Никто не оспорит, однако наш совет не повредит.

Мы договорились, что давления с нашей стороны не будет, только тогда молодые выслушают наше мнение.

Сначала за завтраком все сосредоточенно молчали. Но в этом безмолвии ощущалась коллективная работа мысли. Первой не выдержала Аня. Посмотрев на мать и на меня, начала разговор.

— Ну вот, теперь вы все знаете.

— Что все? — взволнованно спросила Аня.

— Где Володе предлагают служить.

— Предлагают? — удивилась Аня.

— Да, да, да, — выплеснула свое нервное напряжение дочь.

— Успокойся, доченька, — я накрыл ее напряженную руку своей ладонью, как в детстве, и, смягчив голос, обратился к зятю: — Володя, расскажи нам все по порядку.

— Но я же говорил.

— Считай, я плохо слушал, а мамы совсем не было рядом. И я не успел передать ей суть нашего разговора.

— Хорошо. Комиссия, которая приехала в училище, провела отбор кандидатов. Состав группы десять человек. В этой группе и я.

— По каким же параметрам шел отбор?

— Не знаю. Сейчас с каждым идет разговор, вернее, каждого уговаривают.

— И что же предлагают?

— Не предлагают, а заманивают благами, — сердито ответил Володя. — Семейным обещают отдельную квартиру, приемлемый распорядок дня, хорошую зарплату, паек.

— Чем же эти предложения отличаются от морских?

— У нас нет альтернативы. Нам о службе на флоте ничего не говорят, мы знаем об этом только от друзей, которые раньше закончили училище и уже служат.

— Ну и что они сообщают?

— На Северном флоте дают квартиры, там с жильем все нормально, на Тихоокеанском не знаю, но по моей специальности все попадают на Се-

верный. И я собирался туда же. Атомоходы стоят в Гремихе. Я там был на практике, ходил в поход.

— Но есть какие-то явные преимущества суши перед морем? Или все дело только в форме? — мне хотелось поточнее узнать о различиях службы.

— Есть, конечно, различия. Но и потеря морской формы для меня многое значит. Ведь с детства я грезил морем. А море — это и черная пилотка, и золотые погоны, и кортик, и боевая шеренга, и Андреевское знамя, развевающееся и над рубкой, и над морской пучиной, и над поверженным врагом, и над парадным расчетом.

Других доводов не последовало. За перегородкой Коленька стал подавать голосок. Анюта ушла к ребенку, Нина решила помочь ей и тоже незаметно исчезла из кухни. Мы остались вдвоем. Майское солнце вовсю хозяйничало на кухне, окрашивало в свои цвета стены, посуду. Сладко, обнадеживающе щебетали на улице воробьи. Распахнутая форточка своим крылом направляла на нас возбуждающий запах сирени. Он был таким терпким, густым, что даже аромат горячего кофе, разлитого по чашкам, не пытался конкурировать с этим благоуханием.

Я, блаженствуя в этой красоте, разнежился и поддался воспоминаниям.

— Знаешь, Володя, наверное, солнце разбудило во мне мою память. Я ведь тоже когда-то принимал похожее решение. Правда, сразу после свадьбы с Ниной, с нашей мамой. И мы были тогда очень молоды, но порядки были другие. Тогда выбор места работы проводился во время учебы в техникуме, за год до диплома. Но я свое место выбрал раньше, как только поступил учиться в техникум. Железная дорога Хребтовая — Усть-Илим, родной край, малая родина. И все об этом знали, а я был горд этим. И хотел посвятить свой труд и свою жизнь родному краю.

Я был уверен, что распределюсь в родные места, стану участвовать в строительстве железной дороги, прокладываемой через глухую тайгу, а еще надо построить десятки мостов, станций, локомотивное депо. Тайга трудна для строительства: масса поваленных временем и ветром стволов деревьев, трава выше человеческого роста, непроходимые леса, ледяные реки. Нет даже тропинок, где могла бы техника пройти. Все надо делать самим. Конечно, я, молодой, горячий, в своих мечтах — повсюду.

Перед защитой диплома мы с Ниной поженились. Свадьба была скромной, присутствовали родные Нины и наши близкие друзья. Причиной такой сдержанности стала трагическая гибель Нининого отца за несколько месяцев до этого праздничного дня.

— А зачем тогда свадьба? — удивился Володя, отхлебывая кофе из своей массивной кружки с морским декором.

— Мы же любили друг друга, это первая и самая главная причина. Было много и других причин, одна из них: нужно было хозяйничать в доме.

— Как это, хозяйничать, в каком доме?

— В пору нашей юности мы с Ниночкой жили в областном городе. Я в общежитии — лучшее местожительства для студента, а Нина в частном доме. Дом как дом. Есть печь, нужно наколоть дрова, принести воды из колонки, метров триста от дома, а когда воды там нет, и такое бывало, надо спуститься по крутому угору к Ангаре, а потом подняться с полными ведрами. Не женское дело.

В доме после смерти отца остались жить двое, Ниночка и ее мама. Маме было уже за шестьдесят. А с Ниной случилась беда. «Проснулся» аппенди-

цит, и ей сделали операцию. Операцию выполнили неудачно, забыли бинт, пришлось еще раз резать. А зима накатывалась морозами. Вот и легли на мои плечи домашние дела-заботы. Как тут уехать, как их бросить? На один день нельзя оставить.

Что только ни передумал. Но подошло время ехать к месту работы. Прихожу к директору техникума, объясняю, говорю, что не могу уехать. Посмотрел он на меня с понимающей грустью.

— По-человечески, одобряю твои труды, но, Михаил, решение уже принято на уровне Министерства. Ты же сам просил. Год назад твоё распределение одобрено. Диплом ты получишь только по месту работы.

— Значит, без диплома останусь, — сопротивлялся я стойко.

— А как же родные места, малая родина?

— Немного подождет, я никогда не расстанусь со своей малой родиной, ношу ее и в сердце, и в уме. Но любимого человека я бросить не могу.

Помню, как тогда я переживал, даже плакал, разрывалось мое сердце между любимой мечтой и любовью к человеку.

— И что, так и не получили свой диплом? — зять заинтересованно и сочувственно слушал мои воспоминания.

— Получил, но это, как говорят, другая история. Однако на Усть-Илим мне так и не довелось приехать, даже по уже построенной железной дороге.

На этом наш неоконченный разговор тогда окончился. Мы не продолжили его ни в мае, ни в июне. Я понял, что молодые должны сами решить свою судьбу.

В теплый июльский день состоялся выпуск молодых офицеров из училища. Володя пришел домой вместе с Анютой. Она была одета в новое нарядное платье, через которое солнечные лучи высвечивали ее по-девичьи тонкую фигуру. В левой руке Анна держала светлую куртку, в другой — сумку. Дочь выглядела усталой, хотя напряжение последних недель не мешало ей оставаться красавицей. Володю в первый момент я не узнал. Он был одет в новую парадную морскую форму. Белоснежный китель, проглаженный, без единой морщинки стройнил его мускулистое тело. С боку на золотом ремне — черно-золотой кортик. Правое плечо украшал аксельбант. Две лейтенантских звездочки искрились на погонах как застывшие капельки солнца.

— Да, Володя! — выдохнул я с восторгом от его внешности, и других слов не нашел.

Помогла Анюта.

— Здравствуй, папа, — она протянула мне руку, прижимаясь к плечу мужа.

— Здравствуй, доченька. Загляделся я на твоего офицера — какой красавец.

— Не красавец, а красавец, — поправила меня дочь, еще крепче прижимаясь к мужу.

— Давайте сфотографируемся на память, — попросил Володя. — А то ведь больше никогда не придется увидеть себя в морской форме, тем более парадной, — с грустью добавил зять.

— Почему не придется? — я искренне удивился.

Анна тоже с печалью в голосе пояснила:

— Папа, Володя принял решение служить на суше.

— Анюточка, — нежно прервал ее Володя, — я сам об этом хотел сказать.

Но дальше разговор не продолжился. Чтобы как-то озарить сцену и разрядить тишину, я попросил Володю и Анюту встать рядом, сфотографироваться. Затем пристроил фотоаппарат на автомат, и мы, все вчетвером, не забыв о Нине, запечатлели себя на века.

И только отправляясь на праздничный ужин, мы услышали от зятя его решение.

— Мне пришлось много передумать, — сказал он, — но главным при принятии решения была Анюта.

Дочь заулыбалась, благодарно прижалась к Володе и, немного стесняясь, поцеловала мужа.

Мы с улыбкой смотрели на молодых, любуясь их искренней любовью.

Я с гордостью подумал о дочери, о том, что она так сильна в своих чувствах и правдива, что способна другого человека наградить великим чувством и великой ответственностью.

Володю начал легко рассказывать о трудном решении.

— Да тут и рассказывать-то нечего. После сдачи государственного экзамена в училище я подписал договор. Так было оформлено мое согласие.

— Ты помнишь основные пункты, или у тебя есть второй экземпляр? — вмешался я со своей неискоренимой дотошностью руководителя.

— У меня есть экземпляр.

— Надеюсь, он не секретный?

— Да, в нем нет никаких секретов. Там отмечено, что предоставляется квартира, указывается оклад и другие социальные выплаты.

— А место службы в договоре указано?

— Нет.

— Где же будет проходить твоя служба?

— Скорее всего, в Белоруссии.

— В Белоруссии? — это меня удивило больше всего.

— Да, но это со слов переговорщиков.

— А все согласились из намеченной группы?

— Нет, двое отказались.

— Когда к месту службы прибыть приказано?

— В течение месяца.

— Довольно, господа офицеры, а то получается форменный допрос, — вовремя вмешалась в разговор Нина.

— Какой допрос, о чем ты говоришь? Тут больше любопытство, — защищал я свои отцовские переживания и страхи за детей.

— Хватит, хватит, «любопытной Варваре на базаре нос оторвали», — сказала жена с улыбкой, но непререкаемо.

— Эх, Нина, поговорить не даешь с морским офицером.

— Не даю, так как зову всех за стол, там и заканчивайте свои речи.

— Правильно, за столом и смыслы проясняются, и решения крепнут. Володя, Анюта, поторопитесь. Это ваш праздник.

— Мне осталось снять парадную форму, — со смущенной улыбкой сказал Володя.

— Подожди немного, не снимай. Мы еще на тебя полюбуемся за столом, — подбодрил я зятя, пожертвовавшего свой мечтой ради любви и семьи.

Я не считал ни часы, ни сутки, ни годы разлуки с детьми. Я знал, что они сделали правильный выбор. Володя и Анюта жили в военном городке в

Белоруссии, недалеко от границы с Украиной. Нина побывала в гостях у дочери и осталась довольна. Вскоре появился Андрюшка. Он заявил о себе на весь белый свет в конце апреля. Апрель — месяц в году особенный, в апреле рождаются люди одаренные, крепкие, уверенные в своих намерениях. В день рождения Андрюшки на улице с утра выпал снег, со второй половины засверкало солнце, а ночью ударил морозец. Природа как будто поддразнивала малыша — придется и тебе все испытать в жизни, а ты держись, стой, верь в лучшее, одолевай беды, как твой отец и мать.

Беды приходят неожиданно. Чаще всего в них виноват сам человек. Со всем рядом с городком, где жила семья Володи и Анюты, взорвался реактор на атомной электрической станции.

— Миша, надо что-то предпринимать, чтобы ребята оттуда уехали, — волновалась Нина.

— Что я могу предпринять? Володя же на службе, он не может взять и уехать.

— Я не знаю что, но ты ведь должен знать, ты работаешь на военных объектах.

— Успокойся, родная, приборы показывают, что у них нет радиационного загрязнения.

Мои успокоительных речей и не очень убедительных доводов хватало на один-два дня. Стоило только на экране телевизора, даже на мгновение, появиться силуэту разрушенного реактора, как я вновь получал от жены порцию вопросов, на которые ответов не было. И быть не могло.

Ребята в своих письмах успокаивали нас, подтверждали, что все в норме. Однако материнское сердце было беспокойно.

Однажды на объект, расположенный на второй площадке Кировского завода, приехала большая делегация, состоящая из военных, возглавлял ее генерал армии Виктор Федорович Ермаков — в ту пору командующий Ленинградского военного округа. Мы познакомились с ним. Найдя возможность, я рассказал ему о своих проблемах.

— Так чего вы хотите? — попросил конкретизировать генерал.

— Нельзя ли сделать перевод и вернуть зятя в наш славный город? — краснея от непривычности ситуации, коротко пояснил я.

— У, милые мои, перевод из этой точки может согласовать только заместитель министра обороны.

— А если с командующим округом переговорить? — хватался я за соломинку.

— Эти войска командующему не подчиняются, — любезно отвечал генерал.

— Что ж это за такая секретная точка?

— Насколько мне известно, именно такая, и под власть округов она не подпадает. Одно могу сказать, не беспокойтесь за детей и внуков, все там благополучно, было бы худо, давно бы эвакуацию провели.

Я передал этот разговор жене. Но разве могут успокоить страдающую мать слова пусть и большого воинского начальника. Время от времени разговор на тему возвращения детей возникал вновь и вновь.

Но, как известно, пути Господни неисповедимы. Трудно предугадать, что нас ждет завтра. Сужу по себе, видя свой жизненный путь в виде цепочки из звеньев золотых, серебряных, чугунных — разных по тяжести и ценности.

В моей жизни было много крепких, достойных звеньев жизненной цепочки. Одно из них — выборы меня делегатом партийного съезда. Нет, не теперешней партии, а той, которая правила страной семьдесят лет. Важной, строгой, многочисленной, всесильной.

Сами выборы — случайность, как и любые выборы, но участие в съезде мне кажется предопределением.

Отправляя меня на съезд, Нина просила об одном:

— Ты уж постарайся, найди возможность вернуть ребят домой. Ты же можешь, ты же такой большой начальник, Миша. Я тебя умоляю.

Я с женой не спорил, зная о бесполезности моих доводов. При получении мандата делегата в огромном фойе Кремлевского дворца случилась встреча. Мы оказались вместе у одного регистрационного стола с Виктором Федоровичем Ермаковым. Я уже знал, что он был назначен заместителем министра обороны по кадрам.

— Виктор Федорович, здравствуйте, — радостно воскликнул я. — Примите мои поздравления с новой должностью.

Он узнал меня, обнял.

— Земляк, за поздравление спасибо.

Мы обменялись рукопожатиями и улыбками.

Я задумался. Эта встреча дана мне не зря. Надо попробовать. Ради моей любимой Нины. Ради дочери и внуков, которым предстоит продолжать мое дело.

В одном из перерывов пленарных заседаний я нашел Виктора Федоровича и обратился к нему с прежней просьбой.

Виктор Федорович внимательно слушал, не глядя на меня. Потом оглянулся, словно за незримой поддержкой, и без прежней добросердечности ответил:

— Даже и не знаю, что сказать тебе? Наверное, как отец, ты прав, и волнение за детей естественно.

Потом генерал внимательно посмотрел в мои глаза и продолжил:

— Ну не могу же я вот так, без каких-то причин, перевести военнотружущего из части в часть.

— Виктор Федорович, но почему без причин, там же рядом Чернобыль, радиация, и дети малые.

— Да, Чернобыль, но не в зоне же часть стоит, наверняка дозиметры радиационный фон измеряют.

— Измеряют, это верно. Но кто родительскую тревогу измерит?

За разговором мы вышли из Кремлевского дворца. На улице солнечно, свежо, ветрено. Я ощутил озноб от осознания бесполезности диалога, от звуков чужого города, от своего бессилия.

Окончив разговор, Виктор Федорович, уже прощаясь, обратил внимание на мой депутатский значок.

— Так ты у нас депутат? — довольно пробасил генерал.

— Да, хотя районного совета.

— Но это немного облегчает твоё положение. Сделай на мое имя депутатский запрос или обращение на государственном уровне, где раскрой свою просьбу.

— А как это? — не понял я.

— Что, не делал ни разу запросов?

— Не делал, Виктор Федорович, сожалею, в этом нет у меня опыта. Все свои проблемы решаю сам. Государство ими не обременяю.

— М-да, ладно, вот тебе телефон моего помощника, встречайся с ним, сочиняйте трактат. А там будет видно.

Закончил работу съезд, утихли волнения, все вернулись в родные места. Где-то в бумажной лавине крутилось мое депутатское обращение, в котором я просил вернуть моих внуков вместе с их родителями на ленинградскую землю, подальше от страшного Чернобыля.

Летает бумажка — пушинка от стола к столу, в каждом месте отметят и номер поставят.

Уж перестал ожидать ответ. Погоревал, что до Москвы, как и во все времена, — не достучаться. И вдруг пришел ответ на мое обращение! Конверт большой, важный, внутри огромный лист, на котором напечатано всего две строчки.

«На Ваш запрос сообщая, что старший лейтенант В. В. Бунеев переведен для прохождения службы в воинскую часть N г. Ленинград».

И подпись Зам. Министра Обороны Советского Союза.

Сколько же счастья содержалось в этих скупых словах! Сколько радости и надежд. Да, пути Господни...

Дети приехали скоро, Володя сразу вышел на работу. Все наладилось, и Нинино сердце успокоилось. Моя жена даже помолодела, сделала новую прическу, купила новое платье. Радость не приходит одна.

Однажды поздним ноябрьским вечером мы с Ниной заглянули к нашим ребятишкам в гости. Как не заглянуть, если у Володи день рождения. Собрались все, кроме виновника торжества.

— А где Володя, доченька, — осторожно спросил я у Анюты.

— Он уже едет с работы, чуть-чуть подождем.

— Конечно, тем более с внуками еще не наговорился.

Однако не успел я обнять своих дорогих и любимых малышей, как пришел Володя, мы с ребятишками побежали его встречать. Увидев зятя в ослепительно красивой морской форме, я опешил.

— Володя, ты опять моряк?

— Моряк, папа, моряк. Наша часть в составе Военно-Морского Флота России.

Морская форма была сшита недавно. Все сидело ладно: черная шерстяная тужурка с позументом, кремовая рубашка с черным галстуком, закрепленным золотистого цвета заколкой, а плечи прикрывало белоснежный шарф. Да эта форма еще и подсвечена служебным рвением моего красивого зятя. Как не залюбоваться?

— Вот и сбылась твоя мечта, ты хотел быть военным моряком. И стал им.

— Да, папа. Я всегда знал, что судьба любит честных, упорных. Я в Белоруссии служил на совесть, но о море не забывал. Не предал я море, в душе нес мечту о нем. Подводные лодки, бороздящие океаны, конечно, сейчас для меня недостижимы. Но я много делаю для повышения их боеспособности, для того, чтобы моя страна была независима и сильна. И морская форма много мне помогает, укрепляет в сознании единения всех российских моряков, в почтении к русской военной истории, в благодарности моим преподавателям и учителям. Это не только книжные слова. Это правда жизни.

Ольга ВОРОБЬЁВА

«И КАЖДЫЙ ЖИВ, И КАЖДЫЙ НЕ ЗАБЫТ!»

Ольга Николаевна Воробьёва — родилась в г. Петушки Владимирской области. Окончила Покровское педучилище и Литературный институт им. Горького (2006). Публиковалась в «Литературной газете», в журналах и альманахах. Автор двух поэтических книг. Награждена золотой статуэткой на форуме «Золотой Витязь» в 2019 г. за книгу «Тихая провинция Руси». **Живет в г. Петушки Владимирской области.**

ВЕРА

Маме

Отчего во вселенной
бессчётны планеты,
Ну, а мы родились
и живем на Земле.
Между мной и тобой
понимания нету:
Ты — свеча на ветру,
я же уголь во мгле.

Ты трепещешь,
а я тороплюсь разгореться,
Чтобы жар мой достиг
самых дальних планет,
Чтобы грел-полыхал,
как влюбленное сердце,
Как звезда, и по смерти
дарящая свет.

А тебе же мерцать,
оставаясь примером,
Сумрак ночи пронзать,
раскалясь добела.
Но где светит свеча,
там присутствует — Вера,
Ведь не зря же тебя
мама так назвала!

ИЗ ЦИКЛА «ЛЮДИНОВО»

* * *

Озеро дивное в центре Людинова,
Набережной фонари.
Ты про Мальцовых заводы старинные
Так хорошо говоришь.
Вечер. Смеркается, и представляется,
Что на поверхности вод
Так же, как мы,
до сих пор отражается
Живший здесь прежде народ.
Бабы, ребята, жующие пряники,
И мужики в армяках...
Друг мой! Давай с тобой будем,
как странники,
Перемещаться в веках.
Вместе пройдем мимо храма
по площади
И вдруг заметим, что тут,

Нет, не машины — крестьянские лошади
Грузы в телегах везут!
Дивно Людиново! Шум заводской стоит,
Ночью светло, как и днем.
Друг мой! Давай с тобой в сказку мальцовскую
Поступью тихой войдем!

* * *

Запущен старый парк. Заброшен.
Давно усадьбы нет, и вывезен фонтан,
В бурьяне скрыт забор,
А в сумраке дорожек
Ни бар не слышно, ни
Рабочих и крестьян.
Мальцов здесь отдыхал
От грохота заводов,
Но, видимо, в другом
Благуя видя цель,
Большевики для раз
 влечения народа
Гулянье завели,
Включили карусель.
И жизнь текла. Теперь
Торчим в торговых центрах,
Послушные рабы торговли сетевой.
И умирает то, что, в общем-то, бесценно.
А может, просто спит, укрытое травой.

* * *

Людиновским орлятам посвящается

В руках мальчишек нынешних портреты
Их сверстников — ребят времен войны.
Зачислены навеки в полк бессмертный
Безусые защитники страны.
И оттого так радостно и грустно,
Как будто смерти не было и нет,
Ведь жив Герой Советского Союза
Алеша Шумавцов, шестнадцать лет.
Он смотрит гордо с выцветшего фото,
Отважен, молод и, как все мы, рад
Узнать в толпе счастливого народа
Своих друзей — людиновских орлят.
Лясоцкий Саша и Апатьев Толя,
Хотеевы сестренки обе тут —
Герои легендарного подполья
По веку двадцать первому идут.
Бессмертный полк шагает по планете.
Былым мальчишкам старость не грозит:
Они геройски обрели бессмертье,
И каждый жив, и каждый не забыт!

Здесь, отдыхая от мирских забот,
 Пьешь, как бальзам, целебный воздух мая.
 А по канавке медленно народ
 Проходит, «Богородицу» читая.
 И ты прочти, не посчитай за труд,
 В миру ведь для молитв так мало места.
 Но от молитв как яблони цветут
 Христовы чернорясые невесты.

ИЗ ЦИКЛА «ПОКРОВ»

* * *

Местный ли, приезжий человек,
 Я определяю не по крови —
 Местный скажет: это в Покровó,
 А приезжий говорит: в Покрóве.

Старый город. Новые дома.
 РЖД отставленная ветка...

В Покрове училась я сама,
 Здесь теперь бываю слишком редко.

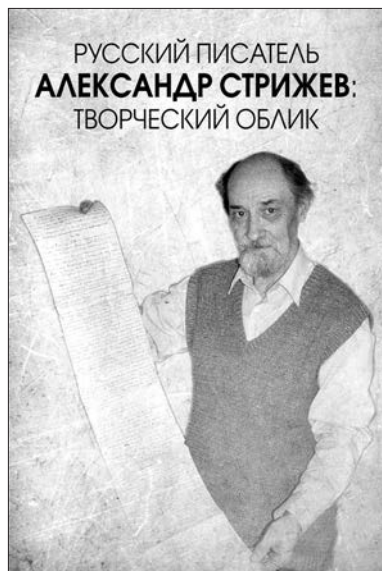
Как там «пед» наш? Кру́гом голова —
 В тех стенах совсем другие лица.
 Как там церковь. Церковь Покрова?
 Хоть бы раз заехать помолиться.

ВЫШЛА КНИГА

«Русский писатель Александр Стрижев: творческий облик». Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Составление М. А. Бирюкова. Художественное оформление Е. Г. Метченко. 2020. 544 с.

Александр Николаевич Стрижев — старейший русский писатель, фенолог, историк, библиолог, литературовед, издатель. За семьдесят лет творческой жизни им написано и составлено более сотни книг, опубликовано несколько тысяч статей и очерков. Книги А. Н. Стрижева — о жизни русской природы, крестьянском труде, подвижниках благочестия, о незаслуженно забытых отечественных писателях и живописцах. Десятки «возвращенных» народу имен, множество обнародованных значимых литературных трудов, созданных в России и Русском Зарубежье в XVIII—XX веках — заслуга писателя-патриота Александра Стрижева.

В 2019 году А. Н. Стрижеву вручена Патриаршая литературная премия имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «За значительный вклад в развитие русской литературы». Настоящая книга посвящена творческой деятельности писателя, в ней представлена подборка библиографии его публикаций, читательские отклики.

ПОЭЗИЯ

Елена ОСМИНКИНА

«В ЖЕЛАНИИ ОСМЫСЛИТЬ ВЕЧНОСТЬ...»

Елена Федоровна Осминкина — поэт, публицист, критик. Родилась в Симферополе. Окончила филологический факультет Крымского гос. университета. Член СП России. Заслуженный деятель искусств республики Крым, лауреат нескольких литературных премий. Автор 9 поэтических книг. Библиография автора, изданная ЦБС, насчитывает четыре сотни публикаций в республиканских, московских, минских и региональных изданиях РФ. **Живет в Симферополе.**

* * *

Речь русская, родной язык —
живая сила единений:
из многих взглядов, личных мнений
слагается народный лик.

В нем вижу ясные черты:
и мудрость, веру и соборность,
и проявление, бесспорно,
душевной русской широты.

Родной язык, как океан,
самосознания глубины,
в которых предков дух былинный
в себе отыщет каждый сам.

Родной язык как сто молитв,
и в русский мир единой речью
он, будто оберегом вечным,
нас сохранив, объединит.

СУДЬБА РОССИИ

Святой называли и дикой,
Боялись, любили и жгли.
Казалась чужой и великой —
Играя с судьбой на пари,

Пытались постичь ее тайны,
Ее сокровенную суть.
Господь подарил неслучайно
И силу, и жертвенный путь

Духовных, земных испытаний,
В которых смогла бы она
Служить и смиреньем, и данью,
Залогом любви и добра.

Святыни порой попирали,
Святых низвергали, смеясь.
Потом возносили до рая,
Склонившись к земле и крестясь.

Такая судьба у России:
Прощать, сострадать и любить,
И прадедов веру и силу
Беречь, как заветную нить.

* * *

Над Россией зрели вечера
И тонули в золоте залива,

И смелели сразу юнкера
Взглядами на барышень пугливых.
Звон серебряный колоколов
Таял медленно в тисках мороза,
И, крестясь, старухи у домов
Смахивали старческие слезы.
Дым из труб тянулся вглубь небес.
И брехали во дворах собаки
На луны янтарно-желтый срез,
А мужик стонал от пьяной драки.
Но откуда-то и песнь слышна,

Разливаясь по округе эхом, —
Откликались сердце и душа,
Наполняясь песенной утехой.
И взмывали из простора вверх
Светлые, ликующие чувства,
Что рождали удаль добрых дел
И талант народного искусства.
И веков минувшая пора
С сердцем русским
так же неразрывна.
Над Россией зреют вечера,
Погружаясь в золото залива.

ЖИЗНЬ

Зачерпнуть в ладони жизнь,
Чтобы пить глотком неспешным,
Как коктейль холодно-снежный.
Ощутить и глубь, и ширь
Звездной млечности, снегов,
Обжигающих закатов,
Расставаний виноватость,
Долгожданность берегов.
Окунуться в лунность ночи,
Восхититься новым днем,

Лепестки считать вдвоем
У ромашковых пророчеств
И карабкаться к вершинам,
Ждать от жизни поцелуй
И в дожде осенних струй
Повторять родное имя.
И в счастливые мгновенья
Остро чувствовать: Земля
Вся до капельки моя
В этом мире откровений.

* * *

*Но только страстное прекрасно
В тебе, мгновенный человек!*

В. Брюсов

Как жить без страсти, без полета,
Без вдохновения души,
Имея лишь одну заботу:
Покоем сердца дорожить?
Мы с бесконечностью на равных
Не можем быть: всего на миг
Здесь обретаем жизнь и вправе
Сжигать мосты, идти на риск.
В одном дыхании — столетья
И протяженности парсек.

И нетерпением, как плетью,
Себя стегает человек
В желании осмыслить вечность,
Мгновение своей судьбы,
Неумолимо скоротечной,
И на условиях любых
Творить добро, искать и верить,
Воспламеняться и любить
В тот краткий миг, что нам отмерян,
В счастливом осознанье: «быть».

ЛЕТНИЙ САД

Литье ажурное ворот —
Я в Летний сад иду неспешно,
Чтоб вновь мирок заветный,
здесь
Дал ощутить души полет.

Брожу среди скульптур живых,
Что лишь на миг остолбенели
От птичьей голосистой трели
И острых запахов травы.
Наверное, под шум листвы

Сам Пушкин рифму ждал от музыки,
А нынче парочка из вуза
Сидит, хмелея от любви.
И сеет солнце благодать,
И, выгнув шею, лебедь белый,
Взмахнув крылом слегка, несмело,

Разбил воды зеркальной гладь.
И зреют новые стихи,
Торопятся нахлынуть строчки,
Без запятых и нужных точек,
И своенравны, и легки...

* * *

Птичий щебет утренней молитвой,
обращенной к высям, прозвучал.
В певчих звуках,
 как в хорах слитных,
летний день родился из начал
света яркого — и новым счастьем
протянул во все концы лучи,

проявляя к нам свое участие,
пробуждая тысячу причин
подарить зеленый свет надеждам,
колесо событий раскрутить,
чтоб потом исчезнуть, как и прежде,
в звездных окнах Млечного Пути.

* * *

Твоих мне не хватало берегов —
Я с жадностью спешу домой вернуться,
Где гавань ненаписанных стихов,
Где ждут меня счастливые минуты,
Часы, года, в которых я опять
России стала возвращенной частью
И с радостью могу осознавать
Наш общий пульс, как на одном запястье.
И данность принимая по глотку
Вернувшейся к гнезду родному птицей,
Молитвою шепчу одну строку:
Мне с русским духом суждено родиться.

Антон БЕЛЯЕВ

СПАСЕННАЯ РУСЬ

Антон Юрьевич Беляев — родился в Москве. Автор пяти поэтических книг: «Ритмы времени» (2010), «Тени Эллады», (2011), «Стихия стиха» (2012) «Дорогами мироздания» (2016), «Взгляд» (2021). Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии российской словесности. Номинант Бунинской премии. **Живет в Москве.**

СОНЕТ О МУЗЫКЕ

Играет тихо органист
В большом соборе в старой Вене.
Потоком странных откровений
Тревожит душу Ференц Лист.

А помнишь, в тихий летний сад
Открыла вечером окно ты?
Звучали дивно эти ноты,
Как и столетия назад...

Прольется музыка дождем
Над ускользающей Европой,
Рождая образы и тропы,
И уплывет за оком.

Мы в партитурах ищем след
Забывших фраз... Минувших лет...

ИВАН КАЛИТА

*Собирателю Русских
земель посвящается*

I

Власть — нелегкое бремя...
Иван Калита
Русь старался собрать...
Было сложно.
Только время текло,
прибавлялись лета...
Как понять,
что правдиво, что ложно?

Где Орда, там интриги.
Но выхода нет!
И приходится жить под ордою...
Давит ханское иго... Недаром поэт
Ту орду зарифмует с «бедою».

Да, стезя у Москвы
хоть пряма, непроста.
Эх, набат, не звони так тревожно!
Это трудное бремя: Иван Калита
Русь старался собрать...
Было сложно...

II

Ждать, молиться и верить...
Не глядя назад,
Едет князь.
С ним дружинники рядом...

Снова осень пришла и московский посад
Удивила роскошным нарядом.

И забылись тогда все тревоги. И грусть
На мгновенье в листве утонула.
Перед князем предстала спасенная Русь.
Только миг... Хладным ветром подуло...

Тут исчезло виденье... И скоро в орду!
Новый хан ждет от князя поклоны.
А народ все толпится в торговом ряду,
И в церквах где-то плачут иконы...

ДОРОГА НА АЗОВ

*Посвящается Азовскому походу
Петра Великого*

Дорога на Азов... Но всё пока не просто.
В тумане горизонт... Ну что там, впереди?
Сурово смотрит царь. Еще не время тоста.
А сердце так стучит отчаянно в груди.

Пусть комом первый блин. Осилим мы дорогу.
А страх? Он не для нас, и духом мы крепки!
Надеюсь, что дойдут молитвы наши к Богу.
И двинул на Азов царь русские полки.

Вблизи Петра Лефорт, и Шеин где-то рядом.
Теперь есть корабли. И будет наш Азов!
Но юный государь буравит землю взглядом.
Он знает: флоту быть, раз начато с азов!

Дорога все трудней. Все ближе час сраженья.
Мы, одолев врага, акафисты споем!
И кажется, пришла вселенная в движение.
Рассеялся туман. И виден оком...

СТОЛПОСТРОИТЕЛЬСТВО

Город. Время. Дни и ночи...
Щедрый жадному — не друг.
Аргус спит: закрыты очи,
И замкнулся вечный круг.

Над песочными часами
Где-то сгорбился старик.

А в морях, под парусами,
Мчит судьбе навстречу бриг.

Ждет диктатор полномочий,
Зрелищ требует толпа.
Весь в пыли идет рабочий
На строительство столпа¹...

¹ Столп — башня. Часто употребляется по отношению к знаменитой Вавилонской башне (*прим. автора*).

НОВЫЙ ВЕК

Сонет

Толпа не верит мудрецам...
Но удивляет разве это?
«Мир — хижинам, война —
дворцам!»,
И кровью пишутся куплеты.

Двадцатый век взорвал себя,
Кругом разбросаны осколки,
И струны нервов теребя,
В овечьей шкуре рыщут волки...

А новый век плетет узор,
Две грани — слава и позор
На ткани еле различимы.

И, наблюдая за игрой,
Пойми, кто трус, а кто герой,
Где лица здесь, а где личины...

* * *

Забыта эпоха барокко,
Не в моде теперь классицизм.
Под ритмы тяжелого рока
Мы множим количество схизм.

Смешались игральные карты,
Разложены карты «Таро».
И лезут на трон Бонапарты,
И ставит Марат на «зеро».

Несутся стремительно кони,
Дороги не видно в пыли.
От этой безумной погони
Уйти не смогли короли.

Но нам, на руинах столетий,
Поет одинокий аэд,
О людях, исчезнувших в Лете,
О лаврах минувших побед.

ВЫШЛА КНИГА

Кренёв П. Г.

На Севере, на Летнем берегу: повести и рассказы. Архангельск: Лоция, 2020. — 437 с.; (Серия «О Севере, о людях»).

Герои Павла Кренёва — люди с сильным и независимым характером, гордые поморские рыбаки и охотники, соблюдающие старинные семейные традиции и патриархальные отношения.

Автор в своих произведениях воссоздает жизнь поморов в естественных и искренних диалогах, передающих радость и горе, погружая читателя в деревенский быт, нередко обращаясь к самобытному, почти забытому поморскому диалекту — «поморской говоре».

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ЖИТИЕ СВ. КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В БРОНЗЕ

*О проектах новых
памятников св. Александру
Невскому скульптора
Василия Москвитина*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5 книг поэзии, книги критики «Резонанс жизни», книг по искусству. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП Рос. сини. **Живет в Санкт-Петербурге.**

1. Не обещаю легкого пути

Пути могут быть разными, чем больше возможных благ-соблазнов появляется в современном мире, будь то изменение собственного лица, пола или туристический полет в Космос, тем больше прокладывается человечеством к ним достижимых путей. А всеобщего счастья как не было, так и нет. Не помогает даже религиозный плюрализм, наличие множественных религий и сект, допустимость сотворения «собственного бога». Потому что изначально путь задан человечеству один — путь ко Христу. И это очень трудный, но единственный, дающий понимание смысла человеческого бытия, путь. Так о нем говорит протоиерей Александр Геронимус: «Преподобный Максим Исповедник различает три фазы тварного бытия. Генезис — “пуск в ход” творения, сам акт творения. Вторая фаза — движение, кинесис. Кинесис разрешается в статис. Преп. Максим Исповедник утверждает, что движение не есть феномен низшего порядка, как в платоническом видении, но заложено Творцом в творение как его существенная сторона. Однако движение творения, по прп. Максиму, есть его движение по отношению к Богу. Цель и конец движения уже пребывают в Нем»¹. Статис понимается как предстояние пред Богом. Понятно, что цель трудно достижима и не может быть легкого к ней пути.

Все эти три составляющие пути мы видим, точнее, ощущаем в проектах новых памятников св. князю Александру Невскому, созданных известным скульптором Василием

¹ *Геронимус А., прот.* Православное богословие и пути фундаментальной науки. // Христианство и наука. М., 2003. С. 220.

Александровичем Москвитиным, представителем известной, уходящей в вековые глубины рода династии художников — братьев Москвитиных-Старцевых. Скульптор Василий Москвитин имеет ряд общественных и церковных наград, он создает скульптурные портреты исторических героев и православных святых, образы воинов Христовых. В год 800-летия святого князя Александра Невского на открытой в московском Гостином дворе выставке «Уникальная Россия» была представлена работа Василия Москвитина — модель памятника благоверным супругам — Великому князю Александру Невскому и княгине Александре.

Модель конного памятника Александру Невскому демонстрировалась в Союзе писателей России летом 2021 года. Осенью 2021 г. она была выставлена в библиотеке Администрации Президента РФ, где проходила выставка к 800-летию святого благоверного князя Александра Невского. На выставке были представлены помимо произведений Василия Москвитина работы известных российских скульпторов Василия Нестеренко и Салавата Щербакова. Памятник Василия Москвитина называют необычным. И с этим нельзя не согласиться. Очевидно богословское понимание скульптором личности и деяний святого князя в сравнении его работы с большим количеством скульптурных изображений Александра Невского, появившихся накануне 800-летия спасителя Отечества. Понятно желание русского народа увековечить своего любимого героя, восемь веков назад обеспечившего Руси независимость, которую все последующие поколения русичей и поныне подкрепляют своими подвигами. Но в большинстве существующих скульптурных изображений любимый русский полководец показан не в развитии личностного бытия, не в поиске истинных путей и правильных решений во благо Отечества, а как исторический герой, уже свершивший свой подвиг. В большинстве современных памятников нет символичности, они не дают

глубины осмысления сути подвига. Они только напоминают нам о герое.

Василий Москвитин, понимая, что земная жизнь творится и развивается в процессе, в движении, находит художественные средства выражения этого движения. Почему человечество любит смотреть на огонь, на воду? — потому что они движутся и без движения существовать не могут, по этой же причине люди любят музыку. А Победа — это тоже процесс, развитие в осознании ее значения.

В своем конном памятнике скульптор создает образ князя Александра

*Святой благоверный князь
Александр Невский. 2020 г. Модель памятника.
Скульптор Василий Москвитин*

как предводителя сражения на Невских берегах, в честь которого воин и получил имя Невский. В решительном стремлении конь полководца: напряжены его мускулы, развивается хвост, сосредоточена мощная морда коня, неутомимо несущего всадника вперед. Энергетику движения усиливает трепещущий под встречным ветром плащ полководца, корпус всадника отклонен назад, склонена к груди его голова — это правдивые анатомические детали положения тела конного воина атаки. Реалистичность этой фигуры заставляет вспомнить творчество великого скульптора эпохи Возрождения Донателло. То, что говорит о художественных особенностях произведений великого скульптора исследователь его творчества Макс Дворжак, можно отнести и к скульптуре Василия Москвитина: «...различие в трактовке тела и одежды играет при этом художественную роль и решительно влияет на весь замысел статуи: телу здесь придается господствующее значение»¹. Донателло ставит во главу угла изображение функции тела. Глядя на всадника Василия Москвитина, мы замечаем, что здесь решается подобная задача.

Немаловажную роль играют и другие составляющие скульптурной композиции. Подлинно-историческое облачение воина — свидетельство об эпохе его служения Руси. Меч князя, слегка наклоненный в сторону противника, можно назвать не только символом битвы не на жизнь, а на смерть. Небольшой наклон меча в сторону движения всадника заставляет зрителя почувствовать, что за святым князем следует дружина, и этим мечом полководец, кажется, увлекает ее за собой, указывая направление атаки. Создается ощущение единения полководца со своим подразумеваемым, следующим за ним войском, что много расширяет звучание скульптурного памятника, требующего обширного пространства обзора.

Но аналогии с Донателло можно назвать базисным, техническим уровнем, басовым ключом произведения. Мелодической линией становятся аналогии с иконописью, точнее, с деревянным скульптурным образом Николы Можайского, которого, как защитника земли Русской, изображают с воинственно поднятым мечом. Предстоянием святого, его небесной помощью были спасены от неприятеля Можайск и другие города Руси. Никола Можайский — один из любимых русским народом образов на протяжении веков.

В проекте конного памятника св. Александру Невскому Василия Москвитина выражено подлинное переживание героя, просветленное ответственностью за Отечество и любовью к Богу. Нет в его облике жестокости, свирепой воинственности, это образ защитника своего дома, отчей земли. Реалистичное чувствование героя скульптурной композиции предполагает ответное зрительское сопереживание. «Живой, стремительный» памятник святому Великому князю Александру Невскому заставляет подумать о том, чем можно ответить на вызовы дня сегодняшнего. На постаменте могут быть начертаны такие слова: «Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет! На том стоит и стоять будет Русская Земля!»

Кажется, именно к этому скульптурному образу относятся поэтические строки Льва Мея из поэмы, посвященной св. Александру Невскому полтора века назад:

¹ Дворжак Макс. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. М.: Искусство, 1978. С. 67.

*И коня не седлал: без седла и узды
Мчался вихрем он с ним от звезды до звезды.
Да и вышел же конь: сквозь огонь, через воду
Князя вынесет он, не спросившись броду.*

Чувствительность скульптуры к Вечности, к Космосу, осязательная, показательная ее сила убеждения в реальности и современности истории делает ее, действительно, памятником необычным, вовлекающим в свое историческое пространство зрителя, заставляющим присоединиться к битве со злом и к стяжанию радости в победе любви.

2. «И будут одна плоть»

Любовь имеет множественные проявления и непреходящее бытие. Поэтому реальной, понятной нам представляется жизнь святого воина в другом, посвященном ему произведении скульптора Василия Москвитина, изображающем князя рядом с его супругой, княгиней Александрой. Это произведение о любви, эта редкая историческая композиция. Сюжетно подобная ей, с наследником, сыном князя младенцем Василием, есть в Витебске, в Белоруссии. В России существует памятник, посвященный родителям святого князя Александра Невского. Однако в сравнении с этими работами видно, что скульптору Василию Москвитину удалось создать не просто умильную семейную сцену, но духовно-религиозное произведение. Это памятник-символ, это элемент жизни Александра Невского, которая по ее подобию сегодня воспринимается как обращение святого князя к потомкам.

«Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24) — гласит Библия. Не так прост этот Божий завет, заставляющий человека всего себя отдать своей семье. Современному человеку, не желающему обременять себя обязанностями и ответственностью, такой шаг понять трудно. Памятник Василия Москвитина помогает почувствовать исконную русскую семейную традицию, осознать государственное значение семьи, той малой Церкви, в которой спасались от невзгод, излечивались от обид и русские цари, и простые русские люди.

Объемное искусство скульптуры обладает высокой убедительной силой, оно воспринимается зрителями как родственное человеческой природе. Как говорил знаменитый скульптор эпохи барокко Бернини: «Ведь и сам Бог — скульптор; он создал человека не колдовством, а кусок за куском, как ваятель».

Тонкая, детализированная скульптурная композиция Василия Москвитина притягивает взгляд, вовлекает в процесс внимательного рассматривания красивых героев, заставляет вглядываться в их лучезарные лица, задуматься об истории их жизни. Много подсказывает нам автор памятника, размещая в фокусе произведения большую икону Торопецкой Богоматери с Младенцем, которую держит в руках князь Александр. Он приподнимает Образ, как будто хочет, чтобы его увидели из дальних земель и времен, обращает внимание потомков на главные смыслы жизни человеческой.

При всей символичности скульптурного произведения, в нем достаточно много точных деталей — это символы княжеской власти, детали костюма, ак-

сессуары. Такая реалистичность определяется запросом настоящего времени, которому для веры в исторический факт требуются зримые доказательства, его достоверные признаки. Но Василий Москвитин использует реалистичный аппарат в минимальном, необходимом для воплощения идеи количестве.

Для осуществления библейской заповеди «*и будут одна плоть*» он находит прием подобия фигур. Князь и княгиня в своей созвучности, гармоничности видятся единым целым, скрепленным православной верой. Фигуры князя и княгини кажутся легкими, возвышенными. Такое решение придает всему произведению духовное звучание, создает молитвенный контрапункт.

Красота княгини Александры несомненна. Она выражает душевное умиротворение, свидетельствующее о Боге в душе, о полноте жизни на Него даже в те страшные минуты, когда возлюбленный муж уходит на сражение. Эта та узнаваемая святая русская красота, присущая верующим русским женщинам поныне.

Ликом прекрасный князь кажется похожим на свое изображение на миниатюре из «Царского титулярника» 1672 года, хотя там он в более старшем возрасте. Какие бы сомнения ни обуревали его разум и душу, князь уверен в своей физической и нравственной победе над врагами Руси. Он прекрасен в этой своей смиренной уверенности, передающейся зрителю.

3. «Побѣжая, а не побѣдимъ»

Скульптур Василий Москвитин к 800-летию святого Александра Невского подготовил проект еще одной скульптуры, изображающей князя в первые минуты после завершения Невской битвы. Герой кажется распахнутым сердцем и взором перед отеческими небесами в благодарности за победу. Такое его откровенный порыв заставляет присмотреться к внешности героя, задуматься о том, что это реальный человек, наделенный Боже-

Святые благоверные князь Александр Невский и княгиня Александра. Модель памятника. 2020 г. Скульптор Василий Москвитин

ственными полномочиями. Конечно, очень хочется знать, как выглядел этот великий воин, спаситель Руси от католической экспансии.

Вот единственный сохранившийся, можно сказать, прижизненный портрет, созданный видевшим героя автором жития, написанного вскоре после смерти князя. «Взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскій царь втораго царя въ Египтѣ, сила же бѣ его — часть от силы Самсоня, и даль бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, храборство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣ где исполчися къ граду Асафату приступити, и ишедше гражане, побѣдиша плѣкъ его. И остася единъ, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рекъ: “Остави с темя единого”. Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ».

Этот словесный портрет не столько реалистичный, сколько метафорический, отражающий основные черты характера посредством символов и сравнений с известными героями древности. Скульптор Василий Москвитин как будто держал в уме эти возвышенные слова летописца XIII века, когда создавал психологический образ князя, только что натруженной рукой опустившего свой меч в знак окончания сражения. Воин, кажется, еще не понимает, что произошло, что он победил мощнейшего неприятеля, грозного католического врага православной Руси, что это историческая, на века победа. Молодой человек еще не верит в свой успех, но расколотый щит предводителя шведского отряда лучшее тому доказательство. Этот щит — важная деталь скульптурной композиции. Оказавшийся у ног победителя, он символизирует полноту и важность события, полное поправление врага. Расколотый на две части — вражий щит является символом вражьего попользования на Русь с двух сторон, не только с запада, но и с востока.

Наступая на этот щит, святой князь Александр Невский испытывает сложные чувства, не только удивляется своей победе, но размышляет о том, что ему еще предстоит, что на этом его миссия не заканчивается. Склонив свой меч, слегка прикрыв веки, он сосредоточен для принятия Божией воли — стать спасителем Руси. Кажется, именно сейчас он прозревает слова, которые через сотни лет будут высечены на его гробнице:

*«Великому князю Александру Невскому,
Россов усердному защитнику..
Укротившему варварство на востоке,
Низложившему зависть на западе».*
(М. Ломоносов)

Скульптор Василий Москвитин справился со сложной задачей, которую труднее всего воплотить скульптурными средствами — создал психологический образ героя, которому сегодня посвящено множество скульптурных изваяний. Автор не оказался во власти трафаретов, его работа обладает новизной, узнаваемостью, авторским почерком. Плавность линий, логичное сопряжение объемов, делают образ святого князя исполненным духовного света, лучших человеческих чувств. Воинские исторические доспехи, рельефность фигуры, точная мускульная анатомия тела — способствуют пониманию героя как сильного воина, ответственного военачальника. Мно-

го помогает в достижении художественных целей избранный для скульптуры материал бронза, она позволяет достигать большей изобразительной свободы. Бронза также обладает особенными светоотражающими свойствами, может отражать свет резкими, яркими бликами-мазками или мягко струить его подобно водному потоку. Скульптор широко использует в своем произведении свойство материала, основанное на острых поверхностных контрастах. Затененное цветовое решение, патирование бронзового силуэта позволяет представить его вмещенным во времена стародавние, принять его как свидетельство реальной истории.

В «*Лицевом летописном своде*» Ивана Грозного и в ряде других изображений Александр Невский предстает в образе глубоко молящегося человека, не имеющего выпретенных княжеских регалий. Таков Александр Невский и у

Василия Москвитина, скромный и одухотворенный, сильный и милосердный, побеждающий, но остающийся непобедимым. Имя князя Александра Невского без определения «святой» не полно. В древнерусском языке оно писалось через ѣть и было родственно корню свет. Скульптору Василию Москвитину, действительно, удалось создать образ победоносного, несущего свет правды воина — святого князя Александра Невского.

Святой князь, приняв схиму, умер в 1263 году в Городце, недалеко от Нижнего Новгорода. Всенародной тогда была скорбь по Александру Невскому. А в стольном граде Владимире митрополит Кирилл, обращаясь к народу, сказал: «*Дети мои милые! Знайте, что зашло солнце земли Русской! Уже не найдется ни один подобный ему князь!*» Созерцая памятник, проект которого Василий Москвитин создал для одного из российских городов, зрители будут вспоминаться эти слова и убеждаться в их правде.

*Святой благоверный князь Александр Невский.
Модель памятника. 2021 г.
Скульптор Василий Москвитин*

Марина ПЕТРОВА

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕРОВ. ПОРТРЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Марина Владимировна Петрова — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, лауреат премии «Имперская культура». Статьи опубликованы в журналах: «Наш современник», «Православная беседа», «Держава» и др. Много лет участвовала в Рождественских чтениях, а также в заседаниях секции «Церковь и культура» Всемирного Русского Народного Собора. В течение нескольких лет сотрудничает с радио «Радонеж», где ею прочитан полный цикл авторских лекций «Духовные основы русского искусства». **Живет в Москве.**

Перов не был знаком с Ф. М. Достоевским. Да и жили они в разных городах. Тем не менее, их встреча, можно сказать, была предопределена не только схожестью идей, которые они исповедовали и которыми питалось их искусство, но и общностью религиозных убеждений — богоискания не на путях просвещенного разума, а в сердце своем. И уже поэтому оба они отвергли абстрактную веру в умозрительного Христа и, напротив, признавали воцерковление, т. е. возвращение в духовное лоно церкви, как единственно возможный — спасительный исход из той «нравственной тины»¹, в которой пребывает душа, распятая страстями и похотями.

Видимо, почувствовав интуитивно родственность взглядов писателя и художника, имена которых уже тогда ставили рядом, П. М. Третьяков и предложил не кому-нибудь, а именно Перову написать портрет Достоевского для своей коллекции, в которой хотел, кроме всего прочего, создать портретную галерею выдающихся людей своего времени. Тех, кого называли тогда властителями умов. Так впоследствии появились портретные изображения Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова кисти И. Н. Крамского, портрет А. Н. Герцена, написанный Н. Ге, и др. Но одним из первых в этом ряду стал перовский портрет Ф. М. Достоевского (1872. Х.м. ГТГ).

«Портретный жанр» — это отдельная страница в творческой биографии художника, где нашли свое важное место портреты А. Н. Островского (1871), а также созданные в течение 1872 г., т. е. в один год с «Достоевским», портреты В. И. Даля,

¹ Современная летопись: повоскресные прибавления к «Московским ведомостям»: утреннее издание. Москва, 1861–1870. № 49. С. 28.

И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, М. П. Погодина и др. Произведения, прекрасные по живописи, отличающиеся глубиной проникновения во внутренний мир модели, они представляют собой очень значимое для отечественного искусства явление. Перов, как бы аккумулируя в своем творчестве все предшествующие достижения в данном жанре, привнес в него свой духовный опыт, поднял искусство портрета на небывалую высоту, став создателем впервые в русской живописи психологического портрета. И это еще одно обстоятельство, побудившее П. М. Третьякова обратиться именно к Перову написать портрет такого тонкого психолога, знатока потаенных глубин русской души, каким был Достоевский.

И все же, несмотря на внутреннюю близость, задача, стоявшая перед Перовым, была необычайно сложная, и определялась она не только масштабом самой личности писателя, но и той высокой требовательностью, которую предъявлял он вообще к искусству портретиста. В частности, «точность и верность» воспроизведения Достоевский рассматривал лишь как «материал, из которого потом создается художественное произведение»¹. «В редкие только мгновения, — писал он, — человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он списывал, и не было ее вовсе на лице»². Иными словами, для Достоевского ценность портрета заключалась не во внешней схожести и не в отображении только характера портретируемого или даже его психологии, но в выражении максимальной концентрации его духовного мира, который писатель считал «высшей половиной существа человеческого»³. И потому для него именно она, эта «высшая половина» каждого отдельно взятого человека, т. е. его духовная сущность, и составляет «главную мысль лица», или, как он писал в другой статье, «его главную идею»⁴. Она-то больше всего и притягивала к себе самого писателя, раскрывавшего в своих героях «первореальность человеческого духа, его хтонические глубины, в которых Бог с дьяволом борется, в которых решается человеческая судьба»⁵. Эта «первореальность духа» Достоевского, человека, как отмечали современники, «нечувствительного и равнодушного к житейским радостям и попечениям»⁶, и заинтересовала Перова в первую очередь. И прежде всего потому, что и для него, как известно, «внутренняя моральная сторона» человеческого существа становилась и в жизни, и в творчестве все более приоритетной, все сильнее заявляя о себе, как программная установка его искусства.

Отсюда этот предельно сдержанный колорит картины, ее строгая, компактная композиция, освобожденная от какого бы то ни было антуража. Даже кресло Достоевского, прописанное силуэтно, в приглушенных тонах, едва просматривается в темной живописи фона. Ничего отвлекающего, «расска-

¹ Достоевский Ф. М. Об искусстве: статьи и рец. М., 1973. С. 132.

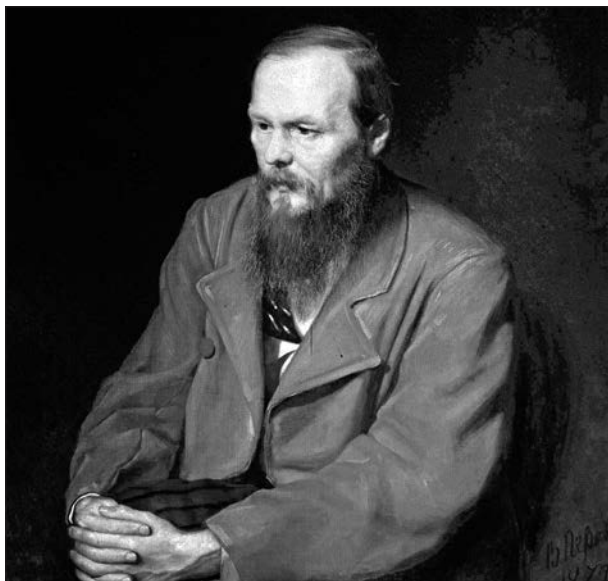
² Литературное наследство. Т. 86. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973, С. 122.

³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1981. С. 354.

⁴ Достоевский Ф. М. Об искусстве: статьи и рец. М., 1973. С. 219.

⁵ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931, сб. статей. М., 1990. С. 386.

⁶ Микулич В. Встреча со знаменитостью: с портр. Ф. М. Достоевского. М., 1903. С. 9–10.

Перов В. Г. Портрет Ф. М. Достоевского

ченного и болезнями, и напряженной работой»¹, — как писал о Достоевском один из его современников. Но для Перова «болезнь и напряженная работа» — всего лишь жизненные обстоятельства, в которых изо дня в день живет и творит Достоевский-писатель. Художника же в данном случае интересует совсем другое — Достоевский-мыслитель. И потому взгляд, не задерживаясь на торсе, ритмами вертикалей: линией внутреннего шва, змейкой потянувшегося вдоль рукава, строчкой на лацканах сюртука, чередой прямых складок, вытянувшихся на груди, клинообразной негустой русой бородой, восходит к лицу. Плоское, с широкими скулами, болезненно-бледное лицо Достоевского, само по себе мало привлекательное, и, тем не менее, оно, можно сказать, магнетически притягивает к себе зрителя. Но, попав в это магнетическое поле, ловишь себя на том, что не рассматриваешь сам портрет: как он нарисован, как прописан. Пластика лица, лишенная активной лепки, приотсутствии резких светотеневых перепадов, лишена и особой энергичности, равно как и мягкая, тонкая фактура письма, которая лишь деликатно выявляет, но не подчеркивает телесность кожного покрова. При всем том сама по себе живописная ткань лица, будучи соткана из динамичного света, необычайно подвижна. То разбеливая цвет, то просвечивая сквозь него, то намечая легким касанием форму, то золотым сиянием осветив высокий крутой лоб, свет тем самым оказывается главным творцом и цветописи лица, и его моделировки. Подвижный, излучаемый в разной степени интенсивности, именно свет лишает здесь пластику монотонности, а выражение лица — застылости, вызывая то незаметное, неуловимое движение, в котором пульсирует тайноскрытая мысль Достоевского. Она-то и манит, а точнее, втягивает в себя, в свои бездонные глубины.

зывающего». Напротив, отталкиваясь от самой модели, художник привносит в портрет созерцательный настрой, располагающий к размышлению, т. е. к со-работе зрителя. Потому и сама посадка фигуры с ее угловатым абрисом, цепко схваченными руками на коленях, решена как замкнутая, сосредоточенная в себе композиция. Расстегнутый сюртук — не очень новый, местами потертый, довольно грубого, недорогого сукна чуть приоткрыл белую манишку, скрывающую впалую грудь «хворого, хилого человека, заму-

¹ *Микулич В.* Встреча со знаменитостью: с портр. Ф. М. Достоевского. М., 1903. С. 18.

«Высокий поэт или художник, — размышляя о Достоевском, писал Вас. Розанов, — есть всегда вместе и провидец, и это потому, что он уже видел многое, что для остальных людей остается на степени возможного, что для них только будущий вероятный факт.

От этого, посмотрите, как много встревоженного в лице их, ... какой перевес в задумчивости над другими людьми, ... какая растерянность среди практической жизни, рассеянное невнимание к ней»¹.

Эти строки написаны спустя годы после смерти самого писателя, но как точно они ложатся на его перовский портрет. Кажется, будто даже списаны с него, настолько емким оказался воплощенный образ. На «судорожно-возбужденном, задумчивом лице Достоевского»² отразилось одновременно и душевное переживание, и непрерывная работа мысли. И потому взгляд его обращен не в жизненное, реальное пространство, а в себя, в свой внутренний, духовный мир, критериями, категориями которого он и оценивал человека, пребывающего «в ярости и буйстве, в огневом вихре страстей и искушений»³. Перов сумел поймать и отобразить на холсте тот драматический момент, когда духовным очам Достоевского открылась какая-то страшная истина с ее трагической неизбежностью, и душа содрогнулась от великой скорби и безысходности. Но при всем том во взгляде перовского героя нет даже намек на призыв к борьбе. И в этом также — очень точное попадание в образ человека, никогда не соблазнявшегося «тайнозрением зла»⁴, но распинавшегося «за то, что придет или, по крайней мере, должно придти»⁵, страдавшего и веровавшего «от любви, не от страха»⁶. Отсюда это осознание им крестного пути для человека, страны, народа. Отсюда же и этот призыв его: «терпи, смирайся и молчи»⁷ в несении креста своего. Словом, все то, что Федор Михайлович называл «страдальческим сознанием»⁸ русского народа. И именно оно, это «страдальческое сознание» самого Достоевского и пронизывает собою его живописный образ, как «главная идея его лица».

Возможно, от того, что духовная реальность и писателя, и художника, разнясь масштабом, была при этом все же одной природы, Перову удалось не только подметить самое характерное в натуре Достоевского, но и прикоснуться к самому сокровенному в этом человеке — «столь сильно чувствующем и столь сердечно мыслящем»⁹, как отзывался о нем К. Леонтьев.

И непосредственное общение с Достоевским, хоть и непродолжительное — всего-то в течение недели, но зато изо дня в день, и, разумеется, сама работа над его портретом, отняв, надо полагать, немало душевных сил, тем не менее, безусловно, укрепили художника духовно, что и не замедлило сказаться на творчестве самого Перова.

¹ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931. С. 66.

² *Микулич В.* Встреча со знаменитостью. С. 11.

³ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931. С. 388.

⁴ Там же. С. 389.

⁵ *Микулич В.* Встреча со знаменитостью. С. 11.

⁶ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли... С. 389.

⁷ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Т. 2. С. 165.

⁸ Там же. С. 301.

⁹ О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931. С. 20.

Лев МИЛОВИДОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ХУДОЖНИК ИЗ ДИНАСТИИ ЛОПУХИНЫХ¹

Лев Александрович Миловидов — искусствовед, заслуженный деятель искусств, член Союза журналистов, член Союза художников России. Инициатор создания народных художественных галерей. Автор альбомов по искусству, более 150 статей. На протяжении 30 лет является одним из руководителей объединения художников «Русский Север». Имеет многие международные и российские награды. **Живет в Москве.**

¹ Печатается в сокращении.

Первое упоминание о государстве Русь можно встретить в болгарских летописях 862 года. Практически с этого времени, как в нашем государстве, так и в других странах, стали появляться династические фамилии. Одним из древнейших родов на Руси стала династия Лопухиных. Ее родоначальником был в 1024 г. черкесский князь Редедя. В те времена черкесы и адыги распространили свою власть практически на весь Ближний Восток (Ирак, Сирию и Египет). В 1024 г. сын черкесского князя Редедя женился на дочери русского князя Мстислава Владимировича. С этого времени и ведется отсчет рода князей Лопухиных.

Когда в Москве к власти пришел царь Иван IV, уже разросшаяся династия получила прозвище «лопух», превратившееся вскоре в фамилию Лопухины. Династия Лопухиных играла важную роль в управлении различными государственными делами наряду с другими известными фамилиями, а таковых насчитывалось уже немало. Это Басмановы, Бахметьевы, Голицыны, Волконские, Долгорукие, Колычевы, Шереметевы и другие. С того времени и до свержения самодержавия династия Лопухиных была известна по всей России. Ее представители занимали высокие посты в управлении государством, а, именно, это были столоничальники, военоничальники — 14 генералов и 2 адмирала, губернаторы, министры, прокуроры, члены Госсвета. Особенно роль семьи Лопухиных возрастает, когда к власти пришел реформатор России, ее первый Император Петр Алексеевич Романов. В 1689 г. он, тогда еще молодой Царевич, женится на представительнице рода Лопухиных — Евдокии. К сожалению, этот брак для нее оказался трагич-

ным. Вскоре Петр I с ней разводится и ссылает ее в один из отдаленных монастырей г. Суздаля, в котором она провела два десятилетия. После смерти Петра I, когда к власти пришла его вторая жена Екатерина I, она, испытывая страх перед заключенной Евдокией, переправляет ее в самую страшную тюрьму того времени — Шлиссельбургскую крепость, где Евдокия пребывает в жесточайших условиях в течение трех лет. Только после воцарения Петра II узница была освобождена, ей удалось прожить еще несколько лет. Особенно удачное время для династии Лопухиных началось, когда к власти пришла выдающаяся императрица Екатерина II. Во время ее правления представители семьи Лопухиных пользовались большим авторитетом при ее дворе.

Следует признать такой факт, что среди всех известных русских династических фамилий никто из них не проявил себя как художник и не оставил свой след в изобразительном искусстве. Видимо, генетикой этих родов было предначертано выполнение им других задач. С организацией Императорской Российской Академии художеств, когда в ней стали обучаться профессии художника талантливые молодые люди, они начали писать портреты представителей династических фамилий и, в первую очередь, представителей Царской Семьи. В 60—70-е годы XVIII в. портретная живопись в России была практически неизвестна. До этого времени выполнялись в основном на липовых досках образы святых. Это были иконы. Знание иконописи помогло талантливым художникам — Рокотову, Антропову, Левицкому, Боровиковскому стать первооткрывателями в создании в русском изобразительном искусстве портретной живописи под названием парсуна. Многие художники писали портреты представителей рода Лопухиных. Особенно известен портрет Марии Лопухиной, выполненный в 1799 г. художником Боровиковским. В настоящее время эта работа хранится в Русском музее.

После Октябрьской революции представители новой власти, не понимая ценность уникальных художественных коллекций, собранных за многие столетия и хранящихся во дворцах знати, нещадно с ними расправилась. В дворянских усадьбах уникальные произведения русской живописи грузились на крестьянские подводы и сотнями свозились в темные, холодные и сырые подвалы административных зданий в крупных городах России. Так поступили и с величайшими материальными ценностями князей Лопухиных. Из их усадьбы Корсунь, что располагалась недалеко от Киева, было вывезено 35 подвод, в которых находились произведения живописи, графики, изделия из фарфора, скульптура, ювелирные украшения, книги. Все это уникальное богатство в большинстве своем было роздано различным художественным музеям, а большинство экспонатов просто исчезло. Можно только удивляться тому, что сегодня в Чехии находятся 400 портретов представителей династии Лопухиных.

В 50-е годы XX века на свет появилась девочка по имени Наталия Лопухина, которая стала профессиональным художником. Эта женщина Божественным Провидением оказалась наделена выдающимся талантом, она вобрала в себя весь огромный интеллект, накопленный предшествующими поколениями Лопухиных. С самого раннего возраста Наталия увлекалась рисованием. Она окончила детскую художественную школу, потом поступила в Московский Государственный художественно-промышленный институт (бывшее Строгановское училище) на факультет декоративно-прикладного

искусства. Здесь она выбрала для себя трудоемкий, один из старейших видов декоративно-прикладного искусства — изготовление гобеленов. Этот древнейший вид искусства особенно большое развитие получил в свое время в Западной Европе (Англии, Бельгии, Голландии, Франции). Дипломная работа, выполненная Н. Лопухиной, получила высокую оценку и была представлена на многих престижных художественных выставках.

Со временем Наталия Лопухина выходит из членов секции гобелена, поступает в аспирантуру в Строгановке. В последующие 20 лет художник преподает в различных художественных учебных заведениях живопись и цветоведение. Она разрабатывает научные пособия по цветоведению, выпустила уникальное издание, которое является необходимым помощником в написании картин в технике живописи. Известно, что не специалист может различить примерно шесть оттенков того или иного цвета, а профессиональный художник умеет применить в своей живописи до 130 оттенков того или иного цвета. Такое учебное пособие, благодаря разработанной шкале цветовой палитры, дает художнику возможность передать тончайшие нюансы и оттенки пейзажа, который он изображает на полотне.

Удивительный факт, что среди 1500 членов аристократического рода Лопухиных Наталия Владимировна на сегодняшний день является единственным художником. В 2022 г. будет отмечаться уникальная дата — 1000-летие со дня возникновения рода Лопухиных.

Много лет Наталия Владимировна работает в жанре портрета, сохраняя взгляд на мир, присущий ее аристократическим предкам. Портреты, которые она выполняет сегодня, созвучны портретам, выполненным в классической манере начала XIX века. Именно таков портрет, посвященный ее племяннику — руководителю Дворянского русского общества, князю Вадиму Олеговичу, созданный в 2020 году. Автору портрета удалось передать на полотне все характерные черты близкого и хорошо ей знакомого человека.

Наталия Владимировна Лопухина

Разнообразная цветовая гамма, которой Наталия Владимировна безупречно владеет, стала ярким подтверждением высокого мастерства автора. Вадим Олегович изображен на фоне зимнего пейзажа в зимней одежде: в старинного покроя меховой шапке и роскошной шубе с бобровым воротником. Герой картины представлен на фоне придела храма Архангела Михаила в Андрониковом монастыре, храм построила, когда была царицей, Евдокия Лопухина. Произошло это в последней четверти XVII века. В этом приделе похоронены 55 членов из династии Лопухиных. Так автор картины и сам князь Вадим Олегович с благодарностью отдали дань памяти своим

предкам. А знающие любители живописи, глядя на эту работу, вспомнят в некотором подобную картину, выполненную известным художником Кустодиевым, посвященную выдающемуся русскому певцу Федору Шаляпину.

Вслед за этим портретом на свет появился еще один портрет, посвященный уже представительнице прекрасного пола — племяннице Елене. Наталья Владимировна Лопухина сочла необходимым изобразить в пейзаже часть дворянской усадьбы, чтобы подчеркнуть происхождение представительницы этого древнего рода. Вдали видна беседка под названием миловид. Такое сооружение, как правило, было неотъемлемой частью каждой дворянской усадьбы. За беседкой в глубину картины простирается аллея с кустами и деревьями. Автор портрета сумела передать психологические характеристики своей героини, ее обаяние, внимательный взгляд, легкую нежную улыбку.

Портрет Вадима Олеговича Лопухина

Оба этих портрета были представлены на редкой художественной выставке, в которой приняли участие представители Дворянского Собрания. Выставка была приурочена к 30-летию Собрания и в течение нескольких месяцев экспонировалась в залах Музея Героев Славы. Но самым значительным художественным произведением в жанре портрета необходимо считать картину, посвященную одной из наиболее знаменитых представительниц рода Лопухиных — царице Евдокии Лопухиной.

Во время замужества она родила 3-х детей. Самый известный из них — Царевич Алексей, казненный по воле своего деспотичного родителя, двое других умерли в малолетнем возрасте. На полотне Евдокия изображена в парадной одежде царицы. Молодая красивая женщина внимательно смотрит на зрителя, но замечен драматизм в ее облике, предчувствие судьбы, которая сложилась трагически. Художник изобразил Евдокию на фоне икон, многие из которых всегда находились рядом с царицей. С одной стороны от царицы стоит несколько наклоненная монахиня в темной одежде, а с другой стороны — икона святого Николы Радовицкого. Он изображен в золотистом одеянии. В одной руке Никола держит книгу, в другой — меч. Святой Николай Чудотворец со дня образования этого древнего рода всегда являлся тем хранителем, который до сегодняшнего дня продолжает оберегать и ныне живущих членов рода Лопухиных.

В начале XIV в. в 170 километрах от Москвы возник Николо-Радовицкий монастырь. Однажды монах, пришедший из Владимиро-Суздальской земли и начавший строительство монастыря, увидел, что по водной гла-

ди озера, которое расположено рядом, идет святой Николай Чудотворец. После этого чуда из яблоневого дерева был вырезан образ этого святого, который стал главным святым в этом монастыре. Но царь Петр Алексеевич начал борьбу со скульптурными изображениями святых. Это коснулось и скульптуры Николы Радовицкого. Лишь в XIX в. его изображение было обнаружено, и святой образ занял свое место в этом уникальном монастыре.

Отдавая дань уважения, любви и признательности к выдающемуся представителю рода Лопухиных — царице Евдокии, автор картины сочла необходимым изобразить на полотне современных членов рода: себя, племянника князя Вадима и свою сестру Елену. Все трое стоят напротив царицы Евдокии и мысленно благодарят ее, в первую очередь за то, что она выдержала все испытания, всю жестокость по отношению к ней и тем самым дала понять своим потомкам, что Русская Православная Церковь, все святые и, в первую очередь, святой Николай Чудотворец, будут верными охранителями всему их роду.

Лично я, когда приступал к написанию данной статьи, испытал глубокое волнение. Я прикоснулся к тому историческому моменту, когда древний род Лопухиных взял свое начало от равноапостольного князя Владимира. Казалось бы, по времени это событие отстоит от нас на тысячу лет, но, когда видишь перед собой сегодняшнего представителя этой династии Наталию Владимировну Лопухину, а она представляет уже 29 колено, то понимаешь, что и не так давно жил равноапостольный князь Владимир.

Шестнадцать лет Наталия Владимировна выполняет обязанности помощника руководителя департамента по культуре Дворянского Собрания.

В ее обязанности входит подготовка и проведение художественных выставок членов Дворянского Собрания не только в Москве, но и в других городах России, а также проведение конференций и съездов русского Дворянского Собрания.

За последние два года возникло творческое сотрудничество между художниками — представителями Дворянского Собрания и объединением художников «Русский Север». Правление объединения «Русский Север», отмечая большой вклад древнего рода Лопухиных в русскую культуру, приняло решение наградить художника Наталию Владимировну Лопухину почетной медалью им. заслуженного художника России, члена-корреспондента Императорской РАХ и лауреата гос. премии им. И. Е. Репина Владимира Стожарова.

Царица Евдокия Лопухина

Знаменательно, что до сегодняшнего дня в Старосадском переулке, что в центре Москвы, сохраняется бывшая усадьба Лопухиных. По счастливой случайности ныне здесь располагается Московский союз художников, членом которого является Наталия Владимировна Лопухина. Рядом со знаменитым ГНИИ АС им. Пушкина сохранился еще один усадебный комплекс Лопухиных.

Будучи сугубо православным человеком, Наталия Владимировна проживает практически рядом с известным Богоявленским собором. Приходя в него, она получает тот огромный заряд духовности, красоты и чистоты, которые присутствуют в этом храме.

Невзирая ни на какие трудности, она всегда остается любящим, добрым человеком, внимательным ко всем, кто ее окружает. Не только к близким людям, а ко всему миру, которому она отдает весь свой талант художника. Через ее художественные произведения этот мир становится гармоничнее и прекраснее.

ВЫШЛА КНИГА

Переяслов Н.

Право на дерзость. М.: Прометей, 2021.

Критические суждения автора о современном литературном процессе всегда отличались неординарностью взгляда, дерзостью мысли и остротой авторских формулировок. Собранные под одной обложкой, его статьи рисуют пеструю картину соперничающих друг с другом художественно-стилевых и идейных тенденций, наиболее ярко проявивших себя в русской литературе последних лет. Сосуществование традиционализма и постмодернизма, поиск новых литературных форм и сохранение социальной значимости творчества, баланс занимательности и духовности — вот тот примерный круг проблем, которые исследует Николай Переяслов на примере анализа «Слова о полку Игореве», а также произведений Николая Гоголя, Михаила Булгакова, Василия Шукшина, Юрия Полякова, Виктора Пелевина, Владимира Бондаренко, Юрия Кузнецова, Александра Проханова и других современных писателей. При этом его мнение далеко не всегда совпадает с мнениями его коллег по критическому цеху, а большая часть высказанных им размышлений носит остро дискуссионный характер.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ К ХРАМАМ

Елена НАУМОВА

* * *

Разные духовные пути избирают люди, чтобы достигнуть храма своей души. Мы нашли свои дороги в глухих местах русского Севера. Шли по ним, утопая в грязи распутицы или перебираясь через образовавшиеся на нашем пути снежные сугробы.

В этой статье мы расскажем о посещении двух церквей. К одной из них добирались в трескучий мороз по льду Северной Двины, к другой пробирались через бурелом, сквозь поваленные ели, следуя пустынным берегом другой протекающей по территории Архангельской области реки Онеги.

Деревня Ракула и ее гостеприимство

Поучительная история, убедившая нас, с какой преданностью и гостеприимством могут относиться

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

животные к людям, почувствовав, что им надо помочь.

Несколько лет назад мы решили нарушить нашу традицию и поехать на Русский Север, а точнее, в Архангельскую область, не летом, а в самый разгар зимы — под Новый год. Север встретил нас крепкими морозами — за минус тридцать. Но мы стойко приняли вызов природы и прежде, чем сесть в гостинице за праздничный стол, решили побывать в деревне Ракула. Она расположена примерно в 150 километрах от Архангельска по обе стороны Северной Двины. Рядом проходит трасса, которая связывает административный центр области с российской столицей.

Стела с надписью: «Ракула 1137»

Давным-давно, в ту пору, когда по Северной Двине гордо шли белые трехпалубные пароходы и стремительно проносились «Ракеты» и «Метеоры», мы, проплывая мимо Ракулы, впервые увидели стоявшую у самого берега, а потому хорошо заметную с воды красавицу-церковь. Срубленный около 1766 года необычный пятиглавый храм с луковичными куполами, покоящимися на шатрах вместо привычных барабанов. Многоуровневый вход в храм — возвышающиеся друг над другом крытое крыльцо и двое притворов-сеней — придают динамику устремленной ввысь композиции. Издали церковь напомнила нам терем-теремок с острова Буяна, где счастливо жили князь Гвидон и Царевна-Лебедь. Но сказочное видение быстро рассеялось: «Ракета» за считанные мгновения оставила Ракулу позади, устремившись в сторону Архангельска. У нас же сохранилось яркое впечатление от увиденного и желание непременно побывать в Ракуле, оказаться возле церкви.

С тех пор прошли десятилетия. Однажды в одном из музеев Саратова мы наткнулись на выставку, посвященную изображениям памятников северного деревянного зодчества, сделанным в начале века. Среди них был рисунок Игоря Грабаря. Оказывается, художник, путешествуя в начале XX века по Русскому Северу, побывал в Ракуле, изобразив увиденную нами церковь вместе с колокольней и еще одним, меньшим по размеру, зимним храмом. Ныне от столь замечательного тройника осталась лишь одна украшенная шатрами летняя церковь.

И вот, наконец, оказавшись в предновогодние дни на севере, мы решили добраться до Ракулы. Надо признать, что в летнее время выполнение этой задачи осложнялось тем, что нужно найти способ переправиться через Северную Двину. Можно ехать в обход, то есть преодолеть без малого 300

ПровЕешенная дорога — протоптанный по льду зимник

километров — сначала добраться до Архангельска, там проехать по мосту, а потом двигаться вдоль правого берега Северной Двины по, мягко говоря, не очень благоустроенной дороге. Что делать: таковы реалии транспортного сообщения на севере нашей страны.

Теперь же, в зимнюю пору, мы решили добраться до церкви, перейдя по льду через Северную Двину по, как прочитали в справочнике, «провешенной дороге». Слово «провешенная» оставалось непонятным до самого нашего появления на берегу замершей реки.

Выйдя в жуткий мороз из рейсового автобуса у стелы с надписью: «Ракула 1137», мы подумали, «Ого, старше Москвы!» и направились в сторону реки. Деревенские избышки спали глубоким зимним сном. Судя по всему, дачники, составляющие в летнее время бóльшую часть населения Ракулы, предпочитали находиться в столь студеную пору в своих городских зимних квартирах. Заглянули в местный магазинчик, поинтересовавшись, можно ли на обратном пути зайти обогреться. Выяснилось, что продавщица заканчивала работу с сумерками. Прикинули, что успеваем дойти до церкви и возвратиться до закрытия магазина.

Дорогой нас обляяли две ну очень сердитые собаки, которых мы из предосторожности обошли стороной. Приблизившись к реке, увидели провешенную, точнее — провЕешенную дорогу — протоптанный по льду зимник, по обе стороны которого виднелись воткнутые в снег ветви деревьев, или, как их называют, вешки. Мало кто решится отклониться в сторону от них, рискуя либо увязнуть в глубоком снегу, либо, что еще хуже, угодить в полынью.

Мы шли по зимней тропе минут 20, продуваемые ветром, ежась от холода. Вокруг — ни души. Однообразие вида замерзшей реки нарушали только видневшиеся на том берегу крыши утопавших в снегу изб и купол одинокого храма.

Церковь в деревне Ракула

Но вот и конец ледовой переправы. Раскрасневшиеся на морозе, мы стали карабкаться на высокий берег, а когда поднялись, увидели собаку, виляющую хвостом, словно встречая гостей. «Хороший песик», — сказали мы громко на всякий случай и двинулись в сторону церкви, проваливаясь в снег. Собака, все так же виляя хвостом, последовала за нами, а потом остановилась, не доходя до сугробов, окружавших церковь. Пока мы барахтались в снегу, пытаясь со всех сторон осмотреть и сфотографировать храм, застывший в зимнем торжестве, все еще великолепный, но уже разрушающийся, собака сидела и ждала нас. Когда же мы тронулись в обратный путь, она, спустившись с берега, побежала впереди, как бы сопровождая и охраняя нас. И удивительно, с ней возвращение по ледяной тропе не показалось нам таким тяжелым. Наконец, все втроем мы оказались там, где еще недавно начался наш путь к храму. Но песик и тут не оставил нас. Он по-прежнему бежал чуть впереди. Вдруг мы увидели, как он приблизился к облаившим нас собакам и что-то «сказал» им — мол, «это мои люди». И те не издали ни единого звука, молча проводив нас любопытным взглядом.

Мы подошли к магазину, отогрелись и купили еды для себя и собаки, которая все это время ждала нас у входа в магазин. Угостили ее колбасой. Она проводила нас до шоссе до самой остановки и оставалась там до самого приезда автобуса. А потом с чувством исполненного долга, вновь вильнув хвостом, отправилась обратно в Ракулу.

Чудо-церковь в Пустыньке

Много лет назад мы поднимались вверх по реке Онеге на катере из поселка Ярнема через труднопроходимые Бирючевские пороги. Продвигались вопреки существовавшим с давних времен правилам. Через пороги всегда шли только вниз по реке, вверх же никто не отваживался. Сейчас

все изменилось. Что вверх идешь, что вниз — пороги для моторки уже не так страшны.

Наш путь лежал в Пустыньку — спрятавшуюся у реки деревеньку, которая находилась в стороне от проторенных дорог, в том числе от шоссе Плесецк-Каргополь. Отдаленность Пустыньки предопределила там устройство дома инвалидов — приюта для умственно отсталых людей. Нас же Пустынька привлекла срубленной еще в 1719 году, единственной не только на русском Севере, но и в России, во всем мире деревянной церковью, которая завершается не шатром и главками, а бочковидным покрытием. Такие бочки обычно красовались над боярскими теремами и царскими покоями. Вспомним хотя бы дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском.

Честно говоря, не по себе стало, когда уже в то далекое время мы увидели чудо-церковь в окружении не то бараков, не то крупных сараев, в которых жили больные люди, обреченные всю жизнь находиться в этой глуши. Из Пустыньки нас вывезла обслуживавшая психоневрологический интернат «буханка», которая отправлялась по служебным надобностям в Плесецк.

С тех пор прошли годы. Мы узнали, что интернат закрыли, церковь же сохранилась. И захотелось вновь увидеть ее.

И вот снова путь в Пустыньку. Свернули с Плесецкой трассы и потом долго ехали до скрытой в северных лесах туристической базы «Нижние Маркомусы». От нее до Пустыньки немногим более десяти километров. Но мы приехали после полудня и, несмотря на ясную погоду, не были до конца уверены, что сумеем до наступления ночи добраться до Пустыньки и возвратиться назад. К тому же, мы не знали дороги.

Правда, оставался водный путь — по Онеге. Но, увы, моторки на турбазе для нас не нашлось. Поэтому ничего не оставалось, как идти пешком. Перед тем, как покинуть турбазу, услышали от ее директора слова, которым поначалу не придали значения, но очень скоро убедились в их важности. Она сказала, что зимой удалось распилить несколько лежавших на дороге стволов деревьев и сделать проходы...

Поначалу шли легко. Лесные поляны в начале мая практически свободны от снега. Но чем дальше углублялись в лес, тем чаще встречались еще не растаявшие сугробы. Шли лесной дорогой вдоль реки. Ориентировались по изредка встречавшимся, покосившимся столбам с остатками оборванных проводов. Когда-то по ним подавалось электричество в дом инвалидов. Именно по этой уже заросшей и труднопроходимой дороге мы давным-давно возвращались на машине из Пустыньки.

С каждым пройденным километром все более убеждались в том, что приняли опрометчивое решение отправиться в Пустыньку пешком. Снега становилось все больше, один из оврагов, по дну которого пробегал ручей, пришлось преодолевать по пояс в снегу, с трудом перепрыгивая через стремительный поток.

Ну а затем началось самое сложное. Дорогу, с годами превратившуюся в лесную тропу, перегородили то ли упавшие от старости, то ли поваленные бурей вековые деревья. Некоторые из них, о которых упоминала директор турбазы, были разрезаны электропилой, и между двумя частями ствола были проделаны проходы. Но дальше поваленные деревья стали встречаться все чаще, и уже никаких проходов не было. Их приходилось обходить,

Клетская церковь в Пустыньке

углубляясь на десятки метров в покрытый сугробами лес. С завистью мы слушали доносившийся с реки рокот моторных лодок.

И все-таки мы дошли до Пустыньки. Совершенные обессиленные, мы вышли из леса и по обледенелой дороге спустились с крутого берега к реке, где в окружении нескольких избушек стояла сказочная церковь. Ее поставили на мысу совсем рядом с речной заводью, где раньше приставали к берегу челны, а теперь — моторные лодки. Дальше вниз по течению уже за видневшимся поворотом реки начинаются пороги, и первым путешественников встречает самый опасный из них — Большая голова.

Церковь возвели на месте существовавшей в глубокой древности обители, которую посещал сам Антоний Сийский. В честь этого святого назван один из самых известных северных монастырей. Здесь он написал икону Благовещение. Отсюда, судя по всему, и происходит название храма в Пустыньке. Клетская церковь с бочковидным завершением не может не вызывать восхищения. Несмотря на усталость, мы минут десять молча простояли возле нее, любуясь стройным силуэтом этого деревянного чуда. С запада к церкви примыкает трапезная, а с востока — пятигранная высокая апсида. Бочки завершают и основной объем храма, и апсиду.

Церковь оказалась незапертой. Мы поднялись на второй этаж, где на столе лежала тетрадь. Каждый желающий может сделать запись и поделиться впечатлениями об увиденной красоте. Кто оставил тетрадь, мы так и не узнали.

Но зато стало не по себе при мысли о возвращении. Мы чувствовали себя такими измученными, что, несмотря на то, что нас ждали на турбазе, попробовали попроситься на ночлег. Но превратившаяся, судя по всему, в дачный поселок деревня в начале мая пустовала. Нам ничего не оставалось, как тронуться в обратный путь. Высокие берега Онеги, называемой

здесь Синегорьем, подобно амфитеатру с трех сторон окружали церковь. Бросив прощальный взгляд на нее, мы углубились в лес, не догадываясь о том, какие новые испытания ожидают нас. Прошли несколько километров и убедились, что идем не той дорогой. Начались болота, которые ранее не встречались.

К счастью, дорога вывела на сухое место, на поляну, от которой в разные стороны уходили лесные тропы. Выбрали одну из них, исчезающую в лесу. Но вскоре интуитивно поняли, что снова идем не туда. Тогда, взглянув на еще не зашедшие солнце и как бы заручившись его поддержкой в качестве ориентира, решили следовать той тропинкой, которая вела в сторону от болот — по нашему предположению, к реке.

Но тут на свою беду увидели медвежий помет. Только еще не хватало встретиться с хозяином тайги, к тому же весьма агрессивным в начале мая! Но, к счастью, медведя мы так и не увидели.

Какая-то неведомая сила гнала нас вперед. Мы как бы соревновались с солнцем: успеет ли оно спрятаться за деревьями прежде, чем нам удастся выбраться из леса? Шли не останавливаясь, пока один из нас не воскликнул: «Вижу следы!» Да, это были наши следы, несколькими часами ранее оставленные на снегу перед тем, как мы свернули в сторону реки. Мы оказались там, откуда начали наш маршрут. Как выяснилось позднее, возвращаясь, прошли болотами четырнадцать километров, то есть сделали крюк примерно в четыре километра.

Но вот и турбаза. Вышли к ней вместе с опустившейся темнотой. Наверное, не стоит убеждать читателей в том, что приготовленный для нас ужин уже начинавшими волноваться хозяйками турбазы запомнился как один из самых вкусных в нашей жизни.

ПРОЗА

Татьяна ГРИБАНОВА

СЕРАФИМА

Рассказ

Татьяна Ивановна Грибанова — поэт, прозаик, публицист, родилась в д. Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырех поэтических книг, нескольких книг прозы, печаталась во многих известных журналах, альманахах. Член Союза писателей России. Награждена специальным дипломом «Прохоровское поле» за поэтическую поэму «Судбищенская битва». Лауреат премии им. Носова, Фета, награждена Золотой медалью им. В. Шукшина. **Живет в Орле.**

*Ныряет солнце в лопухи,
Закат сочится сквозь плетень.
В селеньях нашенских, глухих,
Без потрясений и стихий
Опять ко сну отходит день.
И серебрится молодой,
Затеplив в небеси светец.
И в ожерельях повилик,
Главою к росстаням приник,
По ком-то стонет крест-голбец.
Соседка, проглядев глаза,
Бесцельно кружит у ворот.
И не поверишь, рассказать...
Но мать — она до гроба мать —
Всё из Афгана сына ждет...*

Пасленовским дворам, беспорядочно разбросанным вдоль двух супротив друг дружки возлежащих холмов, неказистой деревушке этой, сбегаящей под изволок к самой пойме реки, и сейчас не повезло: бетонный большак ошмыгнул, пролегал в стороне верстах в двадцати пяти. Так и то как полегчало, раньше ведь в райцентр с ночевкой ходили. Одним днем, хоть как старайся, не обернуться.

Хотя... на мой погляд, именно в таком месте не обидно и жизнь прожить, и умереть.

Может, по причине глухоманного расположения этой деревеньки, кроме прилаженной на божнице справа от Георгия Победоносца, напрочь прожелтившейся карточки, в избе больше ни одного фото и не видать? Хотя... в деревнях-то как раз их обычно уйма по стенам. Скорее всего, где-то прибраны другие снимки, просто эта карточка у воском закапанного Евангелия, у намоленных, окруженных розоватыми бумажными цветами образов, для хозяйки особо дорогая.

Тетка Серафима рада случайной гостье. Под Покрова будет год, как она осталась во всей Пасленовке одна-

одинешенька. Последняя товарка ее, бабка Лукьяновна, с миром отошла еще по первопутку, и Серафиме теперь не с кем ни словечком перекинуться, ни складницу дров под навесом сложить, ни сны не с кем поразгадывать.

Старушка знает, что время так подпортило хранимый на пахнущей вечностью божничке снимок, что издали уже и не разглядеть на нем ее Митюшу. Она допинается до полочки, бережно вынимает из-под обливного, когда-то расшитого алым узористым крестиком полотенца вставленную в самодельную рамку карточку сына. С нежностью дышит на отливающее нездешним светом стеклышко, протирает его краем выбеленной до синевы скатерти и, зачиная рассказ о единственной своей кровиночке, протягивает мне бесценный портрет.

Со мной всегда так. Если приходится смотреть на фотокарточку человека, дожившего до своего века, душа при думах, навеянных снимком, затепливается светлой грустью. А тут... К горлу подкатил такой давящий ком — не проглотить. И сердце ожгла невыносимая жалость к этому, с сержантскими погонами, задорно улыбающемуся вихрастому парню, к неотвратимой безнадежности его судьбы.

— Э-эх! Коли знал бы кто, как мне Митенька достался, какими слезными слезами вымоленный!.. Хоть фильму сымай. Тока разишь теперь всего упомнишь? Память стала — трушляк трушляком. Так и надо думать! Столько, как положил мне Господь, и вовсе не живут... Особливо с таким неизбывным горем... Ить разъедин он у меня был, сыночек-то,.. позднушок. В былые годы, скажу я тебе, в Пасленовке детворы в каждой избе что мурашей водилось... А он мне, как есть, один даденый... Но я и тем довольная — и мне пущай крохотный кусочек материнского счастья, а все ж таки отвесился.

День жаворонистый, апрель перебрел холодами, и сейчас, на его исходе, погоды стоят на загляденье. Небеса расколоколились волновым заплеском, воздух можно кружкой пить. Скоро земля совсем пропитается солнцем. В заоконье вот-вот брызнут, заразбазаривают цветами бубенчики вишен. На задворках поперла глухая крапива, полынь, всякий-разный дурнопахнущий. В палисадовых кустах боярки хором голосят птицы. Вовсю закурчалась по прогалинам мать-и-мачеха. Куры-несушки на подворье с кококаньем моют лапы в засолненной луже, где, видать, после драки плавают сине-золотистые петушьи перья.

Завтра Радоница. Пойдем с теткой Серафимой по первому одуванчиковому разливу в светло-русую рожицу, на погост.

По привычке тетка Серафима усаживается на лавку так, чтобы свет падал справа. Хоть почти и выровняла, одинаково изжевала долгая и многотяжкая судьбина и лоб ее, и обе впалые, тряпицами повислые щеки, все одно и сейчас еще отчетливо сквозь паутину морщин просматривается крупное, сливового цвета родимое пятно, заляпавшее почти всю левую часть ее угаслого лица.

Черносмородинные, когда-то бывшие праздничной одеждой души, а нынче запавшие, вдавленные временем, выеденные до бесцветья солью бессонных ночей Серафимины глаза, при мысли о сыне затепливаются.

И в ту же минуту сама по себе начинает лучиться из них безмерная ласка. В уголках скукоженных, словно два прошлогодних фасолевых стручка, губ даже проявляется, как отблеск прошлого счастья, легкая улыбка. И старушка, научившаяся за горькие годы забываться, уходя с головой в это былое счастье, заметно оживает.

— Ни от кого не секрет, сама, поди, видишь, — уже не стесняясь своего уродства, вдруг поворачивает разговор на смущающую меня тему тетка Серафима, — ягодкой боровой я никогда не слыла. Дак и время, оно тож ить кого хочешь согнет... Чтобы самой от себя не шарахаться, зеркалов в избе ни в жисть не держала... Без них все ж таки полегшей... Да и за работой забываешься...

Хотя как тут забудешься?.. Не надясь узнала — неманкая, и смолоду, бывало, ни один парень в мою сторону не взглянет. Годки-товарки, подросло время, замуж повыскакивали, ребятишки у них, как грибы после дождя, кажнйй год высыпает... Пойду на речку кой-что располоскать, бабы мужнины рубахи, детские рубашонки по воде распускают. Угнусь, пральником по камню со всей мочи луплю, луплю — боль эту проклятую, громадную из себя выколачиваю. По деревне иду — шум, гам дитячий звенит, а у меня на дворе — тишина гробовая.

Кого в своем уродстве винить? Мамыньку-покойницу ли, тот Кашеев час, в котором по наущенью сатаны угораздило мне с порчей народиться? Кто ж знает?.. Я по метрикам-то осенская, с девятнадцатого году. Как чуток возросла, знамо дело, на дворе ребятня дражнит, ну, и стала я, значит, мамыньку-то пытает: мол, отчего такая беда могла со мною, невинным младенцем, приключиться?

Правда ли, нет, один Господь знает, стало ли то причиной, только сказала мне рódная о жутком своем испуге, от которого она мной раньше сроку разродилась.

Тетка Серафима пододвигает колченогую свою табуретку ко мне поближе, налаживается на долгий разговор. Знать, время ему пришло. И я стараюсь старушку не перебивать, помня, как дорог для нее любой человек, заглянувший в это одинокое жилье, а уж коли гость окажется хорошим собеседником или хотя бы слушателем, так на всю оставшуюся Серафимину жизнь станет для нее родным. Да и потом: перед чужим не вот-то распахнешься, наболевшим, сокровенным не вот-то поделишься.

— А дело было так. Отец мой, вернувшись с Мировой с подтраченным газами нутром, ни за какие коврижки уже не захотел затесываться ни в белые, ни в красные, ни в какие зеленые. Обженившись, надеялся жить своим семейством, кормясь с небольшого по нонешним меркам клина, прирабатывая, как исстари у нас велось, отходом. Сказывают: шубники шил — игрушки, а не шубники!

Но где там! Как закрути-илась Гражданская, как запуржи-ила! Хошь-не хошь виноватым окажешься. Не перед одними, так перед другими. Так и вышло. Осенью девятнадцатого, как посыпались с деревьев в речку красноперками листья, со стороны Кром на нашу округу двинулся Деникин. Мужики-то здешние, деревенские, в основном — по фронтам, а отец мой — дома. Вошли, значит, белые в Пасленовку и давай всех на сход собирать.

Так, мол, и так: коней сдать, фураж для них поставить, а самое главное — мужиков, кто оружие держать способен, — под запись и в строй.

Отец, знамо дело, засупротивился: коня, мол, не дам, фуражу — и так нема, и сам не пойду, навоевался по самые некуда. Война... все озлоблены до предела! Доложили фицеру: мол, мужик в крайней хате, хоть ты что хошь, фордыбачит: коня спрятал, сам в войско нейдет. Уж не красный ли он? А командер-то ихний, недолго думая, безо всяких разбирательств возьми да прикажи папаньку вздернуть. Для острастки, значит, чтоб другим неповадно было.

Покуль мамынька со мною во чреве до Хручихиной хаты напрямки по татарнику-мордовнику доколтыхала — тамotka папку сбирались порешить — уж все и случилось... Не успела, значит, рódная, вымолить его у фицера. Обхватила она уже остывающие мужнины босые ноги, повисла на них и так-то голосила, так-то выла, что еле оттащили. А она уж и — словно не она, словно умом трехнулася. Не расторопились ее до избы довести, на полпути в ржаной копне мною и разрешилась.

С перепогу ли мамынькиного кровь прилила мне к лицу, так ли спервоначалу было предначертано — чего уж теперя гадать? Только врагу не пожелаю с таким обличем народиться, — задумчиво вздохнула тетка Серафима, подняла с колен изробленные руки, утерла уголком подшалка вызревшую слезу.

— Так и возрастала... все больше в одиночку да с краешку, не на свету. А как Отечественная-то подоспела, как немец попер, я уже по нашенским меркам перестаркой была — на двадцать втором годе. Сколько мóлодежи пасленовской поугнал тада антихрист к себе в Германию энту, будь она трижды неладна, в работы!.. А вот мной даже он побрезговал.

Мамынька померла на другой год, как осел в Пасленовке немец. Под Роштво. Январюга, скажу я тебе, в сорок втором выпал редкостнай, наскрось ошпарили земь морозы, даже в феврале, на Тимофея Полузимника, отродясь такой леденящей хрупи не видывали. Застудилась, значит, и померла сердешная... Ну, дак какая одежда-обутка по ту пору? Всю как есть подчистую хриц повыскреб и ношеным не погнушался... Голдовали, конечно. Картошечные лушпайки за счастье почитались.

Об том же, как бедовали и в послевоенные годы, сказывать не стану, небось, без мово сказу насышана: курочка еще в гнезде, а мы уж полдня со сковородкой. Добавлю лишь, что кажный раз, как вспоминаю ту-то пору, диву даюсь: разишь такое может обнакновенный человек сдюжить?.. А вот, поди ж ты: значит, может! Самое главное, я так думаю, чтобы душа не запаршивела, коростой не покрылась.

Серафима спохватывается, на удивление проворно поднимается, шаркает потрепанными бурками к печи, рядом с которой, «под рукой», с гвоздика свешиваются изрядно обобранные за зиму низки золотистых луковок, бледно-розового чеснока и скукоженные хвостики жгучего перца.

Отодвинув с устья заслонку, старушка ловко, словно молодуха, опершись на рифленый каток, подтягивает рогаком чугуночек, выкатывает «на продох» взопревшую гречу. Тут же по привычке обметаёт гусиным крылышком от сора загнетку и возвращается на насиженное место.

Медленно капает день, слово за слово, не спеша, ведет свой сказ о сыне, о своем житье-бытье тетка Серафима.

— А жила я по-прежнему одна. Куды деваться-то: попала в колесо сабака — слезьми захлебывается, пищит, а бежит. Так и я... Два года до конца войны в землянке: немец-то, отступая, Пасленовку наушшал пожар, ни избенки не оставил, одне трубы на погорелье торчали. Ну и вот, значит... Потом, попервоначалу, саманкой обзавелась... обнадеживаться-то разу не на кого было. Это уж когда-когда колхоз помог отстроиться. Дай Бог председателю нашему, Митрипалычу, здоровья. Пожалел, сударик, мою сиротскую немочь.

И все в работе, в работе... Разной выделки, замесу бывают люди, а я уж, видно, из самого наипростецкого теста. Дак ведь без труда, знамо дело, приходит тока грех. Обжилась я, значит, завился худо-бедно, а все ж таки и в моей новой избе дымок. Дажить в палисаде, как у людей: все лето порхал мотыльками мак-самосейка, к августу завивались царские кудри.

В пятьдесят девятом надумала и я, как другие, провести в новую избу свою радио. По ту пору уже в каждой пасленовской избе под гимн вставали и ложились. Стыдно как-то за такую промашку супротив других. Порешила и порешила... Договорилась с Николаем — он у нас этим делом по деревням в очередку уже два месяца занимался. Сам-то проживал в районе, но по своему ремеслу приходилось ему ездить по округе, проводить радио. Район у нас просторный, обыденкой зачастую у него не получалось, зачастую уезжал от семьи с ночевкой.

В тот день работал он в нескольких дворах и только к вечеру допаялся до мово. Дело было в конце лета, вечера короче, темнеет раньше. Вот и стоворились мы, потому как уже стемнело, что заночует Николай у меня на сеновале — август на исходе, но духота, дажить ночами, — а уже с утраца примется за работу.

Повечерили, значит, мы. Сама знаешь, хочь какие там разносолы в деревне, а все ж таки в эту пору на столе новины вдосталь: и огурцы тебе, и помидоры, и картошечка с развару. Постелила я гостю в сенике, и он отправился спать.

Серафима запнулась, словно принялась всматриваться в тот вечер, припоминать ту, невероятно важную для нее минуту, так неожиданно изменившую ее жизнь.

— Прибралась я на столе, смотрю: у рукомойника на гвоздочке клетчатая зеленая Николаева рубаха. И так-то крепко от нее пахнет мужиком... Вот и пришло мне в голову... Дай, думаю, хочь разок в жизни постираю, пусть и чужую, но все ж таки мужицкую рубаху. А как принялась за постирушку, глядь — в нагрудном кармане карточка. Парнишка на ней — вылитый Николай, годков десяти. И такой миловидный, глазки востренькие... папкины глазки. И статью, по всему видать, в отца выладнится.

Серафима даже прищурилась, словно держала в руках и рассматривала мальчишину карточку.

— Закончила я со стиркой, воду с крыльца выплеснула, и надумалось мне сбегать к омутку, распустить Николаеву рубаху по воде, как обыч-

но полоскают мужнины подштаники да рубахи наши пасленовские бабы. А заодно испугнуться.

...Вернулась на подворье, уж деревня утомилась, развесила на теплом ветерке рубаху. Села на крылечный порожек, сон — ну тебе ни в одном глазу. И вдруг, и сама не знаю, как вышло... Расскажи кто, и не поверила бы, что такая я, оказывается, рысковая, что на такое способна. По правде-то сказать, я ведь из самого что ни на есть робкого десятку. Для меня случившееся не только в редкость, но вообще из ряда вон... Поднялась я, значит, и скрозь темень напрямик в сеник. Думаю: вот тебе, Симка, подарок, с неба упавший!

Разговор наш с Николаем передать не могу. Потому как вроде не в себе была. От волнения почти ничего не помню... да и сколько с той ночи минуло!

— Сын у меня, Сима! — заговорил, было, Николай, — да и грех на сердце стопудовым камнем ляжет, дурная слава об нас покатится.

— А и пусть! — шепчу я ему, а у самой лицо от стыдобушки жаром полыхает, — прошу тебя, не сори сейчас словами, не побрезгуй, Бога ради... подари мне немножко тепла. В семью твою вовек не встряну, дитя от тебя хочу, боле ничем никогда не потревожу. Уйдешь — забудь меня, только не оставь пустоцветом, прогорклой вековухой... ведь скоро догорю...

Сказать по чистой совести, пожалел меня тогда Николай... Видать, Бога в сердце имел, — прошептала срывающимся голосом, будто для себя, страдалница.

Задохнулась охрипшая, распятая душенька тетки Серафимы, словно старушка надорвала грудь. И у меня, всхлипнув про себя, замерло сердце, боюсь пошевелиться, даю ей перевести дух.

— Весь август проработал в Пасленовке Николай, все ноченьки отколыбелил по моему почину у меня на сеновале. Сколько охапок сена перевели мы на труху, сколько звезд осыпалось за месяц над подворьем, озаряя мое счастье!

А как пришла пора сворачивать Николаю в нашей деревне дела, я уже была почти уверена, что понесла. Хоть и переполнялась душа моя радостными переливами, словно солнечные зайчики в ней поселились, ни словечком ему, родимому, не обмолвилась. А зачем?.. Пуцай себе живет со спокойным сердцем... семья у него... вить не зря же умные люди еще исстари приметили: мол, на чужом-то несчастье свое счастье не построишь.

Может, и узнал бы когда случайным случаем Николай, что бегают по Пасленовке мальчишка — его потретик... да такой-то ладненький, с его востренькими глазами. Да, видать, не суждено... А все войница эта, проклятушая... Все прибирает к своим загребущим рукам... Он ведь, Николай-то, в окопах от первого дня до последнего... Вот и вскрылись раны... Сама видела: и спина — в рытвинах, и живот исполосован. Года с той ночи не прошло, как не стало отца моего Митеньки...

Как сынишка в разум вошел, я, конечно, рассказала ему, какой геройский был у него папка. Придумывать-то особо ничего и не надо было. А мальчонке без этого никак нельзя... человек не должен чувствовать себя безродным.

Она призадумалась и вздохнула.

— Перед армией Митя обмолвился: мол, даже на могилке у отца побывал и со старшим братом познакомился. Уж как он измудрился, озаботился, не знаю, только думаю: правильно сделал.

Да и сызмальства он у меня был смышле-онай! Растолковывать ничего не приходилось — только намеки, он тут же точь-в-точь и переснимет. Не заметила, как разговаривать начал. А ползать и вовсе не ползал. Встал себе, да и пошел. Самостоятельный — не приведи Господь!

Серафима умилилась сердцем, кажется, на лице ее даже морщины разгладились. Не лицо, а сама ласка ласковая. И улыбка зацвела такая нежная, такая неувядливая. Никакие иные воспоминания не могут посеять и взрастить в Серафиме схожих цветов радости, как думы о сыне Мите.

— А уж какой пытливый! От этого с ним беспрестанно всякие-разные неурядки приключались. Вот, к примеру, это ж надо было додуматься испытанья с самим собой произвести. С собственным языком. А ну как навсего его лишился бы?

— Это как же так? — не выдерживаю я.

— Да как, как? Очень даже просто. Годков пять Митеньке по ту пору было. Соседский Витька, вымахал — орысина-орысиной, а в голове — мякина. Возьми да подначь этот рангутан малюго: мол, слабо тебе, Митька, замок амбарный лизнуть?

А дело-то было под Хрищенье. Сыночка и смекнуть не смекнул, на что его Витька-паразит подтолкнул.

— Вот делов-то! — говорит, да и лизь амбарник.

Язык тотчас и пристыл. Так еще бы! Чай, не май месяц, холодрыга за тридцать. Прибег забубенный Витька за мной.

— Тетка Сима! Ваш оголец приморозился!

Что тут поделаешь? Пришлось замок с амбару отмыкать, да вместе с Митей, с бедолажным его языком доставлять в избу. Так и сидел у печки: водой теплой поливала, покуль замок от языка не отвалился.

Две недели потом мучился, ни есть, ни пить не мог. Дак и этого мало. Только оклемался, давай на спор с Толькой и Мишкой Крюковыми сосульки с ихнего пчельника грызть. А зачинщиком опять тот-то Витька был. Сам-то, небось, не попробовал, все над малышкой насмеялся. После того спора провалился мой Митенька на печке ажни до самого Прощеного дня.

Так и это ему уроком не стало. Если пересчитать, пальцев не достанет, сколько разов из-за свого любопытствования попадал он в оказии.

А то вот еще случай. Кабы не мои молитвы да бабка Матвеевна, в тот раз уж Митеньке точно из беды не выбраться. Надрали они с закадычным своим дружкой Толькой на задворье полны карманы паслену вперемешку с дурманом, уселись у Крюковых на крыльце, собрались опробовать, что за хрукты-овощи такие. Слава Господу, на ту пору Матвеевна с огорода вернулась: не успели как следно приложиться.

Покуль у Мити двое суток от бабкиного узвара нутро выворачивало, я омывала слезьми перед божницей половицы: «Божечка! Мила-а-й! Не отымай Ты у меня единственную кровиночку! Не допусти смертыньки безвинному дитяти мому! Пошли Митеньке исцеление! Каюсь, каюсь! Знаю, помню, как не помнить-то? Их у меня, грехов-то, ажни сто мешков! Не

вменяй Ты сыночку грехи мои... Чего тебе стоит, Всесильнай?! Вить мне без сыночка хочь головой в пролубь».

Снизлоши Небеса до моих молитв: туда-сюда, глядь, уж опять Митюша на ногах, опять чегой-то затевает, все-то ему неймется.

А сердешнай был! До каждой козявицы жалостливый. Бывало, у кота нашего Кусихвоста мышей отымит и отымит, и на волю отпустит. Кот-то с голодухи ли, хищного ли интересу ради даже тараканов, что кишели в запечье, ловить наловчился. По правде сказать, поменяло их тогда изрядно, а то ведь как с ими не сражайся, расплодились, по ночам стены и лавки от этой усатой твари шевелились.

Уж поболее подрос Митя, годков десяти был, такое живчик начередил, думала, посла того дня сниму с Полкана цепь, на его шею накину да к столбу, что матицу посередь избы подпирает, и прикую, чтобы со двора более ни шагу.

В самое половодье случилось. Морозы стояли в тот год страшные. Речка почти до донного доньшка промерзла. А с началом поста, как не упиралась, все ж таки тронулась. Грохот, скрежет по всей пойме. Льдины сшибаются, переворачиваются, одна на другую насаждает. Смотреть и то жутко.

Под Вербное было-то, как чичас помню, на Акулинин день.

Уж как она там оказалась, неведомо, с верхов, из Копыркино приплыла, что ли ча? Сидит, значит, на крыге рыженькая такая, с кошку, ну, чтоб не приврать, пушай с две варежки, собачонка. Сидит, морду вверхи задрала и так-то жалостливо, так-то слезно воет — ну, что твоя баба по покойнику голосит.

Как нарочно на то время спровадился Митя спозаранку в лозинник. Помнишь, наши у Кривой балки завсегда там вербу по болотоцветнику к празднику ломали? Ушел и ушел. Час нету Мити, два нету, уж пора возврататься. Я и по двору управилась. Солнце на полракитки вскарабкалось. Обед стряпаю, а сама глаза проглядела. В редкую стежку ведь пообещает и не исполнит.

Вдруг врывается в избу Толька Крюков и прям с порогу: «Тетка Сима! Митьку вашего на крыгах за деревню уносит! Батька воротину снял, на речку побег».

А получилось-то как? Уж и домой ребятишки с вербой возвращались. В недобрый час возьми и подвернись им эта несчастная собачонка. Разишь Митя мог пройтись мимо? Кинулся вызволять!

Когда я, наконец, очутилась у воды, Петро Крюков, Толькин батька, и еще пара наших мужиков с лестницами и баграми уже передыхали на берегу. Митя в обхватку с собачонкой сидел на крюковской воротине.

— От же ж паразит! Что ж ты, такой-разэтакий, делаешь? Угомон тебя возьми! Сердце выковырнул из груди! Рази не ведаешь, что на Акулину вода в реке — не Божья роса, русалки нынче опосля зимы просыпаются! А тебе — завей горе веревочку! Вот утащили бы под крыгу — и с концами! — накинулась, было, я на сына и давай страшать.

А потом вижу: дело плохо. Ах ты, Господи! Чевой-то неладное с им! Ни жив ни мертв, надо бы пуще, да некуда: губенки синие трясутся, зубы стучат, кухвайку хочь выжимай, набрякла от воды. Невелика я росточком,

а только откуда силы взялись? Вскинула его на плечо, как куль с мукой, да и потащила до дому. И давай и внутри, и снаружи: то гусиным салом, то нутряным жиром, то нутряным жиром, то гусиным салом. А сама думаю: в таком разе теперь точно привяжу. Куды там!.. Разишь в каждый след доглядишь? Да и под юбкой мужика, как ни крути, не вырастишь...

Тут вдруг Серафима еще ниже опустила бескрылье плечей — снова застыло ее сердце, ушла в шаль, на лице опять проступила витиеватая ажурь морщин. А от уголков рта пролегли две глубокие борозды. Под глазами — несчетное перекрестье дорог. Глаза ее вдруг погасли, и прижившаяся в душе старая заскорузлая печаль черной тенью накрыла старушку — краше в гроб кладут. Разговор сам собой скомкался. Избу поглотила такая тишь, что слышно было, как под шкурой многолетних обоев шебаршились суетливые мыши.

— Стану, бывало, с ним разговоры разговаривать: мол, жаль ты моя, вить случись что с тобой, тотчас и у меня сердце на куски, — очнулась Серафима, — а вот поди ж ты... живу... По радио слыхала: мол, долголетие — знак особого благоволения Господа к человеку... И зачем оно мне?.. Какой во мне теперь прок?.. Мити-то, опорухи моей, нету...

Лучше бы она заплакала. Может, хоть на чуточку легче бы стала крестиком расшитая ее судьба, выношенные ею муки. Но Серафима давно свои слезы истратила. Зато до конца старушкиного века пригнездилась жгучая, ничем не унимаемая боль в ее опустошенном потерями и временем сердце.

— После школы выучился сынок на шофера. А осенью семьдесят девятого подоспело время идти на службу. И вить не брали сиротинку-то! Да он: мол, как же? Срамно супротив ребят! Стыдоба вить! И дообивал на свою... да и на мою голову порог военкомата!

С той минуты, как узнала я, что он попал в Афган, вздрагивала от малейшего шороха, не хватало духу слушать по радио новости... Ведь уже доставили матерям и схоронили в Ясенево и в Успенском двух Митиных однодок. Я и ждала, и боялась появления у моей калитки Зинки-почтальонши...

Он погиб в восьмидесятом, в последний день зимы... В гробу я его не видала, закрытый казенный гроб... Накричалась до немогу, до онеменья. Душа искалечилась, промерзла наскось — не живописать словами. Все до единой косточки словно через мясорубку пропустили... Дажить и не знаю, как измудрилась наша фельдшеричка Климовна меня с того света достать.

Письмо пришло через три дня после похорон. Шуточное ли дело?.. Открываю, а в нем карточка... И Митя во весь рот улыбается! Пишет: мол, все у него хорошо. Я тада, простодыра, хочь слабина в коленях, как во хмелю — в военкомат. Внутри все запеклось, отдышалась, да: так, мол, и так, письмо получила. Может, со слепу чего в ем не разобрала? Зародились сумления... Тока скажите правду, кого вы мне в гробу доставили?

А они не обнадежили... еще тужей завязали мою судьбу в узляк... Бывают, мол, с почтой накладки... Помстилось тебе, мать. Выбрось из головы свои угарные мысли, не сумлевайся... пал твой сын смертью храбрых двадцать девятого февраля в Кунарском наступлении.

Только какая ж мать поверит, скажи мне на милость, коли сыновней рукой выведено: все у меня хорошо, мама?.. И такой веселый!.. Вить без него мне словно небо без Бога.

До перехвата дыхания стало мне жаль засиротевшую тетку Серафиму. Позже, признаюсь как на духу, не без душевного трепета, навела я справки. То Кунарское наступление 29 февраля — 12 марта, — рейд батальонов Советской армии в провинции Кунар. В бою у кишлака Шигал 29 февраля в первом столкновении в истории Афганской войны подразделения ВДВ с моджахедами были убиты 37 наших ребят, один пропал без вести и 26 ранены.

И вот теперь думаю: правильно ли я поступила, что снова приехала в утепленную верой избу, чтобы рассказать тетке Серафиме, — она ведь горе свое и без того пила глубоким ковшом, — еще и о без вести пропавшем в том наступлении парне?

— Отец Небесный! Да это мой Митя! Мертвым я его не видала! — снова осветилась, упрочилась надеждой измыканная, но так и не свыкшаяся с потерей мать, — третьево днись опять сон об нем был, вещует мне сердце: живой!

ВЫШЛА КНИГА

Чужая и наша война. Сборник стихотворений и песен о военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации против международных террористов в Сирийской Арабской Республике / [Сост. В. А. Силкин]. — М.: Вече, 224 с.

В книгу вошли стихи и песни о подвигах и стойкости наших военнослужащих вдали от Родины в Сирийской Арабской Республике, о красотах страны, пребывающей сегодня в гражданской войне, о роли российских Воздушно-космических сил в борьбе с международным терроризмом, обо всем том, чем жив человек на войне.

Первая часть книги — «Согревая стихами сердца...» — включает три раздела:

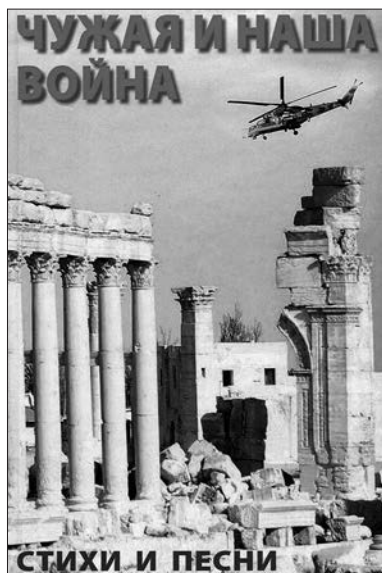
— стихи сотрудников военно-художественной студии писателей федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе» Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦДРА);

— стихи членов литературного объединения имени Героя Советского Союза писателя В. В. Карпова при военно-художественной студии писателей ЦДРА;

— стихи поэтов России.

Вторая часть книги содержит песни о военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации в Сирии, написанные на стихи авторов, чьи произведения включены в настоящий сборник.

Книга рассчитана на широкую аудиторию, в том числе руководство Министерства обороны Российской Федерации и Вооруженных Сил Российской Федерации, участников военной операции в Сирийской Арабской Республике, военнослужащих и гражданский персонал Вооруженных Сил Российской Федерации и членов их семей, сотрудников ФГБУ ЦДРА Минобороны России, работников культуры и искусств, всех любителей русской поэзии.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
	Пиетилийнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 20.01.2022 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 22010430.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.